

ВОЙНА И МИР ИВАНА ЯКОВЛЕВА

ЧАСТЬ 1.

МОЙ РОК В ВОЙНЕ

**Публикуется как часть трилогии «Война и мир
Ивана Яковлева – сына русского крестьянина, учителя,
солдата, руководителя, настоящего мужчины»**

Часть 1. Мой рок в войне

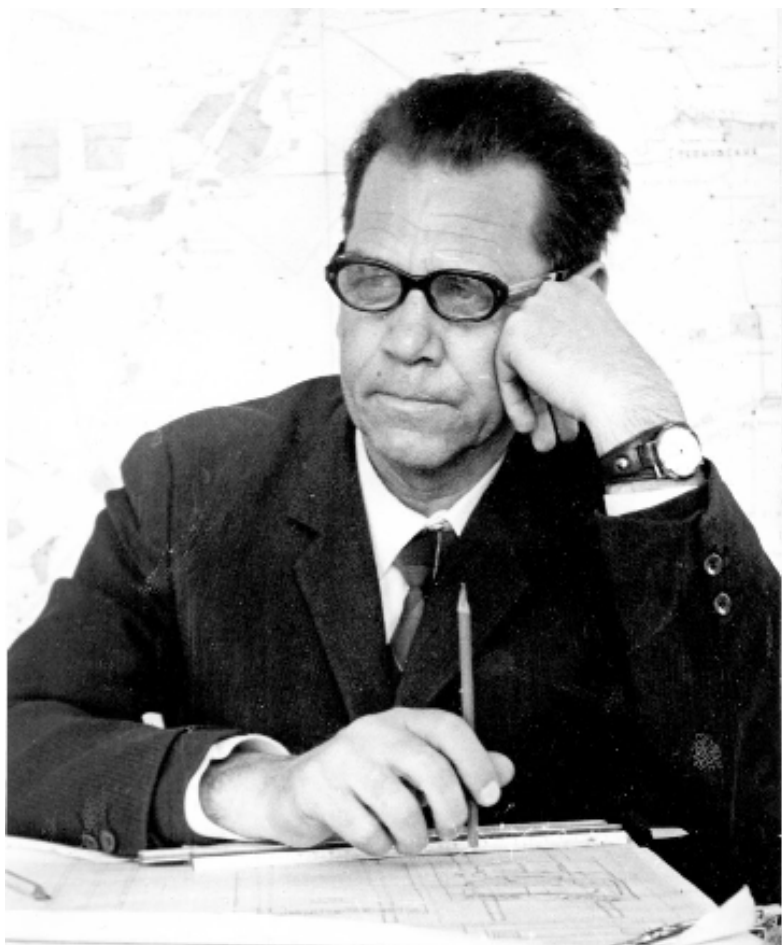
Часть 2. Виноградная целина

Часть 3. Водяные

Яковлев И.К.
Война и Мир Ивана Яковлева. Часть 1. Мой рок в войне. – Ставрополь: ИП Дорофеев В.Ю., 2020. – 376 с., илл.

СОДЕРЖАНИЕ

Биография	4
Часть первая. ВОЙНА	
1. Боевая тревога	12
2. Калейдоскоп жизни	20
3. Марш к границе	54
4. Рубеж обороны	58
5. Земляк	64
6. Боевое крещение	75
7. Ранение	100
8. Госпиталь	108
9. Киевская трагедия	120
10. Последний бой	141
11. В окружении	163
Часть вторая. ПЛЕН	
1. Этапы смерти	180
2. Тюремный лагерь	194
3. Лазарет	204
4. Германские концлагеря	238
5. «Счастье горняка»	244
6. Побег	259
7. Штрафная команда	272
8. «Раззява»	319
9. Издатель	327
10. Репатриация	333
11. Филтрационный лагерь № 208	341
12. Мостостроительный батальон	346
Эпилог	361

Яковлев Иван Ксенофонович

**Часть 1
МОЙ РОК В ВОЙНЕ**

БИОГРАФИЯ

Родился Иван Ксенофонтович Яковлев 21 января 1921 года в селе Покойное Буденновского района Ставропольского края в семье крестьянина. После окончания в 1940 году Буденновского педагогического училища работал учителем начальной школы в станице Новоалександровская, а затем на хуторе Красно-Червоный того же района. В 1940 году был призван в ряды Красной Армии. С первого дня второй мировой войны принимал участие в боевых действиях. В июле 1941 года был ранен. После выздоровления воевал на Юго-Западном фронте в должности старшины стрелковой роты. 22 сентября 1941 года, выходя из киевского окружения, попал вместе

Яковлев И.К. в 1941 году:

с тысячами советских военнослужащих в плен. Прошел более десяти лагерей для военнопленных. В апреле 1945 года освобожден из концентрационного лагеря в Западной Германии союзными войсками. По возвращении на Родину продолжил службу в саперных войсках до демобилизации из рядов Вооруженных сил в 1946 году. С 1946 по 1983 год работал на предприятиях народного хозяйства Ставропольского края. После окончания в 1956 году Новочеркасского инженерно-мелиоративного института работал на Ставрополье главным

гидротехником винсовхоза «Прасковейский», директором винсовхоза «Краснооктябрьский» и главным инженером управления эксплуатации Терско-Кумской обводнительно-оросительной системы. Внес большой вклад в развитие и совершенствование системы, превращение управления эксплуатации ТКООС в одну из лучших и передовых эксплуатацион-

ных организаций в Северо-Кавказском регионе и в Российской Федерации. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями за участие в Великой Отечественной войне, медалью ВДНХ и многими почетными грамотами Министерства водного хозяйства и краевых органов. С 1984 года жил в г. Королеве Московской области. Работал до последних дней жизни. Скончался 22 июня 2001 года.

Биография этого человека по концентрации и масштабам как героических, так и трагических событий во время второй мировой войны, в которой он в разных ролях участвовал с первого дня и до Дня победы, и в мирное время напряженностью и драматичностью дает полноценный материал для бестселлера, в центре которого судьба крестьянского сына, сельского учителя, воина, пленника десятка фашистских лагерей, безработного с клеймом военнопленного, разнорабочего, инженера, первого директора ставропольского целинного винсовхоза «Краснооктябрьский», руководителя крупнейшей на Северном Кавказе водохозяйственной организации (ТКООС – 1963 -1984 г.г.).

Этого сильного человека в Ставропольском крае знало и уважало множество людей, с кем ему довелось работать в очень трудные для всех послевоенные годы. Безоглядная решительность, уверенность в своей правоте, надежность, прекрасные организаторские способности, инженерный склад ума и крестьянское здравомыслие, опыт воина, работника и в поле, и в школе делали этого человека незаменимым везде, где бы он ни оказывался.

Невероятный случай, когда бывшего в течение четырех лет в плену, беспартийного, назначают директором вновь образованного на целинных, не видевших плуга, землях винсовхоза «Краснооктябрьский». А вскоре, после того, как хозяйство за три года возникло буквально из ничего и начало давать продукцию, его тут же «перебрасывают» на другой важнейший участок ставропольского водного хозяйства – ТКООС. И руководство края ни разу в нем не ошиблось. Откуда он брал силы и уверенность в себе, перенес за 4 года войны участие в боях при обороне Киева и выходе из окружения, ранение, гибель товарищей, брюшной тиф и дизентерию, издевательства, голод, холод и непосильный труд, несколько побегов из лагерей – это неполный перечень событий и обстоятельств его неординарной биографии.

Состояние доставшегося ему хозяйства было, мало сказать, плачевным. На его территории имелось два населенных пункта, состоящих из цепочек односторонних улиц жилых домов, неотапливаемого клуба – бывшего склада, магазина, конторы и пары хозяйственных построек. Сёла Красный Октябрь и пос. Горный находились по разным берегам Кумы с разрушенным паводками мостом. Электрификация всей страны застряла где-то в селе Покойном – центральной усадьбе овцесовхоза «Калининский». Когда привозили кино, включали громко тарахтящий движок, оповещающий жителей о скором начале киносеанса. Вечерняя жизнь протекала в этих селах при свете керосиновых ламп. Отделение находилось вне времени и бытия. Жители копались в своих личных садах-виноградниках-огородах, из-за нехватки работы нанимались в Бургун-Маджары, в Покойное. Молодежь разъезжалась по городам. К слову, руководство совхоза «Калининский», как только узнало о создании на бывших ихних пустующих землях нового совхоза, подсуетилось и быстренько вывезло все ценное, что можно было увезти.

Главными богатствами, доставшимися новому совхозу и его директор, были местные жители и две тысячи никогда не паханой ценнейшей плодородной пойменной земли, самой природой предназначенной для выращивания божественной культуры – винограда. Яковлев И.К. проработал в этом совхозе до 1963 года, совершив невероятное: создал не только прекрасные виноградники, развернув масштабное жилищное и производственное строительство, но и запустив винодельческое производство, настоящий винзавод.

Об этом он написал книгу «Виноградная целина», которая является составной частью трилогии.

Думаю, что Маяковский сказал слова: «Гвозди бы делать из этих людей. Крепче бы не было этих гвоздей» о таких людях, как Иван Ксенофонович Яковлев.

Он не был кабинетным руководителем: каждое поле, каждый канал, дорогу, мост прошагал многократно своими ногами, знал всех подчиненных ему людей до деталей их личных жизненных обстоятельств, принимал смелые, неординарные решения, рискуя должностью.

Предельно искренний, порой простодушный рассказ, без лишнего пафоса и идеологического надрыва, но с самоиронией и трезвым взглядом на события, на себя, описание своих ощущений, деталей и обстоятельств, в которых происходили описываемые события его жизни на протяжении почти 80 лет, вводят читателя его текстов в самый центр действий, при этом возникает эффект если не участия, то присутствия читающего где-то рядом с героем-автором повествования. Вместе с автором и героем повествования читатель побывает и в окопах при окружении Киева, и концлагерях, и пройдет вдоль и поперек поим Кумы, Терека.

Он понимал насколько важно передать свой жизненный опыт, свои знания, свое отношение к уходящим годам, как важно сохранить память о многих людях, с кем ему пришлось пересечься в военной и мирной жизни, уберечь их от забвения, воздать должное их делам. Поэтому много лет, уже находясь на пенсии и живя за пределами своей любимой родины – Ставрополя, Прикумья, он выполнил очень важную для себя, своей семьи и для всех нас – его земляков, сослуживцев работу по сбережению памяти. Этот сильный и мужественный человек не только совершил свой жизненный подвиг, где бы он волею судьбы ни оказывался, но и оставил нам бесценные свидетельства о прошедшем времени.

Иван Ксенофонтович не писатель, не беллетрист. Он явно не ставил целью огоршить, удивить или испугать читателя. Но, будучи по своей натуре сугубо гражданским человеком, владеющим гуманными и миролюбивыми профессиями – учителя, инженера, пережив все ужасы войны, предупреждает нас: война – это горе, боль, грязь, смерть. А героизм настоящий мужчина может с большей пользой для страны, семьи проявлять в мирной жизни.

Каждый год задолго до святой для всех нас даты 9 мая начинается подготовка к ее празднованию.

И уже в следующий, 2020 год, наступит очередной юбилейный год – 75-летия окончания Второй мировой войны. Эта дата всегда будет важной для всего бывшего советского народа. Но... С каждым годом число живых участников и свидетелей великой трагедии и великих событий уменьшалось у нас на глазах, и вот наступают годы, когда чествовать живых ветеранов у нас не остается возможности.

Тем более, пока остались шансы найти и сберечь письменные свидетельства, фотографии, устные рассказы о тех, уже далеких временах и событиях, о людях, мы не должны ими пренебрегать.

Вот эти три книги, которые написал Иван Ксенофонтович:

«Мой рок в войне». Судьба русского солдата, прошедшего горнило Великой Отечественной Войны. 1941-1945 гг.

«Виноградная целина». Создание винсовхоза «Краснооктябрьский», 1960-1963гг.

«Водяные». Летопись обводнения и орошения Ставрополя в зоне Терско-Кумской равнины Северного Кавказа.

Памятники ему его дела, а наша благодарность и самый надежный памятник – издание его книг.

Тексты Ивана Ксенофонтовича в цельности своей представляют собой настоящую трилогию одной замечательной жизни, объединенную его удивительной судьбой, характером, трогательной данью прошлому, населенную огромным количеством его однополчан, сослуживцев, картинами важнейших событий всей нашей страны... Автор – сильный, добрый, великодушный доверчивый сентиментальный, иногда наивный, искренний и открытый, живой человек...

Это не литературное произведение.

Это искренние рассказы о пережитом и о передуманном за многие годы человеком, родившимся и прожившим большую, самую активную часть своей жизни на Ставрополье, много сделавшим для улучшения жизни его жителей.

Автор этих текстов Яковлев Иван Ксенофонтович – крестьянский сын, Учитель, Солдат, пленник, Работник, Командир, Руководитель. Все это о нем, как о Человеке с большой буквы: за его подвижническую жизнь, за его человечность и благородство.

Его книги – это свидетельства почти целого века жизни нашей страны (1920 – 1965годы с реминисценциями в далекое прошлое) от человека, находившегося в центре этих событий, человека, не преследующего никаких других целей: ни славы, ни почестей, ни материальных благ, кроме страстного и искреннего желания рассказать нам о том, как было на самом деле, с какими замечательными людьми сводила его судьба....

Он всегда: в детстве из любознательности, в молодости из жажды знаний о мире, в зрелости от неистребимого желания понять – что и почему происходило в его жизни, в жизни близких ему людей, в жизни всей страны – учился жить.

Никогда не был идеологически зашоренным, слепо исполняющим любые «директивы» руководящей и направляющей и ее верных идеологов. Не боялся перечить «вышестоящим», совершал «бунтарские» поступки, чреватые реальными и серьезными, вплоть до посадки, наказаниями. Но твердый характер и его крестьянское здравомыслие, уверенность в своей правоте наряду со здоровой самокритичностью и способностью на самоиронию вели его по всем перипетиям и крутым, порой драматическим поворотам жизни, ни разу не принудив его поступиться чувством собственного достоинства, своими представлениями о правде и справедливости. Его гуманитарное образование и присущий его личности природный гуманизм, его представления о роли Учителя были для него органичны и тогда, когда он учил «неблагополучных» детей в сельской школе, и при участии в трагических событиях первых месяцев войны, в четырехлетнем немецком плену, и когда он стал успешным руководителем одного из крупнейших и жизненно важных для всего Предкавказья предприятия – Терско-Кумской обводнительно-оросительной системы.

В обширной Летописи, как он назвал свой труд «Водяные», представлена им целая галерея образов его соратников по преобразованию безводных степей в цветущие территории Предкавказья – без различия чинов, должностей: от неграмотных землекопов, вручную вырывших в 20-30 годы целую обводнительную систему на территории в 500 квадратных километров в условиях нищеты, голода после гражданской войны, после уничтожения целого класса крестьянства в результате сталинской коллективизации, до бывших активных участников гражданской войны на стороне большевиков, а ставших не менее активными участниками преобразования бесплодных пространств в плодородные земли.

Вкрапления в строгую летопись создания водохозяйственного гиганта на юге России очень личных, порой искренних и даже трогательных эпизодов, совершенно не снижает пафоса повествования, но придает ему живость и очеловеченность, историческую панорамность.

Галерея портретов героев книг Ивана Ксенофонтовича достойна особого внимания: он не выделяет особенно больших начальников, хотя и отдает им должное. Но с равным уважением автор пишет о руководителях разного уровня, и о землекопах, и о механизаторах, о прорабах и старших рабочих – вне зависимости от статуса, образования – воздавая дань уважения каждому по делам их.

Автору небезразличны как судьба того дела, которому он посвятил более 30 лет своей жизни, так и судьбы людей, с кем счастливо свела его судьба.

Перед нами предстают не официальные ходульные портреты, а лица и характеры живых людей с их успехами и неудачами, победами и трагедиями; людей, с их чистой верой в то, что они участвуют в великом деле огромной стройки.

Иван Ксенофонтович, рассказав об этих людях, среди которых он не увидел ни одного «маленького», «простого» человека, открыл нам кладезь человеческого благородства, достоинства, составил галерею образов людей, кому мы и поныне должны быть благодарны за их нечеловеческие страдания и великий труд, а автору – за то, что он отдал долг благородной памяти, не дал ей уйти в небытие. И в этом особенная ценность его труда .

Что удивительно: единый, сплоченный коллектив, объединенный общим жизненно важным, благородным делом, составляли и бывшие участники гражданской войны (в основном на стороне большевиков), и раскулаченные крестьяне, оставшиеся без земли и имущества и ищущие заработка, и священники, отправленные на водохозяйственное строительство «для исправления» принудительным трудом, и прячущиеся от возмездия советской власти «темные» личности – кого тут только не было. И в эти времена голода и разрухи всем находилось не только место и заработок, но и крыша над головой, и посильная забота руководства. Об этом пишет автор Летописи, приводя в подлинниках свидетельства участников этих великих, без преувеличения – народных дел. В своих проникновенных, трогательных, простодушных и искренних воспоминаниях эти «простые» люди предьявляют нам, теперешним, свое великое терпение, неравнодушие, глубокое понимание осмысленности своего труда хоть с лопатой в руках, хоть с чертежами и ручками, знание и понимание всех процессов, в которых каждый на своем

месте участвует, ради чего он терпит лишения. И каждый из них, каждый! Считает необходимым упомянуть с благодарностью о своих товарищах тех давних дел: начальников, прорабов, десятников, землекопов!.. Эти люди очень дорожили памятью о тех тяжелейших временах и о людях, деливших с ними эти тяготы. Судьбы этих всех очень разных людей, тем не мене, связаны логикой общей истории, нашей истории. Совершенно органично воспринимаются слова одного из авторов своих личных воспоминаний о своеобразном патриотизме ТКООСовцев. Мы сейчас часто иронизируем над такими понятиями, как навязываемый пропагандой патриотизм, коллективный труд (имея ввиду, конечно же подневольный, колхозный). Но здесь автор показывает, что эти понятия не всегда бывали химерой или пустыми словами.

Отдельная глава могла быть составлена из образов репрессированных ТКООСовцев, сгинувших в сталинских лагерях. Это не должно быть прощено и забыто, и Иван Ксенофонтович внятно и честно оценивает деяния партии, в которой он состоял с 1961 года, как сталинские преступные репрессии. Из биографий этих людей может быть составлена целая глава Книги памяти жертв сталинских репрессий. Он с болью пишет об этих несправедливых жертвах НКВД, его помощников-доносителей, чинуш-карьеристов или просто жалких трусов.

Не все понимал и принимал Иван Ксенофонтович, но во всем пытался разобраться, дойти, как говорят, до всего своим умом. Являясь формально членом КПСС, трезво и смело оценивал деяния «своей» партии фактически как преступные: раскулачивание, раскрестьянивание, коллективизацию. Ему, как внуку и сыну русских потомственных крестьян, знавшему жизнь и крестьянский труд не по рассказам, было больно за трагические судьбы тысяч и тысяч хлеборобов, землепашцев, выброшенных из жизни, гибнущих ради химер коммунистических идей.

Еще хочется подчеркнуть, что мы недостаточно знаем о роли и о людях, создававших в нечеловеческих условиях систему, которая буквально и сегодня кормит значительную часть населения Ставропольского края и всего Северного Кавказа, территория которой до начала строительства представляла собой полупустынные бесплодные и малолюдные места.

Часть первая. ВОЙНА

БОЕВАЯ ТРЕВОГА

Закончилась самая короткая ночь года. Солнце позолотило верхушки деревьев лесного массива, осветило обширную поляну с вытоптанной травой, с солдатской палаткой посередине и ходившими вокруг нее часовыми-караульными, время от времени оглядывающих палатки подразделений, расположенных в лесу по периметру поляны, между разреженных для этого деревьев.

Было предутреннее время, когда особенно сладок сон людей, тем более солдат, намаявшихся за долгий летний день тяжелых армейских учений. Начинался воскресный день, тихий, солнечный, с бездонным чистым небом, без единого облачка.

Ничто не мешало крепкому сну молодых красноармейцев, уснувших с надеждой на предстоящий выходной день своей тяжелой армейской службы. Крепко спали солдаты в палатках летнего лагеря стрелкового полка.

Щебет и гомон пробудившихся на заре птиц не нарушали общей тишины, предвещали хороший солнечный день, а, следовательно, и заслуженный отдых молодым солдатам, недавно поселившимся в этом лесу и ежедневно нарушавшим его тишину и покой своим топотом, командами, криками.

Сейчас сладко спал военный летний городок. Только часовые и охранные подразделения бодрствовали, стремясь не нарушать утренней тишины.

Когда хлопнуло полотнище одной из палаток и оттуда выскочил красноармеец с желтой сигнальной трубой, часовые у палатки, стоящей в центре поляны, насторожились, уставились вопросительно на выбежавшего. Но тот, не обращая внимания на них, пробежал несколько метров, остановился, торопясь, приложил горн к губам.

Неужели ранняя побудка? – подумали часовые. Горнист, откинув голову назад и подняв трубу вверх, проиграл сигнал боевой тревоги. Резкие звуки трубы взорвали лесную тишину. Замерли на своих местах часовые, прекратился птичий гам. Воцарилось полное безмолвие. Горнист отнял трубу от губ, набрал в легкие воздуха, снова проиграл, уже не спеша, боевую тревогу. Ротные дневальные встрепенулись и, перебивая рулады трубы, закричали на разные голоса:

– Подъем! Боевая тревога! Подъем!

Ожили, загудели, зашевелились брезентовые палатки. Подобно встревоженным пчелам из них стали выскакивать бойцы, на ходу застегивая одежду, надевая скатки шинелей, вещевые мешки, поправляя на ногах обмотки. Приведя себя в порядок и взяв в пирамидах свое личное оружие, поспешно становились в строй каждый на свое заранее обусловленное место. Здесь окончательно поправляли обмундирование, амуницию, проверяли оружие, ожидали полного построения и команды.

Строились на поляне напротив своих палаток повзводно, поротно. Командиры отделений, всегда придирчиво проверявшие экипировку своих бойцов, следили за временем готовности, подгоняли отстающих, покрикивали на задержавшихся. Старались показать выучку своих подчиненных.

В этот раз они вели себя спокойнее обычного то ли из-за лучшей сноровки бойцов, скорости и организованности их действий, то ли из-за неожиданности сигнала боевой тревоги. К подобным побудкам и неожиданным построениям бойцы уже привыкли, научились в установленные сроки одеться, с оружием и амуницией построиться.

Их часто поднимали среди ночи по тревоге, учили действовать в экстремальных условиях: быстро одеваться, строиться. После построения и проверки экипировки объявлялся отбой, и солдаты возвращались в казармы досыпать остаток ночи. Иногда совершались учебные марши в несколько километров по бездорожью, проверялась подготовка амуниции, правильность шнуровки ботинок, намотки обмоток. Недавно по боевой тревоге подняли весь полк, и двое суток проводились учения в полевых условиях, с маршем в несколько десятков километров, в полной экипировке. Об этом старшие командиры знали заранее, исподволь готовили бойцов.

Сегодняшняя боевая тревога была неожиданной не только для солдат, но и для командиров.

Несколько дней назад было объявлено о предстоящих больших войсковых учениях, приближенных к боевым условиям. В них должно принимать участие высокое военное начальство и недавно назначенный командир корпуса генерал Рокоссовский.

Выход намечался в понедельник, а воскресенье 22 июня, отводился для большого отдыха командного и рядового состава.

До июня 593-й механизированный полк 131-й мотострелковой дивизии, 9-го мехкорпуса размещался в казармах военного городка на окраине Новоград-Волынска. Затем его перебазировали в летний лагерь, в пригородный лесной массив, где жизнь, быт и учения были приближены к полевым условиям. Жили в солдатских палатках, готовили еду в походных кухнях, вместо тарелок пользовались котелками. Занятия проводились на свежем воздухе, приближенно к походной службе.

По случаю предстоящих учений многие командиры в субботу вечером отбыли из лагеря в город к своим семьям, родным, знакомым.

Особенно прилежным красноармейцам и сержантам на воскресенье были выданы увольнительные в город. Все планировали провести выходной день по своему усмотрению. В лагере оставались только дежурные командиры, политруки для присмотра и работы с оставшимися бойцами.

На поляне уже выстроились поротно подразделения полка. Красноармейцы нашей роты стояли в строю в ожидании дальнейших команд в полной готовности и с личным оружием в руках. Стояли, ждали команды и младшие командиры. Ждали дежурного по роте политрука Игнатова, в начале тревоги убежавшего в палатку штаба полка. Ждали команды и другие подразделения. В душе бойцов нарастало тревожное чувство. Еще не было случая, когда тревога объявлялась при отсутствии большинства командиров взводов, рот.

Наконец, возвратился политрук роты, встал перед строем, подал команду «Смирно» и объяснил ожидавшим красноармейцам, что из штаба дивизии получен приказ срочно поднять подразделения полка по боевой тревоге, ждать прибытия командиров и дальнейших указаний, быть готовым к выступлению в полной боевой готовности.

Приказал разойтись, сложить на своих местах амуницию, оружие и ждать дальнейших указаний.

Вызвав меня из строя, политрук приказал сложить мои вещи и быстро оповестить командира роты капитана Петрова и лейтенанта Лиманцева – командира нашего 1-го взвода, жившего в городе, вне военного городка, о боевой тревоге и срочном возвращении в часть.

– Извини, я вынужден тебя послать, так как ординарец командира роты заболел, а квартиру лейтенанта Лиманцева знаешь только ты. Боевая тревога слишком неожиданна для всех. Видно, случилось что-то особое. В городе узнаешь больше. Беги быстрее.

С политруком роты у меня сложились хорошие отношения. Был я членом редколлегии ротного «Боевого листка», помогал ему в подготовке к беседам. Вчера до позднего вечера оформляли с ним стенную газету. До военной службы он, как и я, был учителем, да и по возрасту он был на три года старше меня. С самого начала мы нашли общие интересы, симпатизировали друг другу и вне официальной обстановки общались не по-уставному.

Сложив свою амуницию, ручной пулемет и принадлежности к нему на определенное место, наказав своему второму номеру – Николаю Бижан проследить, на всякий случай, за моими вещами, бегом направился в город, до которого было километров шесть – меньше часа солдатского бега. По дороге бежали и другие связные. Ни машин, ни подвод не было видно. Наверно, никто из военного начальства не ожидал тревог и других неожиданностей в воскресный день. Все надеялись беззаботно отдохнуть, заняться личными делами.

Почему же так рано подняли по тревоге весь полк? Что могло произойти неожиданного в воскресный день? – с тревогой размышлял я. – Война?.. С кем? С Германией у нас заключен договор о дружбе и сотрудничестве... О его беспрекословном выполнении недавно писали газеты. Другого противника у нас пока нет. Хотя многие говорили, что основным противником для нас являлся германский фашизм. О его агрессивных устремлениях говорили красноармейцам на политбеседах, предупреждали о грозящей опасности, призывали бойцов повышать боевую и политическую готовность. К боевой подготовке предъявляли все больше требований. К войне готовились спешно. Численность армии увеличивалась, появлялось новое

оружие. С начала 1941 года наша 131-я стрелковая дивизия начала преобразовываться в моторизованную дивизию. Живая тягловая сила заменялась машинами. Переброска войск должна осуществляться автотранспортом. На базе нашей стрелковой и двух танковых дивизий был создан 9-й механизированный корпус, который должен оснащаться новыми танками, современным вооружением, автотранспортом. Но, как говорится – скоро постановления принимаются, да долго они выполняются. Так было с перевооружением Красной Армии. Наша промышленность была еще слаба и мало мощна, чтобы удовлетворить в короткий срок потребности армии. Нужно было время, чтобы подготовиться к отпору такого сильного агрессора, как Германия. К счастью, с нею был заключен договор о ненападении, и угроза войны отодвигалась. Не ожидали войны в этом году, всячески ублажали немцев, выигрывая время для усиления мощи Армии. А она была еще слаба. Это показала война с Финляндией – маленькой страной с трехмиллионным населением, где в суровый зимний период 1939-1940 годов в тяжелых боях Красная Армия понесла громадные потери в личном составе, технике. В этой войне все увидели слабую боевую выучку наших войск, устаревшее вооружение и тактику ведения боя, бездарность командного состава, действующего по принципу суворовских времен – «пуля-дура, штык-молодец».

На этом постулате базировалась боевая подготовка красноармейцев. Трехлинейная винтовка Мосина образца 1891-1931 годов была основным личным оружием бойцов стрелковых подразделений. Эта винтовка с длинным граненым штыком и станковый пулемет «Максим» были пока единственным надежным оружием российской пехоты. Только недавно стали внедряться полуавтоматические пятизарядные винтовки СВТ, ручные пулеметы Дегтярева, минометы. Автоматы были еще редкостью, так что в войне приходилось надеяться только на штык, силу и храбрость солдата.

К большой войне мы не были готовы. Нужно было время, хотя бы год. По всему было видно, что войны мы не ожидали в этом году. Тогда чем объяснить, что неделю назад наш взвод учебной роты со складов боепитания дивизии получил и перевез в летний лагерь боевые патроны в оцинкованных ящиках, ручные гранаты «лимонки» и запалы к ним, мины к минометам, солдатские каски и медальоны. Все это сложили в палатке, установили постоянный караул.

Говорили, что это необходимо для предстоящих многодневных корпусных учений. Этому мало кто верил из солдат, так как понимали, что боевые патроны и, особенно, медальоны на ученьях не применяются. Видимо, ожидалась более серьезная операция.

Так рассуждал я, спеша в военный городок. Ход моих мыслей прервал монотонный гул, до этого еще не слышанный. На дороге стояло несколько бойцов-связных, смотревших в небо, где на большой высоте плыли на восток тяжелые бомбардировщики. Чьи – наши, чужие? Отличительных знаков на крыльях не было видно. Летели они спокойно через город. Истребителей не было видно, не стреляли и зенитки.

– Кресты, кресты на крыльях – закричал один из зорких связных. Немецкие бомбардировщики!

Этот возглас подстегнул нас, заставил быстрее продолжать свой путь.

На окраине города жители, задрав головы, недоуменно провожали удаляющуюся армаду самолетов.

В военном городке царило нервное оживление: пробегали военные, спешили гражданские, у некоторых подъездов домов стояли легковые машины.

На третьем этаже одного из кирпичных домов я нажал кнопку звонка. На возглас: «Войдите!», запыхавшись, я влетел в комнату и увидел командира роты уже одетого, окруженного стайкой девушек и плачущей жены.

– Товарищ капитан! Боевая тревога! Вас срочно вызывают в роту! – доложил я по всей форме.

– Спасибо! Я уже готов, Сейчас иду.

– Вам помочь что-нибудь нести?

– Нет, спасибо. Чемодан сам донесу. А вы предупредите лейтенанта Лиманцева. Он живет на частной квартире в городе. Может, еще не знает, что началась война.

– Какая война, товарищ капитан?

– Обычная война. Видимо, фашистская Германия неожиданно, вероломно напала на нас. Вон их самолеты полетели бомбить наши города.

– А где же наши истребители, зенитная артиллерия? Почему их самолеты беспрепятственно летают над нашей страной?

– Видимо, подрастерялись наши военные. Боятся провокации. Ждут приказа. Ничего, скоро мы обломаем им крылья, повыдержаем ноги, не дадим топтать нашу советскую землю.

На улице городка стояло уже два грузовика и штабной автобус.

Командир взвода жил в пригороде на «постое». При моем появлении он уже прощался с хозяйкой. На мою попытку доложить – махнул рукой: – Отставить! Знаю! – взял вещевой мешок и быстро зашагал к дороге в лагерь, где нам с трудом удалось втиснуться в кузов проезжающего грузовика, набитого командирами. Все были озабочены неожиданной тревогой, скорыми сборами и проводами. Всех угнетала неизвестность, судьба семей. Но уныния не было. Все были уверены, что, если это война, то наглый агрессор будет остановлен и разбит. Верили в мощь Красной Армии, храбрость и стойкость советских солдат.

В палаточном городке бойцы завтракали, приводили в порядок обмундирование, амуницию, писали письма родным. О нападении Германии знали все. Готовились к маршу на запад, в сторону новой границы, ждали команды на построение.

Командиры рот и батальонов в штабной палатке полка тоже ждали соответствующего приказа дивизии и, не теряя времени, совещались, предлагали маршруты и порядок движения подразделений, обеспечения их боекомплектом, продовольствием неприкосновенным запасом. Командир нашей 131-й стрелковой механизированной дивизии Н.В.Калинин также ожидал указаний из штаба корпуса. Там, в свою очередь, ждали соответствующих указаний вышестоящего руководства. А пока ориентировались только на Директиву оперативного пакета, в которой предписывалось немедленное приведение корпуса в боевую готовность и выступление в направлении Владимир-Волынского-Ковеля. Там находился новый укрепрайон, начатый строительством после присоединения к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии.

Ждали конкретного приказа штаба фронта, округа, одновременно давались указания по материальному обеспечению войск корпусов. Соответствующие службы усиленно работали по оснащению подразделений всем необходимым для переброски войск и ведения боя с противником.

Ждали выдачи боеприпасов и красноармейцы, используя свободное время для своих личных дел. Многие писали письма родным, любимым, со-

общали о начале войны, скором выступлении, заверяли в разгроме вероломного врага.

Позавтракав, сел писать письмо и я на Ставрополье, в степной городок Буденновск, где жили мои родители, младшие братья, сестра, любимая жена с полугодовалой дочуркой. Им я писал недавно, подробно сообщал о своей однообразной жизни. О чем писать сейчас – не мог придумать. Писать о начале войны – нет смысла: они об этом узнают раньше моего письма. Писать об уверенности в победе, также не стоит, так как они надеются на мощь Красной Армии, стойкость и мужество советских солдат. Об этом беспрерывно твердят газеты и радио, часто показывают в кино.

Да кто знает, какая будет война? Вот хотя бы сегодня: летят немецкие самолеты бомбить наши города, а их не встречают наши истребители, не стреляют даже зенитки. «Растерялись, ждут указаний!» – как говорит командир роты.

Совсем недавно, в финскую войну погибло много советских воинов, ранеными были забиты все госпитали. Так это была маленькая страна Финляндия, с трехмиллионным населением, а здесь Германия, покорившая за два года всю Западную Европу!

Конечно, война будет жестокой. Будут убитые и раненые. Какой будет моя судьба в этой войне – один Бог знает. Не писать же им об этом, не расстраивать. Они и без этого будут волноваться за меня, переживать за мою судьбу.

Об ужасах войны мне тогда особенно не думалось, видимо, потому, что наше поколение еще не переживало ее страхов и лишений, а локальные войны с японцами и финнами освещалось прессой в розовых тонах. Да и сильна была уверенность в мощи Красной Армии и могуществе Советского государства. Из газет, бесед и лекций мы знали о фашизме, его бредовой идеологии расового превосходства арийцев над другими народами, о стремлении немцев к господству над ними, но были уверены в солидарности немецкого пролетариата, а, следовательно, и его армии, с Советским Союзом – первым государством рабочих и крестьян.

Так нам представлялся в довоенное время немецкий солдат. Мы не учитывали, что за короткий срок фашизм воспитал у немецкого народа, особенно у молодежи, чувство превосходства, а легкие победы на Западе,

порабощение многих европейских государств – уверенности в своем могуществе, непобедимости и вседозволенности.

Несколько позже мы узнали истинное лицо немецкого солдата, а в тот момент у нас было чувство доброжелательности к нему.

В тот день я меньше думал о своем будущем, а больше переживал за жизнь родных, жены, ребенка. Война ведь создает дополнительные трудности в жизни всего народа. Только начала улучшаться жизнь простого народа нашей страны, как нагрянула эта война. Теперь снова придется переживать новые трудности. Старые были еще свежи в моей памяти.

КАЛЕЙДОСКОП ЖИЗНИ

Такие мысли витали в моей голове. Вспомнился двадцатилетний отрезок моей жизни, начиная с детского возраста. Как в калейдоскопе мелькали картинки прожитого.

Почему-то отчетливо вспомнился наш мерин Серко, старенький, умный, одноглазый трудяга, доставшийся отцу от богатого нашего родственника – Гаврюшки Васяткина, за многолетний труд отца в его хозяйстве. Богач одарил своего батрака не только старым конем, которого раньше подготовил к отправке на живодерню, но и телкой калмыцкой породы, ростом чуть больше козы, но резвой и дикой.

В начале 20-х годов советская власть нарезала отцу две десятины земли в поле под посевы и пол десятины – в пойме реки Кумы для поливных огородов. С этим хозяйством мой отец – Ксенофонт Яковлевич и начал крестьянствовать.

Как каторжники, крутились на этой земле мои родители: отец – в поле с доходягой мерином пахал, сеял, убирал хлеба, а мать – в огороде надрывалась, выращивая овощи, растила коноплю для изготовления холстины, а также воспитывала нас – трех огольцов. Жили мы бедно. Своего хлеба не хватало до нового урожая, молока имели от коровы, как от козы, не больше трех литров; из живности держали только кур, других животных нечем было кормить.

Хотя некоторые и обвиняют бедняков в их лени, пьянстве и бесхозяйственности, я не помню, чтобы мои родители когда-либо бездельни-

чали. Днем трудились по хозяйству, а вечером, согнувшись возле керосиновой лампы, отец ремонтировал старую обувь для сельчан, шил сапоги и одежду на заказ. Был он мастер на все руки. А мать по вечерам пряла из конопляного волокна пряжу. Чтобы потом из нее соткать полотно, сшить для семьи одежду.

Только к полночи ложились отдохнуть, чтобы рано утром встать к животным и птице. И так каждый день в изнурительном труде. Только в праздничный день удастся им немного передохнуть, да и то условно – выполнять только домашние работы.

Нас, детей, родители рано приучали к труду. Мне, как старшему, вменялось в обязанность следить и нянчить братьев, помогать матери в огороде, рвать и приносить домой лист тутовника для выращивания шелковичных червей, коконы которых мать сдавала, зарабатывая на этом и деньги, и мануфактуру. В детстве я помогал и отцу в поле. Помню, году в 26-м поехали мы всем кагалом в поле на уборку урожая. Серко с трудом тащил тяжелую бричку. Разместились в поле табором с самодельным балаганом. С раннего утра отец ручной косой срезает стебли пшеницы, а мать вяжет их в снопы, а затем, когда они подсохнут, раскладывает их на току тонким слоем в круг, после чего Серко тащит по кругу каменный зубчатый каток, вымолачивает из колосьев зерна. Отец ходит по кругу и вилами переворачивает и перетряхивает солому, проверяет качество обмолота. Чтобы Серко шел по нужному месту, на его спину усаживают меня. Я, как заядлый всадник, дергаю поводья, понукаю коня. Умный Серко понимает меня, принимает игру. За свою лошадиную жизнь он хорошо изучил эту работу, знает, где и как надо тянуть каток, а в случае чего, хозяин ему подскажет. Раньше он ходил без поводьев, а сейчас посадили мальчишку, который и сидеть-то на коне не умеет, дергает поводьями, понукает, стучит ногами по его старым бокам. Серко подчиняется ему, но следит, чтобы сын хозяина не свалился с него и не попал под каток, потому что под монотонный стук катка: тук-тук, так-так, засыпают даже взрослые. Поэтому умное животное, почувствовав слабость ног всадника, останавливается, смотрит одним глазом на хозяина, который, поняв сигнал тудяги, громким окриком подбадривает сына. Тот вскидывает голову, хватается за поводья, кричит: – «Но, Серко! Чего стал? Работать надо!» Каток снова отбивает своё: так-так, тук-тук, выбивая из ко-

лосьев зерна пшеницы. Ради этих драгоценных зерен, хлеба насущного и трудилась наша семья.

Помню, как я без разрешения родителей самовольно пошел в школу, учительница посадила меня на первую парту и я начал учиться.

Вскоре, после этого года, жизнь наша изменилась:

От старости тихо скончался Серко. Еще вечером он отказался от пареной мякины с отрубями: понюхал, вздохнул, улегся на подстилку. «Может ночью поест» – подумал отец, уходя. Но и утром конь лежал в том же положении. При появлении хозяина тихонько заржал, как бы привлекая к себе внимание. – «Что, Серко, тебе плохо? Болит что? – обратился отец к нему. Мерин попытался повернуть к хозяину голову, но уже не в силах был сделать это, в агонии вытянул ноги. Из единственного глаза скатилась предсмертная слеза. То ли старый конь прощался со своей тяжелой долей, то ли жалел своего хозяина, оставшегося без старенького, но верного помощника. Слезы жалости катились по лицу отца. Он знал, что купить нового коня он не в состоянии, а без него нельзя вести свое хозяйство. Нужно снова идти в батраки. Но в те времена богатых и зажиточных крестьян, как их называли – кулаков, как чуждый элемент, репрессировали, отбирали хозяйство, выселяли из села.

Отец уехал на заработки копать каналы в безводные Моздокские степи, а затем в наемную бригаду по строительству жилых и производственных построек в новых овцесовхозах.

Для того времени отец был довольно-таки грамотным человеком: как-никак, до революции окончил четыре класса церковно-приходской школы. Скоро, в период строительства научился разбираться в чертежах, стал бригадиром, затем десятником, а после полугодовых курсовых занятий и прорабом строительства.

Мы с матерью жили в нашем селе, а потом за отцом переезжали из одного хозяйства в другое, где мать работала дояркой, а я летом пас свиней, а затем телят. А в другое время года ходил в школу за несколько километров от нашего жилья. Жили мы в совхозах обычно на фермах, вдали от центральных усадеб, лишённые человеческих благ, овощей и даже питьевой воды.

Часто приходилось отцу возвращать нас в родное село, к нашим огородам, артезианской воде. В это время в селе была проведена всеобщая коллективизация крестьянских хозяйств, объединена их тягловая сила, земельные наделы, сельскохозяйственный инвентарь, машины. Нас, как семью рабочего совхоза, в колхоз не вовлекали, но и не запрещали работать. Летом мне еще мальчишкой приходилось работать в полеводческих бригадах погонщиком лошадей и волов на сенокосе и уборке хлебов, за что начисляли трудодни, на которых в конце года, как обычно, ничего не выдавалось, так как я не отработывал даже свое пропитание.

Голодный 33-й год мы переживали в родном селе. Отец был в командировке в Сибири по заготовке леса для совхозного строительства.

Засуха в те времена была невероятная, посевы везде выгорели, скот остался без кормов, а люди – без хлеба. Не могло его дать и государство. Начался повальный голод по всей России. Говорят, он был страшнее голодного 1921 года. Люди съели всю живность, которая еще не сдохла, питались корой деревьев, пухли от голода, умирали. Некому было хоронить умерших. Голодала и наша семья. Умер от голода мой дедушка по отцу и его сын Иван. Мать выбивалась из сил, чтобы как-нибудь спасти нас от смерти, дожидаться приезда отца. На счастье, он застал нас живыми, забрал в совхоз, где, хотя и скудно, но выдавали по карточкам питание. В дополнении к этому мама стала работать дояркой, а я снова пас телят. Мы постепенно оклемались. Осенью стал учиться в школе и жить в интернате центральной усадьбы. Росли братья, росла сестричка Маша. Нужно было думать и об их учебе, об овощах, воде, которых не было в безводных степях Ставрополя.

Снова вернулись в родное село. Отец устроился работать техником-строителем в Райзо с окладом 250 рублей в месяц. Для того времени оклад был приличный, но от дома до работы было 10 километров, которые каждый день приходилось отцу преодолевать пешком, так как тогда не было автобусного сообщения.

Теперь мы могли нормально учиться, помогать матери по хозяйству, на огороде, при выращивании шелковичных червей. А я, кроме того, летом еще работал в колхозе учетчиком строительной бригады, начислял трудодни за выполненную работу по новым нормативным расценкам.

В 1937 году с похвальной грамотой окончил семилетку. Хотел поступить в Орджоникидзевский техникум цветных металлов, но отцовского заработка не хватало на проезд и подготовку к отъезду в далекий путь. Пришлось сдать документы в местное Буденновское педагогическое училище, где готовили учителей начальных классов.

Чтобы немного подработать, все лето трудился учетчиком полеводческой бригады колхоза, километрах в 15 от села. Людей привозили туда на неделю. Там они работали, питались, спали. В выходной день ездили домой помыться, сменить белье. Естественно, в бригаде работали в основном молодые люди и не связанные с детьми и хозяйством колхозники. Всех надо было накормить, устроить их быт. Это входило в обязанность бригадира и учетчика. После трудового дня молодежь веселилась, отдыхала до поздней ночи. В мою обязанность входило поднимать их, направлять на заранее определенную бригадиром работу.

В дополнении к обязанностям учетчика, сельпо поручило мне продавать для работников бригады ходовые бытовые товары: помаду, пудру, гребни для девчат, папиросы, табак для парней, конфеты, пряники и прочий ширпотреб. Одним словом – был коробейником у потребкооперации.

Год выдался удачным. Хлеба выросли обильные. Такого урожая, по рассказам старожил, никогда еще не было. Колхозники воспрянули духом, работали с охотой. И не ошиблись. Я, мальчишка, за лето заработал 30 пудов зерна, почти столько, сколько отец намолачивал со своей делянки. Пшеницу мою продали, а на базаре купили мне пару ботинок. Меня готовили на учебу, в город. Мать сшила две атласные рубахи – зеленую и красную, отец сшил штаны и перешил свой полушубок на мой рост. За обувь пошли с ним вместе по магазинам города, но нигде не могли найти подходящих туфель или ботинок. Только на рынке попались симпатичные остроносые ботинки. Взяли их за 250 рублей, т.е., за все деньги, что я заработал за лето. Дома мать ахнула:

– Да вы же купили женские ботинки!

Охай, не охай – дело не поправишь, не нести же их обратно на базар! Да и денег на новую покупку нет. Так я в атласной рубахе и дамских ботинках поехал в город учиться на учителя. Буденновское педагогическое училище готовило учителей начальных классов для сел и городов степных

районов Ставрополя. Приходили туда в большинстве молодые сельские парни и девушки, не избалованные модной одеждой, изысканными блюдами, комфортом жизни. Многие из них и в городе бывали крайне редко. Сейчас собранные вместе, новенькие кучковались группами, отделяясь от городских и старшекурсников.

Здание педагогического училища размещалось в центре города. Двухэтажный кирпичный дом с оцинкованной железной кровлей был большим и самым красивым домом в городе. Располагался он на углу двух улиц и когда-то принадлежал богатому виноторговцу армянину. Стал знаменит этот дом после выхода в свет романа Аркадия Первенцева «Кочубей», в котором описывается, как в этом доме лежал в тифу герой гражданской войны, красный командир, казак Ваня Кочубей, плененный белогвардейцами в прикаспийских степях. После допросов и пыток отсюда провели его белогвардейцы по главной улице города, а в её конце, напротив православной церкви, повесили на телеграфном столбе.

В этом здании в 30-е годы было учреждено педагогическое училище по подготовке народных учителей. Здесь же, во дворе, размещались студенческая столовая, в которой за 20 копеек можно было поесть, и другие подсобные помещения училища. В городе было два студенческих общежития для девчат и парней, в которых проживали только старшекурсники. Мы, новички, расселялись по частным квартирам. Мы с Ваней Баюрой, Сергеем Зайцевым и еще одним парнем устроились, за сходную цену в саманной халупе старого армянина. На наше студенческое существование государство, кроме прочих расходов, платило нам еще стипендию 20 руб. в месяц, что было подспорьем для наших бедных родителей. Для нас же – сельчан, непривычных к роскоши, это было богатство, первая плата за будущий труд в школе. Одно слово «студент» – уже поднимало нас в глазах наших сельских сверстников, заставляя серьезнее относиться к себе и учебе.

Наше здание как будто бы специально строилось для учебного заведения. На первом этаже, за парадным подъездом и холлом по обе стороны широкого коридора размещались двустворчатые двери в аудитории; на втором этаже кроме аудиторий, кабинета директора и учительской, была библиотека и актовый зал со сценой. Я попал со своими товарищами по жилью в одну группу, вернее – класс, 1-Б, так как студенческие аудитории ничем

не отличались от простых классов любой школы: те же парты, окрашенные по верху черной эмалью и охрой боковых частей, большой черной доской на стене, столом для учителей, установленным между средним рядом парт и доской. В нашем классе стояло три ряда парт. Мы с моим однокашником, однофамильцем Сашкой Яковлевым сидели за последней партой первого ряда. Третий ряд был самый длинный, шел вдоль широких окон, выходивших на главную улицу города. Средний ряд состоял из четырех парт.

Все места в классе были заполнены, кроме одного – за партой, стоящей прямо перед моей.

Почему именно это место не было занято, оставлено специально или просто из-за отсутствия абитуриента, я до сих пор не могу понять и тем более объяснить это случайностью или судьбой, так как оно (это место) в дальнейшем способствовало большим изменениям в моей жизни.

Занятия в училище начались обычным порядком: приходили преподаватели по разным предметам, спрашивали пройденный материал, вызывали к доске, объясняли новый материал, выявляли знания и способности абитуриентов. Судя по ответам, поведению моих сокурсников, мои познания были значительно лучше многих. Это меня воодушевляло, но не вызывало чувство зазнайства.

С детства я был замкнутым, молчаливым пацаном, стеснялся своей картавости, всегда избегал скандалов, стеснялся девушек, стремился их защитить от нахальных ребят, помочь им в трудном деле. Они ко мне относились просто, общались без боязни какого-то подвоха. В свои 16 лет из всех знакомых девчат не выделял ни одной. Все они были для меня одинаковы, за исключением, наверное, Даши Парахиной, моей одноклассницы по Покойненской НСШ, красивой девушки с большими голубыми глазами и лицом, обезображенным оспинками. Она была уже достаточно взрослой, чтобы понимать пагубное значение своего недостатка, часто закрывала лицо от парней, опуская вниз свои красивые глаза. Была она умница, и мне было жаль ее. В ней мне нравились ее глаза – голубые, бездонные, и больше ничего.

В своих сокурсницах я видел обычных ординарных сельских девушек, к коим у меня не возникало ни чувств, ни эмоций. Для других чувств я, по-видимому, еще не созрел.

Как-то в первой декаде сентября посреди урока литературы Ивана Григорьевича Писонко открывается дверь, входит директор училища, что-то спрашивает преподавателя, смотрит на пустующие места за партами. Затем приглашает войти в класс девушку, показывает ей свободное место и уходит. Красивая девушка, в белой шелковой кофточке, синей крепдешиновой юбке, в туфлях на высоких каблуках, повела красивой головкой по ряду парт, слегка улыбнувшись, как бы приветствуя класс, спокойно пошла в мою сторону, цокая каблуками своих туфель по деревянному полу. Подошла, слегка, как мне показалось, кивнула в нашу сторону, села за парту.

Урок продолжался, пришедшая внимательно слушала преподавателя, а я, глядя в затылок – копну каштановых волос пришедшей соседки, думал, что наш класс пополнился еще одним абитуриентом, отличным от основной массы, своим обаянием: красивой блузкой, юбкой и туфельками, гордой посадкой красивой головки, смелым взглядом красивых глаз. «Видимо, из городских и знатных родителей, – определил я. – Опоздала. Директор сам привел в класс. С простым абитуриентом так не возьтятся».

Но все оказалось проще. Как потом выяснилось, это была сельская девушка Надя Постольник, дочь рядового колхозника «Парижская коммуна» села Преображенское. В прошлом году окончила Архангельскую НСШ, поступила в Ессентукское педагогическое училище, проучилась месяц, заболела, долго лечилась, а в этом году летом работала пионервожатой в пионерском лагере Пятигорска.

В связи с задержкой закрытия лагерного сезона она опаздывала к началу занятий. Из райкома комсомола позвонили директору училища о задержке абитуриента Постольник и попросили забронировать ей место в группе.

Директор об этой просьбе подзабыл, а потом спешно исправлял свою оплошность. Мы об этом не знали, поэтому вначале смотрели на опоздавшую, как на особого абитуриента.

Но время шло, мы грызли гранит науки, набирались ума-разума, призывали к городской жизни, участию в общественной работе училища. Сначала меня избрали в редколлегию стенгазеты курса, а затем и в комитет комсомола. В него же избрали и мою соседку Надю Постольник, комсомольский стаж которой был больше моего, так как она раньше меня закончила

НСШ и была на 3 года старше меня, имела большой жизненный опыт и стаж комсомольской работы. В этом отношении я её выделял среди девушек нашего класса.

Она стремилась быть равной со всеми сокурсниками, но все равно выделялась своей статью, поведением, суждениями. К ней я стал больше приглядываться, обращать внимание на её фигурку, ножки, шею и копну каштановых волос на аккуратной головке, так как она всегда сидела впереди меня, и я поневоле вынужден был её обзирать. Чем дальше, тем больше возникало у меня желание глядеть на мою соседку, чувствовать ее присутствие, ощущать теплоту ее тела.

В моей душе порой возникала неведомая мне ранее истома, желание прикоснуться к ней.

Это чувство росло, захватывало все мое существо. Видимо, во мне просыпался мужчина. Но я заглушал это чувство: старался меньше обращать внимания на свою соседку, стал грубее относиться к ней. Она удивилась изменению моего отношения к ней, но по-прежнему, как и ко всем, относилась ко мне, ожидая, как и раньше, помощи в решении задач по математике, в которой она была слаба. За такую помощь она одаривала меня благодарной улыбкой, которая вызывала в моей душе блаженство. Я влюблялся! Как бы я себя ни вел, ни сдерживал, это самое лучшее чувство вызревало во мне. Как известно, бороться с этим чувством очень трудно. Оно подчиняет человека, заставляет его делать глупости: совершать подвиги ради любимого человека. Любовь – это блаженство, радость, счастье и в то же время – мучение, горе, несчастье!

Этой болезнью заболел и я. Но по своему складу характера стеснялся и боялся признаться в этом любимой девушке. Я понимал, что моя высокая, костлявая фигура с длинными руками и шеей, угловатым детским лицом, атласная яркая рубашка, дамские ботинки на её фоне смотрелись огородным пугалом. С таким не станет она дружить, найдет себе более элегантного ухажера. Так я сдерживал свои чувства, убеждал себя, понимал разумом абсурдность надежд на взаимность, но сердце или мое естество – душа желали этого. И чем больше возникало препятствий, тем сильнее было это стремление.

Наконец я не выдержал, написал ей записку: «Надя! Деваха ты хорошая! Мне нравишься. Давай дружить!», сунул ей, как будто шаргалку. Что

тут было! Она развернула, прочла, лицо её налилось краской, глаза засверкали. Чтобы не показать своего гнева, она нагнулась к парте и так просидела до конца урока, после чего сорвалась и выскочила из класса.

Сердце моё упало. Я недоумевал о причине её гнева. Оказалось, её обидела фраза «хорошая деваха». Как она после призналась, во дворе, куда она поспешила из класса, она выплеснула свой гнев: «Сопляк! Глупец! Захотел дружить с девахой – девкой! Я тебе покажу деваху!». В класс она вернулась уже успокоенная, на меня не смотрела, объявила мне бойкот.

А я сидел, мучился, переживал. Я понял, что сам виноват, запиской оттолкнул от себя любимую девушку. Надя Постольник после этого избегала меня, не разговаривала, отвергала мои шпаргалки. Мои чувства немного поутихли, но, как выяснилось потом, концентрировались, крепили. Происходило это подспудно, без моей воли уже на каникулах, вдали от нее. Я старался не думать о Наде, вычеркнуть её из своего сердца. На занятия я приехал успокоенным, как бы излеченным от безответной любви. Занял свое место, за задней партой. Моей соседки еще не было. Она и на этот раз опаздывала. В середине учебного дня она появилась, как и в первый раз, элегантная, красивая. Кивнула мне головой, улыбнулась. Сердце моё ёкнуло, по телу пробежала теплая волна: Надя простила мою глупость!

Наши отношения стали ровными, она не чуралась меня, не отказывалась от моей помощи в математике. На совещаниях комитета комсомола, советовалась со мной, даже позволяла провожать её домой, если заседания задерживались. На прощание пожимала мне руку, что вызывало у меня трепет. Видно было, что рукопожатие и ей было приятным. Это меня подбадривало, придавало смелости. И вот однажды, я предложил ей сходить в кино, посмотреть какой-то интересный фильм. Она согласилась. Сидели мы рядом, касаясь друг друга. Я блаженствовал. Мой организм излучал столько энергии, что я опасался, как бы не сжечь свою спутницу. Ей моя аура была приятна, возбуждала ее чувства. Она эмоционально реагировала на содержание фильма: ахала, охала, прижималась ко мне, не возражала, когда я прикасался к её талии, брал за руку. Я горел от блаженства, не замечая ни фильма, ни времени. Из кинотеатра вышли притихшие, так же тихо шли к ее дому, боясь выплеснуть из наших душ чувство радости и единения. На прощанье, тихо пожелав друг другу спокойной ночи, разошлись.

После этого в кинотеатр стали ходить часто, всегда испытывая блаженство. Хотя билеты и конфеты, покупаемые для моей спутницы, отражались на моем студенческом бюджете и заставляли сестр на диету – двадцатикопеечную пшеничную кашу, я был бодр, энергичен, счастлив. Радость общения с любимой раширала меня. Так продолжалось до середины 3-го курса обучения, когда неожиданно нагрнула беда. Как-то вечером я провозжал Надю. Была она необычайно тихая, разрешила взять себя только под руку. У её дома Надя взяла меня за руку и, не глядя на меня, тихо сказала:

– Вания, дорогой мой! Я больше не буду встречаться с тобой. Не обижайся на меня. Так будет лучше.

– Почему, Надюша? – в испуге взмолился я.

– Наши встречи становятся опасными. Я знаю, что ты меня очень любишь. Ты мне тоже нравишься. Мне с тобой бывает хорошо. Я боюсь не выдержать твоих ласк и любви, хотя не отвечаю взаимностью. У меня нет к тебе любви, а без нее моя жизнь с тобой была бы мучительна для меня. Пока не поздно, дорогой, давай прекратим наши встречи, останемся хорошими друзьями. Может быть в будущем полюбит тебя хорошая девушка, и я найду любимого человека.

Все это она проговорила тихим, дрожащим голосом, четко, опустив голову.

Я, пораженный таким жестким, но честным признанием, поняв смысл, мог только вымолвить:

– Но, Надюша, любимая моя, я не могу жить без тебя!

– Так надо, дорогой, ради нашего счастья, – твердо ответила девушка, и, чмокнув меня в губы, захлопнула калитку.

Я еще стоял огорошенный и смотрел, как моя любовь, мое счастье скрылись за плотными дверями здания. Опустив голову, смахивая слезы, побрел я в свое общежитие, плюхнулся на койку и так, не смыкая глаз, пролежал до утра. Мои товарищи видели мое состояние, не беспокоили меня вопросами, молча уходили в училище. Поплелся туда и я.

Я понимал разумность и логичность суждений Нади Постольник, но не мог пережить такого резкого разрыва, нанесенной мне обиды. Пожелтевший, осунувшийся, бесчувственный сидел я за своей партой, отрешенный от всего вокруг себя.

Из оцепенения меня вывел преподаватель литературы Писанко, задав какой-то вопрос. Я поднялся и, глядя в глаза учителю, четко отрезал: – «Отвечать не буду!». Тот, пожалуй, удивился не моему ответу, а видом озлобленного человека, нашелся только сказать:

– Ну что ж, Яковлев, ставлю вам двойку.

Этот эпизод потряс весь класс. От Яковлева никто подобного не ожидал. Посыпались вопросы: что случилось, почему такой протест? Естественно, я молчал, не мог ничего объяснить и мой товарищ по парте, Сашка Яковлев, уклонялась от разговоров и Надя Постолюник.

Аналогичный мой отказ отвечать и на уроке немецкого языка, обеспокоил уже преподавательский состав. В учительской обсуждался неслыханный и неожиданный поступок лучшего студента, умного, исполнительного, члена комитета комсомола, профкома училища. Искали причину такого протеста студента.

Ксения Писанко – жена преподавателя Ивана Григорьевича, сообщила мужу, что Яковлев безумно влюблен в Надю Постолюник, но она отвергла эту любовь, травмировала психику парня. Могут быть более серьезные последствия. Доложили директору. Тот, опасаясь ЧП, на следующий день пригласил в кабинет Надю Постолюник.

Беседа и совет директора училища Владимира Бенедиктовича Петрова подействовали на Надю Постолюник.

Уже на другой день она, как бы, между прочим, обратилась ко мне:

– Ваня, давай сегодня позанимаемся вместе. Помоги мне разобраться по алгебре.

Вечером, как и раньше, мы сидели вдвоем в пустой аудитории, вместе готовили домашнее задание, а после я провожал ее домой. Груз тяжелых переживаний спал с души моей.

О вмешательстве в наш конфликт директора Петрова я, естественно, не знал, считал, что Надя поддалась влиянию своей подруги, нашей одноклассницы, Нины Крикуновой, в доме которой квартировала Надя.

Нина была безнадежно влюблена в красивого однокурсника Васю Романова, встречалась с ним длительное время. Василий не отвечал ей взаимностью и недавно заявил Нине о бесполезности их встреч. Зная о моей любви к Наде и отсутствии у нее ответных чувств, завидуя подруге, Кри-

кунова убедила ее перестать встречаться со мной, пугая возможными последствиями.

Надя, послушавшись подругу, объявила мне отставку, не предполагая особых последствий. Разговор с директором отрезвил её, заставил изменить свое решение. Значительно позднее я узнал, что так это и было.

Наши отношения с Надей восстанавливались, она душевнее относилась ко мне. Оживал и я.

В начале марта 1940 года нам объявили, что в связи с острой потребностью в учителях в сельских школах, часть лучших студентов выпускного курса будут направлены в районы края на длительную учебную практику с обязательной сдачей экзаменов по ее окончании. Вывесили списки практикантов, в числе которых были я и Надя Постольник. Практики я не боялся, но очень хотел попасть с Надей в один район, быть ближе к ней.

На другой день в кабинете директора шло распределение практикантов по районам. Я ждал, пока пройдут мои одноклассники. Не успел закрыть за собой дверь кабинета, как директор объявил:

– Яковлев, можете идти! Я вас назначил в Новоалександровский район, вместе с Постольник!

Обрадованный, я выскочил из кабинета поделиться приятной новостью с Надей. Оказалось, что в этот район направлялось семь девчат и я. Мне, как старшему группы, вручили все требующиеся документы, и мы уже вечером поездом ехали к месту назначения, в казачью станицу Новоалександровскую, районный центр этого же наименования, входивший в состав Ставропольского края. Станица была большая, богатая, многолюдная, с рестораном и гостиницей, в которой мы благополучно разместились.

На другой день, пока девушки приводили себя в порядок, я поспешил в районный отдел народного образования – районо. Меня приняла небольшая пожилая, но подвижная женщина, согнутая то ли годами, то ли грузом школьных забот. Взяла документы, прочла, хмыкнула: «Семь девок, один я!» – Лучше было бы наоборот. Нам парни нужны! Но и за это спасибо». Посмотрела на меня внимательно, оценивающим взглядом. Я старался быть внушительным в своем дешевом костюмчике, при галстуке, надетом ради этого случая. Немного подумав, она приказным тоном вынесла свое решение:

– Всех ваших девушек я направлю в села и хутора района, а вас оставлю в райцентре. У нас недавно скончался от инфаркта старейший учитель, оставив строенный класс переростков. Хочу поручить этих детей вам, доучить их до конца учебного года. Не знаю, справитесь ли вы с этой задачей, уж больно молоды вы. Но выхода у меня нет.

Я слушал её, но меня беспокоили не подростки, оставленные умершим учителем, а распределение наших девчат по хуторам, особенно моей Нади. Замирала душа, когда представлял ее одну в чужом хуторе, вдали от меня. Долгая разлука пугала меня, поэтому, недолго думая, я выпалил:

– Я согласен заниматься с переростками, только у меня есть просьба: оставить Надю Постольник в райцентре.

– А что, она ваша жена? – с интересом посмотрела заведующая на мое покрасневшее лицо.

– Да! – подтвердил я. – Мы недавно женаты.

– Это уже хуже, но что-нибудь придумаем.

Приглашайте своих девчат. Будет направлять их по школам.

Одноклассницы уже ждали меня, ожидая сообщений.

– Сегодня всех нас распределят по школам района, сейчас заведующая будет беседовать с каждой из вас.

Гурьбой повалили в районо, благо оно было недалеко от гостиницы. В кабинете заведующей расселись на стульях. Заведующая внимательно посмотрела на каждую, то ли определяя их учительские способности, то ли определяя среди них замужнюю. Не желая ошибиться, вызвала: – Постольник Анастасия Ивановна.

– Надя поднялась. Заведующая проговорила: – Вы будете вести второй класс в начальной школе районного центра. Здесь же будет работать в другой школе ваш одноклассник Яковлев Иван. Остальные будут распределены по школам района. Вот вам список школ и поселков, сами договаривайтесь, кому куда ехать. Против каждой школы запишите свои фамилии. Сегодня же получите направления и выезжайте на места работы.

Девчонки в приемной районо решали куда лучше поехать, а мы с Надей вышли на крыльцо, где она в задумчивости спросила:

– А почему, Ваня, заведующая не спросила моего желания, а оставила меня в райцентре?

– Это я ее попросил не разлучать нас. Боялся, что тебя могут направить в захолустье, к казакам, и ты там будешь мучиться, а я тут переживать. Я сказал, что мы женаты.

– Как ты смел говорить об этом, не спросив меня! – взорвалась Надя, сверкнув глазами. Впервые я видел ярость в ее взгляде и порядком струсил, стал подбирать слова оправдания.

– Видишь, это вырвалось у меня неожиданно. Я хотел лучше для тебя. Знаю, как бедовала бы ты там. Что касается нашего замужества, то, если ты хочешь этого, пусть мое признание будет фиктивным. Мы будем встречаться, как и раньше, а поженимся, когда получим направления на постоянную работу, чтобы нас не разъединили, Если ты, конечно, захочешь.

Такое объяснение ее успокоило, наши девушки тоже не знали о моем признании заведующей, полагая, что Надю она оставила в райцентре по моей просьбе и признании в любви к ней. Инцидент закончился благополучно юридически, но фактически он имел продолжение, Дело в том, что за квартиры, которые мы снимали, платило районо. Считая нас мужем и женой, заведующая Одинокая, определила нам плату за одну квартиру на два человека. Пойти на попятную, признаться во вранье я не мог, не хотела этого и Надя.

Оставалось искать общую квартиру, а там уже улаживать наши отношения. Такую квартиру мы нашли у казаков, стариков Кобозевых, представившись близкими родственниками. Нам в горнице предоставили металлические кровати с перинами, одеялами и постельным бельем. Так началась наша совместная жизнь у стариков, а скорее – притворство мнимых родственников.

Правда, мы были так загружены работой, что думать об этом не было ни времени, ни желания. После завтрака мы уходили в школу, а в обед возвращались усталые, издерганные. Немного отдохнув, садились за проверку тетрадей учеников, подготовку к очередным занятиям. Только поздно вечером я мог тихонько приблизиться к кровати своей возлюбленной, но она не позволяла долго засиживаться у нее, выпроваживала на мое место, боясь пересудов стариков. Моральные и физические нагрузки были большие для нас – «салажат».

Особенно тяжело было мне. Переростки основательно выматывали мои силы. В стране существовал строгий закон об обязательном начальном образовании молодежи, без которого ребят даже не призывали в армию, заставляли учиться. Всех второгодников, третьегодников, уклоняющихся от учебы, определяли в специальные группы, выделяли отдельные классы и опытных учителей. С таким контингентом пришлось заниматься и мне – практиканту.

В большом классе сельской школы размещались парты в три ряда, на которых сидели ученики 2-го, 3-го и 4-го годов обучения, 10-15 летнего возраста, отчисленных ранее из школ по разным причинам и собранных со всей станицы. Были они неглупые ребята, но слабо подготовленные, разбалованные улицей. Знания осваивали с трудом и с большой неохотой.

Работать с ними было чертовски трудно. Я сильно уставал не столько от подготовки к занятиям, проверки тетрадей, сколько от самого процесса занятий. Как челнок, мотаешься от одного ряда парт к другому: объяснить урок, дать задания одним, перейти к другим, а от них – к третьим и так вертишься 4 урока.

Работа была адская, напряженная, без правил и соответствующих указаний. Не знаю, как работал с этими детьми старый учитель, мне же пришлось применять свой метод обучения и тактику поведения, т.е. самому учиться работать с такой категорией детей.

Особенно раздражало поведение учеников, их разговоры, шлепки, порой драки, а особенно, бессмысленные, провокационные вопросы, задаваемые с целью помешать занятиям, вывести из терпения учителя. Особенно усердствовал в этом здоровенный, чуть ли не моего роста, пятнадцатилетний четвероклассник Кобозев. Он верховодил всем классом, был заводилой и инициатором всех проказ, ненавидел учителей, стремился причинить им больше неприятностей, унижить перед учениками. За это его исключили из школы. Этот верзила довел до инфаркта бывшего до меня старенького, уважаемого учителя.

В первые дни он вел себя смирно, прилежно учился, видимо, приглядывался, изучал, выискивал мои слабости. Постепенно стал активизироваться сначала в вопросах, затем во всевозможных каверзах, воздействуя и привлекая к этому своих соучастников.

Я его заметил сразу, постарался наладить хорошие отношения, основательно объяснял его вопросы, прощал мелкие нарушения дисциплины. В общем, поступал согласно инструкции: по-человечески относиться к ученикам, меньше их наказывать, воспитывать добрым словом и ни в коем случае не рукоприкладствовать. За это в те времена уголовным кодексом определялся двухлетний срок тюремного заключения. Это знал и мой ученик, поэтому действовал нагло, целенаправленно против нового учителя. Пришлось и мне принимать более радикальные меры: ставил в угол, выгонял из класса, посылал за родителями. Все это было ему привычно.

В один из мартовских дней он меня допек, не выдержали мои нервы. Нарушая все инструкции, за шиворот дотащил упирающегося хулигана до двери, вытолкнул его из класса с требованием не появляться в школе без матери. Но он не ушел, а стал систематически открывать дверь, кривляться, строить рожи, мешал заниматься. Дважды я его урезонивал, но бесполезно. Наконец я не выдержал, встал возле двери и, когда он высунулся, схватил его за грудки, втащил в класс и вклеил ему оплеуху. Удар был для него неожиданный. Парень, еле удержавшись на ногах, отлетел к доске и оторопело глядел то на меня, то на учеников, как бы привлекая их в свидетели. Класс замер, глядя на своего поверженного предводителя.

– Вон из класса, чтобы духу твоего здесь не было! – заорал я, не давая парню одуматься. Схватил его за шиворот и снова вытолкнул за дверь. – Так будет с каждым, кто нарушит дисциплину и будет мешать занятиям! Понятно? А сейчас продолжим занятия.

Стояла напряженная тишина, затем послышался вздох, ученики задвигались, подготавливаясь продолжать урок. Надо было заканчивать учебный день, а в моей голове роились беспокойные мысли о противозаконном избиении ученика, постыдном поступке учителя. Пахло уголовным делом. Я понимал, что об этом скоро станет известно, против меня возбудят уголовное дело, и тогда прощай учительство, возлюбленная, друзья. Решил после уроков пойти в районо, самому рассказать Одинокой.

Но идти к ней не пришлось. Не успел закончить занятия с притихшими и испуганными детьми, как в школу нагрянула комиссия во главе с начальником милиции, заведующей районо и Кобозевым со своей матерью.

Оказалось, пострадавший побежал в милицию, где со слезами пожаловался, что его ни за что избил учитель при всем классе и выгнал из школы. Милиция сразу же созвонилась с заведующей районо, послала за матерью пострадавшего, и все этой компанией прибыли для расследования инцидента. Следствие вел начальник милиции.

Пострадавший старался доказать свою неправдоподобную версию, рассказанную в милиции, но под неопровержимыми доводами класса истина была восстановлена. Ученик признал свою вину перед учителем и вранье в милиции, а ученики подтвердили, что подобные действия Кобозева проводились ежедневно против учителя. Его мать при всех поблагодарила меня за строгость по отношению к сыну «Это первый учитель, проявивший «отцовскую заботу» к моему непутевому сыну. Без отца растет. Замучил меня, от рук отбился, – жаловалась она комиссии.

Было решено исключить его из школы, заставить работать в колхозе. Я попросил комиссию оставить Кобозева в школе, напомнив, что случившийся инцидент напоминает метод Антона Макаренко, положительно воздействующий на подобных подростков. Пообещал, что четвертый класс он окончит благополучно. О Макаренко в те времена знали многие. Зачитывались его «Педагогической поэмой». Может быть, поэтому начальник милиции категорически утвердил:

– Быть по сему! Пусть доучивается! А если будет пропускать занятия, нарушать дисциплину, будем бить не по щекам, а сечь плетью при всем народе на майдане.

На другой день я назначил Кобозева старостой класса, своим помощником по соблюдению порядка. Это возымело положительное действие. Мой «помощник» ревностно следил не только за дисциплиной, но и за подготовкой учениками домашних заданий, сам стал прилежно учиться. Дела пошли успешно. Год закончили благополучно. Все четвероклассники, в том числе и Кобозев, сдали экзамены и получили свидетельство о начальном образовании. Я же заработал репутацию хорошую характеристику по итогам производственной практики и предложение занять в новом учебном году пост зав. учебной частью во вновь организованной НСШ в хуторе Красно-Червонном. В этой школе мы с женой проработали до моего призыва в армию.

Закончив практику, получив заработную плату, довольные, мы вернулись в педучилище. Экзамены сдали благополучно. Мы с Надей вели себя, как и до практики, о нашей совместной жизни не распространялись. Да это, наверное, никого не интересовало, так как выпускникам было не до нас. Они были заняты своими проблемами по трудоустройству. Нашему назначению работать в НСШ такого богатого района они завидовали. Только директор педучилища Петров при вручении мне характеристики для поступления в институт признался:

– Я доволен вашей практикой. Судя по характеристикам, все вы достойно защитили честь училища, труд его педагогического коллектива. Первый случай в моей практике, когда выпускников педучилища направляют преподавать в неполно-среднюю школу. Рад за тебя и Надю Постольник. Желая вам счастливой жизни и плодотворного труда, а тебе поступить в педагогический институт! Кто знает, может быть через несколько лет в этом кабинете будет сидеть не Петров, а Яковлев. Я поблагодарил умного и доброго директора.

Новые учителя, получив свидетельство и направления, разъезжались по домам и к месту работы. Домой уехала и Надя, а я, побыв немного дома, поехал в Ворошиловск поступать на заочное отделение педагогического института. На счастье, я без особых трудов стал его студентом и ехал домой, довольный, что теперь на меня будут смотреть не как на школьного учителя, а как на преподавателя специальных дисциплин.

Новая работа в НСШ меня беспокоила, особенно должность заведующего учебной частью, но не покидала мысль о нашей жизни с Надей, предстоящем нам оформлении нашего брака. По пути домой решил заехать к ней в Преображенку, поговорить с ее родителями о женитьбе. От станции километров пять шел до села, нашел её дом, постучал в калитку. Вышла сама Надя, обрадовалась, но вида не показала, поздоровалась, как со знакомым, сказав матери, что пойдет проводить бывшего однокашника, заехавшего к ней по пути, потащила меня прочь от двора.

На мой протест, что я хотел договориться с ее родителями о нашей женитьбе, она поинтересовалась:

– А твои родители знают, что ты хочешь на мне жениться?

– Нет, им я еще не говорил, но уверен, что они не будут возражать.

– Вот тогда и приходи к нам свататься, а то получается, что ты женишься без ведома своих родителей. Мои доводы о нашей самостоятельности, скором отъезде на работу не возымели действий. Надя убедила меня в обязательности соблюдения обряда женитьбы хотя бы в рамках согласия родителей и, если не свадьбы, то хотя бы небольшого застолья.

С этим я поспешил домой, обрадовал мать, что поступил в институт, предупредил о скором отъезде на работу и огорошил ее сообщением, что перед отъездом хочу жениться на знакомой мне девушке, моей однокурснице. Мать немного удивленно, но спокойно ответила: – Что ж, нужное дело, сынок! Ты уже взрослый. Тебе решать свои проблемы. Кто она и любишь ли ты ее?

– Люблю ее, мама, и очень! А она дочь колхозника села Преображенского – Надя Постольник.

– Ну, как говорят: счастья тебе сынок! Надеюсь, отец не будет возражать. Только кого же посылать свататься? Времени до отъезда осталось мало.

– Сватать поеду я сам завтра, а в воскресенье сделаем у нас небольшой обед, отсюда уедем на работу. В воскресенье я привезу сюда ее родителей и невесту. Тут и свадьбу справим.

– Так быстро?! Не успеем, сынок, управиться за три дня. Хочется женить тебя по-людски.

– Ничего, мама, особенно не замахивайся на солидную свадьбу. Пригласите только близких на небольшой обед.

Вечером отец поздравил меня с поступлением в институт, поддержал намерение жениться.

Утром я, прилично одетый в свой старый костюмчик с галстуком на белой рубашке, бодро шагал в город на станцию, откуда поездом доехал до остановки Минутка, а затем полевой дорогой дошел до двора невесты.

Во дворе возилось трое ребят, а на крыльце дома стояла длинноногая девочка-подросток. Увидела меня, юркнула в сени. Вскоре оттуда вышла средних лет женщина с ребенком на руках, спросила меня не особенно дружелюбно: – Вам кого, молодой человек?

– Мне нужен Иван Терентьевич, – ответил я, стоя у ступеней крыльца.

– Его нет, он в степи работает. Будет вечером. А что вам надо? – уже с интересом спрашивала Надина мать.

– Мне нужно поговорить с вами о важном деле.

– Тогда проходите в хату, – показала хозяйка дома на дверь в сени.

Я поднялся на крыльцо, последовал за хозяйкой в сени, а затем в сельскую горницу, где уселся на предложенный мне табурет у стола. На другой стул, не выпуская ребенка из рук, села моя будущая теща, ожидая начала важного разговора.

Я рассказал ей, что мы с Надей вместе учились в педучилище, давно полюбили друг друга, были вместе на практике, направлены на работу в одну и ту же школу, решили пожениться. Сейчас я приехал просить ее руки и вашего согласия на наш брак.

– А Настенька согласна выйти за вас замуж? – без удивления спросила Надина мать, уже с интересом разглядывая молодого, долговязого будущего зятя.

– Конечно, согласится! – утвердительно воскликнул я.

– Ну, хорошо. Сейчас узнаем. Настенька! – позвала она дочь, догадываясь, что та находится рядом, – зайди сюда!

Надя зашла в горницу, оставив дверь открытой, за ней мелькала фигурка любознательной сестры.

– Вот пришел парубок, хочет на тебе жениться, говорит, что ты согласна выйти за него замуж, правда это? – допытывалась мать у дочери.

Та, потупившись, смиренно и коротко ответила: – Да, мама!

– Ну, коли ты согласна, то я не возражаю, а решать будет отец. Вечером он приедет, тогда и будем решать о сватовстве – закончила мать, давая понять, что разговор на эту тему закончен и, чтобы не обидеть парня, приказала дочери: – Ты, Настенька покорми жениха, может он проголодался, да займи его чем-нибудь.

Один на один я рассказал своей невесте о моем разговоре со своей матерью, о том, что я обещал в любом случае привести свою суженную в воскресенье домой на свадьбу, откуда и поедем на работу. Времени у нас в обрез. Надя согласилась с ускорением сватовства

Вечером приехал с поля отец. Я сидел в горнице перед керосиновой лампой, читал районную газету и слышал, как забегали женщины, помогая отцу умыться, привести себя в порядок, сообщая о приходе жениха-свата.

Услышав звук открываемой двери, я поднялся с табуретки, желая встретить будущего тестя с почтением. В комнату вошел среднего роста человек лет 45. Загорелое лицо, глаза уставшего человека. Подойдя ближе, протянул мне широкую, мозолистую ладонь, крепко стиснул мою руку. Разговор начал без всяких дипломатий:

– Ну и времена пошли: женихи стали сватать сами, да еще тогда, когда хорошему хозяину не до свадьбы! Или что-нибудь случилось, коль такая спешка?

– Да, Иван Терентьевич, так уж получилось. Мы с Надей недавно вернулись с практики, сдали экзамены в педучилище, получили с ней направления на работу в одну и ту же школу. Я только что сдал экзамен в институт на заочное отделение, так что до нашего отъезда остались считанные дни. Мы с Надей давно любим друг друга. Решили пожениться. Надя хочет соблюсти старые традиции – получить согласие родителей, сделать хотя бы небольшой обед. Вот я и приехал к вам сам просить руки Вашей дочери и пригласить вас к нам на обед в это воскресенье.

– Ишь ты, какой прыткий парень! – удивился отец Нади. – А у родителей ты получил благословение на женитьбу?

– Конечно, Иван Терентьевич! Я их предупредил, что женюсь на любимой девушке и с ней уеду на работу. Они согласились, попросили только познакомиться с невестой и ее родителями. Приглашают вас в воскресенье на обед.

– Ты, оказывается не только прыткий, но и самостоятельный: «Предупредил!». А если мы не выдадим за тебя нашу дочь?

От такого ответа я немного опешил, но потом нашелся и выпалил:

– Надя говорила, что ее очень любит отец. А, как известно, любящий отец не сделает свою дочь несчастной!

– Ну, что ж, молодой человек, ты меня убедил. Если уж вы решили пожениться по согласию родителей, то я согласен отдать свою дочь за тебя. А сейчас соблюдаем ритуал до конца. Мать, а мать! – крикнул он, – Заходите!

Мать и Надя, видимо, ждали за дверью, так как сразу же вошли в комнату и остановились перед отцом, который, показывая на меня, обратился к ним, поддерживая ритуал сватовства:

– Этот парубок настойчиво уговаривал меня выдать за него мою любимую дочь. Говорит, что иначе она будет несчастной, так как любит его. Правда ли это, Настенька? Ты согласна выйти за него замуж?

– Да, папа! – потупившись, согласилась Надя.

– А что скажет наша мать? – обратился отец к жене.

– Воля Божья, отец! Если уж любовь у них, не будем мешать их совместной жизни.

– Так быть по сему! Если бы по старому обычаю, благословили мы бы вас иконой, но вам, комсомольцам, мы с матерью желаем крепкой любви, семейного счастья и больше внучат! – Встал, взял за руку дочь свою, подвел ко мне, соединил наши руки. – Вручаю тебе, зятек, свою любимую дочь Настеньку!

Мать не удержалась, тихо перекрестила наш союз.

– Вот и пропили мы, мать, свою дочку, твою помощницу. Ставь сейчас на стол все, что есть лучшее, отметим это событие – закончил процедуру сватовства простой, но мудрый и добрый крестьянин Иван Терентьевич Постольник. Мне повезло: и тесть и теща попались хорошие, душевные.

В этот вечер в кругу своей семьи отметили мы нашу помолвку скромным застольем

Утром тесть, теща с ребенком, невеста и я сидели в ожидании попутной автомашины, чтобы она подбросила нас хотя бы до города. В колхозе с транспортом что-то не получилось. Время шло, а попутных машин не было. Уже подтянуло животы – решили перекусить, вернулись домой. Не успели мы еще взяться за ложки, а теща перепеленать ребенка, как, запыхавшись, прибежал тесть с сообщением, что попутная машина подбросит нас до города, нужно спешить. Раскричался ребенок, теща ехать отказалась. Поездка срывалась, а значит, все усилия моих родителей рушились. Решили ехать втроем. Уселись в кузов полуторки, поехали. Только начали успокаиваться после пережитых волнений, как забарахлил мотор. Благополучно проскочили балку Ялгу, а на второй балке, у самого города, мотор заглох на подъеме. Все попытки шофера исправить его были безуспешными. Пришлось идти пешком, а это 15 километров хода. Солнце уже склонилось к вечеру. Шли сначала бодро, потом стали уставать, допекало солнце, духота, а главное, наверное, невеселые думы тестя и невесты. Как я ни старался отвлечь

их от невеселых дум, мне это удавалось только на короткий период, после чего мои спутники снова погружались в свои мысли. Да и было над чем думать. Вся женитьба проходила в спешке, без подготовки, не по-людски.

Тестя беспокоило неудачное время сватовства – летняя страдная пора, неожиданный приезд самого жениха, по сути желторотого мальчишки, хотя, как будто и толкового, самостоятельного. Отдал дочь, не ведая в чьи руки, не зная ни жениха, ни его родителей. Понадеялся на разумный выбор дочери. У него до сих пор саднило в душе от поступка его старшего сына Василия, когда тот еще сопливым мальчишкой уехал из дома учиться в ремесленное училище, стал на квартиру к молодке с ребенком. Она была на 10 лет старше его, обкрутила пацана, женила на себе.

И сегодняшний день начался неудачно: долго не было попутки, поломка машины, пеший ход в полтора десятка километров, опоздание к свадьбе. Да еще неизвестно – кто и как нас ждет сегодня в доме жениха. Может парень и поднаврал – никто нас не ждет. Непохоже....

Есть о чем думать и Наде.

Она, не в пример отцу, хорошо знала своего жениха, была уверена в его порядочности, честности, радовалась, что наконец-то вопрос замужества решен так, как она и желала. Хорошо, что первое время придется жить врозь.

И сейчас хотела показаться в глазах родных жениха жизнерадостной, веселой невестой. Свои туфли на высоких каблучках она несла в сумке и шла в легких сандалиях.

Уставшие, измученные мы подходили к дому. Я заметил на крыльце дедова дома брата Василия. Тот заметил нас, метнулся во двор. Мы остановились передохнуть, отряхнуть пыль. Надя, по женской привычке, поправила копну своих каштановых волос, подкрасила губы, заменила сандалии туфлями.

Встречать нас вышли мать и тетки.

– Что ж вы так задержались, дорогие сваточки? – запричитала мать. – Мы уж Бог знает что подумали!

Узнав наши трудности, она заохала, кинулась наливать нам воды в тазы, чтобы вымыть и остудить ноги. Сама стала ухаживать за сватом, поручив невесту мне.

Немного отдохнув, я познакомил своих с невестой и её отцом, а их с моими родными. Было их не так много, но больше чем я думал: на свадьбу пришел даже дед Бобряш с женой, бабушка Рящина Татьяна – вторая жена деда Якова, ее сын Егор с женой, тетка Нюрка и Ольга – сестры отца, тетка Мария – сестра матери, моя крестная – Казарцева Мария и мои братья Васька и Санька. и сестричка Маша.

Стол был накрыт в комнате. На нем давно уже стояли закуски и выпивка. Мать и тетки постарались на славу. Было здесь и холодное, жаренное и пареное, вино и водка. Все проголодались, ожидая нас. Шумно уселись за стол. Нас с Надей посадили посредине стола. Возле меня села крестная, возле Нади – мать.

Начались, как обычно тосты за жениха и невесту, их родных. Как обычно кричали: «Горько!». Приходилось подниматься, целоваться. Наде это не очень нравилось, но ничего не оставалось, как подчиниться православному обычаю. Ходили даже с блюдом, клали туда пожертвования для молодоженов. Скромный обед вылился в настоящую свадьбу, с музыкой, песнями и плясками. Несколько позже, когда гости уже подпили, пришел мой одноклассник Ванька Казарцев, сын моей крестной, с гармонью и весь вечер веселил гостей. Вечером на улице собрались зеваки, посмотреть, как женится Ванька Яковлев, поглядеть на его краю.

К невесте приглядывались и родственники и родные. Всем она пришлась по душе: красивым личиком, стройной фигуркой, обворожительной улыбкой, веселым, открытым характером. Понравилась она и матери. Кроме всего, мать заметила в ней и характер, способность защитить себя, вести себя ровно и достойно со всеми.

Мне наедине она шепотом призналась:

– Молодец сынок, хорошую выбрал себе жену. Мне она нравится. Сошлись мнением и сваты. После очередных тостов, насытив желудки едой, вышли они во двор на перекур. Подсел к ним и я, послушать их беседу. Тесть предложил отцу самосад, а отец – папиросы «Север». Закурили папиросы.

Тесть стал благодарить отца за встречу, хороший обед, посетовал на трудную жизнь колхозника.

– Хорошо сейчас живут рабочие и служащие, – продолжал рассуждать Иван Терентьевич – отработал 8 часов, идет домой отдыхать или ра-

ботать в своем хозяйстве. А в конце месяца получает заработную плату, на которую можно безбедно прожить. А бедный колхозник от зари до зари работает в поле, работает без выходных, и за работу пишут ему трудодни, на которые в колхозе в конце года начисляют на них оплату зерном, продуктами, деньгами из того, что осталось в колхозе для раздачи колхозникам. Часто приходится только расписываться в ведомости, радоваться, что еще не остался должен колхозу. Если бы не своё подсобное хозяйство, то хоть совсем помирай. Не хотят работать в колхозе. Бегут из села, особенно молодежь. Остаются только старики да дети. А куда я убегу, без паспорта, с кучей детишек, кто меня примет, пригостит. Так, видно, всю жизнь придется мучиться в колхозе. Рад, что дети устраивают свою жизнь иначе.

Не пойми, сват, что я против колхозов – оправдывался тесть перед сватом. Они в сельском хозяйстве лучше единоличных наделов, создают условия, механизировав многие работы, облегчая труд крестьянина, вводя севообороты, новые сорта, повышая урожайность. Наш колхоз сейчас производит зерна, мяса, молока больше, чем раньше. Но беда в том, что все это за бесценок забирает государство, крохи остаются для колхозников, а промышленные товары и технику продает колхозу дорого. Так что колхознику ничего не остается на трудодни. И выкручивается он, бедолага, как может: где словчит, где украдет. Разве так можно жить?

– Рабочий и служащий, дорогой сваток, то же не радуются своей жизнью. Да, работают они 8 часов, получают зарплату каждый месяц, но ей всегда не хватает на жизнь. Вот я получаю 250 рублей в месяц. Как будто заработок неплохой. По нашим ценам на продукты для моей семьи достаточно, а купить одежду, обувь уже не могу, слишком большие цены на промышленные товары. Вот покупал сыну обувь. За туфли отдал 250 рублей, весь мой месячный заработок. Тоже приходится химичить, выкручиваться. Сам недавно крестьянствовал, знаю судьбу сельского труженика.

Так беседовали два свата, найдя много общего в своей судьбе.

Поздно вечером закончилась свадьба. Ушли родственники живущие далеко от нас, затем ближние. Стали располагаться на ночлег и мы. Нас, молодоженов, положили в хате, на единственной в доме кровати, а свата – на кушетке в чулане. Отец с матерью и детьми улеглись во дворе, на теплой земле.

Утром, на заре, нас разбудил шорох. Мать, увидев это, в испуге зашептала: «Спите, спите, я только чугунок возьму, завтрак приготовить!».

Надя вскочила: «Я Вам помогу, мама!».

– Лежи, лежи, доченька, придет время – еще напоемаешься. А сейчас зорюйте, родные мои – проговорила мать, покидая комнату.

Надя радостно вздохнула, легла, прижалась ко мне, счастливая, что пришлось по душе свекрови. Счастливые, мы заснули снова. Проснулись, когда уже солнце нагрело землю, а у наших родичей подвело животы. Все ждали молодоженов к завтраку. Не было только свата. Надя, в испуге спросила: – А где папа?

– Твой папа, доченька, рано встал, выпил стакан вина и сказал, что пойдет домой к председателю колхоза просить у него денег и продуктов, чтобы сделать ответный обед, на который уже пригласил и нас. Мы советовали не тратиться, но он и слушать не захотел. Говорит: что он хуже нас и ради счастья дочери сделает ответный обед – объяснила ей свекровь.

На глазах у Нади заблестели слезы. Она-то знала, что дома у них не из чего приготовить ни свадебного обеда, ни даже накормить жениха и невесту. Она представила себе, каких мучений будет стоить для её родного папочки этот злополучный свадебный обед. Надя была уже не рада и свадьбе и затеянного ей ритуала сватовства.

Не напрасны были опасения дочери. Бедный отец спешил скорее добраться в свой колхоз, захватить на месте председателя. На счастье тот еще был в конторе. Запыхавшись, мокрый от пота, Иван Терентьевич ввалился к нему в кабинет с возгласом отчаяния:

– Товарищ председатель, Павел Григорьевич! Помогите родной!

– Что случилось, Иван Терентьевич? Что нужно тебе? – забеспокоился хозяин колхоза поведением своего колхозника.

– Выдаю замуж свою дочь. Только что от сватов, где была свадьба. Теперь я должен сделать ответный обед, а у меня нет даже хлеба. Выпиши, пожалуйста, мне денег, продуктов. Я их тебе отработаю. Не откажи в моей просьбе. Хочу по-человечески выдать дочь.

– Ну, это дело поправимое, уважаемый Иван Терентьевич – отвечал успокоенный такой малой просьбой хозяин. – А жених хоть стоящий? – Стоит ради него тратиться?

– Кажись, толковый парень. Как и дочь – учитель. А его отец работает техником-строителем в РайЗО.

– Ну, коли так, выписывай все, что нужно для свадьбы.

Обрадованный отец с запиской председателя побежал в бухгалтерию выписывать муку, мясо, масло, деньги, а затем послал младшую дочь к сестрам просить их помочь подготовить свадебный обед. Через день все было готово к встрече жениха, невесты и сватов.

Пока у тестя шла подготовка к свадьбе, я и Надя готовились к отъезду: укладывал белье, одежду, предметы повседневного обихода. Все поместились в небольшом фанерном чемодане. Мама, как наседка, крутилась возле нас, своих детей, убаюкивая и напутствуя нас о совместной жизни, вдали от родных. Отец ушел на работу, чтобы просить у начальства транспорт для поездки к сватам.

На другой день ко двору подъехала грузовая машина – полуторка. Ради такого случая, её дали на день отцу. В кузове разместились я, мать, отец и бабушка – мачеха отца. Надю посадили в кабину.

В этот раз за час доехали до Преображенки без поломок и происшествий. Нас уже поджидали приглашенные тестем гости. Познакомились, пошли в горницу, где были накрыты столы. При виде их, Надя сжала мне руку, удивившись обилием стола и выпивки. Здесь, как и у нас, были холодные и горячие блюда, ломти мягкого белого хлеба.

Свадебный обед начался, как и положено: с тостами, криками: «Горько!», поцелуями жениха и невесты.

До вечера гуляли гости, а нас начали готовить к отъезду, так как мы уже опаздывали на работу, а наш поезд проходил через Плаксейку ночью. У Нади все вещи были подготовлены. Поэтому сборы были короткие, прощание – быстрое. Распрощались, расцеловались с родными. Мы с Надей уселись на бричку и покатали под общий возглас: «счастливого пути!» к железнодорожной станции Плаксейка. В подводе, сидя на мягком сене, Надя, обняв и крепко поцеловав меня, с облегчением подвела итог: – Ну, слава Богу, закончилось сватовство, все прошло благополучно. Теперь не надо прятаться.

На другой день мы были уже в Ново-Александровке, а на следующий день колхозная телега привезла нас в хутор Красно-Червонный к зданию

сельской школы, где и создавалась новая НСШ, завучем которой я должен быть.

Директор НСШ был уже на месте. Встретил меня хотя и с радостью, но и с недоумением, увидев мою молодость и, скорее всего, неопытность в работе. Подошли и некоторые учителя.

Предстояла нам сложная работа – найти место жительства. Колхозные помещения были заняты, а у хуторян их жильё было забито до предела. После поисков с помощью работников совета удалось найти уголок у вдовушки Полины, живущей с двумя дочерьми-школьницами. В её небольшом домике были сенцы, передняя комната, третья часть которой занимала русская печь, на которой спали девочки, лежанка, стол, скамейка и пара табуреток; во второй комнате-горнице стояла кровать, стол и трое стульев – обычная квартира сельских жителей малого достатка.

Нам хозяйка разрешила поставить односпальную кровать-шахтерку, выделила матрас, одеяло, подушку, разрешила готовить у нее на кухне еду, а в горнице – использовать стол для нашей работы. Условия были жесткие, но другого выхода мы не находили, да особенно, и не искали, так как были молоды, неприхотливы в быту и заняты работой.

В школе занятия шли в две смены: начальные классы с утра, 5-й, 6-й и 7-й классы после обеда. Надя занималась со своим классом с утра, а я вел алгебру, геометрию, физику и рисование в старших классах всю вторую половину дня, кроме того, как завучу, часто приходилось работать и с утра, проверяя работу учителей младших классов. Учитывая, что вечером приходилось готовиться к занятиям, проверять задания учеников, спать приходилось урывками.

Первое время мы, прижавшись друг к другу, умещались на своей шахтерке, но позже, когда уже стало опасно тревожить жену, мне пришлось ночевать на полу. Мы были бодры, радовались жизни, с душой работали, верили в лучшее будущее. Наш заработок в 500 рублей вселял надежду на лучшее обустройство нашего жилья.

Все шло хорошо. Ничто не предвещало неприятностей. Ученики нас признали, наши уроки им нравились, хорошие отношения сложились с коллективом учителей, руководством колхоза. Об армии я не думал, так как в этом году учителей в армию не призывали, а международная обстановка

после финской компании была более-менее спокойная. Но гроза неожиданно грянула: в октябре мне вручили повестку из военкомата – призывали в армию. За помощью обратился к зав. районо Одиноккой. Все ее усилия остались безуспешными. Вышел указ, отменяющий льготы многим призывникам. Подгребали всех льготников. Комиссия признала меня пригодным к службе. На мою женитьбу и беременную жену не обратили внимания, указав, что юридически я холостой человек. Только теперь до меня дошла наша глупость: свадебный ритуал мы выполнили, а юридически брак не оформили, не зарегистрировались в Загсе или сельсовете. Нас обвинили в сожительстве:

Какие вы муж и жена, если жена живет под девичьей фамилией, в паспорте нет отметок о браке.

Призыв в армию не был для нас трагедией, так как в те времена служба в армии считалась обязательным и почетным делом. Срок службы в два года не был обременительным. Этим я успокаивал свою жену, просил смириться с необходимостью разлуки. Она понимала это, но не могла сдержаться себя: беспрерывно плакала, как бы предчувствуя долгую разлуку.

Хорошо, что с отправкой в армию спешили. Вскоре после комиссии пришла повестка явиться в военкомат с вещами. В школе передал свои дела, попрощался с учениками и коллективом учителей. Провожать меня за околицу пошла моя жена Надя. Обнявшись, шли мы, напутствуя друг друга, целуясь, прощались. Надя плакала. Смахивал слезы и я. Болела душа. Жаль было расставаться с любимой женой, оставлять ее одну в таком положении, среди чужих людей, вдали от родных, без моей помощи, на которую она всегда рассчитывала. Наверное, так же думала и Надя, представляя, как ей будет трудно без поддержки любимого человека.

Так мы шли, говорили, целовались, прощались, пока ездовой не предупредил меня о его присутствии. Крепко обняв и поцеловав на прощание жену, сел в задок одноконной брички, которая потихоньку удалялась от Нади, идущей вслед, обливаясь слезами, не видя дороги. Сидя спиной к ездovому, плакал и я, глядя на бредущую жену. Подвода удалялась, а Надя все шла и шла. Ездовой поехал быстрее. Надя стала удаляться все дальше и дальше. Так я запомнил мои проводы в армию и прощание с любимой женой.

В военкомат я прибыл, как говорят, к шапочному разбору, когда уже комплектовались группы призывников, подготавливались документы к отправке, а новобранцы во дворе военкомата прощались с родными и любимыми. Не было слез и причитаний. Казаки своих парней провожали в армию с песнями, плясками, выпивкой. Служить в армии для них было делом чести и гордости.

Пожалуй, один я ходил там с угрюмым, кислым лицом. Никто меня не провожал, не обращал особого внимания.

Меня быстро оформили, определили в одну из команд и вскоре ее построили и повели на железнодорожную станцию, посадили в вагон. Рано утром мы уже были в Армавире, где всех допризывников разместили в войсковых казармах, постригли наголо, вымыли в бане, продезинфицировали одежду. Здесь же повторно проходили визуальную проверку физического и интеллектуального развития и определение в роды войск. Через день команда из полусотни кубанских призывников под командой армейских командиров в пассажирском вагоне проехали реку Дон, Ростов-на-Дону и повернули в сторону Харькова. А через двое суток наша команда, промаршировав по городу Новоград-Волынский, вышла на его окраину в военный городок войсковой части.

Это оказался стрелковый полк дивизии. Нас, всех призывников со средним и высшим образованием определили в полковую школу младших командиров, по окончании которой нужно в должности командира отделения отслужить еще два года, что на год службы больше предполагаемого мной. Но в армии есть свои законы, которым должны подчиняться от солдата до генерала.

Вскоре нас обмундировали, выдали гимнастерки, шаровары, ботинки и обмотки. В них мы были похожи на длинноногих страусов с длинными шеями и голомызыми головами. Сначала смеялись над своим видом, но позже привыкли и радовались такому одеянию. Фуражки и пилотки придавали бравый вид бойца Красной Армии. Первую фотографию бойца полковой школы в день принятия воинской присяги выслал жене. Но буквально через неделю после принятия присяги всех новобранцев полка, в том числе назначенных в полковую школу, собрали в отдельную роту, названную «Учебной ротой» 1-го батальона, в которой в течение двухлетнего срока службы из

интеллигентных новобранцев должны быть подготовлены средние командиры взводов. Через год обучения в таких ротах наиболее подготовленные направляются в роты полка на должность помощников командиров взводов, а по окончании срока службы им присваивается звание младшего лейтенанта или лейтенанта и отпускаются в запас, чтобы потом, при экстремальных условиях, призвать их на службу в армию.

Воина с японцами и финнами показала громадные потери среднего командного состава, пополнить который в военный период бывает очень трудно. Запасников подобной категории было мало, а военные училища не успевали подготовить подобный контингент даже для действующей армии. Для ликвидации создавшейся диспропорции Нарком Обороны маршал Тимошенко приказал с 1941 года создать в военных подразделениях из призывников со средним и высшим образованием особые учебные роты и другие подразделения по подготовке средних командиров запаса.

Такая рота была создана и в нашем стрелковом полку, где по особой программе из нас, новобранцев, за два года должны подготовить командиров Красной Армии. Как я ни не хотел посвящать себя военной службе, но из меня стремились сделать военного человека. Я понимал, что международная обстановка требовала укрепления обороноспособности нашей страны, но был доволен, что мне придется служить вместо трех – два года, поэтому к службе и учебе относился со своей ответственностью.

Наша учебная рота ничем не отличалась от аналогичного подразделения полка: одно и то же обмундирование, ботинки и обмотки, кургузые шинели, еда из общего котла. А программа занятий и требования были более жесткие, разнообразные, чем в обычных ротах. С нас требовали лучшей выправки, физического развития.

Ребята в роте, в основном, подобрались рослые, особенно своим ростом выделялся третий взвод грузинских парней, подобранных один к одному и ростом и голосом. При их пении песни «Сулико» замирали даже птицы на деревьях. Наша рота была многонациональна: были здесь кавказцы, азиаты, сибиряки, россияне, евреи. Все были грамотные, новоиспеченные интеллигенты, но физически слаборазвитые, неуклюжие, не подготовленные к армейской жизни. Младшими командирами к нам назначили бывалых служак, умеющих выбивать «дурь» из любого новобранца, особенно если он

грамотнее и умнее своего начальника. Средние командиры были образованные, знающие военное дело люди, но муштру, чрезмерное рвение командиров отделений поддерживали и даже кое в чем поощряли.

Особенно доставалось от старшины роты, высокого, стройного украинца, Василия Шпака, черноусого, с казачьим чубом на красивой голове. Дослужившись до звания старшего сержанта, он остался на сверхсрочной службе. Сам подтянутый, аккуратный, любил порядок и дисциплину, приучал нас к этому, строго наказывал за неопрятно убранную постель, опоздание с построением, плохую заправку солдата, неуставную отдачу чести командиру. Да мало ли к чему мог придирается наш старшина.

Он особенно любил строевой парадный шаг. Построит, бывало, роту на обед и гоняет её вокруг столовой строевым, под дробь барабана с песней, пока не добьется полного такта песни и шага.

За непослушание, плохое исполнение его приказаний следовало наказание – бег вокруг столовой, а иногда и «гусиный шаг» – самое тяжелое наказание для солдата, когда одиночный боец или группа усаживалась на корточки и по команде «шагом марш!» в таком состоянии двигались вперед, держа прямо спину и высокого подняв голову. После такой ходьбы долго дрожали ноги у бойцов. За строгость и чрезмерные наказания многие проклинали старшину, но и уважали, понимая, что он стремится научить нас, будущих командиров, атрибутам воинской жизни и быта.

Физической подготовкой в полку, особенно в нашей роте, занимались основательно. Много времени уделялось и боевой подготовке: приемам рукопашного боя, стрельбе, изучению полевых уставов, политзанятиям. «Только вперед! Ни шагу назад! Пуля – дура, штык – молодец!» -вызубрил каждый солдат. И на полигоне, и в полевой обстановке нас учили только действиям в наступлении. Как вести себя при отступлении, в окружении мы не знали. Не ведали этого и наши командиры. Подобные действия не были предусмотрены уставами.

Подъемы и марши были частыми. Первоначально нас учили быстро подниматься и одеваться в казарме. За две минуты красноармеец должен выполнить все процедуры и встать в строй. Особенно много времени отнимала намотка обмоток на ноги. Нужно очень быстро намотать на икры ног две двухметровые трикотажные ленты так, чтобы верх ботинок был

плотно прижат ими к ноге, а выше икр они крепко бы держались на ноге. Не дай Бог, если наматаешь её плохо, и она сползет где-нибудь в дороге, на марше, в строю и сзади идущий наступит на неё. В лучшем случае, – выбегай из строя, снова накручивай злополучную обмотку, догоняй товарищей, позорься перед ними. Здорово мучили нас эти чертовы обмотки, но и хорошо выручали при преодолении водных преград, передвижении «по-пластунски». В этом случае они надежно предохраняли ноги от воды, песка, сохраняли их в тепле. В то время, как сапоги приходилось снимать, выливать воду, высыпать песок, менять портянки.

На маршах, в походах мне было труднее, чем моим сослуживцам, так как был я пулеметчиком, а они стрелками. Кроме обычной амуниции: саперной лопатки, сумки с противогазом, вещевого мешка за плечами, у меня еще оттягивали плечо металлическая коробка с различными инструментами и деталями к ручному пулемету и тяжелый «Дегтярев». Мой помощник – второй номер, всегда был рядом, нес дополнительные диски к пулемету и время от времени помогал мне нести оружие.

Первоначально такая экипировка казалась тяжелой, но со временем я набрался сил, привыкал, физически креп: из длинного, худого, слабосильного допризывника на солдатских харчах, при повседневных занятиях физической подготовкой, волчьем аппетите, превратился в крепкого, сильного и выносливого воина. Военская служба благотворно воздействовала на мое здоровье, физическое развитие. На марше я все реже и реже передавал свое оружие помощнику. Да и он, хитрый украинец Микола Бижан предпочитал сам нести свою трехлинейку, не изъявляя особого желания связываться с «дегтярем».

Конечно, об армейских буднях писать домой не полагалось, да и не хотелось волновать родных неурядицами службы. Как все, и я писал, что самочувствие хорошее, служба идет нормально, поправился за полгода на 10 килограммов. Не писал даже, что мне предлагали поступить в авиационное училище, но, не желая связывать себя с военной службой, я отказался от этого предложения. А в апреле под усиленным нажимом политрука роты согласился поехать сдавать экзамены в Московское военно-инженерное училище, где, узнав, что это обычное саперное училище, умышленно провалил экзамены по математике. После откровенного разговора с начальни-

ком училища о моем стремлении быстрее вернуться домой в «гражданку», к семье, был снова откомандирован в свою часть. Не писал даже, что был впервые в Москве на первомайском празднике, видел праздничную столицу, ликующих москвичей. Солдата в обмотках и потертой шинели на Красную площадь не пустили, пришлось созерцать со стороны.

Не сообщил домой и о приятной новости, когда в конце мая на полковых соревнованиях ручных пулеметчиков по преодолению препятствий и стрельбе занял призовое место, получил недельный отпуск и звание ефрейтора. Решил приехать домой неожиданно, обрадовать любимую жену и дорогих родителей. Хорошо, что не написал об этом, не заставил их напрасно ждать моего приезда, так как звание мне присвоили, а с отпуском попросили подождать, заявив: «Поедете после корпусных учений», к которым все усиленно готовились.

Вот и дождался. Началась война. Теперь дома удастся побывать только после разгрома врага, если останусь жив.

То, что он будет разбит, война долго не продлится были уверены все, надеясь на мощь и силу Красной Армии.

МАРШ К ГРАНИЦЕ

Все это, как в калейдоскопе, пронеслось в моей голове. А я сидел за столом перед чистым листом бумаги, не зная, о чем написать родным, не заметив даже, как возле меня остановился политрук роты, с которым мы вчера до позднего вечера оформляли ротный «Боевой листок». Он, видимо, понял мои затруднения, поэтому посоветовал:

– Не ломай голову, ефрейтор, напиши, что началась война, мы идем на фронт, на защиту нашей Родины и с честью выполним солдатский долг. Пусть будут уверены в нашей победе.

Письмо написал жене примерно в таком духе, добавил немного эмоций, приветов родным. Сложил его треугольником, бросил в полковой почтовый ящик.

Специальная команда разбирала и увозила в военный городок палатки и оборудование лагеря. Вскоре последовала команда повзводно получать боепитание и неприкосновенный запас продуктов. Все это было за-

везено взводом со складов дивизии еще неделю назад и сложено в палатку посредине лесной поляны. Каждому выдали боевые патроны, гранаты, запалы к ним, каски и медальоны. Война стала чувствоваться более реальной, осязаемой. Мы с Николаем Бижаном набивали патронами пулеметные диски, укладывали НЗ, свое барахлишко, патроны и гранаты в вещевые мешки, проверяли амуницию, оружие, готовились к большому маршу.

В десять часов началась передача по радио, выступление Молотова. У репродуктора, висевшего на столбе у штабной палатки, без всяких команд сгрудились солдаты и командиры. Задрав головы, внимательно слушали Наркома иностранных дел о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз, о попрании договора о дружбе, нарушении международных правил.

Теперь стало официально ясно, что война началась, враг без объявления войны перешел границу и движется по нашей территории.

После выступления Молотова на этой же поляне выстроили буквой П полк на митинг, где батальонный комиссар полка передал содержание речи Молотова, призвал бойцов исполнить свой долг – разгромить вероломного врага, уничтожить фашистскую гадину на его земле.

Командир полка объявил о скором выступлении дивизии и полка на запад, навстречу наступающей немецкой армии.

После митинга бойцов накормили сытным обедом, дали час времени на отдых и сборы. Время шло. Солдаты, давно готовые к маршу, недоуменно спрашивали своих командиров: в чём задержка, чего ждем?

А ждали, оказывается, автомашины и транспорт, на котором должны быть перебросены войска на боевые рубежи. Его до сих пор не было, и штаб корпуса ничего конкретного не сообщал, ибо сам не знал, как распределить незначительное количество техники, недавно поступившей на базу снабжения. Дело в том, что 9-й корпус только назывался механизированным. С 1940 года возобновилось интенсивное формирование механизированных корпусов. Такой корпус под командованием К.К.Рокоссовского был создан из 131-й стрелковой дивизии под командованием полковника Н.В.Калинина, 35-й танковой дивизии генерал-майора Н.А.Новикова и 20-й танковой дивизии полковника М.Е.Катукова. Подчинялся он непосред-

ственно Киевскому Особому военному округу, а в начале войны – 5-й армии юго-западного фронта.

К началу войны корпус был укомплектован старенькими танками Т-26, БТ-5 и БТ-7, которые в современной войне не выдерживали тяжелых боевых действий, были уязвимы для немецкой техники. Да и этих танков было чуть больше трети положенного по штату, не говоря уже об автомашинах. Их было считанное количество не только в стрелковой дивизии, но и в танковых, а поскольку они значились моторизованными частями, не было у них и конного транспорта. Время от времени корпус получал боевую технику и автомашины, но в мизерных объемах. Страна не могла быстро удовлетворить потребности армии.

Поэтому руководство корпуса и ломало голову в поисках вариантов быстрее переброски войск в приграничные районы, а это ни много, ни мало около трехсот километров.

Наконец было принято соломоново решение: посадить часть пехоты танковых дивизий на броню танков, часть с перегрузкой усадить на автомашины, остальным пешим ходом продвигаться на запад. Это давало возможность выделить часть автотранспорта для стрелковой дивизии. Пока этот вариант решался в штабе корпуса, 131-я механизированная дивизия выстроила своих пехотинцев в длинную колонну на автостраде Новоград-Волинск-Ровно для большого марша. Красноармейцы вынуждены нести на себе помимо личного снаряжения ручные и станковые пулеметы, ротные и батальонные минометы, боеприпасы к ним и все это тащить на себе в такую жару!

Впереди колонны, в авангарде, двигались автомашины разведки, штабные машины, легкие танки и броневики. За ними двигался наш батальон, полк. Сзади полка разместились повозки и машины хозяйственных подразделений. За ними построились другие полки дивизии. Левее наших колонн, по другим дорогам, должны были проходить танковые дивизии корпуса.

Наконец в 14 часов 22 июня колонны солдат форсированным маршем двинулись по автостраде на запад, в сторону Ровно.

С момента объявления тревоги в воздухе мы не видели наших самолетов. Немецкие бомбардировщики пролетали на большой высоте сначала на восток, а затем обратно, после бомбежки наших городов.

Пехота, не обеспеченная транспортными средствами, сначала бодро шагала по пыльной дороге, неся на себе полную солдатскую выкладку. Ноша была и тяжела, и громоздка. На голове у бойца надета на пилотку металлическая каска, на спине висит вещмешок, через одно плечо перекинута скатка плащ-палатки, через другое – шинельная скатка, плечи оттягивали лямки противогазной сумки, а у меня и металлическая коробка к пулемету; на пояском ремне висит саперная лопатка, фляга с водой, подсумки для патронов и гранат, а в руках личное оружие. Более двух пудов ташил на себе солдат по жаре ускоренным ходом. Самый выносливый боец не мог долго выдержать такой нагрузки. После часа ходьбы колонны потеряли форму, стали растягиваться. Не помогали подбадривания и понукания командиров. После часового движения сделали короткий привал, немного передохнуть, подтянуться, подогнать лучше снаряжение. Затем снова марш. Красноармейцы понимали необходимость быстрого марша, знали, что впереди наступает враг, приграничные войска ведут с ними неравный бой, гибнут и ждут помощи нашей армии. Несмотря на тяжесть, жару и усталость, они все шли и шли вперед.

Прошли старый УР – укрепленный район на старой государственной границе Союза. По сторонам автострады виднелись блиндажи, дзоты и другие полевые укрепления, обсыпанные землей и укрытые маскировкой.

Они были покинуты нашими войсками, вооружение было переброшено на укрепленные районы новой границы. Никто не предполагал, что враг может достигнуть старой границы. Не думали и мы, что очень скоро не только вернемся сюда, но под напором врага будем отступать до самой Москвы.

Поздно вечером нашу команду обогнала большая вереница грузовых машин, посланных руководством корпуса для переброски вперед войск нашей дивизии. Поднять всю дивизию они не могли. Решили перебрасывать её частями. Первыми погрузили на машину пехоту нашего полка и скорым ходом двинулись по автостраде в сторону Ровно. В городе нашу колонну остановили. Представитель штаба 5-й армии передал командирам распоряжение М.И.Потапова временно подчинить 131-ю дивизию себе и поставил задачу: выйти на рубеж реки Стырь, занять оборону на восточном берегу

этой реки на участке Рожице-Луцк-Млынов, не допустить прорыва немцев на восток.

Наша колонна проскочила город и направилась в сторону Луцка на указанный район обороны. Поздно ночью весь полк выгрузили южнее Луцка, между рекой Стырь и автострадой. Наши хозяйственные подразделения и кухни где-то отстали, разыскивая наше новое месторасположение.

Машины вернулись назад за солдатами другого полка. С ними передали и наши координаты отставшим подразделениям полка. Ужинать пришлось всухомятку, полученным НЗ.

РУБЕЖ ОБОРОНЫ

После продолжительного отдыха батальонам и ротам указали рубежи обороны. До них надо было порядком топать. Только под утро 23-го июня мы заняли оборону на восточном склоне лесистой и заболоченной долины реки Стырь. После отдыха солдаты весь день рыли окопы полного профиля, ходы сообщения, землянки для штаба батальона, рот. Наш взвод с утра направили в боевое охранение к берегу реки, где мы, растянувшись редкой цепочкой, отрыли индивидуальные окопы, замаскировали их травой и ветками. Свой окоп мы с помощником выкопали в кустарнике с хорошим обзором западного берега реки, напротив пологой балочки, прорезающей спуск к руслу. Установили ручной пулемет, разложили в нишах запасные диски, гранаты, определили зону обстрела и наблюдения, приготовились к встрече с разведкой противника, не выявляя при этом преждевременного своего расположения.

В боевом охранении запрещалась демаскировка: бесцельное передвижение, громкие разговоры, самовольная стрельба из оружия, и команды. Мы сидели в своих окопах, наблюдая за противоположным берегом.

Наконец, в расположение части прибыли отставшие хозяйственные подразделения. Повара накормили солдат горячей пищей. На душе стало веселей, да и день выдался тихим, солнечным. Снова пекло солнце, но в окопах, без амуниции и особых движений оно не было таким знойным. Можно было сидеть в окопах и поджидать врага. Плохо, что о нем почти ничего не знали. За прошедшее время мы не имели с ним соприкосновения. Нас

даже вражеская авиация не бомбила на марше: бомбардировщикам, видимо, было не до нас, а истребители и штурмовики, по всей вероятности, были заняты в прифронтовой зоне. Где сейчас фронт, нам было пока неизвестно. Передавали противоречивые слухи о вклинении немецких войск далеко на восток в районе городов Броды, Ковель о немецком десанте восточнее нашего расположения, о диверсантах, разрушающих коммуникации связи, мосты. Слухи появлялись потому, что конкретно о противнике еще знали мало. Ни полковая, ни дивизионная разведки еще не определили его месторасположения и истинного направления движения. Связь с соседними войсковыми соединениями, населенными пунктами была неустойчивой, часто прерывалась, везде царил хаос, неразбериха, паника. Не было определенности и у нашего командования. Но оборону на отведенном рубеже готовили основательно, с расчетом не дать возможности противнику форсировать реку и оседлать автостраду на Ровно и Дубно. Немцы двигались только днем по хорошим дорогам, избегая лесистых и болотистых мест, изобилующих в той местности. Бойцов предупреждали о бдительности и постоянной готовности к встрече с врагом. Особенно это относилось к сторожевым охранным подразделениям, выдвинутым впереди расположения основных частей. Зорко следили и мы за западным берегом реки, тихо сидя в своих окопах. После сытой еды, покоя и от солнечных лучей клонило ко сну. Бессонная и беспокойная ночь давала о себе знать. Мы с Николаем решили дремать по очереди, не выпуская из поля зрения нашу зону наблюдения. День и ночь прошли спокойно. Третий день войны выдался таким же тихим и солнечным. Мы отдыхали в своих окопах. Шелест листвы деревьев, росших на берегу, разноголосье птиц, гнездившихся в их кронах, всплеск рыбы в реке напоминали о мирной жизни на земле. Ничто не свидетельствовало о войне. Только к обеду, когда солнце основательно стало припекать, рокот мотора мотоцикла насторожил нас, разогнал дремоту. Из-за деревьев и кустарников долины показался мотоцикл с коляской. Он двигался в сторону реки правее нас. Остановился, затем повернул в нашу сторону и на тихом ходу стал продвигаться вдоль реки. Мотоцикл был вражеский. За рулем сидел немецкий солдат в рубашке мышинного цвета с закатанными до локтей рукавами, в пилотке, с автоматом за спиной. В такой же одежде в коляске сидел второй немец с ручным пулеметом в передке. Они внимательно

осматривали нашу сторону, русло реки. Ехали смело, не остерегаясь, видимо, не ожидали встречи здесь с советскими войсками. Наши бойцы сидели тихо, следили за их движением. Возле балочки мотоцикл остановился. Немцы стали внимательно осматривать её, наш берег, восточный склон. Судя по жестам, немцы о чем-то спорили. Водитель показывал в сторону реки, в чем-то убеждал напарника, затем отпустил муфту сцепления и направил мотоцикл в балочку. Немец в коляске протестующе взмахнул рукой, видимо приказывая остановиться. Они снова заспорили. Водитель настаивал на своем, его напарник протестовал. Затем он достал бинокль и стал осматривать реку, долину, восточный склон.

Я внимательно следил за их действиями, прильнув к пулемету и держа их на мушке прицела. Поведение немцев меня беспокоило: не заметят ли они расположение наших частей. А если заметят, то предупредят своих, что крайне нежелательно. Нужно уничтожить вражеских разведчиков. Посоветоваться было не с кем: командир был далеко на фланге. Необходимо принимать решение самому. Да и мишень была соблазнительная, можно поразить короткой очередью. Мой напарник, понимая меня, желал того же, толкнул меня легонько в спину прошептал: – Давай, Ваня!

Я навел пулемет в грудь водителю с расчетом поразить и немца в коляске. Нажал на гашетку. Хлестнула короткая очередь. Водитель, бросив руль, схватился за грудь, повалился вперед, а немец в коляске осел на своем сидении, уронив бинокль. Неуправляемый мотоцикл, виляя, двинулся по тальвегу балочки, вниз, к реке.

Мы следили за его движением, ожидая, что машина вместе с немцами въедет в реку, но на полдороги водитель зашевелился, приподнялся, схватился за левую часть руля, вывернув тем самым, переднее колесо, свалился вниз. Мотоцикл завалился на бок, подняв люльку над землей.

Пригибаясь и прячась за кустами, подбежал командир взвода, грозно зашипел:

– Кто стрелял?

– Я, товарищ лейтенант! – тоже шепотом ответил я, хотя и без этого было ясно, что стрелять мог только наш пулемет. – Вон, посмотрите на тот берег, – показал рукой я в сторону балочки, где на боку лежал мотоцикл с немцами.

– Наповал срезал? – то ли спрашивал, то ли констатировал взводный.

– Один убит, а второй, наверное, еще живой.

Надо перетащить их на наш берег – посоветовал я. – Жалко оставлять боевой мотоцикл.

– Да, конечно, – согласился лейтенант. Я сейчас организую это. А вы внимательно следите, не демаскируйте себя.

Вскоре саперы принесли надувную лодку, переправили с противоположного берега мотоцикл, труп убитого и тело раненного немца. Все это уложили за кустами нашего окопа. Посмотреть на фашистских солдат одиночке пробирались солдаты охранения. Появился здесь уже и политрук роты. Ему хотелось показать бойцам поверженного врага, убедить красноармейцев, что и немецкий солдат смертен и его, умеючи, можно убивать. Хотя, он и не имел права организовывать здесь, в боевом охранении, всеобщие смотрины.

Смотрели и мы с Николаем на «наших немцев». Лежали они на траве. Один мертвый, другой раненый, еще живой. Раненого перевязали, уложили удобно на спине. Две пули пробили ему грудь навывлет, был он без сознания, тяжело дышал. Немцу в коляске пуля попала в лоб, пробила голову, разворотила сзади череп.

Оба были крепкие рослые парни, лет по двадцать с лишним, белобрысые, красивые, одеты в брюки и рубашки мышиного цвета, ботинки на толстой подошве с брезентовыми краями на икрах. Как выяснилось по их документам, водитель был в чине ефрейтора, второй немец – унтер-офицер разведбатальона полка 13 танковой дивизии. У унтер-офицера изъяли планшетку нашей местности, где были отмечены пути движения их части. И вот эти два врага, совсем недавно были живые, разговаривали, спорили, радовались жизни, а сейчас лежали – один мертвый, а другой при смерти на чужой земле, под взглядами советских людей, землю которых они пришли завоевывать. Смотрели люди, которых они хотели поработить.

Смотрел на них и я, их убийца, не испытывая к ним ни злости, ни раскаяния, ни сострадания. Это были первые люди, убитые мною. По логике человеческой я должен переживать, терзаться содеянным. В моей душе ничего не было. Было какое-то равнодушие, будто я убил не человека, а дикого, опасного хищника.

Проскальзывала мысль, что они такие же люди, как и мы, крестьяне или рабочие, женатые, а может быть и отцы детей, имеют родных и близких, которые думают о них, беспокоятся, ждут.

Эти мысли глушились вопросами: зачем же они пришли в нашу страну, топчут наши поля своей техникой, разрушают города и села, уничтожают людей? Они пришли как враги, поработители нашего народа, а таких надо беспощадно уничтожать!

Для этого и существует наша Красная Армия и я, как её боец, сегодня впервые исполнил свой солдатский долг.

Так я рассуждал, сидя в окопе, а немцев на их же мотоцикле отправили в расположение полка.

После обеда пришел политрук роты и приказал идти с ним в штаб полка. На мой вопрос: «зачем?» – пожал плечами: – Там объяснят. Приказано доставить.

Я особенно не волновался. Действия свои считал правильными. Если пожурят, то для проформы. Так оно и оказалось.

Штаб полка размещался на краю села в крестьянской хате, в глубине нашей обороны.

Политрук роты доложил командиру полка:

– Товарищ подполковник, ефрейтор первой учебной роты Яковлев по вашему приказанию доставлен!

– Во-первых, я приказал пригласить, а не доставить, во-вторых, почему вы допускаете самовольную стрельбу в роте, тем более в боевом дозоре? – отчитал подполковник политрука, затем посмотрел на меня, не менее строгим голосом продолжил:

– Что же это вы, товарищ ефрейтор, нарушаете устав, самовольно открыли огонь, находясь в боевом дозоре?

– Виноват, товарищ подполковник, уж очень хорошая мишень была для стрельбы, да и боялся я, что немцы заметят наши позиции и уедут, – оправдывался я, вытягиваясь в струнку.

– А если бы промазал, поднял шум, тогда еще больше демаскировал бы наше расположение.

– Никак нет, товарищ подполковник, я был уверен в их поражении. Да и были только два немца. Других не было видно.

– Хм, уверен! – уже потеплевшим голосом проговорил командир полка.

– А одного немца ты только ранил. Жаль, что тяжело, не довели живым до штаба, лишились хорошего языка, но и документы их помогли немного разобраться в обстановке.

После этой благожелательной реплики командир полка, встав за столом в положении «смирно», произнес торжественно:

– За меткую стрельбу, правильно принятое решение в сложившейся обстановке, от лица службы объявляю благодарность и досрочно присваиваю звание младшего сержанта!

– Служу Советскому Союзу! – вытянувшись в струнку, четко ответил я.

– Вольно, товарищ младший сержант! – приказал командир. – Садитесь и подробнее расскажите, откуда появились немцы, как ехали, как вели себя, почему остановились напротив вашего окопа, у балочки?

Я рассказал все подробно от начала их появления до остановки мотоцикла, изобразил их ссору, осмотр наших позиций и русла реки в бинокль, высказал предположение, что это были разведчики, искавшие удобную переправу – брод на реке, место под плацдарм.

Командир полка и батальонный комиссар внимательно слушали, задавали дополнительные вопросы, стремясь уточнить истинные цели немецких разведчиков.

Удовлетворенный ответами, командир полка еще раз поблагодарил меня за хорошую службу, посмотрел на батальонного комиссара, как бы спрашивая, не будет ли у него каких либо вопросов, пожеланий.

Комиссар, поняв его, кивнул головой, и, глядя мне в глаза, спросил:

– Скажите, товарищ младший сержант, только честно, не страшно было вам убивать этих немцев?

Видя мое недоумение, он поспешил уточнить свой вопрос:

– Я имею в виду не физический страх, когда человек защищается, боится за свою жизнь, а страх моральный – жалость, раскаяние. Расскажите о вашем душевном состоянии в тот момент. Как мне известно, вы учитель, человек самой гуманной профессии. Интересно узнать самочувствие такого человека в подобной ситуации.

Я рассказал о своем состоянии в момент стрельбы, когда боялся, что не смогу поразить их одной очередью, подниму шум, дам возможность им уехать. Рассказал о своих переживаниях и размышлениях, когда смотрел на них и не чувствовал ни жалости, ни раскаяния, как будто я убил не людей, а диких зверей.

– Что ж, ваши чувства были вполне естественны, – подытожил комиссар моё признание. Воистину вы убили не людей, а зверей, посланных в нашу страну, чтобы захватить её, поработить и господствовать над её народом. Вы защищали свою Родину, свой народ, своих родных и близких. Это естественное чувство самозащиты каждого человека – и, уже обращаясь к политруку, в форме приказа продолжал:

– Это чувство надо укреплять у красноармейцев, советских людей, внушать им, что на нас напал агрессивный, коварный враг, со своей звериной хваткой хищника. Его надо безжалостно уничтожать. Если мы не убьем его, он закабалит нас, сделает своими рабами. Победить должны только мы, а для этого надо быть безжалостным к врагу. В этом духе воспитывайте солдат, готовьте их к скорым боям. Если в вашей роте все такие же бойцы, я доволен вашей работой, товарищ политрук!

– Служу Советскому Союзу! – поднялся и вытянувшись в струнку, ответил, польщенный похвалой политрук роты.

– Комсомолец? – обратился комиссар ко мне.

– Так точно, товарищ батальонный комиссар.

– Пора думать о партии. Сейчас нам нужны коммунисты, как никогда. Подумайте об этом, политрук – сделав последнее напутствие, комиссар поднялся из-за стола, давая понять, что беседа окончена, подал на прощание руку мне и политруку.

Довольные, мы с политруком покинули штаб полка.

ЗЕМЛЯК

По выходе из штаба полка я, буквально нос к носу, встретился со своим земляком Хлопановым Василием Ивановичем. Впервые узнал, что он служит в нашем полку еще в мае этого года, в день соревнования ручных пулеметчиков. После чествования лидеров этого соревнования командир

взвода лейтенант Лиманцев предупредил, чтобы я после официальной части зашел в канцелярию штаба полка, предположив, что, по всей вероятности, для оформления документов на отпуск домой, обещанный победителям.

С радостным ощущением победителя, с присвоением звания ефрейтора, я спешил в канцелярию получить дорогой мне документ на недельный отпуск. Такое счастье в те времена для красноармейца было большой удачей. Мне повезло! Скоро я буду дома, увижу жену, дочку, родных! В таком возбужденном состоянии открыл дверь канцелярии, надеясь на теплый прием, восхищение и зависть её работников. Но большая светлая комната с множеством столов была пуста. Только за одним столом сидел младший командир в офицерском обмундировании. Мне ничего не оставалось, как обратиться к нему по всей воинской форме.

– Товарищ старший сержант, красноармеец первой учебной роты, первого батальона Яковлев прибыл по вызову!

Старший сержант поднялся со стула, протянул мне руку.

– Здравствуй Иван Ксенофонович! Не узнаешь меня. Я твой земляк из села Покойного – Хлопяков Василий Иванович. Жил когда-то на вашей улице, напротив дома Берлевых. Да ты часто приходил с ребяташками к моему младшему брату Ивану, – видя мое недоумение, показал на стул. – Да ты садись, чего истуканом стоишь! Это я тебя пригласил для неофициальной встречи. Ведь мы земляки, из одного села, почти соседи.

Усевшись, я внимательно вглядывался в лицо земляка, вспоминая старшего брата моего дружка Ивана. Было в нём что-то знакомое, но совсем не такое, как видел я его лет пять назад при проводах в армию. Был он тогда белобрысым, угловатым сельским парнем, а сейчас передо мной сидел возмужалый мужчина, с густой копной волос на красивой голове, холёным улыбающимся лицом, в офицерской форме.

– Да, изменился ты, Василий! Трудно узнать! – перешел и я на неофициальный тон.

– Конечно, столько лет прошло! И ты из пацана превратился в настоящего воина. Служба в армии здорово меняет человека. Вот и ты за какие-то полгода стал лучшим пулеметчиком в полку. Когда писал приказ о присвоении тебе ефрейтора, узнал, что в учебной роте служит мой земляк. Решил встретиться. Что ни говори, а родина тянет.

Долго мы беседовали, вспоминали прожитую жизнь в Покойном, рассказали о своей дальнейшей жизни. Оказывается, Василий Иванович, а проще Васька Хлопянов, попал служить в стрелковый полк, окончил полковую школу младших командиров, дослужился до сержанта, остался на сверхсрочной службе, определился писарем в штаб полка. Освобождал Западную Украину. Сейчас работает старшим писарем, в почете у командования. Службой доволен, живет на положении офицера, ждет присвоения лейтенантского звания. Это я уже узнал в его комнате, где земляк щедро угощал меня обедом и хорошим вином.

Потом мы еще несколько раз встречались с ним, играли в шахматы, разговаривали о делах, событиях. Знакомство с ним подняло мой престиж у сержантского состава нашей роты. Даже старшина Шпак не особенно сильно придирался ко мне.

И вот снова неожиданная встреча в военной обстановке. Он такой же модный и шеголеватый, в габардиновой гимнастерке, подпоясанной широким офицерским ремнем с португеей, пистолетной кобурой на боку, в синих галифе, начищенных до блеска сапогах, но уже с кубиком в петлицах.

– Здравия желаю, товарищ младший лейтенант! Поздравляю с присвоением звания! – поприветствовал я по всей форме земляка.

– Тебя тоже, младший сержант, поздравляю с присвоением и первым боевым успехом! Слышал о твоём подвиге. Готовил приказ. – И он неофициально поздоровался за руку.

– Вижу, вы хорошие знакомые, – включился в разговор политрук. – Не буду мешать, пойду по своим делам, через час встретимся здесь, – обратился политрук ко мне – думаю, вам будет достаточно времени для беседы.

– Вполне, товарищ политрук! – за меня ответил Хлопянов.

Откозыряв, политрук ушёл, а мы направились к земляку на его постой, где за хорошим обедом и бутылкой вина много говорили о войне, немецком вторжении, причинах отступления наших войск. Василий Иванович, конечно, знал обстановку значительно лучше меня, да, пожалуй, и многих средних командиров полка, так как будучи грамотным и толковым, вращаясь среди командования полка, имел более свежую и достоверную информацию. Из его рассказа ситуация складывалась следующим образом.

В том, что война с Германией ожидается, никто в Советском Союзе не сомневался. Обстановка для нашей страны в последние довоенные годы складывалась напряженная. Она обуславливалась борьбой империалистов за гегемонию в Европе, захватом нацистами власти в Германии, Италии и Испании, антисоветизмом.

При попустительстве буржуазно-демократических держав Западной Европы фашистская Германия все наглее развивала агрессивные акции. С их согласия была оккупирована часть Чехословакии, нависла угроза агрессии над Польшей.

Советское правительство предпринимало меры к созданию системы коллективной безопасности в Европе, однако это предположение было отвергнуто Англией и Францией.

К 1939 году в военном отношении Советский Союз подошел ослабленным. Его военная машина была развалена. Талантливые полководцы и командирский состав, старые и вновь созданные технические кадры были репрессированы и уничтожены, конструкторы военной техники посажены в лагеря. Индустриализация страны только набирала темпы. Поэтому противостоять Гитлеру и капиталистическим державам Европы Советский Союз в одиночку не мог. Чтобы оттянуть время, дать возможность укрепить вооруженные силы и не остаться один на один с гитлеровской военной машиной, советское правительство вынуждено было заключить с Германией договор о ненападении, что дало нам некоторое время улучшить обороноспособность, а для Гитлера это послужило прикрытием агрессии.

В сентябре 1939 года Германия вторглась на территорию Польши. Для укрепления безопасности западных границ СССР в Западную Украину и Западную Белоруссию 17 сентября были введены наши войска, а в конце 1940 года войска Красной Армии перешли Днестр, вернув Бессарабию и Северную Буковину.

30 ноября 1939 года началась советско-финская война, в результате которой граница на Карельском перешейке была отодвинута на 150 км от Ленинграда.

Такое развитие событий не устраивало гитлеровскую верхушку. Немецкие войска оккупировали Францию, Югославию, Грецию, размещаются в Дании, Норвегии, Финляндии.

Под пятой фашистской Германии оказались огромные пространства Европы, экономика почти всех европейских государств.

Установление господства в Европе значительно расширило военно-экономическую базу фашистской Германии. Возникла возможность и необходимость разгромить основного своего противника – Советский Союз, чтобы затем покончить с Англией и Соединенными Штатами Америки.

Все это было известно не только руководству Советского Союза, но и Английскому Королевству. Её правительство было довольно таким поворотом событий, так как война Гитлера на востоке ослабляла силы Германии, уменьшала опасность вторжения фашистских войск на острова. Война Германии с Россией помогала империалистам покончить с ненавистным фашизмом и коммунизмом.

Но мало кто знал тогда, а мы – два простых советских воина – тем более, как складывались обстоятельства перед этой войной, чтобы понять трагические события первых лет войны. Об этом мы узнали значительно позже, уже после войны, когда открылись архивы, и тайна стала явью. Только тогда мы поняли причины быстрого продвижения фашистских войск по нашей территории и больших потерь Красной Армии.

Верховное командование Германии знало о слабости Красной Армии, ее плохой готовности к войне, слабой оснащённости военной техникой, устаревшей тактикой ведения боя, массовых репрессиях советских людей. Рассчитывая на слабость Красной Армии, недовольстве народа, Гитлер надеялся молниеносным ударом покончить с Советским Союзом.

Не разгромив этого «колосса на глиняных ногах», Германия не может обеспечить свое мировое господство. Поэтому военное командование Вермахта под прикрытием договора о дружбе и сотрудничестве разработало конкретный план вероломного нападения на Советский Союз – план «Барбаросса», – которым предусматривалось молниеносное развитие первоначального удара, быстрый захват важнейших стратегических и экономических центров: Ленинграда, Москвы, Украины, Донбасса. Кроме того, предусматривалось нанесение вспомогательных ударов с территории Финляндии по Ленинграду и Мурманску, а с территории Румынии – в направлении Могилев Подольский-Жмеринка и -вдоль побережья Черного моря.

Для реализации плана «Барбаросса» в Польше, у непосредственной близости к границам СССР, длительное время начали дислоцироваться немецкие войска, концентрироваться танковые и авиационные соединения, строиться вторые железнодорожные линии, склады боеприпасов и горючего, сеть аэродромов и посадочных мест.

Все видели, как с Запада на восток непрерывными потоками шли эшелоны с войсками и военными грузами. Территории Польши и Восточной Пруссии превратились в гигантский плацдарм для развертывания многочисленных пехотных, танковых и моторизованных дивизий. На восток перебазирувался воздушный флот Германии.

К началу нападения на СССР армия противника насчитывала численный состав 5,5 млн. человек (из них 4,6 млн. немцев), около 4,3 тыс. танков и штурмовых орудий, 5 тыс. боевых самолетов, 47,2 тыс. орудий и минометов. На стороне Германии выступали Румыния, Италия, Венгрия и Финляндия.

Силы противника были распределены на три мощных группировки: группа армий «Север», действующая на ленинградском направлении, группа армий «Центр» – для действия на московском направлении и группа армий «Юг», с задачей развития военных действий на киевском направлении.

В условиях назревающей войны наша страна прилагала отчаянные усилия по укреплению обороноспособности СССР. В стране осуществлялось строительство авиационных, моторостроительных, танковых и других оборонных заводов. Создавались новые типы танков, самолетов, орудий. В 1939 году завершился переход к кадровой системе комплектования всей армии, строящейся ранее по территориально-милиционерскому принципу. Была введена всеобщая воинская обязанность.

Накануне войны оборона западной границы Советского Союза, простиравшейся от Баренцева до Черного морей, осуществлялась войсками пяти приграничных военных округов: Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Киевского особого и Одесского.

Наши танковые, мотомеханизированные и авиационные соединения находились в стадии реорганизации и формирования, но были укомплектованы по полному штату. Войска располагались в лагерях и на полигонах, не ожидая нападения противника. Короче, мы не были готовы к войне.

Надо было выиграть год-два для создания боеспособной армии. К этому стремились Сталин и правительство. Поэтому они и заигрывали с Гитлером, всячески ублажали Германию, строго выполняли заключенный договор, старались исключить любые провокационные конфликты.

Гитлер понимал, что время работает на Советский Союз, поэтому опередил события и неожиданно воскресным утром 22 июня 1941 года, обрушил всю свою военную мощь на западную границу СССР.

Главный удар Гитлер наметил не на Краковско-Львовском направлении, как ожидало наше командование, сосредоточив там наиболее укомплектованные соединения, а в районе Западного Особого округа группой армий «Центр», в московском направлении.

Наиболее сильная группировка гитлеровцев, группа армий «Юг», имевшая своей целью захват Украины, главный удар на Киев нанесла в северо-западной части Украины, на Люблино-Луцком направлении, на стыке 5-й и 6-й армий Киевского Особого военного округа, прикрывавших границу на многотысячном фронте.

В полосе нашей 5-й армии, на 75-километровом участке от Устилуга до Кристинополя, где наносился главный вражеский удар по Украине и фактически решалась судьба всего приграничного сражения, в первый день войны оказались лишь 87-я и 124-я стрелковые дивизии, а все остальные силы находились на значительном удалении. На эти два соединения обрушился натиск до восьми пехотных и трех-четырёх танковых дивизий противника при мощной поддержке авиации.

Соотношение сил вообще было не в нашу пользу. На направлении главного удара врага вся группировка войск Юго-Западного фронта в составе трех стрелковых дивизий и двух мехкорпусов, не имевшая стройного оперативного построения и рассредоточения на большую глубину, насчитывающая примерно 100 тыс. человек и около 2 тыс. орудий и минометов, а в 250-300 км от границы расположились еще два механизированных корпуса – 9-й и 19-й. Против них были заблаговременно развернуты и нацелены войска 6-й армии и 1-й танковой группы, насчитывающих до 300 тыс. солдат и офицеров, около 5,5 тыс. орудий и минометов, почти втрое больше наших сил.

По общему числу танков все наши четыре мехкорпуса не уступали противнику, но это были, в основном, старые машины учебно-боевого пар-

ка. Новых танков «КВ» и Т-34, в наиболее оснащенных к тому времени всех этих четырех корпусах насчитывалось всего 163. А противник имел 700 танков новых образцов.

Следует заметить, что если главные силы 15-го и 22-го мехкорпусов могли вступить в сражение не ранее второго дня войны, то соединения 9-го и 19-го мехкорпусов, в лучшем случае, успели выйти к границе через четверо суток.

Оперативному направлению Люблино-Луцкому до войны наше командование не придавало должного значения, так как к этому району с запада не было хороших подходов. Поэтому в плане прикрытия границ здесь предусматривалась меньшая плотность войск первого эшелона, а на стыке 5-й и 6-й армий, расположенных в этой зоне, на значительном протяжении участок границы прикрывался лишь подразделениями пограничников.

Наступление немецких войск началось мощными массированными ударами по боевым порядкам наших стрелковых дивизий первого эшелона и оборонительных сооружений укрепленных районов, находящихся еще в стадии строительства.

В первый день войны Киевский Особый военный округ был преобразован в Юго-Западный фронт, куда вошла и 5-я армия, прикрывающая западную границу Украины по линии Любомиль-Владимир-Волынский-Соколь, гранича здесь с 6-й армией.

Войска второго эшелона, в том числе и наш 9-й механизированный корпус, находящиеся в 250-300 км от границы, поднятые по тревоге в начале боевых действий, в спешном порядке выдвигались в направлении действий ударных группировок агрессора, стремясь остановить его продвижение, порою отступая под натиском превосходящих сил противника.

Тяжесть обстановки, сложившейся в самом начале фашистского вторжения, усугублялось тем, что наши войска не были своевременно предупреждены о начале военных действий. Директиву № 1 о приведении войск в боевую готовность получили лишь на рассвете первого дня войны, а Директива № 2, о сокрушительном разгроме вторгшегося противника, дошла до войск только днем 23 июня. До многих частей она так и не дошла, заставляя их действовать на свой страх и риск. В ряде случаев сопротивление носило обособленный характер, не имело централизованного руководства.

Все это отрицательно сказалось на противодействии наших войск вторжению фашистских армий. Уже в первый день его мощные танковые группировки на многих участках вклинивались в глубь Советской территории на 25-50 км.

О трагически сложившейся обстановке на участке обороны 5-й армии у города Владимира-Волынского рассказал мне по секрету старший писарь полка. Об этом он узнал от раненного командира подразделения первого эшелона прикрытия 87-й стрелковой дивизии, расположенной на границе у города Владимир-Волынского.

Накануне войны было объявлено, что все их подразделения в воскресенье, 22 июня, должны перебазироваться из казарм в летние лагеря. Поэтому командный состав в субботу был отпущен в город к своим семьям. Часть имущества и военного оборудования были отправлены в новое место дислокации.

В 3 часа местного времени 22 июня на казармы, объекты подразделений, военные склады, оборонные сооружения укрепрайонов, населенные пункты, город обрушился мощный массированный огонь дальнобойной артиллерии немцев. Рвались снаряды, грохотали взрывы, горели здания, машины, метались в панике люди, не понимая, в чем дело.

Оставшиеся без старших командиров, военные также растерялись, не знали, что предпринять, куда стрелять, надеясь, что это локальная провокация, боясь ответственности за принятые решения, бездействуя в ожидании приказа старшего командования.

Время шло. Приказа не было, а взрывы гремели, разрушая и уничтожая все на белом свете. Скоро светлое небо затянуло армадой немецких бомбардировщиков, летевших из-за Западного Буга на юго-восток бомбить города, аэродромы, железные дороги Украины.

Ниже них карусельно крутились «юнкерсы», пикировали на скопление красноармейских групп, метавшихся в панике людей, технику. Вой и взрывы бомб, грохот разрывов, трескотня крупнокалиберных пулеметов. Ни одного разрыва снаряда противозенитной артиллерии. Ждут приказа вышестоящего начальства!

Не чувствуя ответного удара советских войск, кроме слабого огня пограничников, немцы форсировали реку Западный Буг и двинули всю свою мощь на восток.

Наконец, поступил долгожданный приказ – дать отпор агрессору. Но было уже поздно: сооружения разрушены, боевая техника разбита, связь нарушена, защитники деморализованы, рассеяны, убиты, ранены. Организовать оборону в таких условиях не было возможности. Не могли оказать помощь в отражении агрессора и сооружения укрепрайона, они были еще в стадии строительства, без вооружения.

Немцы, не встречая серьезного сопротивления, двигались вперед, разгоняя танками отступающие наши части, выбрасывая в тыл десантные подразделения, диверсионные группы, которые взрывали мосты, железнодорожные пути, телефонные и телеграфные линии, уничтожали воинские склады, стратегические объекты, сеяли панику.

Ночью первого дня войны немцы взяли Владимиро-Волынский, откуда утром второго дня двинули по основным дорогам свои войска в направлении Ковеля, Луцка, Горохова, на юго-восток через Ровно, Житомир на Киев – столицу Украины. На него были нацелены все основные силы войск группы «Юг». Прорвав слабый заслон пограничных войск на стыке 5-й и 6-й армий, немцы устремились на Соколь, Горохов, Родехов, Дубно, а затем, через Ровно и Житомир – на Киев.

Немцы педантично придерживались своей тактики: двигаться врозь, сражаться вместе, а, собрав силы в один кулак, действовали по принципу – «бить, так бить!».

Наш 9-й механизированный корпус в первый день организовано выдвинул свои подразделения в западном направлении, но на место дислокации, в район Владимира-Волынского, намеченное Директивой № 1, прибыть не удалось: слишком быстро продвигались фашистские войска на восток, а мы с трудом, пешим форсированным маршем продвигались на встречу с врагом.

Штаб 5-й армии, подчинив себе 131-ю мотодивизию, определил ей рубеж обороны на восточном берегу р. Стырь по линии Рожиче-Луцк-Мльнов для прикрытия переправ. Эта река, особенно ее заболоченная долина, была значительным препятствием на этом направлении.

35-я танковая дивизия остановлена восточнее Луцка, а 20-я танковая – юго-западнее Ровно, в направлении Дубно. Штаб корпуса разместился в Клеване.

Так были разбросаны дивизии корпуса. 19-й мехкорпус был на подходе где-то восточнее Ровно. Связь с нашими дивизиями очень плохая, а со штабом армии часто прерывается. Мы не знаем, в каком состоянии и где находятся дивизии и подразделения первого эшелона, где и какими силами наступает противник. Пока известно, что сильные бои идут в направлении Луцка и Дубно. В направлении обороны нашей 131-й дивизии пока спокойно. Ожидается попытка противника форсировать р. Стырь, в нескольких местах разрезать нашу оборону, оседлать автостраду Луцк-Ровно-Дубно. Где это произойдет, пока не ясно. Убитые разведчики подтверждают возможность атаки немцев на нашем участке.

Такую информацию я услышал от своего земляка. Кое-что мне было уже известно, но многое услышал впервые. Беспокоило быстрое продвижение противника в направлении Луцка и Дубно, на флангах дислокации 9-го корпуса, стремительный отход приграничных подразделений. Обнадеживали упорные и сдерживающие бои 35-й и 20-й танковых дивизий, а также подходившие им на помощь подразделения 19-го мехкорпуса, которые общими усилиями смогут удержать наступающего врага.

Хотелось в это верить!

С такими беспокойными мыслями я вернулся в свой окоп. Николай, видя мое озабоченное лицо, сочувственно поинтересовался:

– Здорово попало?

– Да нет! – отмахнулся я в ответ. – Пронесло. Даже повысили в звании, – показал на эмалированные треугольники в петлицах.

– Ух, ты! Здорово! – восхитился Николай. – Стал шишкой, товарищ младший сержант. Если так пойдет, то к концу войны генералом станешь! Подумать только, в мае за меткую стрельбу ефрейтора присвоили, в июне – младшего сержанта, а в июле – новое звание получишь. А мне, видно, в солдатах вечно ходить. Теперь тебе, наверное, отделение дадут, а меня первым номером назначат? – допытывался напарник.

Чтобы его успокоить, я категорически заявил:

– Нет, Коля, командовать людьми я не люблю. «Дегтяря» никому не отдам, а ты по-прежнему будешь со мной. Лучше расскажи, что здесь нового?

– Всё нормально, товарищ младший сержант, – ерничал Николай. – Вечером нас должны сменить. Роту отводят в резерв полка. У нас пока спокойно. Как там, в штабе, что нового?

Я рассказал о моих похождениях, разговорах с командиром и комиссаром полка, об ожидаемом наступлении немцев на нашем участке, их быстром продвижении на восток, отступлении наших войск, сильных боях на флангах нашей дивизии в районе Луцка и Дубно. Николай внимательно слушал, качал головой, затем, вздохнув, сокрушенно подвел итог:

– Да, Ваня, наверное, не скоро окончится война. Видно, нашла коса на камень. Либо немецкая коса лопнет, или русский камень расколется, а, скорее всего – коса завязнет в наших телах. Слишком неудачно началась для нас война. Сначала нам набьют морду, поколотят изрядно, пока не обозлимся, а потом начнем обороняться, кулаками махать. Ведь все большие войны на Руси так проходили. Наверное, и эта будет такой. А пока нас расшевелят, много крови прольется. А у меня в последние дни что-то муторно на душе бывает, как перед несчастьем. Наверное, убьют скоро....

Не паникуй, Коля, – утешал я своего товарища, – мы еще с тобой повоюем, не одному немцу морду набьем. Два уже есть на нашем счету!

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

День клонился к вечеру. Немецкие «юнкерсы» возвращались на свои аэродромы, выполнив поставленную на день задачу по бомбежке и обстрелу колонн советских войск и толп беженцев, движущихся на восток по прифронтовым дорогам.

Немцы пока не перетруждались. Воевали больше в дневное время, оставляя ночные часы для сна и отдыха.

Ещё светило солнце. Над позициями нашего полка пролетел вражеский самолет-разведчик, рассматривая нашу оборону, т, снижаясь, то поднимаясь вверх, как бы дразня и провоцируя на огонь наших зенитчиков. Но никто по нему не стрелял. При его появлении всё замирало, пряталось в укрытия, боясь демаскировать расположение позиций. Вскоре и рама убралась восвояси.

Вечером нас сменили бойцы другого батальона, находящиеся до этого в резерве полка, во второй линии обороны. Мы заняли их окопы – просторные, добротные, с ходами сообщения. В тылу размещались полковые артиллерийские и минометные батареи, приданные полку легкие танки, техника.

За двое суток полк основательно вкопался в землю, замаскировался сверху. Работа ещё продолжается: по ночам красноармейцы рыли дополнительные щели, траншеи, ходы сообщения. Вечером пополнили запасы патронов к личному оружию, добавили ручных гранат и впервые выдали противотанковые гранаты.

Политруки провели беседы, а комсорги – комсомольские собрания. Полк готовился к отражению вражеской атаки, предотвращению прорыва противника через реку Стырь. Наступление ожидали утром, но места основного удара не знали. По данным наземной разведки на противоположной стороне противник сосредотачивает войска в трех местах обороны нашей дивизии: северо-западнее города Млына, южнее города Луцка, и между ними – в районе хутора Стырка, где через долину реки пролегали насыпные дороги, а через русло – мосты.

Ожидалось, что форсировать реку враг будет по трем этим дорогам, чтобы разрезать оборону нашей дивизии во многих местах, создать малые котлы окружения.

Тактика немцев начала проясняться: концентрация сил на избранном направлении, массивное сосредоточение огневых средств. Это создавало реальные предпосылки для успешного прорыва подвижных соединений в глубину территории обороняющегося, где и завершится его разгром.

При наступлении ставилась цель: подавление огневых средств обороняющейся стороны, овладение её позициями, ввод в прорыв так называемого эшелона развития успеха.

Исход операции решался в самом начале: первым сокрушительным ударом противник ввергал в шоковое состояние обороняющихся, объект атаки исчезал и не оказывал сопротивления; подвижной эшелон устремлялся вперед. Развитие успеха обращалось в преследование уцелевших войск обороны, их окружение и уничтожение. Шла война в «котлах».

Эту тактику мы познали значительно позже, когда основательно испытали её на своей шкуре. Испытание это обошлось слишком дорого нашему народу. Наши стратеги подобной тактики, по всей вероятности, до этого не ведали или не придавали ей должного значения, так как подобным методом ведения войны не обучали войсковых командиров и солдат.

Наша тактика мало изменилась со времен Суворова с её принципами: «Ура, ребяташки!», «пуля – дура, штык – молодец!», «смелого пуля боится, смелого штык не берет!». Мы забыли, что наступил век техники, брони, против которых бессильны пуля, штык и храбрость... Забыли и были жестоко наказаны – кадровые войска первого эшелона приграничного прикрытия были смяты, рассеяны, окружены. Войсковое командование повергнуто в шоковое состояние и без связи и централизованного руководства не могло организовать достойное сопротивление, моталось от рубежа к рубежу.

Войска второго эшелона прикрытия, не подготовленные, в спешке, с ходу занимали рубежи обороны на широком фронте, не ведая – где, в каком месте враг обрушит свой удар.

В таком положении оказалась и наша 131-я дивизия, занявшая рубеж обороны вдоль реки Стырь на десятки километров, числящаяся в 9-м механизированном корпусе, а подчиненная штабу 5-й армии. Несмотря на близость его расположения (г. Луцк), связь была неустойчивой, команд и указаний не поступало. Командованию дивизии приходилось самостоятельно принимать оперативные решения без увязки с другими подразделениями армии. Связь со штабом корпуса была более устойчивой.

Третья ночь войны для нас прошла спокойно. На северо-западе, за Луцком, блестели молнии взрывов. Там, видимо, шли бои. Солнечным, безоблачным начинался четвертый день. В тревожном ожидании позавтракали, часто поглядывая на небо. Пока оно было чистое. Немецкие «юнкерсы» сегодня задерживались, не пролетали на восток, как вчера – патрулировать дороги, автостраду. Первой на небосклоне появилась «рама» – самолет-разведчик. Плавно покачивая крыльями, плыла она вдоль реки. Пролетев несколько километров севернее наших позиций, покругившись у моста через реку, развернулась и полетела на юг, в сторону позиций соседнего полка.

– Вынюхивает, гад – резюмировал мой помощник, высовываясь из окопа и, наблюдая, как «рама», покругив у горизонта, улетела на запад.

С новых позиций панорама долины просматривалась значительно лучше наших ячеек, увеличилась зона обзора небесной сферы.

Солнце поднималось все выше, а на земле и в небе пока было тихо. Часов в 9 загудело за Луцком. Мы уже знали, что на город движутся немецкие войска, ожидали наступления немцев по дамбе южнее города, где наш полк занимал оборону. Гул далекого боя послышался южнее, в расположении обороны соседнего полка. На краю горизонта мелькали самолеты противника. Бомбили позиции нашего соседа. От разрывов бомб даже в наших окопах подрагивала земля. А что творится там? Гул разрывов бомб сменился частой дробью разрывов артиллерийских снарядов. Затем всё стихло – ни гула, ни вздрагивания земли. Через некоторое время раздался мощный взрыв. Сидя в окопах, мы внимательно вслушивались в далекие отголоски боя, но долгое время не было слышно ни гула, ни дрожания земли. По-видимому, там шел бой пехоты. Наши товарищи ведут ожесточенную борьбу с противником, льется кровь, гибнут люди. Как складывается там обстановка, нам пока было неизвестно. Нервы у всех были напряжены. Война приближалась к нам стремительно и с юга, и с севера. Может быть, скоро появятся танки врага на дамбе, обороняемой нашим полком. Тогда и мы вступим в бой, увидим войну воочию, проявим в ней себя, проверим свою стойкость. Может быть, умрем на поле брани за свободу своего Отечества. Конечно, в близкую смерть никто не верил, надеялся, что она минет его. Нам пока везло: мы не потеряли ни одного человека, не были даже под бомбежкой.

Сегодня противник обрушился на бойцов соседнего полка дивизии. Наши товарищи сражаются, а мы сидим в окопах, переживаем за них, в напряженном состоянии ожидаем дальнейшего развития событий.

В полдень на южном небосклоне снова замелькали немецкие самолеты, послышался далекий гул бомбовых разрывов. Стон и дрожь земли были сильнее и продолжительнее первого налета. Дольше и интенсивнее гудели разрывы бомб, затем артиллерийских снарядов. Видимо, противник, повторно обрабатывает позиции полка.

Сытый обед не снял напряжения у красноармейцев, тревожного ожидания развязки боя у соседей, возможного движения противника в нашем направлении.

После обеда поступил приказ первому батальону в полном боевом снаряжении построиться в ближайшем лесочке, где уже стояли пять легких танков БТ, 45-миллиметровые и 76-миллиметровые пушки. Наш батальон направлялся на помощь сражающемуся соседнему полку, вынужденному под натиском превосходивших сил врага покинуть свои позиции и отступить на восток, к автостраде.

Нашу «учебную» роту, направляя в авангард колонны, разместили на броне танков и на машинах артиллеристов. Остальные подразделения батальона форсированным маршем двинулись по лесной дороге на юг – к позициям соседнего полка.

Танки двигались впереди, за ними машины артиллеристов, а потом, отстав, шагала пехота. Колонна растянулась длинной колбасой по лесной дороге. На одном из поворотов несколько красноармейцев, заметив танки, поспешно юркнули в лес. Политрук роты Игнатов, сидевший с нами на броне танка, остановил машину, выскочил на обочину дороги и прокричал:

– Трусы и паникеры, выходи строиться! – вытянув, как на учении, правую руку в сторону.

Из зарослей потянулись на дорогу спрятавшиеся бойцы. Шли они понуро, с испуганно-виноватыми лицами, без амуниции, в одних гимнастерках. Грязные, без оружия, отряхиваясь и приводя в порядок свою одежду, строились вдоль дороги в шеренгу, равняясь на политрука.

На его вопросы отвечали, что немцы бомбами и снарядами уничтожили батареи, разрушили сооружения, окопы, переправились через реку, танками прорвали оборону и двинулись на восток. Много убитых, раненых. Только им удалось спастись, вырваться из ада огня и бронированной техники. Растерянные красноармейцы рисовали страшные картины боя, стремясь оправдать своё бегство: «Танки немцев утюжили окопы, давили бегущих бойцов, а их автоматчики до сих пор преследуют их. За ними, наверное, бегут и другие уцелевшие красноармейцы», – оправдывались беглецы. Политрук с задержанными и с отделением бойцов нашей роты остался удерживать отступающих, чтобы присоединить их к движущемуся сзади батальону. Перед другими беглецами колонна уже не останавливалась. Их направляли к месту сбора. Среди бежавших уже виднелись и раненые с повязками бинтов.

Разрывы мин, пулеметные очереди слышались явственнее. Чувствовалось приближение линии огня. Головной танк снизил скорость, командир чаще высовывался из люка, спрашивая: «Как там?», интересуясь обстановкой впереди. Дорога пока была чиста, не было заметно движения и в лесу.

На одном из поворотов на дорогу выскочили двое военных, взмахом руки требуя остановки. Подбежал младший лейтенант. Узнав, кто мы, пояснил, что впереди, за кромкой леса 3-й батальон отступающего полка организует временный оборонительный рубеж. Командир батальона капитан Музыченко и командиры рот группируют из отступающих подразделения, определяют им позиции и задачи.

Младший лейтенант посоветовал нам не раскрывать своего присутствия, укрыть танки и машины в лесу, так как противник недалеко занимает оборону, копит силы для атаки и ведет минометный и пулеметный огонь по замеченным целям.

Оказывается, нас остановили на лесной дороге перед длинным открытым лугом, разрезающим лесной массив полукилометровой полосой чистого поля.

В старой заросшей канаве, вырытой, может быть, ещё в первую империалистическую войну по кромке леса, копошились бойцы, отрывая окопы и укрытия. На противоположной стороне луга, в лесных зарослях, раздавались автоматные очереди по красноармейцам, пытающимся проскочить через открытое пространство. Некоторым это удавалось, иные падали в луговую траву убитыми, а кое-кто, спасаясь от пуль, падал, чтобы переждать стрельбу и перескочить поле позже. Кое-где раздавался зов раненых о помощи, но никто не спешил к ним на выручку по открытому полю, простреливаемому немецкими автоматчиками. Со злостью от безысходности и невозможности помочь товарищам, открывали из канавы ружейный и пулеметный огонь по противоположной стороне луга. Немцы отвечали минометным огнем, опасаясь наступать через открытое поле без поддержки бронетранспортных средств.

Первая попытка атаки по открытому лугу для немцев оказалась неудачной. Потеряв несколько солдат и мотоцикл, они отошли в лес, заняли оборону по его кромке, сконцентрировав основные силы у дороги. Для атаки они, видимо, накапливали силы, ждали подкрепления.

Этим воспользовался командир батальона. Отступая перед наседавшим противником, он решил зацепиться за эту канаву по кромке луга, сконцентрировать здесь остатки разрозненного батальона, закрепить, удержаться, остановить хотя бы часть вражеских сил, дать возможность полку оторваться от противника, укрепиться на новом рубеже.

Прибывшая солидная помощь и приказ штаба дивизии ударить по флангу прорвавшегося противника, разгромить его силы и восстановить утраченные позиции, изменили планы капитана. До подхода основных сил ударного батальона капитан Музыченко спешил привести в порядок свои подразделения, основательно пострадавшие в бою этого дня. А он, по рассказам очевидцев, сложился трагически для соседнего полка

То, что немцы будут наступать на их участке, знали ещё вчера, когда немецкие мотоциклисты по дорожной дамбе пересекли долину, покрутились на левом берегу, у деревянного моста через русло реки и разъехались в разные стороны. Три мотоцикла остались у моста. Немцы одного из них занялись осмотром опор и настила моста, а два других мотоцикла, проскочив мост, направились по дороге к хутору Стырка.

Не желая демаскировать позиции полка, боевому охранению было приказано без команды огня не открывать. Может быть, обошлось бы без стрельбы, если бы немецкие разведчики на двух мотоциклах не обратили внимания на замаскированный дзот охраны моста и не открыли бы по нему огонь из пулеметов. Дзот ответил огнем по мотоциклистам. Два немца были убиты, двоих раненых взяли в плен. Немцы третьего мотоцикла, не приняв боя, бросив товарищей, укатили назад.

Пленные показали, что посланы разведать дорогу, мост, найти места переправ, если мост окажется непригодным для прохода техники, так как завтра, 25 июня, намечается продвижение одного из полков головной части 13-й танковой дивизии. Полученные сведения и пленных направили в штаб дивизии, а сами стали готовиться к встрече гостей.

Вскоре после этого инцидента в небе появился самолет-разведчик. Долго летал он над позициями полка, высматривал его оборонительные сооружения, летал над поймой, вдоль реки. Утром появился снова. Летал, высматривал. После него в небе появились «юнкерсы», обрушивая град бомб на позиции полка. Бомбили не прицельно, а по площадям. Ви-

димо, полк хорошо замаскировался и воздушный разведчик многого не заметил.

Не успели улететь самолеты, начался артиллерийский обстрел. Стреляли дальнобойные орудия так же наобум. Для наших бойцов это было первое боевое крещение. Хотя обстрел и был не прицельным, но поражал людей и технику, разрушал сооружения, укрытия, окопы, дома жителей в хуторе.

В воздухе все гудело, гремело, вверх взметалась земля, обломки строений, машин. Пылью и дымом заволокло летнее солнце. Для необстрелянных солдат, впервые попавших под бомбы и снаряды противника, это было тяжелым испытанием. Все льнули к земле, укрывались в ней. Даже после артобстрела еще долго жались к дну окопов и укрытий, освобождаясь от шокового состояния.

Приказы командиров, стоны и крики раненых ускорили преодоление страха. Быстро стали приводить в порядок себя, оружие, перевязывать раненых, выгаскивать убитых.

Пока шла огневая обработка позиций полка, через пойму, по дамбе, двигалась колонна войск танкового полка немцев.

Впереди, как борзые на поводке, рвались мотоциклисты, за ними двигались бронетранспортеры, легкие и тяжелые танки, машины с пехотой, саперами, артиллерией. Двигались плотной колонной, спеша быстрее перескочить заболоченную пойму, выскочить на простор правобережья. Двигались, как на учениях, не опасаясь нападения с воздуха, отпора на земле. Так воевали они в Европе, так стремились пройти по дорогам России – без задержек и потерь. Авиацией и артиллерией подавляли перед собой основные очаги сопротивления, чтобы танки и бронепехота окончательно очистили территорию для успешного продвижения оккупационных войск.

Пока наши бойцы стряхивали с себя страх, очищали от пыли и дыма глаза, голова немецкой колонны подползала к деревянному мосту через небольшую заболоченную украинскую реку Стырь, чтобы преодолеть ещё одну водную преграду на их пути. Подползла... Остановилась... Как спущенные с поводка борзые через мост ринулись мотоциклисты, на ходу захлебываясь в лае пулеметов, стреляющих по противоположному берегу. Но наш берег молчал, затаился. Только когда мотоциклисты проскочили мост,

по ним, как и вчера, из дзота охраны моста хлестнули пулеметные очереди. Мотоциклисты растерялись, заметались. Несколько мотоциклов лежало на боку, а пулемет всё строчил и строчил. На помощь мотоциклистам поспешили бронетранспортеры, а за ними осторожно поползли и танки. Не успел первый танк доползти до конца моста, а третий пройти первый пролет, как раздался мощный взрыв. В трех местах взметнулись вверх бревна настила моста, опрокинулись в воду танки. На дороге, забитой техникой и солдатами, взметнулись фонтаны взрывов. Правый берег загремел артиллерийскими и минометными выстрелами, пулеметным и ружейным огнем. Были уничтожены прорвавшиеся через мост мотоциклисты и бронетранспортеры. Разрывы снарядов и мин рвали и зажигали технику на дамбе, убивали немецких солдат. На дороге творилось невероятное: разрывы снарядов, скрежет и грохот железа, огонь горевших машин, жар, дым, крики раненых. В страхе из кузовов крытых машин вываливались немецкие автоматчики, как тараканы бросались в сторону, подальше от дороги.

Некоторые водители пытались вывести свои машины из-под обстрела, но слишком плотна была колонна, а откосы дамбы крутые. А наша артиллерия всё била по дороге, пока немцы не очухались и не открыли ответного огня из своих батарей.

Подобное «коварство» русских привело немцев сначала в шоковое состояние, затем в бешенство из-за своей беспечности. Наши же радовались удавшейся хитрости, позволившей разгромить большую танковую колонну немцев, сорвать переправу и задержать продвижение фашистских войск. О победе командование полка поспешило сообщить в штаб дивизии, уверив его, что противник ошеломлен и вряд ли скоро будет способен переправиться на их участке.

Но командование полка ошиблось. Не учло немецкой дисциплинированности, пунктуальности при исполнении приказов, уязвленного немецкого самолюбия. Немцы не могли оставить без наказания наглость русских и нарушить график движения авангарда 13-й танковой дивизии. Разрушенный мост, водная преграда и пассивность командования полка спасли немцев от атаки советской пехоты и значительных потерь. Бой ограничивался артиллерийской дуэлью. Бойцы полка бездействовали, а немецкие солдаты спасали технику на дороге.

В небе снова появилась «рама». Долго она кружила над позициями полка, порою снижаясь очень низко. По ней вели пулеметный и ружейный огонь, но двухфюзеляжный разведчик был неуязвим. Наши самолеты в первые дни войны в небе ещё не появлялись. Видимо, много их было уничтожено на прифронтовых аэродромах в первый день войны. Немцы господствовали в воздухе, да и на земле – тоже. Мы же, лишённые устойчивой связи, воздушной разведки, были слепы, разрозненны и беспомощны.

Не успела «рама» удалиться, как над позициями полка появились «юнкерсы». Началась повторная обработка обороны полка. Самолеты летели звеньями, журавлиной цепочкой: одно звено, отбомбившись, поднималось вверх, второе входило в пике, третье было на подлете – крутились каруселью. Бомбили не вслепую. Выбирали цели, в первую очередь подавляя зенитные установки, затем батареи, технику, пулеметные гнезда, укрытия, окопы. Гул и вой падающих бомб, грохот разрываемой земли, строений, металла, крики раненых действовали на психику солдат, заставляя их инстинктивно втираться в землю, спасать свою жизнь, не имея возможности что-либо предпринять против воздушного убийцы. Бессилие и страх действовали на нервную систему солдат, ожидающих своего смертного часа. Минуты казались часами, часы – вечностью. С неба бомбы сыпались беспрерывно, с гулом, сатанинским ревом, хохотом, действуя на ушные перепонки, психику человека, а затем гремели взрывами, уничтожая всё живое.

Для усиления психического эффекта немцы сбрасывали бомбы «ревуны» с различными приспособлениями в стабилизаторах, которые, падая, издавали душераздирающие звуки, леденящие души молодых бойцов.

Самолеты ещё бомбили, а над полком появился самолёт-корректировщик, лёгкий моноплан с удлиненным неубирающимся шасси, прозванный впоследствии «костыль». Через день я видел его сбитым в расположении нашего полка. «Хеншель-126» – это самый неуклюжий немецкий самолёт. Фюзеляж напоминает гроб. Впереди торчат, как костыли, высокие стойки шасси. Двигатель его работает с какими-то переборами. На нём установлено разведывательное оборудование и радиостанция для связи с батареями. С высоты он рассматривал уцелевшие объекты обороны полка, корректировал огонь своих батарей.

Вой бомб сменился шипением и свистом снарядов. Вступила в работу дальнобойная артиллерия врага. Стрельба была уже прицельной по траншеям, окопам, укрытиям, скоплениям техники. Сверху они хорошо просматривались корректировщиком. То, что уцелело от бомб, уничтожалось снарядами методично и долго. Полк нёс большие потери в людях, технике, не имея возможности ни укрыться, ни защитить себя. Немецкие снаряды ещё долго рвались на позициях нашего полка.

Между тем, под грохот бомб и снарядов противник подтянул к реке саперные части, навел понтонную переправу, перебросил на восточный берег танки, орудия, солдат и минометы. Слабый огонь наших уцелевших батарей и ружейно-пулеметная стрельба бойцов не могли остановить врага, разрушить их переправу. Оставалась надежда на стойкость бойцов в окопах.

Командование полка, сообщив о сложившейся обстановке, просило у дивизии помощи авиацией, артиллерией, танками. Командир дивизии полковник Калинин выделил из резерва часть приданных ему танков, артиллерии и батальон нашего полка, а штаб корпуса приказал командиру 20-й танковой дивизии развернуть часть своих подразделений, дравшихся с противником юго-восточнее обороны нашей дивизии, ударить по прорывавшемуся противнику, отбросить его за реку и удерживать ранее занимаемые позиции.

Чтобы организовать и подтянуть подразделения к месту боя, требовалось время. Сигнал о бедственном положении полка и просьба о помощи поступили после того, как противник под защитой «юнкерсов» и артиллерии, перебросил через переправу танки, бронетехнику и автоматчиков, предпринял стремительную атаку. Наш обороняющийся полк, понесший большие потери, деморализованный бомбежкой и артобстрелом, не мог отразить натиска танков и бронетранспортеров. С ними просто нечем было бороться. Артиллерийские минометные батареи и бронетехника были подавлены. Ни штык, ни пуля бронированные машины не брали. Другого оружия против них тогда у нас ещё не было. Уцелевшими пушками и гранатами было уничтожено несколько вражеских танков и бронетранспортеров, но остальные прорывались вперед, утюжили наши окопы, прорывались в тыл.

Полк, неся большие потери в живой силе, не выдержав натиска, стал отступать, с трудом сдерживая немецких автоматчиков.

Прорвав оборону, противник погнал отступающий полк на восток, прикрывая свои фланги мелкими подразделениями, двигаясь основными силами по дороге в сторону автострады Луцк-Дубно, к ранее намеченному на этот день рубежу.

Так складывались события для соседнего полка. Понятна стала реакция командира батальона капитана Музыченко, перенесшего все ужасы первых боев этого дня, когда он, принимая задержанных красноармейцев, не обзывая их трусами и паникёрами, как наш политрук, а назидательно подбадривал, направляя в свои подразделения:

– Ничего, ребята, героями не сразу становятся. Мы тоже немцам дали прикурить. И ещё покажем русский характер. Выше голову, друзья! Его подбадривающие слова и действия благотворно действовали на обескураженных неудачей бойцов.

Подошли основные силы батальона. Неожиданная встреча с красноармейцами и немцами, закупорившими лесную дорогу – основной путь выхода к хутору Стырка, через который двигалась колонна немцев, расстраивала планы операции совместного контрудара по флангу противника. Немцы преграждали дальнейшее движение батальона, лишали возможности скрытого подхода к их колонне. Хотя, судя по плотности огня, видимого движения солдат, на дороге располагалось немногочисленное подразделение немцев, оснащённых легким вооружением. Их можно легко уничтожить имеющимися танками и артиллерией, но тогда мы откроем наличие подошедшего подкрепления. Убежавшие или атакованные немцы могут сообщить своему командованию о движении по этой дороге крупных сил советских войск. Внезапность атаки будет утеряна. Против нас будут брошены более мощные подразделения. Подобная ситуация исключит возможность выполнения поставленной задачи по внезапной совместной контратаке нашего батальона и частей 20-й танковой дивизии. Обход немцев другими дорогами в лесисто-болотистой местности усложнялся, требовал значительного времени. Оставалось одно – ликвидировать противника так, чтобы, не раскрывая наших сил полностью, ликвидировать перекрывших

дорогу немцев, а если они и сообщат своему командованию, то пусть думают, что их атаковали красноармейцы отступающего полка.

На совете командиров бурно обсуждали тактику ведения боя, при котором за короткое время противник был бы окружен, блокирован и уничтожен. Много предлагали вариантов, но предпочли предложение капитана Музыченко «поймать немцев в сеть, как рыбу в пруду». Не раскрывая сил и мощи ударного батальона, организовать на виду у противника контратаку отступающего батальона по открытому полю. Для немцев это будет неожиданностью. Они сочтут атаку красноармейцев за психическую авантюру обезумевших коммунистов, гонящих на верную смерть своих солдат, и не будут открывать огня пока шеренги бойцов не подойдут на поражение автоматным огнем.

Чтобы создать у немцев такое впечатление, контратаку готовить открыто, на виду у немцев, имитировать насильственную организацию атаки. Надо показать, что бойцы в центре шеренги, в зоне дороги – боясь огня немцев, идут с большой неохотой, укороченным шагом, подгоняемые окриками командиров, а на флангах шеренги, где почти нет немецких солдат, наоборот, без команды, идут ускоренным шагом, спеша в укрытие леса, избегая штыкового боя. Движение должно быть рассчитано так, чтобы бойцы на флангах достигли леса, прежде чем шеренга в центре дойдет до середины луга, создав цепь бойцов в виде невода при ловле рыбы. Наступающие в центре шеренги, при открытии немцами огня, залегают, открывают интенсивный ответный огонь, а бойцы флангов, смяв небольшие заслоны, углубляются в лес, заходят в тыл немецкой группировки, уничтожая врага, перекрывают ему пути отхода. Когда «горло невода» будет закрыто, по сигналу красной ракеты залегшие бойцы атакуют немцев. При необходимости батарея батальонных минометов должна поразить минометную батарею и пулеметные гнезда немцев. Музыченко предложил на фланги поставить своих людей, так как они «уже научились бегать», знают эти места, да и на немцев очень злы, постараются рассчитаться за свой позор. Так как в его батальоне осталось бойцов около роты и плохо с оружием и боеприпасами, Музыченко попросил выделить ему роту бойцов из ударного батальона, усилить его бойцов на флангах ручными пулеметами и гранатами.

Идея капитана понравилась, хотя и смахивала на авантюру с мостом, выходящую за рамки военной науки и узаконенной тактики. С планом контратаки ознакомили командиров и красноармейцев, особенно фланговых, от которых, в основном, зависел успех операции.

В помощь Музыченко была выделена наша учебная рота, как более подготовленная и надежная. Наш командир роты хотел проверить своих бойцов, будущих командиров, в боевой обстановке, дать возможность «понюхать пороху», адаптироваться к страху войны. Основную часть роты поставили в середину атакующей шеренги. Для удобства наступления, создания однородности экипировки с бойцами Музыченко, лишнюю одежду и экипировку мы сложили на автомашины артиллеристов, оставшись только в гимнастерках с винтовками СВТ – пятизарядными полуавтоматическими винтовками нового образца, где граненый штык был заменен на плоский обоюдоострый.

Операция развевталась в соответствии с задуманным сценарием. Из канавы в беспорядке поднимались бойцы. Под окрики командиров бойцы строились в шеренгу, выравнивались, брали винтовки наизготовку к штыковому бою.

По команде «шагом марш» длинная шеренга бойцов двинулась вперед по открытому луку, на притаившегося в лесу врага.

Немцы, по всей вероятности, видели наши действия, и гадали: что надумали эти русские, маршируя за полкилометра по открытому полю с винтовками наизготовку к штыковому бою. Удивлялись нашей безрассудной атаке против немецких автоматчиков и пулеметчиков.

Мне, шагавшему в центре шеренги с ручным пулеметом, было видно, как ломаная линия шеренги выравнивалась, шаг становился тверже. Бойцы, зная о сценарии атаки, подбирали ногу под четкую команду: «Левой! Левой! Выше ногу, меньше шаг!» Корпус бойцов выравнился, выше поднималась голова, вытягивалась грудь, ноги в обмотках поднимались, как при парадной ходьбе, шаг становился тверже, чеканнее, но короче обычного, Мне почему-то вспомнились кадры из кинофильма «Чапаев», когда белогвардейцы с винтовками наизготовку ровными рядами шеренг, под дробь барабанов, чеканя шаг, шли в психическую атаку на залегшие цепи красноармейцев. В их глазах и действиях не было страха смерти, а была

несокрушимая вера в победу, в правоту своего дела. Ради своей идеи они презирали смерть. Такое чувство зрело и у меня, шагавшего в цепи с пулеметом наизготовку, знавшего, что вот-вот застрочат пулеметы и автоматы противника. А в нашей шеренге, как и в кинофильме, будут падать убитые и раненые, а остальные, сжимая ряды, будут идти, чеканя шаг, вперед к победе до последнего вздоха. Идти не ради идеи, а ради защиты своей страны от порабощения. Это, наверное, чувствовал и мой помощник Николай, шагавший рядом со мной, глядя только вперед, не отставая, как обычно бывало на учениях. Это чувствовали и другие бойцы, так как лица у всех были серьезные, решительные, со сжатыми ртами, стиснутыми зубами, устремленными в сторону противника взглядами.

Без суеты и шума двигалась шеренга бойцов в ожидании пулеметного огня. Но выстрелов не было. Противник молчал, то ли пораженный неожиданностью такой атаки, то ли, как и Анка в кинофильме, подпуская атакующих ближе на более вероятное поражение.

Центр шеренги прошел уже треть луга, фланги заметно загнулись вперед, миновав половину пути. Немцы молчали. На флангах раздались одиночные автоматные очереди. Видимо, кое у кого из немцев не выдержали нервы. В центре противник молчал, затаился, ждал момента, когда безумные русские подойдут поближе. Шеренга в центре, также четко отбивая шаг, прошла уже две трети пути. У бойцов нервы напрягались в ожидании шквального пулеметного огня. Но враг молчал. Страх смерти я не чувствовал. Не было заметно его и у рядом идущих со мной товарищей, четко отбивающих шаг под команду политрука: «левой! левой!» Шеренга имела уже форму дуги, концы которой были в лесу, а бойцы в центре все ещё шагали в двухстах метрах от кромки леса. На флангах, в лесу, слышались автоматные и винтовочные выстрелы, а у нас – стояла томительная тишина. Напряжение нарастало. Осталось до немцев чуть больше ста метров – один бросок. «Почему не стреляют немцы, не подают команды наши командиры?» – наверное, каждого бойца тревожил этот вопрос. Политрук роты, чуть выдвинувшись перед цепью, так же резко командует: «Левой, левой!» Скорее бы услышать выстрелы противника, или команды: «В атаку вперед!», чтобы бегом преодолеть этот страшный участок, схватиться с врагом врукопашную. Казалось, что нервы у бойцов не выдержат, и они сами ринутся вперед. Такой момент

приближался. И вдруг впереди раздалась картавая команда: «Фойер!» а наш политрук вместо команды – «Вперёд!», резко крикнул: «Ложись! По врагу – огонь!».

Не успели бойцы упасть на землю, как над нами засвистели пули. Позади захлопали взрывы немецких мин, немцы открыли ураганный пулеметный и автоматный огонь. Заработали наши пулемёты и винтовки. Из своего «Дегтярёва» я поливал длинными очередями кусты, за которыми залегли немцы. Наша миномётная батарея открыла огонь по ранее замеченным пулеметным и минометным точкам противника. Его миномёты, успев сделать несколько пристрелочных залпов, замолчали. Захлебнулись и некоторые пулеметы. Но автоматный огонь немцев был ещё силен. Мы лежали на лугу, укрываясь от пуль противника и ведя по нему непрерывный огонь, ждали команды: «Вперед!». Команда задерживалась, чтобы фланги успели глубже вклиниться в лес, перекрыть пути отхода немцам – «завязать невод», как намечал капитан Музыкаченко.

Немцы поняли эту уловку, когда услышали за собой стрельбу русских винтовок и пулемётов, разрывы гранат. Они, бросив свои позиции, подались назад, но опоздали – «невод» был завязан! Началась «охота на волков». Цепи красноармейцев сужались, расстреливая метавшихся по лесу немцев. Особенно усердствовали в подобной «охоте» бойцы капитана Музыкаченко, возмеща на немцах свой позор бегства с поля боя и злость за убитых товарищей. Немцы рук не поднимали, отстреливались до последнего, но с ними и не церемонились. В плен было захвачено не более десятка солдат. Не особенно богаты были и трофеи. Кроме личного – автоматов, было подобрано пять ручных пулеметов, три миномёта, три мотоцикла и две грузовые автомашины, крытые брезентом. Капитан Музыкаченко и его бойцы были огорчены, узнав, что они бежали от полусотни немецких автоматчиков.

Наши командиры были довольны, что испытали своих бойцов и себя в «психической атаке», в небольшом бою понюхали порошу, потеряв до десятка раненых. Героем атаки считали политрука роты Василия Ивановича Игнатова – тезку «Чапая». Признание храброго и грамотного командира заслужил и капитан Музыкаченко.

Операция «Невод», как её потом назвали, отняла час времени. Еще надо было успеть в установленное время нанести одновременный удар по

колонне немцев восточнее хутора Стырка. Поэтому сбор трофеев, отправку в тыл раненых красноармейцев и пленных немецких солдат, похоронами убитых занялась особая команда, а батальоны, не мешкая, двинулись на выполнение основного задания.

Для более успешного ведения операции и удобства передвижения по лесным дорогам возросшей численностью, батальон под командованием Музыченко с батареей 76-миллиметровых пушек и нашей учебной ротой при ней направили на запад, к реке, чтобы разрушить переправу, блокировать переброску войск врага на восточный берег, отрезать путь отхода немцев, удерживая плацдарм и наступая на хутор с запада.

Батальон майора Удальцова с батареей 45-миллиметровых пушек и танками форсированным маршем двинулся на юг, в район хутора. Впереди батальона двинулись три трофейных мотоцикла с переодетыми в немецкую форму красноармейцами и грузовая машина под брезентом с бойцами в ней, на случай столкновения с одиночными или небольшими группами немцев. В штаб полка был послан связной с донесением и дальнейшей координацией действий батальона.

Капитан Музыченко, выслав своих разведчиков выяснить обстановку у переправы и на оставленных позициях, выставив на флангах и впереди колонны охранение, по просекам и перелескам повел батальон к реке, к месту переправы. Наша рота двигалась с артиллеристами, на которых возлагалась основная надежда по разгрому переправы противника и уничтожение техники на ней. Батарея и наша рота с осторожностью продирались через лес по просекам. Мы направлялись к брошенным артиллеристами позициям полка, как более удобным для удара по переправе, а батальон Музыченко, отклонившись к северу, двинулся к своим окопам, чтобы перекрыть движение немцев вдоль реки.

Разведчики сообщили, что переправа работает, по ней перебрасываются крытые грузовики, тыловые службы, конные повозки, Всё без задержек движется в сторону хутора. Охраны у переправы особой нет. Заметили батарею шестиствольных миномётов, до взвода немецких автоматчиков и солдат у переправы, видимо, сапёров. По позициям полка бродит группа немецких солдат, по всей вероятности, мародёров. Наши убитых никто не хоронит. Лежат они, бедные, в окопах и на поле боя. На артиллерийских

позициях движения не замечено. Видны разбитые орудия. На поле боя много нашей покорёженной техники, подбитые и сгоревшие немецкие танки и бронетранспортеры. Путь вперёд пока свободен, вражеские подразделения не попадались.

Сведения были утешительные, давали надежду на скрытное передвижение. Разведчики показали более удобный путь к позиции батареи, расположенной у небольшого холма, поросшего ранее кустарником, а сейчас изрытого воронками от бомб и снарядов, испещренного плешинами от разрывов мин. Пушки, расшвырянные взрывами, покорёженные, перевернутые вверх колесами, валялись в артиллерийских окопах, по склону холма, а между ними – трупы наших бойцов, лежавших в различных позах, обезображенные осколками снарядов и бомб. Никто ничего, конечно, не убирал. Всё осталось, как после боя. Дальше к реке местность тоже была искорежена взрывами, захлавлена разбитой и сгоревшей техникой. Справа от батареи виднелся немецкий танк с перекошенной башней, недалеко от него лежал на боку бронетранспортёр и всюду трупы, трупы... Видимо, бой здесь был жестокий.

Место для стрельбы по переправе было идеальным, но требовалось для его расчистить, убрать трупы, на что у нас не было времени. Поэтому новую позицию для батареи выбрали немного в стороне. Артиллеристы сноровисто и скрытно отрыли окопы, на руках подкатали и установили орудия, поднесли снаряды. В какой-то мере и мы оказывали им помощь. Скрытно заняли впереди батареи линию брошенных окопов полка, очистив от трупов и наскоро приведа их в порядок.

Музыченко нарочным передал, что правее от нас он занял окопы первой линии, ждёт сигнала майора Удальцова о начале операции. Приказал раньше команды себя не обнаруживать, действовать только по его сигналу, а к нему приказал подтянуть связь и выслать артиллериста-корректировщика, так как от него хорошо просматриваются объекты переправы немцев.

Батарея была готова к открытию огня. Артиллерист-лейтенант, не спеша давал последние указания командирам орудийных расчётов, определял предварительные ориентиры стрельбы, чтобы потом быстрее выполнить доводку до цели. Хотелось сразу, без дополнительной пристрелки, на-

крыть переправу огнем батареи. После уточненных данных корректировки ждали сигнала, команды Музыченко на открытие огня. Долго ждать не пришлось. На востоке, за хутором, прогремели взрывы снарядов сорокапяток, в небе блеснула красная ракета. Незамедлительно последовал приказ по телефону командира батальона.

Дёрнулись в откате пушки, грохнули выстрелы, с шипением полетели снаряды к переправе. Из наших окопов было видно, как фонтаны воды взметнулись по обе стороны понтонов, а два снаряда разорвались на его краях, разворотив кузов грузовой автомашины и конную повозку.

– Молодцы артиллеристы! – радовались бойцы удачному залпу батарейцев.

– Чуть-чуть точнее, родные!

Батарейцы как будто слышали нашу мольбу. Снова рывкнули пушки, выбросив порцию смертельного груза. Все четыре снаряда разорвались на переправе, поражая ошеломленных немцев, их транспортные средства. Батарея гремела, залп следовал за залпом, начался беглый огонь по переправе, где разрывы снарядов сокрушали все на зыбких понтонах: машины, подводки поползли в воду, люди прыгали туда же. На берегу реки немцы заматались, озираясь кругом, в поисках объектов артиллерийской канонады. На левом – западном – берегу, переправляющиеся, поджигаемые сзади движущимся транспортом, сгрудились перед переправой. По ним перенесла огонь наша батарея, а на правом – нашем – берегу, немцы устремились от переправы к хутору, к своим основным силам, не ведая и не слыша, что и там гремят взрывы снарядов.

Охрана переправы, наконец, очухалась, заметила, что стреляют с артиллерийских позиций разгромленного ими полка, недоумевая, как могла ожить давно уничтоженная батарея русских. Они в этом убедились, прочесывая поле боя, подбирая своих убитых солдат. Но снаряды неслись именно с позиции разбитой батареи.

Батарея шестиствольных минометов немцев, засекала выстрелы, открыла по ним огонь, а взвод автоматчиков, усиленный солдатами, двинулся на штурм батареи.

Первый залп минометов был с перелётом, второй – угодил на старую позицию. Третий залп немцы не успели сделать – их накрыли снаряды

нашей батареи, а взвод ротных миномётов добивал уцелевшие расчёты миномётчиков. Подавив немецкую батарею, артиллеристы перенесли огонь на колонну немцев, спешивших к хутору. Тем временем немецкие автоматчики пошли в атаку на нашу батарею. Преодолев пустые окопы первой линии, приближались ко второй, где затаилась наша рота. Немцев встретили пулемётным и ружейным огнём. Не ожидая этого, автоматчики залегли. По ним ударил наш миномётный взвод. Мины ротных миномётов рвались среди залёгших немцев. Хотя их взрывы были не сильнее ручной гранаты, но своими многочисленными осколками поражали немцев, прижимали их к земле. Ободренная такой поддержкой, рота бросилась в контратаку. Немцы не выдержали, побежали. Оказывается, они умеют бегать быстрее нас, что позволило части из них скрыться за первой линией окопов, где наша рота по приказу командира батальона заняла оборону, чтобы сосредоточиться и общими усилиями атаковать переправу. Там немцы, укрывшись за машинами, спешно создавали оборону, вели сильный автоматный огонь. Наша батарея снова перенесла огонь на западный берег, на скопление техники и солдат противника. Нужно было, используя момент внезапности, отсутствия здесь значительных боевых сил врага, громить противника, очистить от него восточный берег, а затем наступать в направлении хутора. Батальон Музыченко тоже пошёл в атаку на переправу, растянувшись цепочкой от окопов до реки. Батарея перенесла огонь на восточный берег по вновь созданной обороне немцев. При поддержке артиллерии началась наша совместная атака на переправу, очищая восточный берег от противника. Немцы, не ожидавшие такой массы красноармейцев, их стремительного движения, не видя помощи с западного берега, стали отходить в сторону хутора, надеясь найти там защиту.

А там творилось невероятное. Немцы, находящиеся в хуторе, впервые услышали звуки боя на востоке, готовясь встретить противника в этом направлении. Но артиллерийская стрельба на западе, у переправы, известие о ее разгроме, привели их в замешательство. Началось спешное формирование боевых групп из солдат тыловых служб. Ударные группы создавались с большим трудом. Надо было оторвать немцев вспомогательных служб от их машин, хозяйств, от награбленного добра, заставить идти в атаку на русских солдат, наступающих с двух концов хутора. Началась паника.

Тыловики метались по хутору в поисках укрытия, боясь углубляться в леса и болота. А цепь красноармейцев с востока и запада сжималась, своим огнём заставляя немцев уплотняться к центру хутора. Это был уже не «невод», а двусторонний «трал», захватывающий приличный улов.

К вечеру бой за хутор был завершен. Хутор был буквально забит машинами, подводами с военным имуществом, продовольствием. Богатые достались нам трофеи. А на востоке еще гремели орудия. Там наши добывали основные части немецкого танкового полка.

Как позже мы узнали, подразделение 20-й танковой дивизии с танками Т-7 и Т-34 – новыми машинами того времени – встретила с отступающим полком раньше нашего батальона. Завязался бой с атакующим противником. Совместными усилиями отступающего полка и прибывшей помощи при поддержке тридцатьчетверок враг был остановлен. Началась танковая битва, в которой Т-34 решили исход сражения. Немцы бросили в бой все свои резервы. Завязался жестокий бой советских и немецких солдат. Внезапная атака нашего батальона восточнее хутора Стырка решила его судьбу.

Враг заметался, распыляя свои силы, предполагая, что у него на фланге их атакует еще одно танковое подразделение русских. А сообщение о разгроме переправы окончательно его деморализовало. Началось повальное бегство врага. По дороге на автостраду горели танки, машины, бронетранспортёры, валялись поверженная техника, трупы солдат и офицеров.

Колонна обезоруженных плененных плелась своим ходом к хутору Стырь, чтобы пополнить число плененных нами немцев. Их размещали на скотном дворе, в сараях, где раньше находились наши пленные красноармейцы.

Впервые я видел плененных советских бойцов, согнанных немцами на скотный двор, в сарай для содержания скота. Тяжелораненых бойцов фашистские вошки пристреливали на поле боя, в окопах; ходячих и обезумевших от страха солдат гоняли в сарай, без оказания медицинской помощи, не давая воды и пищи, держали их взаперти до их освобождения. Когда открыли ворота сараев, оттуда потянулись изнуренные, измученные бойцы, в самодельных повязках на ранах, в грязном обмундировании, с радостными лицами и тревожными взорами виноватых людей, попавших в плен.

На лицах бежавших «трусов и предателей», остановленных на лесной дороге политруком роты, было чувство страха и желание спастись от плена. У них была надежда на спасение от смерти и плена. Но вели себя они активно. Глаза пленных бойцов, освобожденных из скотного двора, выражали радость освобождения и тревогу ожидания ответственности за трусость, пассивность. Что хуже? Одни бежали, спасая свою жизнь, другие сидели в окопе, бездействовали ради этого же.

Конечно, плохо то и другое. Нужно исполнять клятву солдата: биться с врагом до последнего вдоха. «Лучше смерть, чем плен» – повседневно вдалбливали в наше сознание. В любой армии плен считался позором для воина, особенно строго было с этим в Красной Армии. Советское правительство не признало Женевской Конвенции о пленных. Их в нашей армии не должно быть, а если они и появятся, то будут малочисленны, и приравниваться к трусам и предателям.

Но как бы ни были строги военные законы, пленных в этой войне было очень много. И не только рядовых красноармейцев, но и командиров различных рангов и званий. И это они трусы и предатели? Конечно, нет. Среди них трусов и предателей единицы, остальные – честные, храбрые, преданные люди. Почему же они предпочитают плен – смерти? Что ими движет? Если только инстинкт самосохранения, то где же сознание долга перед родиной, народом, семьёй, инстинкт сохранения рода, племени, государства. Может быть, страх смерти сильнее чувства долга?

Такие мысли беспокоили меня, видя своих удрученных соратников, попавших в неприятную ситуацию. На эту тему мы с политруком роты Игнатовым вели разговоры при подготовке ротного боевого листка, когда освещали вопросы долга и отваги.

Суждения сводились к следующему. Практически чувство страха преодолеть бывает очень трудно. Реакция на страх у каждого человека разная, она подчиняется законам биологии. Как доказывают учёные, у одних индивидов при сильном эмоциональном напряжении в крови выделяется адреналин. Такие люди при стрессе ведут себя активно: убегают или дерутся, нападают на источник опасности. У других в аналогичной ситуации тоже выделяется адреналин, но они сначала мечутся, ища спасения, затем затихают, ожидая мнимой смерти.

Панические реакции могут возникать у совершенно нормальных людей в ненормальных обстоятельствах: во время крупных катастроф, стихийных бедствий и боевых действий, когда физические, химические, эмоциональные и прочие раздражители превышают определенный критический уровень состояния психики человека, нарушают равновесие во внутренней среде его организма.

Критический предел психики у каждого человека различный, но чувство страха присуще всем. Для уменьшения степени этого чувства нужны определенные условия, говоря словами учёных – необходимо нейтрализовать действие адреналина. Это, во-первых, упредительное знание о возможных экстремальных ситуациях, формах их проявлений, способах поведения и борьбы. Например, при окружении – знание тактики и способы борьбы с противником в окружении; способы защиты и борьбы с танками и авиацией врага при атаке. Этому заранее надо учить солдат.

Во-вторых, нужно воспитывать у людей чувство долга, солидарности, взаимопомощи, патриотизма, самопожертвования и дисциплины.

Теоретические суждения о чувстве страха могут быть и правильными, но не могут оправдывать солдат, сдавшихся в плен противнику.

Это понимали освобожденные красноармейцы. С чувством радости, стыда и тревоги за своё будущее выходили они из сарая «Что будет с нами?» – беспокойно вопрошали их взгляды.

Но решать их судьбу было некому. Особистов ещё не было, а из политработников был только политрук нашей роты Игнатов, стоявший среди пленных, с жалостью и сочувствием глядел на них, не зная, какие принять меры. Это был у него первый случай освобождения своих пленных бойцов. Человеческие чувства боролись с чувством долга.

Обстановку разрядил капитан Музыченко, приказал рассортировать освобожденных: раненых направить в лазарет, а здоровых – накормить, привести в порядок, создать из них взвод по прочесыванию местности, уничтожению и пленению разбежавшихся немцев.

Ставя им задачу, приказал:

– Будете воевать в моём батальоне. Испустите вину в боях. Учитесь бороться с чувством страха, не бойтесь фашистских вояк, они тоже боятся

смерти. Бывшие пленные заулыбались, повеселели. Гулом одобрения реагировали и бойцы батальона.

Немецких пленнх разместили в этих же сараях, предварительно отделив раненых оказав им медицинскую помощь. Пленные немцы не были угнетены, не переживали своего пленения. Скорее они были удивлены таким оборотом событий, радовались, что остались живы, надеясь на скорое освобождение. Они верили в свою победу и скорый крах России.

Батальон Музыченко прочесывал близлежащие места, вылавливали укрывавшихся немцев, подбирали оружие, трофеи. Всё восточное побережье реки было очищено от врага. Не было его и на дороге через пойму. Было, похоже, что противник отказался наступать на этом участке.

Вернувшиеся подразделения полка заняли свои позиции, хоронили убитых, разбирались с трофеями и пленными.

С богатыми трофеями, радостные и возбужденные победой, мы возвращались в расположение своего полка. Увиденное и услышанное несколько поубавило наше мажорное настроение. Наша победа оказалась мелким эпизодом войны.

За прошедшие сутки гитлеровцы предприняли массированное наступление по всему фронту обороны войск 5-й армии, начиная от Ковеля до Дубно, стремясь своими танковыми клиньями рассечь оборону наших войск, форсировать долину р. Стырь в нескольких местах, соединиться восточнее, окружить обороняющиеся части первого прикрытия, куда входила и наша дивизия.

На нашем участке линии обороны форсировать р. Стырь немцам в этот день не удалось не только из-за стойкости обороняющихся, но и вследствие чрезмерной заболоченности поймы, ограниченного количества дорог и проездов для быстрого продвижения немецкой техники. Основные свои силы немцы бросили на областной центр – Луцк, где располагался штаб 5-й армии, на левый фланг её обороны, в направлении Дубно, в стыке с 6-й армией, используя возможность проезда по дорогам между ними, чтобы рассечь нашу оборону в нескольких местах.

Кроме хутора Стырка немцы попытались форсировать пойму реки и в районе с. Веренево южнее Луцка, по дороге с твердым покрытием, по высокой земляной дамбе.

После ухода нашего батальона к хутору Стырка, над позицией нашего полка в небе появился разведчик-корректировщик «костыль». Наверное, тот, что был у хутора Стырка. Покружил над селом, пролетел вдоль поймы, над дорогой, по которой двигались санитарные повозки, раненые красноармейцы, группы отступающих войск. Через некоторое время начался артиллерийский обстрел наших позиций и дороги. Огонь был прицельный – «костыль» маячил в небе.

Нашим зенитчикам удалось его сбить. Обстрел не прекратился, но стал бесприцельным. Ожидали бомбёжки, однако самолеты противника, видимо, были задействованы на более важных объектах. Без авиационной поддержки немцы двинулись по дамбе, сметая по пути отступающие группы наших солдат. По наступающим немцам наша артиллерия открыла огонь, стремясь поразить тяжелую технику противника создать пробки на дороге. Когда немцы уперлись в мост через реку и остановились, боясь сюрприза русских на середине поймы, на самом высоком участке прогремело несколько мощных взрывов, перекрыв всякое движение по дороге. Были взорваны заложенные фугасы. После взрыва наши артиллерийские и миномётные батареи открыли по дамбе шквальный огонь, Немцы ринулись напролом через мост, который, как и у хутора Стырка, взлетел в воздух, похоронив в водах реки технику и солдат вермахта. Наступление немцев на этом участке захлебнулось. Но гитлеровцев это, по всей вероятности, мало беспокоило. Они захватили Луцк на правом фланге, а на левом – Дубно, Млынов, нацеливая последующий удар на Ровно, охватывая обороняющиеся войска по р. Стырь.

Пассивное сидение в обороне на р. Стырь было бессмысленным. Наша дивизия могла оказаться в окружении. Поэтому штаб 5-й армии, в подчинении которого мы ещё находились, приказал 131-й мехдивизии совместно с остатками 124-й и 135-й стрелковых дивизий удерживать натиск врага восточнее Луцка.

27 июня наш полк покинул свои позиции и направился севернее шоссе Луцк-Ровно, в лесные районы Киверцы, где, соединившись с частями 35-й танковой дивизии, сдерживал вражеские группировки, рвущиеся по шоссе Луцк-Ровно на юго-восток. По сути, мы вели арьергардные бои отступающих соединений северной группы войск 5-й армии.

РАНЕНИЕ

30 июня штаб 5-й армии снова возвратил нашу дивизию в подчинение 9-го мехкорпуса, поставив перед ним задачу нанести контрудар на юг с целью отрезать коммуникации Ровно-Острожской механизированной группировки противника и ликвидировать разрыв между 5-й и 6-й армиями.

Корпус был ослаблен непрерывными боями, потерял много техники, личного состава, но был ещё грозной силой со своими обстрелянными, закаленными в сражениях солдатами, узнавшими невзгоды войны, радость побед и горечь поражений.

Штаб корпуса все ещё располагался в Клеване, а его подразделения – вдоль шоссе Луцк-Ровно по линии Киверцы, Клевань, Ржев. Наша дивизия сосредоточилась в районе колхоза Вишнево, в лесистой местности с полянами, лугами и сельхозугодьями.

Наша авиация по-прежнему бездействовала. В небе господствовали немцы, они засекали движение наших войск, их сосредоточение и подготовку к боевым действиям. О противнике мы знали только по данным наземной разведки.

Вечером 30 июня разведка сообщила, что в пяти километрах, на хуторе соседнего колхоза сосредоточилось подразделение немцев с танками, артиллерией, техникой. Перед хутором немецкие автоматчики заняли оборону, отрыли окопы, траншеи для надежной охраны отдыха своих солдат. Количество войск и техники установить не удалось. Перепуганные сельчане повторяли только одно: «Много! Очень много!». Видно было, что на нашем пути повстречался авангард механизированной группировки противника, который мы должны были разгромить.

Было принято решение не ожидать подхода основных сил и атаки немцев, а обрушиться на них внезапно, смять передовые части и атаковать основные силы группировки.

Времени на подготовку атаки не было, так как намечалась она на раннее утро 1-го июля. Было решено за ночь скрытно продвинуться как можно ближе к противнику, открыть по нему артиллерийский огонь и с помощью приданных танков атаковать его.

Нашлось много добровольцев показать удобные пути незаметного подхода к расположению немцев. На нашем участке впереди шли бойцы нашего полка, за ними пробирались танки и артиллерия. Двигались с большой осторожностью, чтобы не обнаружить движение такой массы войск.

Хотя впереди в большом отрыве шла пехота, ночью, по бездорожью, соблюсти тишину было трудно. Бойцы шли с полной выкладкой. Всё приходилось нести на себе. Оставлять амуницию, при повседневном передвижении, было опасно: все может растеряться. И сейчас до предела нагруженные бойцы в безмолвии двигались вперед к позициям гитлеровцев. Особенно тяжело было пулеметчикам и минометчикам. Их плечи оттягивали детали пулеметов, минометов и боеприпасов к ним. Но все шли без ропота, стремясь ни стукнуть, ни брякнуть, ни даже громко выругаться матом, чтобы облегчить душу.

Разведчики доложили, что до немецких окопов осталось полкилометра, дальше идти опасно. Взводы, укрываясь, рассредоточились, бойцы залегли в несколько шеренг, готовились к атаке, вгрызались в землю, прячась в любое укрытие.

Было уже раннее утро. Туманная дымка, покрывшая землю, скрывала очертания удаленных предметов. Не было видно немецких окопов, не было слышно стрельбы. Видимо, их сторожевое охранение не заметило нашего приближения.

Где-то позади нас готовились к атаке танкисты и артиллеристы. Мы ждали артналета. Уже взошло солнце, растаял туман, открылась панорама местности: немецкие окопы, хутор на горизонте.

Впереди, у немцев, было спокойно, видимо, гитлеровцы ещё досыпали, а охрана грелась в окопах на солнышке после прохладной ночи. Мы же, прячась в своих укрытиях, ждали начала артподготовки наших батарей, боясь, что нас могут обнаружить раньше. В таких случаях, ожидание всегда мучительное, хочется быстрее закончить задуманное.

Наконец, подали команду – подготовиться к атаке. Позади нас ухнули пушки, вверху засвистели, зашипели снаряды, а впереди – в немецких окопах, в хуторе загремели взрывы снарядов и мин. Началась артподготовка, Работали и полковые минометчики.

Под грохот канонады бойцы полка поднялись и ринулись вперед, чтобы до конца артподготовки проскочить эти злополучные 500 метров, смять немецкую охрану и устремиться к хутору на разгром основных сил противника.

Автоматчики, удивленные и ошеломленные неожиданной канонадой по их окопам и охраняемым ими войскам, все же заметили наши бегущие цепи. Открыли сначала неорганизованный, а затем более интенсивный пулеметный и автоматный огонь. Стреляли на бегу и мы из своих винтовок. Я со своим помощником бежал в первой шеренге и стремился не отставать, так как стрелять из ручного пулемёта лучше, когда бежишь впереди бойцов: зона обстрела больше и не поразишь огнём своих.

Вперед вырвался и политрук роты Игнатов, крича:

– Вперед, ребята! Бей фашистов! Ура!

– Ура! Ура! – вторили красноармейцы, подбадривая себя и наводя страх на противника.

С криком и руганью они рвались вперед на врага. Падали убитые и раненые. Остановить атакующих, казалось, могла только смерть, но о ней сейчас, наверное, никто не думал. Во всяком случае, у меня такой мысли не было, было одно желание: вперед!

Немцы, не имея здесь оборонительных сооружений, кроме окопов-ячеек, не выдержав натиска, побежали, не приняли штыкового боя. Бегали они здорово, как спринтеры-бегуны. Да и бежать им было легко: свои шинели и телячьи ранцы они оставили на позициях.

В стремительном рывке наш батальон под командованием майора Удальцова, прорвав оборону немцев, захватил хутор. Немцы, не ожидавшие такой атаки русских, спешно отступили на юг, под прикрытие основных сил.

В хуторе напряжение бойцов начало спадать. Поступил приказ преследовать врага. Пополнив боевой запас, мы снова двинулись вслед за противником. Теперь шли размеренным шагом несколькими цепями, повзводно, укрываясь от пуль. Впереди был ещё один хутор, где немцы и должны занять новый рубеж обороны. Мы это знали и действовали более осторожно. Командир батальона не хотел бесцельно терять бойцов. Так спокойно прошли несколько километров. Вышли на открытый луг с редкими роши-

цами. Здесь по нашим цепям ударили немецкие батареи. Снаряды рвались в наших рядах. Пришлось ускорить продвижение. Грохот взрывов снарядов не очень пугал нас, но последовавшие затем разрывы мин заставили бойцов залечь, укрыться от их осколков. Открыла огонь батарея шестиствольных минометов. Это было в те годы грозное оружие немцев против пехоты. Мины падали кучно, поражали своими осколками большие площади. Укрыться от них можно было только в хорошем окопе. Рыть их не было времени, надо было двигаться вперед. Однако артиллерийский и минометный огонь заставил наши цепи залечь, спешно окапываться в землю-спасительницу. Поднять бойцов под таким огнем было трудно. Даже попытки храброго и прыткого политрука роты были безуспешны. Батальон залег основательно, вгрызаясь в землю.

Командир батальона попросил командира полка подавить немецкие батареи, выдвинуть вперед обещанные танки. Ему обещали скорую помощь, но потребовали держаться на занятых позициях.

Лежать в наспех отрытых окопчиках под массированным огнем минометов и пушек было страшнее, чем бежать в атаку под пулями противника. Страшно было лежать и бездействовать, ожидая, что сейчас тебя накроет залп мин. Лучше действовать, продвигаться вперед. Впереди я заметил небольшое углубление и приказал своему помощнику:

– Коля, видишь вон то углубление? После очередного залпа минометов, быстро бежим туда. По одному бойцу немец мин бросать не будет, а мы хорошо укроемся.

– Давай, Ваня, – согласился Бижан.

Выбрав момент, мы вскочили и быстро преодолели стометровое пространство, плюхнувшись в ложбинку, насыпая вокруг нее защитные валы. Нашему примеру последовали другие бойцы. Одиночками и группками они просакивали вперед, спешно окапывались.

Наконец с нашей стороны послышался свист снарядов: наша батарея открыла ответный огонь, заставила немцев поубавить интенсивность стрельбы и перенести огонь в наш тыл. Стало легче. Мы воспряли духом, но ненадолго. Впереди показалось полдюжата немецких танков, а за ними несколько цепей автоматчиков. Последовала команда – подготовить гранаты, уничтожить ими танки врага, отсекают от них фашистов и уничтожить их.

Мой пулемет снова заработал. Николай лежал рядом, готовый в любую минуту подать новый диск или сменить меня.

Вражеские танки стремительно приближались, ведя огонь из пушек и пулеметов

Было их немного, всего пять штук, но и у нас против них были только гранаты, да и лежали мы в наспех вырыгтых углублениях. Скоро они начнут утюжить наши укрытия, давить наши тела. Танки вырвались вперед, пехота несколько поотстала. Еще минута, и стальные чудовища пройдут через наши порядки. Если бы это было неделей раньше, навряд ли выдержали нервы бойцов, а сейчас мы были обстреляны, не так боялись немецких танков, как раньше. Да и не успели еще испугаться этих стальных машин. Страх только нарастал, подспудно копился в душе, но затих, улетучился, когда мы увидели сзади наши танки, услышали лязг и скрежет их гусениц, выстрелы пушек.

Несколько БТ-7 и Т-34 выскочили впереди нашей залегшей цепи и понеслись на предельной скорости на немецкие танки в лоб. Впервые я видел так близко бой танков, когда бронированные машины мчались лоб в лоб, поливая друг друга огнем, готовые идти на таран. Это была атака страшнее «психической». Здесь побеждает не только меткость стрельбы, прочность брони, но дух и выдержка танкистов – у кого нервы окажутся крепче и мужества больше.

Немцы, не ожидая внезапной атаки советских танков, их решительного лобового удара, растерялись, завилыли, подставляя уязвимые бока своих машин и неся потери, повернули назад, Нервы фашистских танкистов оказались слабее.

Ободренные неожиданной помощью, наши бойцы усилили огонь по автоматчикам, заставили их залечь. Последовала команда к контратаке, Первым поднялся с пистолетом в руке политрук Игнатов, крича:

– Вперед! В атаку! Бей проклятую немчуру!

За ним поднялась рота, батальон с винтовками наизготовку к рукопашному бою, крича во все горло «Ура!» Бежали вперед на залегших немцев.

Лишенные поддержки своих танков и артиллерии, видя орущую, разъяренную толпу советских солдат, не приняв рукопашного боя, автоматчики последовали примеру своих танкистов, побежали назад, оставляя

на поле боя раненых, стремясь, как можно дальше оторваться от орущих и стреляющих на ходу советских солдат.

Впереди первой лавины бойцов бежал и я с Николаем, стреляя с руки короткими очередями из своего пулемета, крича во все горло, наравне со всеми «Ура!» и еще какие то слова, бессознательно возникающие в голове, в экстазе всеобщего порыва орущей массы. Наверное, в подобной ситуации у человека проявляется животное чувство самосохранения, когда криком и воем устрашаешь врага, подбадриваешь себя, показываешь свое бесстрашие, сплоченность и готовность умереть за общее дело.

Мы бежали и кричали до тех пор, пока немцы не скрылись за рощицей. До этого немецкие батареи и минометы, боясь поразить своих, огонь по наступающим прекратили. Но как только автоматчики оторвались и скрылись за рощицей, по наступающим бойцам открыла беглый огонь немецкая минометная батарея. Стреляли из этих проклятых шестиствольных минометов. Первый залп заставил замедлить бег наступающих, второй и третий, выкосив значительную часть бойцов, заставил их залечь, укрыться от поражающих осколков.

Очередного залпа ждали и мы, бежавшие впереди.

Я выискивал впереди какое-нибудь укрытие. За мной бежал мой помощник Николай и бойцы взвода. Впереди показалась какая-то ямка, в которую, не раздумывая, я с ходу прыгнул. Это оказалась вырытая яма или окоп, глубокий, но узкий. Ноги провалились в него свободно, а все надетое на мне – зацепилось за его края, задралось горбом за моей спиной. Искать новое укрытие или вылезать из злополучной щели не было времени. Рядом, чуть позади, прячась за мою вздыбленную амуницию, плюхнулся Николай, выбросив вперед свою винтовку.

Я кое-как приспособился, установил на сошники пулемет и открыл огонь по рошице, откуда уже раздавались автоматные очереди.

Мины с хрюканьем и шипением летели с той стороны, приближаясь к залегшим бойцам нашей роты. «Сейчас накроет нас» – не успел подумать я, как услышал разрывы мин, свист осколков, сзади пахнул на меня поток горячего воздуха, почувствовал удар по взгорбившейся амуниции, на голову посыпалась земля и что-то твердое. Левая рука, упертая локтем в край окопа и поддерживающая приклад пулемета, бессильно опустилась на землю,

хотя боли в ней я не почувствовал, а на удар в грудь не обратил внимания. Не успел сообразить причину этого, как сильный удар по каске отбросил мою голову вправо, лишив сознания.

Долго ли я был в таком состоянии, не помню. Очнулся от удара приклада пулемета по лицу, на котором лежала моя голова. Открыл глаза и из-под надвинутой на лоб каски увидел ботинки и обмотки бойцов. «Значит живой!». – Промелькнула первая мысль. Дернул вверх головой, но от резкой боли в ней застонал и снова потерял сознание. Когда вторично пришел в себя и открыл глаза, то увидел голубое небо и белые барашки на нем. Я лежал на спине в гимнастерке, с перевязанной белым бинтом левой рукой выше локтя. Увидел стоявших возле меня двух бойцов-санитаров, их удивленные лица и открывающиеся рты. Голосов их я не слышал, хотя и понимал, что они разговаривают. Вокруг царил мертвая тишина: ни стрельбы, ни разрыва бомб не было слышно. Пошевелил одной, потом второй рукой – они действовали, ноги тоже свободно двигались. Хотел поднять голову, но резкая боль заставила меня застонать.

Санитар нагнулся, что-то говоря и показывая рукой, чтобы я лежал спокойно, но я осторожно поднял голову, с помощью бойца сел. Возле меня лежали моя шинельная скатка, разорванная на изгибе, разодранный вещевой мешок и алюминиевый котелок в дырках, а рядом с окопом валялась человеческая рука и куски мяса с обмундированием. На месте, где лежал Николай, зияла черная воронка, а недалеко от неё – его винтовка.

Я начал понимать сложившуюся ситуацию. Главное, я жив, только ранен и оглох. С помощью санитара я поднялся на ноги. Они дрожали, но держали мое тело. Голова гудела. Значит, еще и контужен. Зрение было нормальным. Я четко видел мертвые, растерзанные минами тела бойцов нашего взвода, а немного в стороне – группу наших красноармейцев с марлевыми повязками, среди них и нашего командира взвода лейтенанта Лиманцева.

Санитар что-то кричал им, приглашая жестами подойти к нам. Улыбающийся лейтенант подошел первым и, видимо, судя по шевелению губ, радовался, что и я отделался только контузией и легким ранением, а вот второму номеру, Бижану, не повезло – мина попала прямо на него, разорвала в клочья и разбросала в стороны.

Подошли другие бойцы, радостно оглядывая меня. Один из них показал на мой левый карман гимнастерки, с дыркой посередине. Эту дырочку я заметил впервые, расстегнул пуговицу, стал вытаскивать из него содержимое. Первым были последние письма жены, полученные перед войной, затем пачка фотографий жены и крошечной дочурки, матери и сестры, карточка жены еще до замужества. Последним был комсомольский билет в коленкоровой обложке. Все они были пробиты осколком. Только комсомольскому билету осколок пробил первую обложку, листки, а на второй обложке, он, царапнув глянцевую поверхность, обессиленный, скользнул на дно кармана, разорвал его и свалился вниз, оставив на теле царапину.

– Да, повезло тебе, парень, спасли тебя от верной смерти письма жены, ее фотографии и комсомольский билет, – судя по губам и выражению лиц, удивлялись раненые бойцы, разглядывая пробитую осколком, карточку жены. – Видно сильна ее любовь, удар приняла на себя. Жаль, что осколок испортил ее красивое личико.

Как потом выяснилось, последний залп минометной батареи немцев пришелся по нашему взводу, уничтожил и ранил половину его состава. Одна из мин попала в Николая, разорвала его на куски, которые и посыпались на мою голову. Осколками изрешетило мою шинель, плащ-палатку и вещмешок. Они-то и спасли меня от смерти или тяжелого ранения последней миной. Шальной осколок другой мины на излете пробил мне мускулы левой руки, ударил в карман, у сердца, разорвал его содержимое и, ослабев, свалился вниз. Второй, более крупный осколок, чиркнул по каске, контузил меня. Подошедшие санитары, увидев куски мяса и разорванное обмундирование на голове, посчитали меня убитым, хотели забрать пулемет, но услышав стон, вытащили меня из ямы.

Голова моя гудела, но на ногах я держался и мог самостоятельно передвигаться. Санитарные повозки были заняты на перевозке тяжелораненых, поэтому нас, ходячих – направили в лазарет своим ходом, где должны оказать дополнительную помощь и направить на излечение.

Командир взвода был ранен осколком в грудь, под ключицу, мог передвигаться, и под его командой мы уже потихоньку, без шума и крика побрели в лазарет по полю боя, где еще лежали трупы наших бойцов и немецких солдат, ожидая похоронной команды. Еще дымились три немецких

танка и два наших БТ-7. Два Т-34 и одна бэтешка прорвались вперед, добились убегающие танки врага, подавили злополучную минометную батарею, помогли захватить второй хутор. Остатки батальона были уже там, а мы плелись назад, в лазарет, радуясь, что хотя и раненые, а все же живые, а не лежим мертвыми, как многие наши товарищи, видим голубое небо, зелень растительности, радуемся жизни. О будущем мы не думали. Главное, сегодня мы живы! Идем подлечиться для нового боя.

ГОСПИТАЛЬ

В хуторе, отбитом нами утром у немцев, царило полное спокойствие. Со двора бригадного стана, расположенного в центре хутора, не спеша, выезжали колхозные подводы с сидящими на них бойцами и колхозниками, в большинстве женщинами и подростками. На холме перед бригадным станом группа бойцов и мужчин-колхозников копали траншею.

– Похоронная команда начинает свою работу, – определил лейтенант. – Видимо, раненых подобрали всех. Приступают к похоронам убитых.

Так оно и оказалось. Со двора бригады, вместе с выезжающей подвой, вышел щеголеватый командир, на ходу давая указание сержанту. Увидев нас, перевязанных бинтами, подбежал поинтересоваться:

– Раненые? Какой роты?

– Первой, товарищ младший лейтенант, – выступил вперед лейтенант Лиманцев. – Я командир 1-го взвода.

– Есть еще там раненые? – показал младший лейтенант в сторону, откуда мы пришли.

– Как будто нет. Наверное, мы последние. Но лучше еще раз проверить, товарищ младший лейтенант, – с неприязнью, оглядывая щеголеватого командира в чистенькой гимнастерке, начищенных сапогах, особо выделяющегося на фоне грязного, оборванного обмундирования, чумазных лиц, стоящих перед ним раненых бойцов.

Я узнал его сразу. Это был мой земляк – писарь полка Василий Хлопянов. И он заметил меня. Как бы не замечая неприязни лейтенанта, подошел ко мне, поглядел на раненую руку, посочувствовал:

– И тебя ранило, землячек!? Сильно?

– Младшему сержанту повезло. Могло быть и хуже. Рана у него легкая. Контузия – тяжелая. Он ничего не слышит, головные боли, – уже более теплым голосом ответил за меня лейтенант.

– Да, вашему батальону и роте в сегодняшнем бою не повезло: потеряли половину личного состава – глядя на лейтенанта, рассказывал земляк. – Минометная батарея немцев – этих шестиствольных «Ванюш» – причинила особенно большие неприятности. 3-й взвод вашей роты выкосило больше чем наполовину. Гордые грузины слишком густыми цепями шли в атаку, не желали кланяться немецким минам. Такая безрассудная храбрость и привела к гибели почти всего взвода. Будем хоронить вон в той братской могиле, – показал он на холм, где сверкали на взметах отполированные землей саперные лопаты. – Много поступило и тяжелораненых. Недавно отправил в полковой лазарет политрука вашей роты Игнатов, раненного осколком в грудь, а заодно отправил старшину вашей роты Шпака.

О тяжелом ранении политрука мы уже знали, а ранение старшины было для нас неожиданностью. На передовую он не рвался, стремился держаться со своим хозяйством в тылу, подальше от пуль и снарядов. Поэтому все удивленно посмотрели на младшего лейтенанта. Видя удивление на их лицах, он поспешил успокоить:

– Рана его нетяжелая. Обварил себе зад пшенной кашей. Придется ему немного полежать на животе, пока обваренная кожа не сменится новой.

– Как это – «обварился кашей?» – поинтересовался командир взвода, видя интерес бойцов к загадочному ранению старшины 1-й роты, ревнителю порядка и дисциплины, любителю наказывать провинившихся «строевым гусиным шагом».

Полковой писарь, видимо, имел несколько минут свободного времени, так как охотно рассказал трагизабавную историю «ранения» старшины, которую слышал от очевидцев.

– Не успел ваш батальон освободить от немцев этот хутор и погнать его дальше, как старшина 1-й учебной роты Шпак первым ворвался со своим хозяйством на хутор в надежде поживиться трофеями. Не найдя ничего хорошего, вслед за ротой не двинулся, расположил свое хозяйство возле бугорка, где сейчас роют братскую могилу, чтобы приготовить обед для наступающей роты.

Две полевые кухни в одноконной упряжке дымили своими трубами, а лошади мирно хрумкали корм из торб, надетым им на головы. В одной кухне варился борщ, в другой – пшенная каша с бараниной. Недалеко от них расположились подводы с продуктами и вещами роты, возле которых в холодке расположились ездовые вместе со старшиной, «маленько подзаправиться». Вместе со всеми «заправлялись» и повара, время от времени бегали к котлам мешали в них варево. Насытившись, старшина тут же, на плащ-палатке, прилег немного отдохнуть.

Он начал уже похрапывать, когда взрыв вражеского снаряда разнес одну из кухонь, где варился борщ, ранил лошадь. Взрыв снаряда и ржание раненой лошади напугали вторую лошадь. Она рванулась и понеслась прочь от взрыва, не видя из-за закрывшей ей глаза торбы дороги.

Старшина, увидев это, решил спасти хотя бы одну кухню, погнался в погоню. Лошадь мчалась, не разбирая дороги, еще быстрее бежал старшина, стремясь догнать кухню, добраться до лошади и остановить обезумевшее животное. Наконец он догнал кухню, схватился за ручку крышки котла, вскочил наверх и ринулся к вожжам, привязанным к облучку козел. Раздался новый взрыв снаряда. Несшаяся лошадь, пораженная осколком второго снаряда, рухнула на землю. Оглобли уперлись в грунт, подняв задок кухни. От сильного удара крышка котла открылась, вслед за ней полетели вперед комки горячей каши с кусками баранины. Вся эта кипящая масса влипла в зад старшины, который в этот момент, согнувшись, вцепился в спинку козел. По инерции и от удара кашей, старшина свалился на землю, крича благим матом от нестерпимой боли, не понимая причины этой боли. Сначала он думал, что осколком у него оторвало ползадницы, но крови не было видно, руки счищали с зада брюк куски каши.

Когда с него стащили брюки, заляпанные кашей, и увидели красные, как у вареных раков, ягодицы, отвели старшину в санчасть, где оказали первую помощь. Зад старшины смазали, кое-как перевязали, а брюки надеть не смогли – слишком пижонистые были у него галифе – в обтяжку. Так и отправили его в лазарет без брюк. Политрука положили на спину, а старшину – рядом на живот, обваренными ягодицами вверх.

– Старшина скоро вернется в строй, а у политрука дело плохое. Ему нужна срочная операция, Смогут сделать её в лазарете? Жаль парня, храбрый был командир! – закончил свой рассказ младший лейтенант.

Как обычно бывает в армии, в большинстве случаев солдаты не очень благосклонно относятся к старшинам. Не баловали любовью и уважением и мы своего старшину-украинца Шпака, служаку и, видимо, угодника командирам, изверга подчиненных. Какие бы чувства мы ни испытывали к старшине, рассказ моего земляка слушали без злорадства, с сочувствием к пострадавшему, хотя и не на поле боя, а возле полевой кухни. Было жаль и политрука, и старшину, и других раненых и убитых. Все они пострадали за одно общее дело.

Младший лейтенант, видимо, понял наше состояние, и, устыдившись своей попытке забавной историей подбодрить нас, уже официальным тоном, став по стойке «мирно», произнес:

– Извините, товарищи, заболтался! Чем могу вам помочь? Здесь я, как бы, временный комендант хутора. Штаб полка и его подразделения продвинулись вперед. Меня оставили организовать отправку раненых и похороны убитых: У нас здесь осталась группа санитарной части вашего батальона и похоронной команды полка. Если нужно кому-то помочь – санитары сделают перевязки.

– Нет, дорогой младший лейтенант, помощи нам не требуется. Санитары нас уже перевязали. Спасибо вам за интересный рассказ. Скажите только, где располагается полковой лазарет? – переспросил его лейтенант Лиманцев.

– Полковой лазарет пока располагается на центральной усадьбе колхоза, в двух-трех километрах отсюда. Там вам окажут дополнительную медицинскую помощь, обеспечат питанием и отправят на дальнейшее лечение – объяснил мой земляк, а затем подошел ко мне, спросил, почему я без шинели, так легко одетый.

Командир взвода объяснил ему, что шинель, вещмешок, котелок посечены осколками, остались на поле боя. Младший лейтенант попросил подождать несколько минут, побежал во двор и скоро вернулся с кавалерийской шинелью, котелком с крышкой и целым вещмешком. Все это он передал мне, обнял на прощание и пожелал быстрее вылечиться.

– Видно, хороший парень твой земляк, – кричали мне в ухо мои попутчики, разглядывая на мне длинную кавалерийскую малоношеную шинель.

Полковой лазарет размещался в палатках на окраине села. Сюда поступали все раненые, где им оказывали медицинскую помощь; в экстренных случаях делали операции, а затем отправляли на дальнейшее лечение в госпитали.

Сегодня для наших медиков день был особенно тяжелым: раненых было, как никогда, много. Весь персонал выбивался из сил, стремясь быстрее оказать медицинскую помощь всем поступающим, подготовить их к отправке в госпиталь.

К нашему приходу напряжение в работе несколько спало: приток раненых прекратился. Основная масса уже была обработана и отправлена на ближайшую железнодорожную станцию, к санитарному поезду. Остальные ходячие, раны которых не вызывали опасения для жизни, обрабатывались во вторую очередь. К ним относилась и наша группа.

День был на исходе, медики спешили обслужить всех оставшихся и до ночи отправить их к санитарному поезду. Работа была организована четко, как на конвейере: одни санитары помогали раненым умыться, привести себя в надлежащий вид, другие регистрировали, заполняли больничную карточку, направляли к врачам, которые осматривали раны, смазывали, делали уколы, перебинтовывали, заполняли больничную карту, предписывали лечение, лекарства. От них раненые поступали к хозяйственникам, которые группировали их в команды по 10 человек, назначали старшего, кормили обедом, а под конец – выдавали сухой паек, сажали на транспорт – машину или подводу – и направляли на железнодорожную станцию, до которой было 20 километров, где формировался санитарный поезд Юго-Западного фронта.

Опасаясь бомбежки, формировался состав быстро. К нему нужно было успеть добраться до вечера, так как ночью поезд трогался в путь.

В нашей группе старшим по-прежнему был лейтенант Лиманцев. Перед выездом из лазарета он узнал, что политруку Игнатову здесь же, в нашем лазарете, удачно сделали операцию, вытащили осколок, зашили раны и отправили в специальный вагон санитарного поезда. Старшину Шпака, одев в большие кальсоны и больничный халат, отправили туда же.

К отходу поезда мы еле успели. Вагоны были забиты ранеными до предела. Нас кое-как втиснули в предпоследний вагон. Поезд направился на юго-восток Украины. Так как Ровно уже был занят немцами и дорога на Киев через Житомир была отрезана, нас повезли на север, до Сарн, затем на восток до Коростеня, оттуда – на Чернигов и на Сумы – наш конечный пункт.

Это был путь невероятных психологических испытаний. Легче было пойти в психическую атаку на врага, чем видеть ад, творящийся на железнодорожных станциях тех дней. Они были забиты женщинами, детьми, стариками, бежавшими на восток от немцев. Атаковали каждый эшелон, лезли на крыши, буфера, лишь бы уехать дальше от наступающего врага. Станции немцы бомбили. Люди гибли сотнями.

Железные дороги были перегружены. Вернее, они были забиты эшелонами, которые непрерывным потоком двигались на восток с ранеными, беженцами, эвакуированным оборудованием, а на запад – с войсками, военной техникой, горючим. Двигались в основном в ночное время, так как днем немцы непрерывно бомбили железнодорожные пути, мосты, станции. Приходилось долго простаивать в укрытии, на запасных путях, чтобы потом за короткое время проскочить определенную дистанцию. Дважды наш поезд подвергся бомбардировке. Отделались испугом, хотя вдоль железнодорожных путей, много валялось разбитых вагонов, не было почти ни одной станции, не испытавшей налетов немецкой авиации. Война шла не только на фронте, но и в глубоком тылу. До города Сумы наш санитарный поезд добирался пять суток вместо одних в мирное время. 6-го июля нас загнали на разгрузку в тупик за станцией. На автомашинах и на автобусах перевезли в городскую среднюю школу, где незадолго до этого оборудовали госпиталь, поставив в классах вместо парт койки, операционное и лечебное оборудование.

Мы первые обживали новый госпиталь. Принимали нас душевно, как родных воинов-защитников. В школьном подвале организовали баню. Женщины и молодые девушки, одетые в солдатские кальсоны и рубахи, без стеснения сдирали с нас грязное, рваное, окровавленное обмундирование, стригли, брили, отмывали от грязи и крови наши тела, одевали в чистое белье, халаты. Санитарки и врачи в белых халатах снимали старые повязки на

ранах, обрабатывали их, распределяли по палатам-классам, где размещали на металлических койках, заправленных чистым постельным бельем.

Слух мой постепенно улучшался: правым ухом я слышал хорошо, левым – воспринимал звуки еще с трудом. Голова уже не гудела, но при резких движениях проскакивала боль – голова «стреляла». Хуже было с рукой. Хотя ранение было из разряда легких – пробиты мышцы руки, не задев кости – рука болела в последние дни значительно сильнее первых дней. Когда сняли бинт, я увидел распухший и покрасневший бицепс руки. Обеспokoился и врач, осматривая рану.

– Плохо дело, дорогой товарищ. Внутри раны загнивание. Может быть заражение. Необходимо срочно оперировать.

Сделали укол, обработали рану, а на другой день в операционной, металлическим штырем снова проткнули рану, ввели в нее какие-то лекарства, плотно забинтовали.

Лечили и кормили нас отменно. Уход был хороший. Особенно старался комиссар госпиталя – Дмитрий Петрович Петухов, полный, но подвижный человек лет пятидесяти. Был он сугубо гражданский человек. На его полной фигуре с выпирающим животом командирская форма и особенно широкий офицерский ремень с портупеей выглядели, как подпруга на жеребой кобыле. Да и честь отдавал он, как будто мух отгонял от уха. Со всем недавно он преподавал в местном педагогическом институте и его, как члена партии, назначили комиссаром во вновь созданный госпиталь. Глядя на него, я думал: «направить бы этого комиссара к нашему старшине Шпаку, быстро бы он научил отдавать честь, убирать живот, разглаживать гимнастерку под поясом, научил бы ходить «гусиным шагом». Думал так, не предполагая, что комиссар Петухов и старшина Шпак скоро встретятся и даже подружатся.

Дмитрий Петрович был человеком интеллигентным, душевным, не повышал голоса, стремился найти компромиссное решение в экстремальных ситуациях. Он старался создать в госпитале спокойную психологическую обстановку, не волновать раненых неблагоприятными слухами, занять их мысли скорейшим выздоровлением.

Поэтому к больным в госпиталь приходили пионеры, делегации горожан с подарками, пожеланиями быстрого выздоровления. Приезжали ар-

тисты, музыканты, лекторы. Одним словом – окружили нас всеобщим вниманием, стремились быстрее вылечить бойцов, подготовить защитников к новым боям с агрессором.

Мы это понимали, были благодарны за теплоту и заботу, но как ни старались нас отвлечь от пережитых боев, отступления наших войск, от действительности, нас не покидало беспокойство за судьбу страны, своих родных и близких.

Хотя радио и газеты слишком осторожно сообщали о продвижении немцев, замалчивали о сданных городах и населенных пунктах, народ знал и видел, как враг очень быстро двигается на восток по нашей стране. Красная Армия, в силу которой верили, с большими потерями отступает, сдавая фашистам новые территории. За месяц войны мы оставили западные территории Украины и Белоруссии. 1-я танковая группа, 6-я и 17-я полевые армии группы «Юг» теснят наши войска 5, 6, 12, 26 и 37-й армий к Киеву. Оставлены Новгород-Волынский – город моей службы, Житомир, Казатин, Фастов, Белая Церковь, Черкассы. Шла уже оборонительная операция по защите украинской столицы.

Тревожное положение было и на московском направлении. Был оставлен Минск. Бои шли в районе Смоленска. Враг рвался к Москве, Ленинграду.

Скрыть это было трудно даже в нашем, по сути, изолированном госпитале. Как ни старался наш комиссар отвлечь наши мысли от реальности, раненые многое знали, обсуждали случившееся, желая понять причины плохой подготовки Красной Армии, бездарности нашего командования.

Конечно, ни комиссар, ни его лекторы не могли, а, скорее всего, боялись дать исчерпывающие ответы, ссылаясь на речь Сталина от 3 июля, где он обвинил Гитлера в вероломстве, признал силу и мощь его армии, кризисную ситуацию в нашей стране, призвал всех советских людей к всенародной борьбе с агрессором, уверил в нашей победе. В нее верили многие советские люди, но какой ценой она будет достигнута, сколько жизней придется положить ради нее, сколько мучений потребуется перетерпеть. Эти мысли беспокоили и раненых, мешали их выздоровлению, угнетали духовно ежедневно, и чем дальше – тем больше, так как сведения поступали все тревожнее и страшнее.

Шли дни. Рана моя зарубцовывалась, не гноилась, рука действовала нормально, восстанавливался нормальный слух, не «стреляла» и голова. Хороший уход и сытая еда восстанавливали физические силы бойцов. Многих выздоравливающих однообразие госпитальной жизни стало тяготить.

Так уж видно природа заложила в человеке гены постоянного недомогательства, поиска нового, неизвестного. Даже райская жизнь ему приедается, тянет на грешные дела, хочется познать муки ада. Такими были и мы – выздоравливающие. Не успев залечить как следует раны, восстановить здоровье, накопить силы, я уже начал тяготиться госпиталем, сытой, беззаботной жизнью. Потянуло в ад войны, где гибнут братья, товарищи в жестокой борьбе с врагом. Чаще пытались у врачей о сроках выписки и отправки на фронт. Лечащие врачи честно отвечали, что сейчас в госпиталях выздоравливающих долго не держат. Некоторых выписывают даже преждевременно, если уверены, что они долечатся в местах формирования частей. Слишком много поступает раненых в госпиталь. Мы сами видели, как уплотняются наши палаты, места умерших и выписанных моментально заполняются.

В конце месяца отправили первую группу выздоровевших. В эту команду я не попал, врач не был уверен, что процесс гниения раны остановлен, хотя и были вынуты вытяжные трубки для гноя. Посоветовал не спешить с выпиской, не напрягать особенно мозг, так как контузия головы еще проявляется.

Я был молодой, ходячий больной, не мог сидеть спокойно, вел активный образ жизни: не только читал, играл в шахматы, беседовал, но и посещал палаты, школьный двор в поисках знакомых, интересных собеседников. В одной из палат тяжелобольных нашел политука Игнатенко. Довезли его благополучно. Сделали вторую операцию. После нее он стал чувствовать себя лучше, выздоровление пошло успешней. Часто навещает его лейтенант Лиманцев, с которым и я часто встречаюсь.

А со старшиной Шпаком мне еще встречаться не приходилось. Я уже считал, что он попал в другой госпиталь, как неожиданно состоялась наша не совсем доброжелательная встреча. Произошло это так.

Чтобы заполнить досуг выздоравливающих полезными занятиями, комиссар госпиталя Петухов пригласил беженца – гроссмейстера шахматной игры на сеанс одновременной игры с выздоравливающими. Для этого

в актовом зале школы – красном уголке госпиталя, установили П-образно столы, по внешней стороне расставили стулья. На столах разложили два десятка шахматных досок, расставили фигуры.

Охотников поиграть с гроссмейстером было много, поэтому отбором кандидатов занялся сам комиссар, как оказалось, сам заядлый шахматист. В команду он отобрал 20 человек, в их число попал и я. О моем увлечении шахматами комиссар знал раньше. Как-то, обходя палаты, он увидел меня играющим в шахматы. Подошел, посмотрел игру, даже подсказал моему сопернику лучший ход, а мне сказал, что играю я хорошо, но теорию шахмат не знаю, пообещал дать мне учебник шахматной игры. Вскоре свое обещание он выполнил. Учебник я проштудировал, узнал много полезного и сейчас решил использовать кое-какие приемы в игре с гроссмейстером, втайне надеясь на помощь комиссара, севшего, случайно или преднамеренно, рядом со мной, в середине перекладки буквы П.

Чтобы не выделяться среди однообразной массы игроков, он, как и все, надел поверх гимнастерки больничный халат, блестя лысиной среди стриженных голов. Игра началась.

Внутри контура П ходил гроссмейстер, высокий горбоносый еврей, в черном костюме, белой рубашке, с галстуком «бабочка». Подходил к игравшему, двигал фигуру, шел дальше. Иные задумывались над ответным ходом, продумывали свою систему обороны, другие – повторяли его же ход. Но все сидели на стульях спокойно, уставившись в шахматную доску. Только в конце столов один игрок вел себя беспокойно: немного посидев, вскакивал на ноги, стоя обдумывал ход, устремив взор на фигуры. При приближении гроссмейстера снова приседал, через минуту дергался, вскакивал.

– Кто это дергается на стуле? – поинтересовался я у комиссара.

– Это танкист. Он в бою, выскакивая из горящего танка, на раскаленной броне обжег себе ягодицы. До сих пор трудно ему сидеть, все время на ногах, – шепотом информировал меня комиссар. – Говорят, геройский воин!

Разглядеть геройского танкиста в однообразной безликой массе было трудно, хотя что-то знакомое промелькнуло в его облики. Да и не до него было. Игра заставляла смотреть на доску и думать над ответным ходом. Сеанс подходил к финишу. Кое-кто уже «поднял руки»,

остальные еще сопротивлялись. Я тоже «метал икру», пытался свести партию в ничью.

Комиссар вел себя спокойно, быстро отражал атаки гроссмейстера, заставляя его подолгу останавливаться у своей доски, изредка поглядывал и на мои фигуры. Видя мое тяжелое положение, он шепотом подсказал мне очередной ход. Подошедший гроссмейстер с удивлением посмотрел на мой ответный ход, подумал и объявил патовую ситуацию. Я с радостью согласился. Для меня это была большая честь!

Комиссар партию выиграл, а геройский танкист все еще сражался. Он стоя играл с гроссмейстером. Вокруг них столпились игроки, комиссар наблюдал за поединком. Вблизи я разглядел танкиста. Это был наш старшина Шпак. Узнать его было трудно: был он острижен под машинку, без усов, в кальсонах и больничном халате. Все были поглощены игрой. Мнимый танкист достойно защищался. Наконец, гроссмейстер подал противнику руку, предложил ничью. Танкист с радостью ее пожал.

Желая закруглить финал сеанса шахматной игры, комиссар произнес спич:

– Наши геройские танкисты и славная пехота с честью добиваются победы не только на поле брани, но и за шахматной доской с таким сильным противником, как наш уважаемый гроссмейстер! – повернувшись ко мне, представил. – Это тот танкист, о котором я вам говорил.

–Какой он танкист!?! Это старшина нашей роты Шпак! И зад свой он обжег не на танке, а обварил кашей на полевой кухне, – невольно прорвалось у меня чувство негодования явной ложью старшины.

Шпак побледнел, со злобой глянул на меня, повернулся и стремительно покинул актовый зал.

– Как вы могли оскорбить воина? – возмутился комиссар – Постарайтесь сейчас же доказать ваше утверждение!

Дело принимало неприятный оборот. До меня только сейчас дошла бестактность моей невольной реплики. Но сказанное не вернешь, оправдываться – стать подлецом в глазах присутствующих, всего госпиталя. Пришлось все рассказать о Шпаке, его ранении. Мои слова подтвердил присутствующий здесь лейтенант Лиманцев.

– Хорошо, что это не умышленное членовредительство, – успокоился комиссар. – Но все равно поступок старшины позорный.

Расходились из актового зала возбужденные не столько результатами шахматной игры, сколько скандальной историей с танкистом.

После ко мне приходили обожженные танкисты, с которыми лежал старшина, допытывались об истинном ранении мнимого танкиста. Из шпаковских баек они воспринимали старшину, как храброго, опытного башенного стрелка, уничтожившего за дни войны несколько немецких танков, отличившегося в последнем бою 1 июля в атаке пехоты по захвату хутора. Они сами были участниками контратаки дивизии в этот день. Узнав правду, уходили, возмущенные самозванцем, опозорившим настоящих танкистов. Что было потом в их палате – я не знал. После этого старшину Шпака я в госпитале не видел. Говорили, что он досрочно выписался из госпиталя, переехал к знакомой на амбулаторное лечение. Но, как оказалось, уходя, решил досадить мне.

Несколько дней спустя после шахматной игры мой лечащий врач сообщил, что моей раной интересовался комиссар. Посмотрев мое больничное дело, поинтересовался, чем я был ранен. Когда услышал, что рана была осколочная, переспросил: «Вы уверены? Может пулей?» Пришлось ему напомнить, что мы врачи, а не коновалы и умели различить осколочное и пулевое ранение.

Мне стала понятна неожиданная беседа комиссара со мной, когда он интересовался моей жизнью в гражданке, службой в армии и боями на фронте. Я с подробностью рассказал ему о себе, даже показал письма, фотографии и комсомольский билет, пробитые осколком в последнем бою.

Комиссар внимательно разглядывал мои документы, удивлялся такой случайности и везением, посоветовал в конце войны сдать их в местный музей, как реликвии, спасшие жизнь их владельцу. Прощаясь, сказал:

– А все же ваш старшина изрядный подлец, из таких и бывают предатели.

Может, он был прав. Профессор педагогического института должен знать психологию человека.

Время шло. Война продвигалась на восток, в госпиталь прибывали новые раненые, выписывались выздоровевшие. В начале августа выписали

и меня. Набралась нас команда в полусотню бойцов и младших командиров. Начальником команды назначили лейтенанта Лиманцева. Мне с ним почему-то везло.

Одели нас в выстиранное, отремонтированное и выглаженное обмундирование, выдали паек, Посадили в отдельный пассажирский вагон и направили на восток, в город Артемовск, где формировались маршевые роты и новые дивизии из мобилизованных шахтеров и жителей Донбасса.

Начался новый этап моей службы.

КИЕВСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Поезд наш двигался на юго-восток через Харьков. Он не был сугубо пассажирским, а формировался из вагонов различного типа, забитых, как все поезда, идущие на восток, беженцами из занятых противником мест. В этом же направлении двигались товарные эшелоны с людьми, оборудованием эвакуированных заводов Украины. А на запад, как и месяц назад, шли эшелоны с войсками, военной техникой, горючим. Движение поездов было еще более напряженным. На станциях хотя и было многолюдно, но сохранялся порядок, крупные из них охранялись от немецкой авиации зенитными установками, в небе появились и наши истребители, мешая немцам бомбить поезда и железнодорожные объекты.

Положение в стране в середине августа 1941 г. было особенно трагическим. На севере финны вторглись в Карелию, продвинулись к Ленинграду. С запада и юга его обложили немецкие войска. Враг занял Прибалтийские республики, оккупировал Белоруссию, рвался к Смоленску. Войска группы армий «Центр» лавиной двигались к Москве. Ожесточенное сражение развернулось и на южном крыле фронта, протяженность которого достигала 1200 км, а глубина вклинивания противника до 600 км.

Здесь наступала группа армий «Юг» в составе 3-х немецких армий, 2-х румынских, венгерского, словацкого и итальянского корпусов, главной целью которых было овладеть Киевом, захватить плацдармы на восточном берегу Днепра.

Особенно активизировалась в этом отношении 1-я танковая группа, 6-я и 17-я полевые армии, наносящие главный удар на киевском направлении

против советских войск Юго-Западного фронта, которые с большим трудом сдерживали натиск врага, нередко переходили в контратаки. Попытка противника в середине июля захватить Киев с ходу была сорвана. Войска киевского укрепленного района остановили передовые части противника на рубеже Коростень, Фастов, Белая Церковь, Черкассы – в непосредственной близости от столицы. По сути, с 11 июля началась оборона Киева.

Активные действия и упорное сопротивление 5-й армии в июле-августе сыграло значительную роль в обороне столицы Украины. Ее войска почти на полтора месяца сковали на северном участке фронта не менее 10 немецких дивизий.

Большое значение в защите Киева имели также активные наступательные действия 26-й армии на южном участке фронта, где 8 августа ее подразделениями был освобожден город Богуслав.

6-я и 12-я армии Юго-Западного фронта, отходя под натиском немецких войск и его сателлитов в сторону Киева, в начале августа оказались в критическом положении. 1-я немецкая танковая группа, используя трехкратное превосходство в танковых дивизиях, 2 августа в районе Первомайска перерезала путь отхода этих армий. В то же время 17-я и 11-я армии немцев охватили советские войска с юга. До 13 августа продолжались бои в окружении в районе Умань, Первомайск. Но силы были слишком неравны. Многие бойцы и командиры погибли в боях, немалое количество было пленено... По слухам пленено было до 100 тысяч человек. По точным данным в Уманской Яме – лагере военнопленных – из этого окружения было согнано до 74 тысяч бойцов и командиров. Остальные, по всей вероятности, погибли при перегонах.

Потери советских войск на всех фронтах были огромные. Требовалось немедленное их восполнение. Шла мобилизация в армию мужчин страны, их быстрое обучение военному делу. На Юго-Западном фронте уже не было резервов. Не могла их дать и Ставка. Чтобы остановить натиск противника, на Украине шла повальная мобилизация населения, создание боевых дивизий, ополчения. Не хватало младших и средних командиров. На их подготовку требовалось больше времени, чем на обучение бойцов. Поэтому выписанные из госпиталей бойцы и командиры были особенно желанны в штабах вновь формируемых подразделений.

Прибыли мы в Артемовск сравнительно быстро, без потерь и приключений. Нас, естественно, никто не встречал, так как согласно предписанию мы должны явиться в комендатуру города. До нее мы добрались своим ходом. Располагалась она в центре города. Туда со всеми документами направился наш лейтенант. Вернулся быстро, построил в колонну и повел нас из центра к окраине, где размещалось шахтоуправление, там нас должны принять.

По улицам города шли бодрым шагом, но без песен: то ли наш командир не хотел выпендриваться, как старшина Шпак, то ли сама обстановка не располагала к песням. В городе было много военных. Все они, и гражданские тоже, с озабоченными лицами спешили по своим делам, не обращая внимания на нашу колонну. На окраине города перед шахтоуправлением колонна перешла на строевой шаг и четко остановилась у проходной будки по команде: «колонна, стой!»

Равнодушно смотрел на нас часовой у проходной, а из дверей выглянул дежурный с красной повязкой на рукаве.

Территория шахтоуправления была огорожена двухметровым кирпичным забором, за которым виднелись двухэтажное здание, по-видимому, контора, многочисленные складские и служебные помещения. Вход закрывался металлическими воротами боковой задвижки и дверью в проходное помещение. Сейчас она была открыта, и лейтенант Лиманцев направился к дежурному офицеру. Во двор нас не пропустили. После телефонного разговора лейтенанту разрешили пройти в здание конторы, куда он и направился, объявив нам привал. Ждать его пришлось долго. Наконец, лейтенант вышел к нам в сопровождении капитана, довольно пожилого, но подтянутого и подвижного человека, в выцветшей, чистой и аккуратно заправленной под широкий ремень гимнастерки, в начищенных кирзовых сапогах. Видно было, что это военный старой закалки.

Нас снова построили. через отодвинутые ворота строем ввели во двор и остановили у здания конторы.

Как оказалось, здесь размещался штаб по формированию маршевых рот, полков, дивизий из мобилизованных шахтеров, жителей города и района. Поступали сюда и военнослужащие, такие, как мы – из госпиталей, обстрелянные бойцы. Таким контингентом здесь дорожили, стремились ис-

пользовать его рационально при формировании подразделений. Это объяснил нам капитан, стоя перед нашей шеренгой.

– Прежде чем решить вашу судьбу, мы хотели бы кое с кем из вас побеседовать персонально, так как в ваших документах нет многих данных о вашей службе, военной подготовке, – закончил объяснение капитан. – А сейчас все младшие командиры пять шагов вперед!

Вперед шагнуло человек 6. Я стоял на своем месте, не считая себя командиром.

– Младший сержант Яковлев, пять шагов вперед! – подал команду лейтенант Лиманцев. Недоумевая, я выполнил приказание

– Все имеющие семиклассное, среднее или высшее образование три шага вперед! – снова подал команду капитан. Из шеренги вышло десятка два бойцов. Оставшимся в шеренге капитан приказал сомкнуться, пояснил, что каждый из них будет направлен в формируемые подразделения в помощь командирам отделений по обучению бойцов военному делу, поддержанию дисциплины. А до этого все они будут находиться в батальоне выздоравливающих, «на санаторном лечении» – уже с усмешкой закончил капитан свои объяснения 1-й группе. Затем повернулся ко второй группе:

– Вас, как грамотных бойцов, прошедших полный курс армейского обучения бойца, сражавшихся на фронтах войны, направляем на ускоренные курсы подготовки младших командиров. Вы поступаете в мое распоряжение. После индивидуальной беседы будете зачислены курсантами.

А вы, товарищи младшие командиры, – обратился он к третьей группе, – уже командовали отделениями, учили бойцов премудростям военной службы, водили их в атаки, а некоторые, наверное, и командовали взводами, после собеседования направитесь на сверхсрочные курсы по подготовке командиров взводов. С вами беседовать также буду я. Сейчас ваш командир, лейтенант Лиманцев, составит списки каждой группы, и мы начнем индивидуальные беседы.

На вопрос, как долго нас здесь будут держать, ответил, что враг не дает возможности долго прохладиться в тылу. Скоро, очень скоро пойдут на фронт наши роты и полки. Фронт ждет подкреплений.

Как я не откручивался от командирской должности, все складывалось вопреки этому. Когда я напомнил лейтенанту Лиманцеву, что я же не

младший командир, еще не командовал отделением, какой из меня будет взводный, он по-дружески мне сказал:

– Ты грамотный, умный парень, сообразительный и инициативный, как видно, не трус, со временем сможешь командовать не только взводом. Не тот хороший командир, кто умеет подавать команды, как наш старшина Шпак, а тот, кто думает, когда их подать и как, кто бережет бойца, заботится о нем. Так или иначе, ты будешь командиром. Не даром около года учился в учебной роте и за короткое время одним из первых заслужил звание младшего сержанта. Это я порекомендовал капитану зачислить тебя на курсы средних командиров.

Слова лейтенанта успокоили меня, и я с легким сердцем окунулся в тяжелую, изнурительную сверхсрочную подготовку командира взвода пехоты.

После бесед с капитаном и его помощниками, при оформлении документов этот же капитан построил нас в колонну, ставшую вдвое меньше прежней, и повел в расположение курсов.

Лейтенант Лиманцев, присутствующий на собеседовании, очень тепло попрощался с нами, а со мной особенно: подошел, обнял за плечи, как родного, задушевно простился.

– Сейчас нас только двое из нашего взвода, роты, полка. Около года служили мы вместе. Не знаю, каким для вас я был командиром, но всегда старался сделать из вас хороших солдат. Судя по боям, в которых нам пришлось участвовать, в какой-то степени мне это удалось. Да и вы меня кое-чему научили. Сейчас мы расстаемся, но, полагаю, ненадолго. Мне, по всей вероятности, дадут роту, ты будешь взводным, поэтому надо, чтобы мы снова были вместе. Я постараюсь с тобой еще встретиться.

Жаль было расставаться с близким, хорошим человеком, но в армии, тем более на войне, с чувствами и желаниями солдата не считаются.

Курсы по подготовке младших и средних командиров размещались в учебном корпусе горного училища, в этом же городе, недалеко от уже знакомого нам шахтоуправления. Его классы, лаборатории, спортивные залы, стадион и площадки были, как будто специально подготовлены для обучения армейских командиров. Рядом с учебным корпусом располагались студенческие общежития, где нас и разместили на постой.

Курсы уже действовали. Занятия шли около месяца. Мы порядком припоздали. Учитывая нашу армейскую подготовку, боевой опыт войны, нас все же включили в существующие учебные подразделения, состоявшие из мобилизованных старослужащих младшего и среднего командного состава, не проходивших переподготовки и забывших в гражданке азы солдатской науки.

Курсы подготовки командиров отделений и взводов действовали в одном и том же корпусе, но обособленно, по своим программам.

Наше пополнение добавило еще одно отделение взвода курсантов средних командиров. Одеты эти курсанты были в солдатскую форму б/у, многие обуты в ботинки с обмотками. Нас оставили в том, в чем мы прибыли из госпиталя. Всех курсантов кормили в одной столовой из одного котла. Питание было значительно хуже госпитального. Во всяком случае, я не наедался, всегда был голоден. Этому способствовала и чрезмерная физическая нагрузка. За шестнадцатичасовой рабочий день нас порядком изматывало.

Каждый день был уплотнен до предела. Много занимались физической подготовкой, изучением нашего и немецкого стрелкового оружия, стрельбой из него. Уделялось много времени изучению воинских уставов, тактике ведения боя при наступлении, обороне, в окружении, борьбе с танками противника, в том числе бутылками с горючей жидкостью.

Часто поручалось командовать взводом на курсах младших командиров на учениях отработки боевых действий. На еду, отдых, и личные дела оставалось очень мало времени. И так всю неделю, без выходных дней.

С лейтенантом Лиманцевым встречались редко, на бегу. Он уже командовал ротой, обучал бойцов, готовил их к боевым действиям. В летних лагерях, под городом, формировался новый стрелковый полк, а может, и дивизия.

Быстро бежало летнее время, еще стремительнее развивались события на советско-германском фронте, где фашистские войска неудержимо рвались вперед. Тяжелое положение сложилось на московском направлении. Еще хуже оно было на Юго-Западном фронте. Враг рвался к Киеву, обложив его с юга и запада.

На севере 5-я армия под натиском превосходящих сил противника, отводила свои войска на восток, к Днепру. На юге, в районе Кременчуга,

силы 1-й немецкой танковой группировки, сосредоточившись на плацдарме восточного берега Днепра, готовились нанести удар на север, навстречу 2-й немецкой танковой группе армий «Центр».

Сил, достаточных для создания надежной обороны, Юго-Западный фронт не имел. Они срочно готовились на еще свободной территории Украины: формировались наспех стрелковые дивизии, без надлежащей боевой подготовки, плохо оснащенные вооружением, боеприпасами.

Очень спешили подготовить и нас – командиров отделений и взводов, так как в формируемых ротах не хватало младшего командного состава. Часто взводами командовали сержанты, а отделениями грамотные бойцы.

1-я немецкая танковая группа армий «Юг» не выполнила в срок поставленной задачи – не разгромила советские войска Юго-Западного фронта, которые, хотя и отступали с большими потерями, но были еще способны нанести чувствительные удары. Гитлер опасался, что войска Юго-Западного фронта, отойдя на Левобережную часть Украины, могут ударить во фланг 2-й немецкой танковой группе армий «Центр» и сорвут стремительное наступление на Москву. Поэтому он временно приостановил наступление в этом направлении, и часть войск 2-й танковой и 2-й полевой армий группы «Центр» в августе 1941 года с фронта Стародуб, Гомель повернула на юг, на Украину, к Чернигову и Конотопу с целью сомкнуть фланги с 6-й немецкой армией, наступающей с юга от Кременчуга. План был окружить и уничтожить войска Юго-Западного фронта, обезопасить, таким образом, угрозу контрудара с юга по флангам армий «Центр». Навстречу этим войскам готовил в наступление Клейст свои танковые дивизии с плацдарма Кременчуга.

Ставка слишком поздно обратила внимание на такой тактический маневр Гитлера. Брянский фронт, которому поручалось сорвать выполнение этого замысла, не мог противостоять движению немцев на юг. Фашистские войска приближались к Чернигову и Конотопу, а войска Юго-Западного фронта все еще топтались на Правобережье, в обороне Киева.

Штабу Юго-Западного фронта ничего другого не оставалось, как двинуть к Чернигову и Конотопу сформированные на Донбассе стрелковые дивизии, в том числе из Артемовска 1001 стрелковый полк.

По этому случаю состоялся преждевременный выпуск курсантов отделений и взводов, которым удалось кое-что напомнить, вдолбить основные азы военной науки. Экзамены-собеседования проводила комиссия из трех человек, оценивала знания и способности курсанта к руководству тем или иным подразделением, присваивала воинские звания, направляла в формирующийся стрелковый полк.

Военную премудрость я осваивал успешно. По всем дисциплинам имел высокие оценки за исключением подачи команд, командованием подразделениями. Моя картавость не позволяла выговаривать «Р». Вместо: «Равняйся! Смирно!» получалось – «Лавняйся! Смилно!», что вызывало у бойцов нежелательную реакцию.

Всем старослужащим, имевшим до этого звания командиров взводов, подтвердили старые звания; моим товарищам из госпитальной команды присвоили младших лейтенантов, а мне почему-то присвоили звание старшины. Не старшего сержанта, не младшего лейтенанта, а именно – старшины. Наверное, чтобы меня использовать на не строевой.

Перед отправкой в часть нас обмундировали в командирскую форму: габардиновую гимнастерку, синие суконные шаровары, кирзовые сапоги, португееу с кобурой, планшетку, длинную кавалерийскую шинель, фуражку и пилотку.

Четыре эмалированных треугольника на петлицах отличали меня от лейтенантов. Хотя я к военной карьере не стремился, новая форма мне нравилась. В ней я выглядел совсем другим человеком не только внешне, но и внутренне.

В штабе 1001 стрелкового полка, куда мы прибыли для прохождения дальнейшей службы, нас попросили зайти сначала в особый отдел полка, якобы на инструктаж, а затем получить направление.

Особый отдел располагался в этом же здании, на втором этаже, в конце коридора. Поднявшись по лестнице, я заметил выходящего из дальней боковой двери военного в гимнастерке без ремня и головного убора, а за ним красноармейца с винтовкой. Они направлялись в мою сторону. «Видно, проштрафился» – подумал я, вглядываясь в арестованного и невольно остановился, по старой привычке выкинул руку в приветствии и готовый выкрикнуть: «Здравия желаю, товарищ старшина!» Но вовремя одумался, по-

пятился к стене, пропуская процессию. Так стоя, пораженный, с открытым ртом и рукой у виска, во все глаза разглядывая когда-то грозного Шпака. А это был он, без чуба, с небольшими усиками, в начищенных аккуратных сапогах.

Старшина тоже заметил мою нелепую позу, видимо, узнал, удивился треугольникам в петлицах, командирской форме на мне и, проходя мимо, приостановился, окинул взглядом мою фигуру, злобно процедил: «Быстро карьере делаешь, ефрейтор!»

– Но-но, шагай! – подтолкнул его конвоир, и бывший старшина, опустив голову, медленно двинулся дальше.

Я вошел в ту же дверь, откуда вышел Шпак. В небольшой комнате за столом сидел капитан с петлицами пограничника, внимательными и строгими глазами. После моего представления показал на стул у стола, приказал садиться. Глядя мне в глаза, тихим, спокойным голосом попросил рассказать подробно свою биографию. Слушал он внимательно и даже как-то заинтересованно, кое-где удовлетворенно хмыкал, изредка задавал вопросы. Когда на его вопрос: как я понимаю создавшееся положение в стране, я ответил, что оно еще очень тяжелое, но скоро обстановка должна стабилизироваться, мы сосредоточим свои силы и дадим отпор фашистскому агрессору, он, довольный ответом, раскрыл суть собеседования:

– Совершенно правильно понимаете создавшуюся обстановку и верите в нашу победу. Представьте, некоторые не понимают этого, считают войну проигранной, сеют панику. Поднимают головы и враги советской власти, различные националисты, самостийники, пособники фашистов. Особенно они активны в армии, вредят, совершают диверсии, разлагают бойцов. Наша цель укрепить военную дисциплину, поднять боевой дух бойцов, обезвредить армию от опасных элементов. В этом можете помочь вы, сообщая нам обо всех случаях, действиях, разговорах, направленных против советской власти.

– Короче, быть вашим осведомителем! – невольно вырвалось у меня.

– Зачем так грубо! Вы просто будете информировать нас о подозрительных людях, нежелательных поступках и разговорах.

– Я и без этого сообщал бы, кому следует – перебил я.

– Все это так, но мы должны знать обо всем, что делается в полку от своих людей, поэтому и просим особенно надежных сотрудничать с нами, сообщать даже такие, на первый взгляд, незначительные факты, как только что случившийся уже в полку.

На вопросительный мой взгляд капитан пояснил:

– Недавно прибыло пополнение из госпиталя. Один из них – старшина, скрыл от всех свою интимную болезнь. Если бы не сигнал нашего человека, то он мог бы принести вред целой роте. Пришлось изолировать, заняться его личным делом и источником распространения венерической болезни среди командного состава. Оказалось, что этот, с позволения сказать, старшина, еще в госпитале скрывал истинную причину своего ранения, обманывал своих товарищей, преждевременно выписался на амбулаторное лечение, где у своих знакомых невольно или преднамеренно заразился. Сейчас мы разбираемся с этим старшиной

– Не Шпак ли его фамилия? – поинтересовался я.

– Да. Вы его знаете? Что он собой представляет?

– Это старшина учебной роты 593-го мехполка 131-й механизированной дивизии. Строгий и требовательный командир. Сурово наказывал до войны провинившихся солдат, а в войну стремился быть подальше от них. В боях я его не видел, слышал, что свой зад он обварил нечаянно горячей кашей на полевой кухне.

– О это уже интересно! Расскажите подробнее о его ранении!

Пришлось рассказать все, что я знал о шпаковском ранении, поведении его в госпитале. Особист внимательно слушал, записывал отдельные моменты в блокнот.

– Ну, вот вы уже помогли нам разобраться с одним делом. Прошу помогать нам и впредь, а для этого подпишите вот этот документ – подвинул капитан четвертушку стандартного листа с отпечатанным текстом и вписанной чернилами моей фамилией.

В ней сообщалось, что я обязуюсь оказывать всемерную помощь в выявлении неблагонадежных лиц, наносящих своими действиями и словами вред советской власти и подробно сообщать о них.

Не долго думая, этот документ я подписал.

– Вот и все, товарищ старшина, – заключил наш разговор капитан. – Остается договориться о вашем коде. Не будете же вы сообщение подписывать своей фамилией. Об этом никто не должен знать из посторонних. Для нас будет достаточно вашего кода, например «21» – это ваш номер в списке.

– Нет, давайте я буду подписываться просто – «очко».

– Согласен. Это более романтичный и тайный код! – улыбнулся особист, вставая и подавая мне руку на прощание. А сейчас идите, получайте направление. Надеюсь, оно будет для вас неожиданным и приятным, а главное – полезным и удобным для нашего дела.

На этом моя беседа в особом отделе закончилась. События развернулись так, что мне было не до особого отдела, а им, видимо, не до меня. Встретился, я с особистами уже после войны, и беседы наши были не столь доброжелательными.

Меня в особом отделе поразила не сама вербовка осведомителем, так как тогда, в период повального отхода наших войск, бдительность была крайне необходима, а сообщение о Шпаке, его «интимной болезни». Старшине я мог только посочувствовать, как предполагал особист. В штабе полка мне без особых разговоров дали направление на должность старшины 1-й роты, 1-го батальона 1001 стрелкового полка. Видимо, об этом позаботился капитан из особого отдела. Роту я нашел сравнительно легко, в этом же пригороде, в небольшой роще. Вокруг неё, огороженной забором из колючей проволоки, цыганским табором расположились гражданские, в основном женского пола. Мне объяснили, что это – родные солдат, ожидающие отправки на фронт своих мобилизованных детей, мужей, любимых.

На проходной дежурный объяснил, как пройти к штабу роты. Обычная армейская палатка размещалась на поляне, в центре рощи, среди других однотипных палаток, у которых маячили солдаты, видимо, дневальные. Кроме них в лагере не было видно бойцов. По всей вероятности, они были на занятиях за пределами лагеря.

У штабной палатки не было ни дневальных, ни охраны. Одно полотнище было приподнято, куда я, предварительно положив в сторонке вещевой мешок и шинель, расправив гимнастерку под широким командирским ремнем, пригнувшись, вошел.

В полутьме различил стол на треногах, скамейки и двоих командиров, сидевших за столом друг против друга. Сидящего лицом ко мне я узнал сразу – это был мой знакомый лейтенант Лиманцев, второй, сидевший ко мне спиной и не повернувшийся при моем появлении, был мне незнаком, не было видно и его петлиц, знаков различия. Поэтому я несколько замешкался, опасаясь, что он может быть старше по званию, но затем, решившись, встав по стойке «смирно», представился.

– Товарищ командир роты, старшина Яковлев прибыл в ваше распоряжение для прохождения дальнейшей службы – демонстративно открыв планшетку, вытащил направление, положив перед лейтенантом.

Тот, пробежал бумагу глазами, встал из-за стола, не по-уставному подошел, обнял за плечи, приветствовал:

– Здравствуй, дорогой мой старшина! Закончил учебу? Прибыл, кстати, перед отправкой, – отошел в сторону и стал рассматривать меня со всех сторон, почти как Тарас Бульба из повести Гоголя, при встрече своих сыновей, вернувшихся из бурсы в отчий дом, выражая почти отцовский восторг. – Молодец, дай разглядеть тебя хорошенько. Тебя не узнать в этом обмундировании: совсем другая выправка, осанка! Стал представительнее нашего Шпака! – расхваливал меня лейтенант. Затем помрачнел, посочувствовал: – жаль, что до кубика не дотянул. Было бы совсем хорошо – взвод получил бы. Ну, ничего, старшина тоже высокое командирское звание и должность ответственная и сложная, пожалуй, тяжелее работы взводного.

Излив чувства от встречи, Лиманцев, повернувшись к сидящему, представил меня:

– Это бывший боец моего взвода, ручной пулеметчик, храбрый и толковый красноармеец, окончил сверхсрочные курсы, назначен старшиной в нашу роту, а это – повернулся он ко мне и указывая на сидевшего – наш замполит – заместитель командира роты Андрей Петрович Вожин, местный житель, потомственный шахтер.

Увидев мой удивленный взгляд, пояснил:

– В июле в армии введены институты комиссаров, так что прошу выполнять распоряжения замполита наравне с моими.

– Даже больше – подал голос заместитель командира роты, поднимаясь со скамейки и протягивая для пожатия руку, – ибо я, кроме прочего, отвечаю и за психологическое состояние красноармейцев роты.

В его пожатии чувствовалась сила руки рабочего человека, а во взоре – твердость характера.

– Мы все в ответе за боевой и моральный дух бойцов, так как от них зависит победа над фашистской ордой – поддержал я замполита.

– Совершенно верно, товарищ старшина, – согласился замполит. – Каждый командир должен выполнять свои обязанности, а старшина роты особенно, так как много от него зависит: чтобы его солдаты были всегда сыты, обуты, одеты, обеспечены оружием, боеприпасами. Голодный солдат – плохой боец. На пустой желудок даже самая пламенная речь комиссара боевого духу красноармейцу не прибавит. Так, что от вас, старшина, в большей мере зависят наши успехи. Желаю вам всех благ на новом поприще.

– Вот и познакомились, – прервал наш разговор Лиманцев. – А сейчас я ознакомлю нового старшину с положением дел в ротном хозяйстве.

Командир роты рассказал, что наш 1001-й полк входит в стрелковую дивизию, формируется мобилизованными из Донецкой области и выздоравливающих фронтовиков. Рота укомплектована личным составом полностью – средние командиры – младшие лейтенанты, хозяйственным взводом командует сержант запаса. Он же исполняет обязанности старшины вместо отозванного в штаб полка. Народ в роте разновозрастной: от 18-летних, до 40-летних. Как в гражданской – собрали детей и отцов. Да и обмундированы они почти как в гражданскую, хотя и прилично, но пестро: грубые короткие солдатские шинели перемежаются с элегантными длинными кавалерийскими, в коих шеголяет в основном командный состав; среди пилюток и фуражек выделяются шишаки буденовок; кирзовые сапоги только у командиров. Остальные обуты в ботинки с обмотками.

Но это полбеда. Хуже с вооружением. Бойцы вооружены винтовками образца 1891/1931 г.г. с граненым штыком, нет ручных пулеметов, автоматов, пистолетов. Хорошо, что роте придали пулеметный взвод из станковых пулеметов «Максим» и взвод ротных минометов. Еще хуже со связью. Рота, да и полк, оснащены допотопными телефонными аппаратами с катушками проводной связи. Одним словом, боевые подразделения оснаще-

ны всем, что удалось наскрести на скорую руку в местных военных складах хранения 20-х годов. Ждать подвоза нового, современного вооружения и другого обеспечения не было возможности. Так что будем воевать тем, что есть. Надеемся на пополнение вооружением армейских запасов фронта.

Хорошо укомплектован хозяйственный взвод: в полном составе тягловая сила, повозки, полевые кухни. Конечно, воевать нам с противником, оснащенным современным вооружением и техникой, будет трудно, но дух наших бойцов высок, все понимают, что все идут защищать свою родину, семьи, свой народ.

Замполит в этом отношении проводит большую работу, надеется на стойкость и героизм донецких шахтеров. Он был прав, когда говорил, что от старшины многое зависит в поднятии их боевого духа. Первая твоя задача, дорогой мой старшин, это оружие и боеприпасы. Солдат смиритесь с голодом, но не простит отсутствия оружия и боеприпасов. Это заруби себе на носу. Это я говорил и предыдущему старшине. Он понял меня, с нашей помощью выколотил взводы пулеметный и минометный. Жаль, что, не проработав и недели в роте, как вдруг, не объясняя причин, был срочно отозван с вещами, как арестант. Видимо, перевели в другое подразделение – сокращался командир роты.

Я уже догадался, что это был Шпак, и знал, в какое «подразделение» его перевели, но чтобы не раскрывать секрет моего посещения особого отдела и сведений о Шпаке, услышанных там, безразличным тоном поинтересовался:

– Кто же был этот старшина?

– А разве я тебе не говорил? – вопросительно уставился на меня командир роты. – Представь себе – наш Шпак! Неделю назад явился ко мне, лихо откозырял, предъявил направление штаба полка на должность старшины роты. Нахально смотрит в глаза – мол, прошу любить и жаловать.

После случая в госпитале не лежала к нему у меня душа. Встретил его с прохладцей. Но приказ есть приказ, да и срочная подготовка к отправке на фронт, его оборотистость, требовательность и опыт работы подавили мою неприязнь, допустил его к должности. Шпак рьяно взялся за дела, а их было много, крутился, как белка в колесе. Я радовался такому помощнику, и бойцы были довольны. В последние дни он стал каким-то

нервным, что-то его беспокоило. Несколько раз отпрашивался в город, подолгу пропадал там. Хотел узнать у него причину, но Шпак уклонялся от разговора. А вчера перед обедом по телефону приказали: старшину Шпака с личными вещами срочно направить в штаб полка. До сих пор не знаю причину такого вызова.

Не стал и я раскрывать секрет отъезда Шпака. Командир роты, видя, что его информация о состоянии хозяйства роты вполне достаточна, предложил:

– Бог с ним, с нашим Шпаком. Будет воевать на общем фронте. А бои с немцем не за горами. Как передает солдатский телефон, погрузка в вагоны ожидается со дня на день. Поэтому вокруг лагеря значительно прибавилось провожающих.

Нужно и нам готовиться к отправке. Дел еще много осталось. Пойдем, покажу твое хозяйство, познакомлю с людьми, – поднялся лейтенант, попросил замполита подежурить до его прихода.

Так началась моя служба в новом полку, в должности старшины роты – беспокойной, хлопотной и сложной: опытный глаз старшины должен видеть все, он ближайший помощник командира, занимается обеспечением личного состава подразделения всеми видами довольствия, хранением общественного имущества, оружия боевых припасов, организацией службы внутреннего наряда, присматривает за поддержанием внутреннего воинского порядка.

Мне повезло служить с грамотным, толковым лейтенантом, с которым уже пришлось побывать в боях, узнать его достоинства и недостатки. Повезло, что попал служить к командиру 1-й роты, а она в каждом батальоне всегда есть первая. Формируется первой, укомплектовывается также первой. Как бы там ни было, а комбат всегда собирает в первую роту все, что есть лучшее, потому что первая рота всегда идет на главной оси батальона, она первая с врагами сшибается. А от завязки боя во многом зависит и его исход. Все это комбат понимал, поэтому принимал все усилия укрепить первую роту.

Неплохо была укомплектована и хозяйственная часть роты. Хозяйство старшины размещалось на окраине рощи. Я рассчитывал, что командир роты сначала познакомит меня с сержантом – и.о. старшины, но лейте-

нант повел меня с «черного хода» – показал тягловую силу, транспортные средства, давая понять, что это в военных условиях для хозяйства роты наиболее важный орган.

Вдоль забора из колючей проволоки под легкими навесами из плетней и камышовых матов в перегородках стояли упитанные кони разных мастей и комплекции. Перед каждой лошадьё на штырях висела ее сбруя. Внизу стояли корыта с кормом. В станках и вокруг них не было видно навоза. Виден был хороший уход за лошадьми. Перед конюшней в ряд выстроились военные двуконные повозки, еще новые, окрашенные зеленой краской. В стороне от них в ряд стояли закрытые сараи из плетневых стен и камышовых крыш, где, по всей вероятности, хранилось ротное имущество, продукты. Перед ними с винтовкой ходил часовой. К нам от конюшни спешили два бойца, видимо, дежурные, а от группы деревьев, под которыми виднелась брезентовая палатка, бежал еще один человек. Не добежав десятков метров до нас, он сменил бег на строевой шаг, подошел к нам, отдав честь, доложил:

– Товарищ лейтенант, личный состав хозяйственного взвода находится на ротных учениях по отражению танковой атаки! Во взводе только дежурные и охрана. Происшествий нет.

– Вольно сержант! – приказал лейтенант. – А я, признаться, и тебя не надеялся увидеть здесь. Решил сам познакомить нового старшину с нашим хозяйством – показал рукой на меня. – Прошу, Дмитрий Петрович, любить и жаловать нового своего начальника – Яковлева Ивана Ксенофонтовича, только что окончившего срочные курсы средних командиров. Бывший мой боец – ручной пулеметчик, фронтовик. Парень храбрый и толковый, но не искушенный еще в делах ротного хозяйства. Прошу всемерно оказывать ему помощь!

– Будет исполнено, Анатолий Семенович! – уже не по-уставному пообещал сержант, внимательно рассматривая меня.

Я тоже старался оценить своего помощника. Это был коренастый крепыш среднего роста, на вид лет сорока чем-то, напомнил чем-то моего отца. Как потом выяснилось, Дмитрий Петрович местный житель, сын шахтера, сам забойщик, а затем работник сбыта шахты. Служил в армии. В звании сержанта демобилизовался и одно время исполнял обязанности стар-

шины. Это помогло ему в работе по снабжению. Учитывая это, лейтенант Лиманцев и поручил ему хозяйственный взвод, который он со знанием дела организовал, укомплектовал его штат из опытных украинских крестьян и шахтеров, знающих эту службу еще со времен гражданской войны. Шпак своим нахальством и пронырливостью помог оснастить хозяйственный взвод транспортными средствами.

Слушал я пояснения лейтенанта, кивал головой, поддакивал, а горькие, панические мысли черной лентой проплывали в голове: «Шпак обладал нахальством, пронырливостью, большим опытом работы в хозяйстве роты в мирное и военное время, а сержант, хотя и не воевал еще, но прошел хорошую службу хозяйственника-снабженца, уже сработался с товарищами- сослуживцами, не выделяется среди них ни поведением, ни формой одежды. Только треугольники на петлицах солдатской гимнастерки, да кирзовые сапоги отличают его от рядового красноармейца, не в пример мне – вырядившемуся, как павлин, в офицерскую форму и ничего не смыслившему в хозяйственных делах роты.

С такими грустными мыслями я и приступил к исполнению своих обязанностей. Опасения мои были напрасны. Повседневные заботы о бойцах, выполнение требований командования, подготовка роты к боевым действиям отнимали много времени. Приходилось знакомиться с новыми людьми, службами, присматриваться. Дмитрий Петрович по отечески, стремясь не ущемить моего самолюбия и авторитета, направлял мою работу, подсказывал программу работы на следующий день. Не без его влияния личный состав взвода, в большинстве пожилого возраста, относился ко мне благожелательно, беспрекословно выполнял мои распоряжения, тактично исправляя мои, даваемые порой казусные команды.

На другой день на базе боепитания полка мне удалось получить два десятка автоматов, десятков револьверов «наган» и три снайперских винтовки. Хотя это было заранее занаряжено, комсостав роты радовался и благодарил меня со столь дорогим приобретением, подняв мой дух снабженца.

Как всегда бывает, солдатский телеграф и на этот раз оказался достоверным. Не успел я еще разобраться в своем хозяйстве, основательно ознакомиться с подразделениями роты, последовал приказ на погрузку. Хорошо, что по совету Дмитрия Петровича мы еще накануне подготовили все

имущество к перевозке, так что сборы были скорыми и организованными. Каждый боец хозвзвода знал свое место и действия.

Хозяйственный взвод первым покинул свой бивак, направляясь на железнодорожную станцию, где в тупике стоял эшелон открытых и закрытых вагонов, заранее распределенных по ротам и взводам. Погрузка имущества и лошадей закончилась к вечеру. Бойцам дали время и возможность проститься с родными и близкими. Прощание было горьким, тяжелым. Все понимали, что провожают родного человека на суровую войну, откуда мало кто возвращается.

Вечером в теплушках разместились удрученные проводами бойцы и одновременно довольные концом томительного ожидания отправки на фронт.

Лязгнули буфера, вздрогнула длинная колбаса вагонов, закрутились колеса, и воинский эшелон плавно поплыл по стальной колее из шахтерского Артемовска на фронт, навстречу наступающему врагу.

Эшелонам давали зеленый свет, спешили доставить защитников Украины на северный участок фронта, где особенно активизировались наступательные действия противника по блокировке советских войск Юго-Западного фронта, стремясь отрезать их отход на восток по Левобережью Днепра.

Штаб Юго-Западного фронта слишком увлекся обороной Киева, сосредоточив там основные силы, с большим трудом отражая натиск механизированных дивизий немцев с юга, запада и севера, не желая сдавать столицу и отводить войска с Правобережья за Днепр.

Оборона Киева продолжалась 71 день. 37-я армия, созданная в августе из войск Киевского укрепленного района, а также 5-я и 26-я армии стойко сражались на подступах к столице Украины.

Командование Юго-Западного фронта, учитывая стремительное и упорное наступление группы армий «Центр», тяжелое положение советских войск на московском направлении, рассчитывало своими силами сдерживать немецкие силы группы армий «Юг». Оно не учло маневра командования Вермахта, понявшего, что, не уничтожив своевременно русские войска Юго-Западного фронта, дав им возможность выхода на левобережье для организации там сильного оборонительного рубежа по Днепру а также возмож-

ности внезапного удара по флангам наступающих на Москву армиям группы «Центр», попытается, в конце концов, избавиться от этой угрозы. Концентрация советских войск под Киевом, на Правобережье, для немцев была выгодна до определенного времени. Замедлив темпы наступления на Москву, Гитлер часть танковых и полевых армий «Центр» в августе повернул на юг, на Украину, к Чернигову и Конотопу с целью соединиться с 6-й немецкой армией, наступающей с плацдарма на Днестре, в районе Кременчуга, затем повернуть на север; окружить и уничтожить войска Юго-Западного фронта.

Подобного тактического маневра немцев не могли предугадать не только командование Юго-Западного фронта, но и Ставка Верховного командования. Поняв, наконец, создавшуюся угрозу, спешно стали отводить свои армии на восток, направляя наспех сформированные, плохо обученные и оснащенные стрелковые дивизии навстречу танковым армиям противника.

Туда же двигалась и наша дивизия. Днем раньше в район Чернигова в составе 5-й армии отбыли эшелоны со 1002-м и 1003-м стрелковыми полками, штабом дивизии. Мы догоняли основные силы.

Железная дорога была загружена до предела, станции забиты вагонами, грузами, людьми. В небе уже появились наши самолеты, защищали поезда от немецкой авиации, поэтому в начале пути мы продвигались сравнительно быстро.

Остановки на станциях были кратковременные, но горестные и тягостные. Многие жители встречали санитарные поезда, идущие вглубь страны, и провожали военные эшелоны, спешившие в сторону фронта. Слезы, причитания, панические слухи удручающе действовали на психику наших необстрелянных красноармейцев.

В Харькове сообщили, что первые эшелоны дивизии направлены в Чернигов через Сумы, Бахмач, Нежин. Наш эшелон, как и войска Северо-Кавказского военного округа, в связи с разрушением железнодорожного моста, будут направлены к конечному пункту через Полтаву, Пирятин, Нежин.

До Полтавы мы добрались сравнительно быстро и благополучно, не считая частых остановок на перегонах, пропуска санитарных поездов и эшелонов особо важных грузов.

Чем ближе продвигались к фронту, тем чаще стали появляться в небе немецкие самолеты, делающие налеты на поезда и железнодорожные станции, вдоль железнодорожного полотна попадались разбитые и обгоревшие вагоны.

В районе Миргорода наш эшелон атаквали немецкие штурмовики. Как коршуны бросались они на эшелон, сбрасывая бомбы и обстреливая вагоны. Умелые действия паровозных машинистов и смелость бойцов зенитных установок на платформах эшелона не дали противнику возможности прицельного бомбометания и обстрела. Не добившись ожидаемого успеха, потеряв один самолет, немцы оставили наш поезд в покое. Это был первый сигнал войны, пугавший необстрелянных новобранцев.

Дальше двигались более осторожно, чаще вглядывались в небо в поисках вражеских самолетов. Не задерживали нас долго и на станциях. Только на перегоне у Нежина, где мы должны были соединиться с основными силами дивизии, нас задержали, загнали на запасной путь. Недавно немецкая авиация бомбила г. Нежин и его железнодорожную станцию, вывела из строя весь железнодорожный узел.

В дополнение к этому, поезда до Чернигова не ходят, так как в этой зоне идут ожесточенные бои наших войск с немецкими танковыми группировками, стремительно продвигающимися на юг, к Нежину.

На запасном пути мы простояли около суток, пока не нашел нас связной штаба дивизии, сообщив, что эшелоны с основными силами нашей дивизии разгружены в Бахмаче и согласно приказу штаба фронта направлены маршем на новый рубеж обороны по р. Псел в Сумской области.

Нас ожидали в Бахмаче, но в Харькове наш эшелон направили через Полтаву. Пока все это выяснили, прошло много времени. Наша дивизия спешным порядком движется маршем на новые рубежи. Нам приказано спешно разгрузиться и ускоренным маршем догонять дивизию.

По всем дорогам на восток и юго-восток сплошным потоком двигались толпы беженцев, эвакуированные, раненые и отступающие красноармейцы. Беспрерывным потоком двигались эшелоны и по железной дороге. Все стремились оторваться, убежать от наседавших фашистов. Это было неорганизованное бегство обезумевших людей. Всюду царил

паника. Особенно она усилилась, когда поползли слухи об окружении немцами 4-й стрелковой дивизии в районе Чернигова. Слово «окружение» вызывало стресс не только у военных, но и у гражданского населения. За транспортные средства шла настоящая битва. Не успели мы выгрузиться, как наши вагоны укатили в Нежин для эвакуации «особо важных» грузов. Все это психологически действовало на бойцов нашего полка. Состояние их было крайне подавленное.

Командование полка в спешном порядке двинуло свои подразделения маршем по проселочным дорогам на юго-восток от Нежина, подалее от главных дорог, забитых толпами беженцев и отступающих, обстреливаемых немецкими штурмовиками.

Двигались как в боевой обстановке: скрытно, в ночное время, соблюдая воинский порядок отхода подразделений на новые рубежи обороны, ограничив возможность противнику использовать авиацию для бомбардировки и разведки движения полка.

Для дневки заранее выбирали места, удобные для обороны, вне населенных пунктов, по берегу рек, укрытых лесами, рощами, кустарником.

Как правило, полк на день зарывался в землю, маскировался, отдыхал, чтобы ночью снова сделать рывок. Командование полка спешило быстрее догнать штаб дивизии.

Плохая физическая подготовка мобилизованных красноармейцев сказывалась на темпах движения. Бойцы с полной солдатской выкладкой быстро уставали, растягивались на марше, увеличилось количество отстающих с потертостью ног, больных. Ни беседы политработников, ни пример командиров, шагавших рядом с бойцами, не имели должного воздействия. Привалы учащались. Хорошо, что нас не беспокоила немецкая авиация. Днем мы хорошо маскировались, а ночью немцы не летали.

Разведка доносила, что на оставленной нами территории появились авангардные механизированные части противника. Двигались они клиньями, захватывая крупные населенные пункты. До нас вражьи клинья еще не доставали.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

После очередного ночного перехода, на ранней зорьке, когда еще только начали гаснуть звезды, полк остановили у населенного пункта Иванце Полтавской области, на берегу одного из притоков р. Удай.

Остановка была неожиданной не только по времени, когда мы обычно еще топали, но и по отсутствию в этих местах древесной или кустарниковой растительности, где обычно мы маскировались на дневках. После перехода по деревянному мосту через заболоченное русло реки стрелковые роты отводили по восточному склону долины на их места дислокации. Штаб полка со всем своим хозяйством, транспортом и артиллерией проследовал к окраине села, в заросли большого фруктового сада.

Нашу роту, прикрывающую подразделения штаба, остановили ниже этого сада, на люцерновом поле пологого склона долины. Люцерна недавно была скошена, просушена и сложена в небольшие многочисленные копны, куда и кинулись уставшие красноармейцы в надежде отдохнуть в душистом сене. Но их мечтам не суждено было сбыться. Последовала команда походного повзводного построения. Бойцы, ворча, с неохотой, снова навьючив на себя тяжелую солдатскую амуницию, двинулись за своими командирами взводов занимать оборонительные позиции по склону долины вдоль русла реки.

Левый фланг обороны нашей роты начинался от свеженасыпанной земляной дамбы, пересекающей долину. В районе русла реки в дамбе зиял провал с лежащими по его краям кучами строительных материалов, видимо, подготовленных для строительства моста. Этот объект для противника может оказаться соблазнительным для переброски своей техники на восточный берег, поэтому оборону его и часть прилегающей поймы поручили первому взводу, дав им в помощь два станковых пулемета. Остальные два взвода рассредоточили одной цепью по склону балки. Была дана команда отрыть окопы одиночного бойца, затем, после завтрака соединить их ходами сообщения, замаскироваться и быть готовым к обороне. Хозяйственный взвод приказано разместить во фруктовом саду, замаскировать, вырыть траншеи.

Все подразделения полка рассредоточились по склону долины вдоль русла реки на протяжении нескольких километров. Транспортные средства, артиллерийские и минометные подразделения зарылись в землю в глубине рубежа обороны. Подобное обустройство обороны было в нашем полку впервые. Обычно при дневках на такое большое расстояние полк не рассредотачивался, укрывался в рощах, садах, кустарниках, выставляя по сторонам охранные подразделения.

Видимо, здесь ожидалась реальная встреча с противником. Это подтвердилось и тем, что хозяйственный взвод удалили от роты, поместив его в полукилometре от окопов, на окраине села, в колхозном фруктовом саду. Здесь же отпуская завтрак в термосах дневальным отделений, а затем руководство взводов получало патроны в оцинкованных ящиках, ручные и противотанковые гранаты, бутылки с зажигательной жидкостью. Последнее приходилось навязывать силой, так как никому из нас еще не приходилось использовать их против фашистских танков, а мороки с ними было много. Все требовали противотанковых гранат, коих было у нас очень мало, а бутылки с бензином занимали две подводы.

То, что здесь будет бой, поняли и красноармейцы хозвзвода – славные донецкие крестьяне и шахтеры.

Без команд и указаний, рассредоточили подводы и лошадей, вырыли ячейки и траншеи.

Работой хозвзвода были довольны и командование роты, и бойцы. Кормили мы их сытно, на маршах подвозили отстающих. Постепенно я входил в курс дела, осваивал новую должность, не забывал основную задачу: боец должен быть сытым, обутым, одетым, обеспечен оружием и боеприпасами. Покончив с основными делами, оставив за себя сержанта, направился в распоряжение роты, узнать об обстановке, получить указания командира роты.

Было уже позднее утро. Солнце ярко светило. Противоположный склон был чист и хорошо просматривался. Только в пойме реки, в камышах еще стлался туман. Хорошо просматривались ломаная линия наших окопов и копавшиеся в них красноармейцы.

Окоп командира роты был уже отрыт, кое-как замаскирован. Это была широкая траншея с вырытыми в стенках несколькими ячейками. В одной из

них сидел телефонист, накручивал ручку аппарата, вызывал «сосну». На противоположной стороне, в ячейке стоял замполит, через оптический прибор снайперской винтовки разглядывал противоположный берег. Это задело мое самолюбие. При всем старании биноклей достать нам так и не удалось. Вместо них дали три снайперских винтовки. Одну из них взял замполит.

Услышав мои шаги, обернулся, кивком поздоровался, похлопал по ложу винтовки и, то ли укоряя, то ли оправдывая ротного старшину, скалмбурил:

– Хороша штучка: и стреляет, и бинокль заменяет! – и затем уже серьезным тоном продолжил: – изучаю противоположный берег, хочу понять тактику немецкой атаки, где они будут форсировать реку.

Узнав о цели моего прихода, сообщил, что Лиманцева вызвали в штаб батальона, видимо, по вопросу ожидаемой атаки. Приказали форсировать работы по подготовке рубежей обороны на отведенном нам участке. Конкретная задача будет сообщена дополнительно. Он же вынужден сидеть в окопе у телефона, ждать указаний и не может пройти по взводам, проверить ход работ, поговорить с бойцами.

– Хорошо, что ты зашел. Ты, старшина, уже побывал в боях, не в пример нам, необстрелянным командирам, лучше знаешь повадки немцев при атаке, необходимую степень подготовки обороны, пройди по взводам, проверь ход работ, подскажи, как лучше сделать, а потом доложишь. Заодно посмотри готовность к отражению возможной танковой атаки, наличие противотанковых гранат и бутылок с бензином. Наши командиры пока не уверены в их эффективности. Действуй, старшина, от нашего имени.

Откозыряв и подтвердив готовность к исполнению его приказа, попросил у него «бинокль» и стал внимательно осматривать панораму балки.

Это была обычная долина равнинной реки с заболоченной поймой, заросшей камышом, крутым правым склоном, изрезанным в некоторых местах балочками и оврагами, удобными для маскировки наступающих. Наш левый склон, наоборот, был пологий, ровный и открытый, где наши окопы и траншеи хорошо просматривались не только с воздуха, а и с противоположного склона.

В нашей обороне были свои преимущества: хорошо простреливался всеми видами стрелкового оружия противоположный склон, балочки, овра-

ги и пойма. Река и заросшие болота создавали трудности их форсирования не только танками, но и пехотой. Только несколько прогалин перерезали поперек камышовые заросли, через которые, по всей вероятности, перегоняли скот на противоположный берег. Эти места мог использовать и противник при атаке. Вызывала опасение и дамба. Эти места необходимо прикрывать огненными средствами и заминировать выходы из них.

Поделившись своими наблюдениями и соображениями с замполитом, я направился в 1-й взвод, к дамбе, пробираясь по ходам сообщения, давая замечания командирам отделений и бойцам по углублению окопов, устройству ниш, opravке и маскировке брустверов и отвалов. Уставшие за ночной переход, не выспавшиеся бойцы, последние силы вкладывали в быстрейшее окончание работ, мои замечания воспринимали враждебно, как прихоть начальства. Даже командир взвода, младший лейтенант, поддержал недовольных солдат в отношении маскировки окопов и траншей, мотивируя чрезмерной усталостью бойцов. Я их понимал. У них еще не было страха немецкой атаки, а было одно желание – отдохнуть, немного поспать, была уверенность, что все равно вечером окопы придется бросать, как было все дни отхода. Не было уверенности в атаке немцев и у меня, а рытье окопов – это очередное учение солдат. Поэтому мои требования были как бы для профформы. Однако общее впечатление у меня осталось хорошее не только от быстрыми темпов работ, но и от рациональной расстановки огненных средств на опасных направлениях.

В 3-м взводе занимающего позиции правее ротного окопа, земляные работы еще продолжались, оборудовались огневые точки. Пришлось поторопить командиров отделений, указать командиру взвода, младшему лейтенанту Гусеву, на медленный темп работ, слабое оснащение противотанковыми средствами, особенно бутылками с бензином.

Командир взвода, пожилой, но еще крепкий, плотный мужчина, годившийся мне в отцы, слушал замечания внимательно, по стойке «смирно», порой отвечал: «Есть! Будет исполнено, товарищ старшина», – как будто перед ним был командир роты или даже батальона. Видимо, мои замечания и советы были для него полезнее личных амбиций.

Видя мое смущение, младший лейтенант на полном серьезе, как перед большим начальством, козырнул:

– Есть, товарищ старшина! Ваши замечания будут учтены– затем, опустив руку, уже по-граждански продолжил. – За совет по противотанковой обороне спасибо. Мне еще не приходилось соприкасаться с немецкими танками, отражать их атаку, тем более бутылками. Что касается недоделок, то к началу атаки все будет сделано. Мои шахтеры привыкли рубить уголек, управляться и с землицей, а потом отдохнут, поспят перед атакой. Бог знает, когда немец ее начнет и начнет ли вообще сегодня.

– В том-то и беда, что этого мы не знаем, – охладил я его оптимизм. – Как правило, немец начинает свое наступление с бомбежки и артобстрела, а это может случиться в любое время.

– Ничего, товарищ сержант, шахтеры – крепкий народ, с преисподней знакомы, не испугаемся и немецких чертей. Доложите командованию роты, что 3-й взвод не подведет! – заверил меня взводный.

Во втором взводе, занимающем правый крайний фланг позиций, земляные работы были закончены. Его командир, старший сержант с нашивкой за ранение, узнав о цели моего прихода, встретил меня с гонором, показывая свое превосходство в знании военного дела, немцев, их тактики наступательного боя.

Я не спорил с ним, предупредил, что действую по приказу замполита и должен доложить ему обо всех недостатках. После этого его тон несколько изменился, но знакомил он меня со своим хозяйством как салажонка, еще не нюхавшего пороха, не видевшего немцев. Его тон и пренебрежение ко мне ущемляло мое самолюбие, но чтобы осадить его, я не мог найти существенных недостатков. Видно было, что старший сержант не один раз отражал немецкие атаки. Зная, что его взвод получил несколько противотанковых гранат и отказался от бутылок, я спросил его, где, по его мнению, немецкие танки будут форсировать реку, и какие меры он принял по их отражению. Командир взвода несколько смутился, окинул взглядом пойму, пожал плечами:

– А черт знает, где немец попрется на нашу сторону, скорее всего там, где меньше камыша, и, следовательно, и меньше ила. На дальних подступах отражать их должна артиллерия полка, а на ближних – мои бойцы гранатами, жаль, что их очень мало.

– Почему же вы не взяли бутылки с бензином?

– Ты, наверное, старшина, не видел немецких танков, разве их оставишь бутылками? Такого на войне я еще не видел.

– Мне тоже не приходилось использовать бутылки с горючей жидкостью против танков, но знаю, что от бензина горит даже железо. Это надо учитывать при дефиците гранат, – тоном старшего оборвал я командира взвода. – Будем считать, что к отражению танков ваш взвод не подготовлен!

Ответить старший сержант не успел. Зычный возглас бойца: «Воздух! Все в укрытия!» – заставил нас повернуть головы в небо, где вдоль реки плыл в нашу сторону самолет-разведчик «рама», знакомая нам своим появлением на предыдущих днях.

Все, задрав головы, наблюдали за спокойным и плавным полетом вражеского разведчика. Некоторые бойцы схватили винтовки, направив их в сторону самолета, Пришлось подать команду:

– Всем в укрытие! По самолету не стрелять! Соблюдать маскировку!

Мою команду зычным голосом повторил старший сержант. Ее передавали по цепи окопов. Солдаты присели в окопах, прильнули к стенкам траншей. А самолет, словно стервятник, медленно парил в воздухе, зорко вглядывался в землю, в пойму, наши окопы. Пролетел дамбу, повернулся к селу, облетел его, повернув на обратный курс, удалился.

– Ну вот, товарищ комвзвода, это прелюдия к атаке. Может быть, уже сегодня немцы пожалуют к нам в гости. Нужно быть готовым достойно их встретить!

– Правильно, товарищ старшина, ты, видно, хорошо знаешь их повадки! И мне не раз приходилось встречаться с этими гостями, научился встречать их по русскому обычаю. Прибавь нам еще немного противотанковых гранат, да и бутылок давай побольше, попробуем угостить ими фашистских вояк, – уже дружелюбным тоном просил меня старший сержант.

– С удовольствием выполню вашу просьбу. Направляйте своих ребят за «гостинцами», – в том же духе отвечал я бывалому солдату. – Не забудьте до прихода гостей накормить своих «домочадцев».

– Есть, товарищ старшина, подхарчиться заблаговременно. Но прежде пусть немного отдохнут, поспят! – улыбаясь, приложил старший сержант руку к пилотке, на прощание.

В ротном окопе лейтенант Лиманцев стоял в своей нише и осматривал через оптический прицел винтовки панораму реки. Рядом с ним, глядя на реку, стоял замполит. Услышав топот ног, комроты сунул винтовку замполиту и, обернувшись, проговорил:

– Вот, комиссар, и старшина явился с докладом. Как там самочувствие наших бойцов, не испугались ли они немецкой «рамы»?

– Разведчика не испугались, некоторые даже схватились за винтовки. Пришлось давать отбой.

– Это ты правильно сделал, хотя воздушный стервятник все же засек наши окопы. Если уж «рама» появилась – жди атаки немцев. Прав был офицер связи штаба фронта о стремлении фашистов разделаться с нашим полком и дивизией, выйти на простор, перерезать пути отхода войск Юго-Западного фронта на новые рубежи обороны.

По его словам, положение у наших войск сложилось критическое. Не сумев разгромить войска Юго-Западного фронта на Правобережье Украины в установленные сроки, с ходу занять столицу республики Киев, как это было с Минском в Белоруссии, механизированные группировки армий «Юг», охватив город полукольцом, с трудом теснили к Днепру войска 5-й, 26-й и 37-й армий.

Одновременно группа армий «Центр» ускоренными темпами продвигалась на восток, к Москве, оставляя правый фланг своих войск не защищенным. Опасаясь переброски с Правобережья через Днепр, немцы обстреливали наши окопы минометами, что противоречило здравому смыслу: мины, были эффективны только по наступающему или бежавшему противнику. В окопах они большого урона не причиняли, но, захватывая большую площадь поражения, заставляли многих солдат не высовывать головы, ложиться на дно окопа. Когда же мина попадала в окоп, (а вероятности у нее больше, чем у снаряда), то уничтожала там все живое. У шестиствольного миномета вероятность попадания мины в окопы возрасла. Поэтому немцы и начали обстрел наших позиций.

В ответ по минометной батарее немцев ударили наши батальонные минометы и полковые пушки. Интенсивность огня немцев ослабла, но взрывы мин в наших окопах продолжались, заставляя бойцов при звуке ле-

тящих мин приседать в окопах. В такие моменты приседал в траншеях и я, спасаясь от осколков.

При очередном взрыве на меня свалился бежавший ординарец и связной, сержант Рогов.

– Товарищ старшина, беда! Убит замполит! – прокричал он, поднимаясь. – Быстро идемте!

Добрались до ротного окопа. На его дне лежало растерзанное тело замполита, в другой стороне лежали бесформенной кучкой куски человеческого тела, а сверху – телефонный аппарат. В месте обвалившейся стенки траншеи, где недавно я лежал, погребенный бомбовым взрывом, лежал мертвый боец – связной. Мина, а может даже и две, попали в окоп, разорвали на куски находящихся там людей. Невредимой осталась только снайперская винтовка, лежавшая на бруствере. Мне ничего не оставалось, как выполнить приказ замполита: в случае чего заменить его.

Телефонная связь с батальоном и штабом полка разрушена. Остался ординарец командира роты и связной сержант Рогов. Хотя увиденное и потрясло меня, я, как мне казалось, командирским тоном приказал ему сообщить в штаб батальона о случившемся в роте, о моем временном исполнении обязанностей командира роты, а также просьбу срочно выслать нового командира и восстановить телефонную связь. Но прежде попросил сержанта сообщить об этом командирам взводов и мой приказ: быть готовым к отражению атаки немцев, биться до последнего, без приказа позиций не покидать.

Связной убежал, прислав двух бойцов убрать тела погибших. Едва успели привести в порядок командный пункт роты, и очистить от пыли снайперскую винтовку, как в окоп ввалился запыхавшийся сержант Рогов с бойцом, выпалив одним духом:

– Беда, товарищ старшина! Миной убило командира 1-го взвода и его помощника – старшего сержанта, ранило командира сорокапятки и двух бойцов!

Это известие поразило меня. Несчастья преследовали нашу роту весь день. Недавно я был в их окопе, обсуждали взаимосвязи с артиллеристами. А сейчас взвод обезглавлен, как и сама рота, и полк. Из шокового состояния меня вывел голос сержанта:

– Товарищ старшина, из 1-го взвода я привел связного!

Молодец, сержант. Он напомнил мне о моих обязанностях.

Твердым голосом командую:

– Товарищ сержант, срочно сообщите в штаб батальона о ситуации в нашей роте! А вы, товарищ боец, сообщите командиру 1-го отделения вашего взвода сержанту Горобец мой приказ: принять взвод, отражать атаки врага, не пропускать его через дамбу. Я вернусь во взвод после обхода других подразделений!

Связные ушли выполнять мои распоряжения, а я двинулся по траншее на позиции третьего взвода, ожидая новых неприятностей. Предчувствия не обманули меня: беда не приходит одна. Меня встретил младший лейтенант с перевязанной грудью и левой рукой на перевязи.

– Зацепило осколками, – повел он глазами по бинтам Ранение несерьезное – кости не задело, в санбат пойду после боя. Раненых бойцов туда уже отправил, а их было 7 человек. Троиخ убило... Больше пострадало от мин, которые чаще снарядов попадали в траншеи и окопы. Мины накрыли и мой окоп. Хорошо, что успели лечь на дно. Отделались ранениями.

Я рассказал взводному об отражении атаки на дамбе, уничтожении танка и автоматчиков, гибели командира взвода и его помощника от мин. Рассказал о гибели замполита и телефониста. Сообщил, что послал связного в штаб батальона, жду нового командира роты, а пока принял командование на себя, не хотел оголять взводы, выполнил приказ замполита.

Мои действия младший лейтенант одобрил, заверив, что бойцы привыкли к своим взводным, верят им, привыкли выполнять команды, а командиры взводов знают каждого бойца. «А мы выполним ваши приказы, если конечно, будут они разумными. В случае чего – поможем!» – ободрял меня пожилой человек, как сына, взвалившего на себя тяжелую ношу.

Уже с Большим оптимизмом и уверенностью я шел во второй взвод, которым командовал бывалый вояка, старший сержант, недоброжелательно встретивший меня в первое посещение взвода.

Сейчас я был несколько озабочен его отношением к моему самовольному принятию командования ротой. Выполняйте, старшина, приказ! В случае чего можно и поменяться местами. Поэтому, продвигаясь, я критически осматривал его хозяйство. Окопы и траншеи второго взвода были

разрушены не меньше, чем в других взводах, но они сразу же исправлялись и выглядели вполне прилично. Маскировка окопов восстанавливалась постоянно: отвалы грунта – сеном люцерны, а боевые ячейки – стеблями камыша. Может быть, поэтому в окоп командира взвода и пулеметное гнездо до сих пор еще не попали мины.

У бойцов не было заметно страха ожидания атаки, раздражения непрерывных обстрелов. Да и вид взводного был бодрый, боевой, как будто свист снарядов, хлопанье мин, их взрывы не страшили его. Хорошо запрошенная гимнастерка указывала, что взводный не часто ложился на дно окопа.

– Здравия желаю, товарищ старшина! – съерничал он, завидя меня.

– Здравствуй, товарищ старший сержант! – ответил я в том же духе, с интересом оглядывая маскировку его окопа камышом, уложенным на жерди.

– Что, нравится? – спрашивает он с ехидцей.

– Разумное решение – уже серьезно ответил я, приседая под всхлип очередной мины. – Если бы послушались и лучше замаскировались, то потерь было бы меньше.

– А что, велики потери? – уже с тревогой поинтересовался взводный, присаживаясь рядом со мной.

Я рассказал ему о наших потерях во взводах, гибели замполита и телефониста, принятых мною решениях. Мое сообщение подействовало на него отрезвляюще, пропала его игривость.

– Какое невезение! Еще не воевали, а сколько потеряли людей! Обезглавлен взвод, рота, полк! Ты, старшина, правильное принял решение. Командуй ротой, пока не пришлют нового ротного. А сейчас другого поставить некого. Один младший лейтенант убит, другой ранен. Ты по званию оказался выше всех. Да и немцев знаешь, в боях с ними не раз бывал. Главное – поверь в свои силы, что ты в ответе за жизнь и благополучие всей роты, в ответе за исход боя, а для этого надо заранее предвидеть действие немцев и принять правильное решение. Мы тебе поможем – напутствовал меня взводный.

– Легко сказать «предвидеть действие немцев»! Я до сих пор не понимаю их сегодняшнюю тактику. Может, ты знаешь их намерения?

– Сам ломаю голову над этим, – отвечал в задумчивости мой собеседник. – После основательной бомбежки значительный перерыв, затем интенсивный артобстрел всех позиций полка; через некоторое время опять обстрел, перешедший в стрельбу по отдельным целям с введением в бой шестиствольных минометов. Подготовка к атаке? Так почему тогда он пытался атаковать только дамбу на левом фланге обороны. Разведка боем? Слишком пассивно. Мне кажется, что немец что-то ожидает, держит нас, не хочет, чтобы мы покидали окопы до определенного времени.

– Может быть и так, – согласился я с взводным. – Командир роты утром был на совещании в штабе полка по срочному отходу с занимаемых позиций, для занятия обороны за рекой. Это может быть невыгодно немцам, а силенок атаковать нас пока нет, вот он и держит нас, обстреливая позиции, ожидая подхода основных сил.

– Может ты и прав, старшина. Дай твою подзорную трубу, – протянул руку за винтовкой, – посмотрю, что видно на той стороне.

Через несколько минут он подозвал меня, сунул винтовку в руки, махнул рукой вперед.

На склоне долины я сначала ничего не заметил, а затем в одной из балочек, поросшей кустарником и деревьями, увидел резкие движения крон деревьев и кустарников, как будто они качались от вихря или же мчавшегося напролом крупного животного.

– Да это же немцы скрытно перебрасывают свою технику и солдат в пойму к камышам, чтобы скрытно проскочить ее по вашему броду. Готовься встречать гостей, товарищ старший сержант!

– Есть, товарищ комроты, достойно встретить немцев! – по стойке смирно, чеканя каждое слово, ответил взводный. Затем уже тише, извиняющимся голосом попросил:

– Товарищ старшина, прошу дать возможность эту операцию провести мне самому.

Я согласился с его просьбой и, чтобы бесцельно не маячить у него на глазах, направился в 3-й взвод – узнать ситуацию там.

Здесь, за камышовой стеной, в районе брода, слышался гомон людей и лязг железа. На этом участке немцы, видимо, тоже готовились форсировать заболоченную пойму. Кто первым пойдет: пехота или танки?

В зоне брода, впереди окопов, в замаскированных окопах разместились два бойца с гранатами и бутылками с горючей жидкостью для уничтожения танков. Раздали бутылки и другим бойцам, в случае, если танки прорвутся к окопам. Была надежда на противотанковую пушку, приданную роте. Хуже было с пехотой. Для её отражения были только винтовки и ручные гранаты. Пулемет 2-го взвода не мог поражать солдат на этом участке. Обсудив с взводным возможные варианты боя, я возвратился в ротный окоп.

Там уже ожидал меня связной 1-го взвода с сообщением, что сержант Грицай принял командование взводом. На дамбе пока все спокойно. Послал на ту сторону в разведку двух бойцов.

Сведения были скудные, не позволяли предугадать дальнейшие действия противника. Посоветоваться было не с кем. Оставался старший сержант, который мог кое-что подсказать, но и он просил не вмешиваться в его дела. Быть одному стало невмоготу. Только собрался пойти в 3-й взвод, как в окоп свалился запыхавшийся сержант Рогов, сообщив еще одну неприятную новость о серьезном ранении осколком мины командира батальона. Его заместитель, начальник его штаба, старший лейтенант одобрил мои действия, приказал командовать ротой до присылки нового командира, отражать атаки немцев, во что бы то ни стало продержаться до ночи.

Сообщил, что во второй и третьей ротах положение хуже нашего: больше потерь в живой силе, а на их участке, в зоне основной дороги через пойму, немцы концентрируют свои силы для форсирования реки.

Если это так, то почему они подтягивают технику и солдат к бродам? Отвлекающий маневр или поиски мест гарантированного форсирования? Своими мыслями я решил поделиться со старшим сержантом, узнать новые данные о противнике.

Отправив сержанта к командиру противотанковой пушки с сообщением о возможном форсировании поймы в районе бродов и узнать обстановку в 1-м взводе, а бойца – связника оставив в ротном окопе, я двинулся на правый фланг позиции роты, где по всем данным начнутся боевые действия.

В третьем взводе боец-разведчик докладывал, что он, сколько мог дальше пробрался вглубь брода, явственно слышал гул голосов, лязг железа

и шум ломаного камыша. Всплеска воды и шума моторов не слышал. Это немного успокоило: здесь, по всей вероятности, танков можно не ожидать.

В районе брода второго взвода ситуация была аналогичной, с некоторым добавлением: после моего ухода боец-истребитель танков, сидящий недалеко от брода, видел в протоке брода резиновую лодку и двух немцев в ней с длинными шестами. Не желая себя демаскировать, он не стал стрелять в них. Немцы, не доплыв до конца протоки, повернули назад.

Боец рассказал об этом командиру взвода, получил от него сгоряча выговор за упущенную возможность захватить «языка», а затем, подумав, объявил благодарность за выдержку.

Рассказывая все это и выслушав мои сообщения о концентрации сил в районе моста, старший сержант был уверен, что форсирование начнется одновременно на всех участках, в том числе и через наши броды.

К встрече немцев он готов. В отдельном окопе сидит боец-истребитель танков с гранатами и бутылками, установлен пулемет для уничтожения пехоты, бойцам раздали бутылки с горючей жидкостью, к воде послан боец-разведчик для наблюдения за болотом, шумом от всплесков воды.

Только сейчас я понял свою ошибку: не послал засаду в проран брода для поимки «языка» Ведь надо было раньше догадаться, что немцы, прежде чем форсировать реку и заросшую пойму, попытаются обследовать места переправы.

– Да, тут мы свалили дурака! – согласился со мной взводный. – Надо было послать на тот берег хотя бы разведчиков. Теперь уже поздно. Как говорят: поезд уже ушел, будем ждать появления немцев.

Долго ждать не пришлось. Вскоре наш наблюдатель спешно выбрался из воды, подал сигнал тревоги и бегом бросился к окопам взвода. Не успел он еще доложить о продвижении по броду техники немцев, как отчетливо послышался шум мотора, плеск воды и шум ломаемого камыша.

В проране показался танк, облепленный солдатами. По взмаху взводного закашлялся в лае наш «максим» С танка его пули смахнули автоматчиков, а металлическая махина, выскочив на сушу, тряхнула корпусом, как собака, освобождаясь от воды после купания, рванулась и двинулась в нашу сторону, изрыгая из своей утробы лавину пулеметного огня. За ним в обе стороны разбегались автоматчики, а в проране чернели резиновые лодки.

Видимо, танк тянул их за собой, а на берегу, крутанув корпусом, освободился от них. В проране больше никого не было. Это подбодрило нас: один танк и взвод немцев не такая уж большая сила. Главное – уничтожить танк.

Стреляя из своей снайперской винтовки по немцам, я наблюдал за окопом истребителя танков. Танк уже подползал к его окопу. Было видно, как из-за копыны высунулся боец, взмахнул рукой. Прогредел взрыв. Танк приостановился, развернул корпус, снова двинулся вперед, направляясь к копне, куда юркнул боец. За танком, прячась от пуль, бежали немецкие солдаты.

– Ах, черт! – выругался старший сержант – Рано бросил. Не выдержали нервы!

Поняв свою ошибку, боец, уже за копной, встал в полный рост, бросил в танк одну, а затем и вторую бутылки, повернулся лицом в нашу сторону, поднял руку вверх, как бы сообщая, что он сделал все, что мог и рухнул на землю, не видя, как на танке вспыхнул один, а потом второй факелы. Боец выполнил свой долг! Вражеский танк горел, но продолжал стрелять и двигаться к пулеметной точке.

Немецкие танкисты понимали опасность, исходящую от пулемета противника для их пехоты, поэтому стремились уничтожить его в первую очередь, а затем уже расправляться с другими объектами. Наши пулеметчики не обращали особого внимания на горящий танк, длинными очередями косили немецких автоматчиков, прижимая их к земле. Им помогали бойцы дружными залпами винтовок. Увлёкся стрельбой по движущейся цели и я. Оказывается, в снайперскую винтовку хорошо видна не только цель, но и результат стрельбы. Я только отсчитывал убитых: раз, два, три ... На какое-то время отвлекся от танка. Взводный не стрелял в немцев, он следил за ходом боя, не упуская из поля зрения танк. Он понял маневр танкистов, кинулся к пулеметной точке, крича на ходу:

– Пулемет на дно! Сами – ложись!

Пулеметчики, слишком увлеченные стрельбой, заметили горящую махину только в нескольких метрах от себя и еле успели нырнуть на дно окопа. Танк накрыл пулемет, проскочил окоп на несколько метров, развернулся на 180 градусов, чтобы еще раз проутюжить пулеметную точку.

Из опустевшей траншеи поднялась фигура взводного, высунулась и бросила в лоб танка бутылку с жидкостью, целясь в смотровую щель. В

этом уже не было необходимости. Танк не двигался, горел ярким пламенем, крышка люка открылась, и оттуда выскакивали горевшие танкисты.

Все это длилось считанные минуты. Молчал пулемет, ослаб и ружейный огонь. Немцы вскочили и бросились в атаку. Пришлось вмешаться, помочь взводному подать команду:

– По автоматчикам огонь, приготовить ручные гранаты!

Дружнее захлопали выстрелы, немцы снова залегли, а взводный поднимал присыпанных землей пулеметчиков, а затем уже совместными усилиями вытащили пулемет, поставили его на площадку. Он оказался вполне пригодным для стрельбы. Танк оседлал пулемет, днищем зацепил щиток пулемета, стащил его в окоп. Легко отделались и пулеметчики. Они просто не успели испугаться.

Разделаться с оставшейся горсткой автоматчиков не составляло труда. Напряжение боя стихло, и я поспешил в 3-й взвод, где тоже слышны были выстрелы и разрывы гранат.

Командир 3-го взвода знал мое местонахождение и при необходимости должен прислать ко мне связного. Пока никого не было, и я особенно не беспокоился, увлеченный отражением атаки во 2-м взводе.

Но, как оказалось, старший сержант был прав: Немцы начали форсировать и второй брод. Наблюдатели доложили о движении автоматчиков в резиновых лодках. Младший лейтенант приказал: без команды огня не открывать, дать возможность немцам выбраться из камыша, приблизиться ближе к окопам.

Автоматчики беспрепятственно высадились на берег, прячась в береговых зарослях, растянулись в шеренгу и скорым шагом стали подниматься по склону долины, стреляя из автоматов и пулеметов по нашим окопам, может быть, радуясь или удивляясь отсутствию ответного огня русских.

Командир взвода, видя только немецких автоматчиков без броневого сопровождения и слыша яростный бой у соседа, не стал меня беспокоить, решив справиться с взводом пехоты своими средствами.

Немцы тем временем, ободренные отсутствием сопротивления, ускорили свое движение. Прошли уже один ряд копен сена – половину расстояния, как дружный залп русских винтовок свалил десяток немцев. Остальные, сначала оторопев, рванулись вперед к окопам, поливая наших

ответным огнем. Залп следовал за залпом, сраженные немцы падали, а живые, крича, с раскрытыми ртами приближались все ближе и ближе.

– Ребята, бей немчуру! Бросай гранаты! – кричал взводный, подбадривая бойцов. Из окопов полетели ручные гранаты. Все меньше оставалось наступающих, но они все еще бежали по инерции.

– В штыки их, в штыки! – командовал младший лейтенант, но штыковая атака не потребовалась: добежавшие немцы пали от пуль у самых окопов. Атака была отбита. Взвод немцев уничтожен!

Младший лейтенант с удовольствием рассказывал мне о ходе боя, стойкости своих красноармейцев. Было ранено несколько бойцов.

Легкая победа радовала и меня, в то же время вызывала тревогу бессмысленность переправы немцев через броды. Так проводить разведку боем – абсурдность, инсценировать отвлекающий маневр – тем более. Здесь, что-то другое. А что – я не мог уразуметь.

На правом фланге нашей роты, в районе взорванного моста и дальше, вверх по реке, слышалась ружейно-пулеметная и артиллерийская стрельба. Там, видимо, шел жаркий бой, Мелькнула мысль: им нужна помощь; но тогда прислали бы связного с приказом. Обеспокоенный, я поспешил в ротный окоп, где сержант доложил, что из штаба батальона никаких сообщений не поступало, а подошедший боец-связник сообщил, что в 1-м взводе немцы усиленно обстреливают снарядами дамбу, искорежили пулемет, пытаются преодолеть русло реки в проране дамбы, но сержант Грицай отгоняет их ружейным огнем и ротными минометами. На душе стало легче: и на этом участке удержали немцев!

Отправил сержанта Рогова в штаб батальона с донесением об отражении атак немцев, потерях, боевом духе бойцов, а также и за указаниями о дальнейших действиях роты. Заодно попросил его найти хозвзвод, передать мой приказ накормить бойцов обедом, пока в нашей роте затишье.

Нервное напряжение спадало, но душевная тревога не уходила. Это было, по всей вероятности, от незнания общей обстановки, отсутствия полной информации. Сначала метался по окопу, прислушивался к шуму боя на правом фланге, осматривая в «подзорную трубу» горизонты боя, а затем направился к дамбе, чтобы уточнить ситуацию, подбодрить бойцов своим присутствием.

Самочувствие у них было не особенно боевое. Их тоже угнетали неопределенные действия противника. «Дразнят нас, как привязанных собак» – высказывались некоторые бойцы в разговоре.

После первой атаки, убедившись, что через дамбу техника не пройдет, немцы ограничились обстрелом наших боевых ячеек, попытались захватить дамбу группами пехоты под прикрытием артиллерийского и минометного огня. Сержант Грицай, сосредоточив здесь основные силы взвода, отразил эти попытки. Дважды заставлял он немцев возвращаться назад. При моем появлении начали готовиться к отражению новой атаки.

Пулеметная точка была уничтожена врагом, приходилось рассчитывать на винтовки, ротные минометы, гранаты и сорокапятку, которая оставалась еще на их позиции.

Мой рассказ о разгроме немцев на бродах поднял настроение бойцов. Видно было, что и у сержанта Грицай поднялось настроение, он уверился, что и его поредевший взвод не пропустит немцев через дамбу.

Довольный положением дел и на этом участке, я поспешил в ротный окоп. Навстречу уже бежал сержант Рогов с распоряжением: срочно направить взвод бойцов со станковым пулеметом и противотанковой пушкой в расположение 2-го батальона. Остальными силами держать оборону позиций роты, не покидать их до особого распоряжения.

Из рассказа сержанта я понял, что в районе обороны 2-го батальона идет ожесточенный бой, наши несут большие потери. – Начальник штаба остался доволен нашими действиями, поблагодарил вас, товарищ старшина, и бойцов роты за стойкость – с удовольствием, став по стойке смирно, выпалил сержант. – Приказал мне срочно привести взвод к нему.

Бойца-связиста я сразу же отослал к командиру орудия с распоряжением комбата о передислокации, а сам с сержантом направился формировать взвод поддержки.

Обрисовав младшему лейтенанту сложившуюся обстановку и приказ комбата, приказал отобрать наиболее боеспособное отделение красноармейцев для оказания помощи, остальных разделить поровну и сконцентрировать в зоне бродов для их обороны. На недоуменный возглас взводного успокоил его, что в связи с затишьем на участке нашей роты немцы, по всей вероятности, тоже перебрасывают свои силы в основной очаг прорыва. Тот

нехотя согласился, быстро отобрал отделение бойцов и приступил к расстановке своих поредевших сил.

Командир 2-го взвода сообщение и приказ выслушал спокойно, подал команду и спешно покинул свои позиции, пожав мне руку, произнес: – До встречи, старшина!

Чувствовалась боевая выучка и дисциплина старшего сержанта. Я лишился хорошего помощника и боевой единицы роты. Обстоятельства складывались критические. Оставалось держать рубеж ее обороны поредевшими силами роты.

Проследив за организацией обороны бродов, взяв с собой бойца-связного, я направился в ротный окоп, откуда намеревался руководить действиями роты. Там уже поджидал меня связной 1-го взвода, сообщив о выполнении задания о передислокации сорокапятки. Это была наша четвертая точка обороны ротного рубежа. Сколько же нас осталось в роте? По предварительным подсчетам выходило не больше взвода, т.е. пятая часть ротного состава. Если немцы возобновят свои атаки, трудно будет удержать их винтовочным огнем и гранатами, которых, к счастью, я догадался заранее выдать взводам в избытке.

С такими тревожными мыслями, в ожидании очередных атак немцев, сидел я на командном пункте роты, прислушиваясь к шуму боя на правом фланге, всматриваясь в окуляры снайперки и ожидая распоряжений комбата. Но донесений не поступало. Результаты боя мне также не были известны.

Чтобы уточнить обстановку на нашем участке, послал связных в первый и третий взводы с указанием разведать обстановку на бродах и дамбе. Через полчаса те доложили, что разведка была выслана заранее: На той стороне тишина, не слышно ни шума машин, ни гама людей. Это меня несколько успокоило. Нервное напряжение немного спало. Сентябрьское солнце приятно пригревало. Тело требовало отдыха. Клонило ко сну. Глаза сами собой слипались.

– Товарищ старшина, вы поспите. В случае чего мы разбудим – предложил один из связных.

Предложение было приятное и, пожалуй, разумное. Надо хоть несколько минут подремать, восстановить силы. Запахнув шинель, я присел

в окопе, и сразу же погрузился в сон. Не знаю, сколько был в таком состоянии, но от возгласа: «Товарищ старшина! Товарищ старшина!» и тряски за плечо, сразу же вскочил на ноги.

– Посмотрите туда, – указал связной в сторону правого фланга, подавая мне снайперку.

Сначала я ничего не мог рассмотреть, а затем заметил на нашей стороне танки, которые двигались в сторону села. «Немцы форсировали реку, прорвали оборону полка» – мелькнула мысль. Чтобы уточнить обстановку послал связного в 3-й взвод. Через некоторое время он вернулся, растерянно доложил:

Младший лейтенант говорит, что по основной дороге немцы прорвались в наш тыл, смяли второй батальон, ворвались в село. Просит ваших указаний.

Какие указания я мог дать взводному, не зная истинной обстановки, не имея указаний своего начальства. Этого же связного послал в штаб батальона, узнать обстановку и получить указания. Посетовал, что мой связной сержант Рогов до сих пор не появился в роте.

Время шло, а связных не было. Прибежал боец из 3-го взвода. Младший лейтенант просил указаний и приказа на отход, так как немцы уже пленили 2-й батальон, вышли на восточную окраину села. В случае промедления мы окажемся в окружении. Ох, это проклятое слово! Оно вызывает страх даже у стойких бойцов, а у наших необстрелянных – тем более. Я ждал посланного связного с приказом покинуть позиции. Но его не было. Отдать свой приказ, не зная обстановки, я не мог. Что делать? Подвергать пленению своих бойцов было еще хуже! Ведь они не трусы, достойно отражали атаки врага, не покидают позиции, видя возможность окружения. Идти на прорыв такими силами, разбросанными на широком участке обороны роты, тоже было безрассудно.

Связные, в ожидании моего приказа, смотрели на меня с надеждой на разумный приказ. Что же предпринять? И я решился:

– Приказываю организованно покинуть свои позиции. Отходить на правую околицу села, к дамбе, где ожидать меня!

Связников как ветром сдуло. Я видел, как бойцы 3-го взвода бежали к колхозному саду в сторону дамбы. Было их не больше десятка. Такое же

количество бойцов 1-го взвода бежало вдоль дамбы. Один я стоял в ротном окопе, выжидая время, чтобы последовать их примеру. Вспомнились слова: «Капитан покидает тонущий корабль последним». А почему? Наверное, чтобы уменьшить свою ответственность за случившееся. Мысль эта промелькнула мгновенно. Застегнув шинель, прихватив, снайперскую винтовку и запас патронов к ней, спокойно вылез из окопа и побежал к месту сбора. Почему-то вспомнился кадр из кинофильма «Чапаев», где на рисунке белогвардейцев были нарисованы чапаевцы и надпись: «Красные чапаевцы бегут как зайцы». Уж очень похоже на их рисунок бежал и я, широко выкидывая ноги. В душе была обида и злость. Хотелось выть и плакать, но страх пленения гнал меня вперед, в неизвестное. Бежал, не различая ничего вокруг.

Возглас: «Товарищ старшина!» становил меня.

Навстречу мне бежал сержант Рогов с пятью бойцами.

– Туда нельзя! Там немцы! Они заняли село и вылавливают наших бойцов, мы еле оторвались от них, выпалил он все это одним духом. – Нужно искать другой путь отхода, – добавил уже более спокойно. Я присоединился к ним, и мы потрусили обратно к нашим окопам. Там он мне рассказал о конце боя нашего полка, увиденного самим и услышанного от начальства.

Немцы первоначально прощупывали наши силы по всей обороне полка, готовя удар по основной дороге. Но стойкость наших бойцов заставила их задержать наступление. Основной танковый удар немцы нанесли в стыке нашего полка и 1002 стрелкового полка нашей дивизии, где нашей обороны фактически и не было. Соседний полк на некоторое время задержал их продвижение, поэтому на нашем участке противник только беспокоил нас, опасаясь, что наш полк присоединится к соседнему полку и преградит движение танковой группировки к мосту через реку Удой, который для них был особенно важен. Дождавшись, пока танковая группировка вырвется на простор, немцы стали атаковать наши позиции, направив основные силы по дороге на село.

Мы, может быть, и задержали бы их до вечера, если бы у нас в тылу не появились немецкие танки. Третий батальон был ими смят с ходу, а второй долго сражался. Хорошо, что наша рота отбила атаки врага, не позволила немцам форсировать реку на левом фланге. В помощь 2-му батальону были брошены силы нашего батальона. Особенно отличился наш 2-й взвод,

стойко держал свои позиции. Старший сержант, командир взвода, поджег один танк, погибнув при этом. Но силы были неравны. Командование отдало приказ на отход.

– Начальника штаба нашего батальона я разыскал в селе, в штабе полка, когда они грузились на наши повозки. Он приказал мне добратся до вас с распоряжением об отходе. По пути сюда встретил наших бойцов, уговорил их вернуться, доложить вам об отходе и поискать новые пути спасения.

Легко сказать: «новые пути», а где они? На ту сторону, занятую немцами? В заболоченное устье реки без плавсредств? Стоп! Я вспомнил, что немцы форсировали наши броды на резиновых лодках. Почему не использовать их! Надежда, что они еще целы, взбодрила меня.

– Ребята пошли за мной! – повел свою группу ко второму броду.

Те в недоумении бежали за мной. На счастье резиновые лодки оказались в полном порядке, даже с длинными шестами.

– Товарищ сержант, берите два бойца, подберите две лодки, по броду доберетесь до основного русла, а по нему доплывете до дамбы. Надеюсь, там уже немцев нет. Но осторожность соблюдайте. Я пройду по окопам 1-го взвода. Может быть там еще остался кто-нибудь. Заодно подберем саперные лопатки, которые пригодятся нам для гребли. Со мной пойдет один боец, а самый молодой и быстрый вернется назад на околицу села, у дамбы, где меня должны ждать наши бойцы. С ними он вернется к прорану, где мы будем их ждать. Через час там встретимся, сядем в лодки и спустимся к реке Удай. Это, пожалуй, единственный шанс нашего спасения.

Идея понравилась всем, и каждый занялся своим делом.

В окопах 1-го взвода было пусто, валялись только стреляные гильзы да бытовой солдатский мусор. В окопе взводного сидели и мирно беседовали сержант Грицай и пятеро бойцов. По траншее мы продвигались настороженно, поэтому наш приход был неожиданным.

Первым вскочил Грицай, за ним нехотя поднялись остальные. Это меня насторожило. Чтобы уяснить обстановку, я строго спросил взводного, молча стоявшего передо мной:

– Почему не выполнили моего приказа об отходе? Грицай молчал, по-видимому, не находя слов оправдания.

– Куда отходить, старшина? Мы уже пробежали почти всю Украину. Скоро добежим до Московии – резко, нехотя глядя мне в глаза, выпалил с сильным украинским акцентом пожилой боец. Затем, посмотрев на своих товарищей, ища у них одобрения, более спокойно продолжал, – в плен мы не пойдем. Ночью перейдем на ту сторону и будем пробираться по домам. Поживем и при немцах. Не звери же они – культурная нация. Все так думают? – спросил.

Двое, стоявшие рядом с говорившим, мотнули головами, остальные стояли молча.

Это уже походило на дезертирство, пахло трибуналом за измену родине. Принимать меры силового воздействия было опасно. Нас было только двое. Не знал я мнения и моего бойца, поэтому более спокойно предложил:

– Хорошо! Обсудим этот вопрос детально.

Мое согласие сняло напряжение. Бойцы заулыбались, снова уселись на свои места, а я выгадывал время. Ждал подхода отошедших бойцов и сержанта с лодками. До их прихода надо было разведать обстановку за прораном, поэтому я уже мирно предложил:

– Терять время нечего. В селе идет бой. Немцы могут нагрянуть и сюда. Нужно разведать обстановку на противоположном склоне, чтобы и остальным перебраться туда. Вот вы трое, – обратился я к говорившему и его единомышленникам, – сейчас переберетесь на ту сторону, разведаете обстановку, пути перехода и доложите мне.

– Будет исполнено, старшина! – поглядев на своих товарищей, согласился дезертир.

– Давай, Охрименко, разведай немцев. Только осторожно, чтобы нам пройти без перестрелки, – подкрепил мой приказ Грицай.

Я и Грицай пошли проводить «разведчиков». В том, что они уйдут по домам, сомнения не было, также я был уверен в выполнении ими задания. Меня беспокоило, как бы они не заметили сержанта Рогова и лодок. Все прошло благополучно. На той стороне было тихо.

Я и Грицай пошли проводить «разведчиков». «Разведчики» разделись, перебрались через протоку и скрылись за перевернутым немецким танком.

Я остался наблюдать за той стороной, а Грицай послал за оставшейся группой. На немецком берегу было тихо, а в русле реки слышались всплески воды.

– Сержант, плыви сюда! – тихо подал я знак.

Из камышей на чистую воду выплыли лодки. Увидев меня, Рогов направил плавсредство в проран, миновал его и на другой стороне спрятал лодку в камышах.

Вскоре вернулся Грицай с пятнадцатью бойцами. На месте встречи меня ожидало с десятков бойцов 1-го взвода. Ни младшего лейтенанта, ни его бойцов среди них не было. Их судьба была мне неизвестна.

Грицай был удивлен и обрадован возвращением своих бойцов, возможностью спасения от плена и шансом избежать вынужденной измене присяге. От наших «разведчиков» не было известий, тихо было и на той стороне. Спокойно погрузились в лодки и по многочисленным протокам поплыли по заболоченному устью этой злополучной речушки подальше от места нашего последнего боя.

После долгого блуждания по протокам мы уже к обеду следующего дня вырвались на водный простор реки Удой. Причаливать к левому берегу реки не спешили, стремясь уйти как можно дальше вниз по реке. К вечеру у небольшого села причалили к берегу. Нас было 19 бойцов 1-й роты 1001 полка. Естественно, я остался командиром этой группы. Меня почему-то стали называть командиром роты. Это мне льстило.

В ОКРУЖЕНИИ

В селе, куда мы в конце концов прибыли, царил хаос. Жителей напугало нашествие беженцев, разрозненных групп красноармейцев, движущихся на восток. Вся эта масса людей, повозок двигалась с севера и запада. Местные плавсредства не обеспечивали переправу отступающих через реку. Буквально – шла битва за каждую лодку, плот.

Прибытие нашей группы на резиновых лодках, доселе невиданных здесь, удивило и насторожило местное начальство, так как много было слухов о стремительном приближении врага, диверсантов, переодетых в красноармейскую форму.

А из начальства здесь было всего два человека – председатель сельсовета, пожилая женщина и пожилой участковый милиционер. К ним мы с Грицаем и явились, объяснив, кто мы и куда движемся. С недоверием слушало нас начальство, дважды смотрело наши документы. Они слышали от беженцев о боях севернее их села, но не знали номеров нашего полка и дивизии. Смущали их и резиновые лодки, явно не нашего производства. Когда Грицай живописно рассказал об их появлении в нашей роте и использовании при отходе, начальство признало нас советскими бойцами и сообщило, что в их селе нет военной комендатуры, поэтому посоветовали нам идти в районный центр, где можно получить более точную информацию. Или там нас определят в другую воинскую часть.

Председательша предложила до райцентра идти пешком, а ей оставить резиновые лодки. Она даст соответствующую расписку. Ее расписка для нас была бесполезна. Договорились, что за военное имущество она накормит нас, даст возможность в их селе сутки отдохнуть, помыться, побриться и привести себя в порядок. Обещание свое руководство советской власти выполнило: организовало отличную баню, ночлег, питание.

Предложение двигаться в районный центр, в комендатуру моим товарищам не понравилось. Ни у кого не было желания попасть в другую часть. Все желали найти остатки своего полка, так как были уверены, что наши части вместе со штабом сумели вырваться из села и отошли севернее места нашего причала. Я вспомнил рассказ лейтенанта Лиманцева о предполагаемом движении полка до города Лохвицы. Туда должны двигаться остатки нашего полка и дивизии. В этом направлении решили пробираться и мы.

Отдохнувшие, чистые, подтянутые, с личным оружием и боеприпасами, а также с запасом продуктов наша группа четким шагом прошла по улице села, мимо сельсовета, куда я забежал, чтобы поблагодарить председательшу за заботу, попросил сообщить всем, кто будет интересоваться нашим полком или дивизией, что наша рота движется в район Лохвицы.

Сержант Грицай командовал взводом, как мы называли нашу группу. Я и сержант Рогов выполняли функции командования роты.

Шли по проселочным дорогам, быстренько проскакивали открытые места, не желая стать объектом атаки немецких самолетов, которые днем охотились за толпами беженцев и военными колоннами. В основном мы

двигались ночью, днем отдыхая и отсыпаясь в рощах и перелесках. Но как мы ни спешили, продвигались все же медленно, выискивая наиболее удобные и безопасные пути движения.

На третий или четвертый день движения в широкой лесополосе нас остановил капитан-пограничник с двумя красноармейцами с такими же зелеными петлицами. Узнал, кто мы, приказал занять оборону вдоль лесополосы, охранять поляну, на которой стоял самолет «кукурузник», до его особого распоряжения. На мои вопросы резко ответил:

– После отлета самолета поступите в мое распоряжение! Выполняйте, старшина, приказ!

Его командирский тон и фуражка с зеленым околышем отбили у меня охоту к дальнейшей полемике.

Увидев подъехавшие легковую машину и полуторку с охраной, капитан побежал к самолету, лопасти которого уже завертелись. Видимо, начальство поспешно улетало.

Из грузовой машины выскочили бойцы охраны, а из легковушки вылезли три человека в плащах и военных фуражках командного состава. Двое были высокие, третий ниже ростом, плотный, с усами. «Наверное, большое начальство?» – подумал я, снял чехол со своей оптики, взгляделся. Человек с усами показался мне знакомым: очень был похож на Буденного, но разглядеть его мне не удалось, так как его заслоняли его спутники, и я видел только спину усатого. Троица дошла до самолета, коренастый попрощался со своими товарищами, быстренько залез в самолет, который сразу же взревел мотором, побежал по лужайке, оторвался от земли, взмыл вверх и скрылся за дальней лесополосой.

Оставшееся начальство село в машину, охрана заняла свои места, и кавалькада удалилась с лужайки. Прибежал пограничник, приказал снять охрану и явиться к капитану.

Грицай поднял взвод, и повел на лужайку, где недавно стоял самолет, а сейчас на бревне сидел капитан. Взвод остановился перед ним. Чекая шаг, я подошел к нему и четко доложил:

– Товарищ капитан! Первый взвод 1-й роты, 1-го батальона, 1001 полка по вашему распоряжению прибыл! Исполняющий обязанности командира роты старшина Яковлев!

Капитан поднялся, направился к взводу и только тогда Грицай подал команду:

– Взвод, смирно!

Капитан удивленно взметнул брови, посмотрел на меня, затем на сержанта, хмыкнул, осмотрел заправку бойцов, встал по стойке смирно, отчеканил:

– Здравствуйте, товарищи красноармейцы!

– Здравия желаем, товарищ капитан! – дружно ответил взвод.

Вид бойцов, слаженный ответ, явно понравились капитану. Уже более доброжелательно произнес:

– Вольно! Можете пока отдыхать.

Грицай отвел взвод в сторону, усадил на отдых.

– Хорошие бойцы, товарищ старшина. Не похожи на беглецов. Но в наше время надо быть бдительным. Много беглецов и диверсантов бродят – усаживаясь на бревне и показав мне место рядом с собой, уже человеческим тоном проговорил пограничник. – Покажи свои документы и расскажи подробнее о роте, полке, дивизии, о последнем бое.

Что знал, чему был свидетелем, рассказал капитану, упомянул о моем приказе на отход, немецких лодках и движении на соединение с полком в район Лохвиц. Капитан слушал внимательно, а затем на удивление открыто и просто сказал мне о сложившейся обстановке:

– Черт его знает, где ваша дивизия и, тем более – полк.

Штаб Юго-Западного фронта давно потерял управление войсками. Не знает, где и в каком состоянии находятся его армии и дивизии. Все отходят на новые рубежи, а точнее – бегут из окружения. Пока вы сидели на своей речушке, немец двинулся из Ромны на юг к Лохвицам и на запад к Прилукам, преграждая путь к отступлению наших войск на восток и разрезая наши соединения на части. Ваш полк и дивизия, по всей вероятности, и были отрезаны от отступающих дивизий 5-й армии. Я слышал о боях на реке Удай. Если это бой вела ваша дивизия, то она, в какой-то мере, задержала силы немцев на двое суток. Но эти сутки не дали пользы войскам Юго-Западного фронта. Отход войск на Левобережье слишком запоздал. Отводить войска надо было раньше, да и передислокацию штаба фронта тоже не стоило затягивать, ждать, когда группировка армий «Центр» и «Юг» со-

единятся и отрежут все войска Юго-Западного фронта. А все идет к этому. Этот «мешок» уже обозначился. Осталась горловина в районе Лохвицы, куда и устремились штабы Юго-Западного фронта и 5-й армии, а может быть и вашего полка и дивизии. Как видишь, ситуация сложилась критическая. Будем и мы двигаться в этом направлении. Может быть, удастся вырваться через эту горловину. Я беру твой взвод в свою группу по охране колонны штаба Юго-Западного фронта, отходящего на новое место дислокации.

Взвод разделите на два отделения. Вас назначаю командиром взвода, а ваших сержантов – командирами отделений. Дам вам и политработника. Строй свой взвод и присоединяйся к моим орлам!

Я вскочил, откозырял: – Есть, товарищ капитан, присоединиться к вашим орлам!

Своим я объяснил сложившуюся обстановку, опустив трагические моменты, обрисованные капитаном. Сказал, что группа капитана Иванова охраняет одну из колонн штаба Юго-Западного фронта,двигающуюся на новое место через Лохвицы, куда лежит и наш путь. Капитан берет наш взвод в свою группу. Я дал согласие. Это сообщение не все восприняли с восторгом, но приказ надо выполнять. Теперь мы были не просто группа отступающих бойцов, а воинское подразделение.

Подошли с десятков пограничников, видимо, охранявших отлет самолета, и капитан ускоренным шагом повел нас вслед уехавшим машинам, на юг.

Часа через два хода в небольшом лесочке мы увидели укрытые в зарослях автобусы, грузовые машины, полевую кухню и пару грузовиков со спаренными зенитными пулеметами. Возле них ходило и сидело военное начальство, женщины в военной форме и в гражданской одежде. Как потом выяснилось, это был бивак последнего эшелона штаба Юго-Западного фронта, покинувшего Киев и перебазировавшегося на новое место. Это были хозяйственные подразделения штаба, родные высоких начальников.

Главное командование штаба фронта с усиленной охраной было далеко впереди. За ними на некотором расстоянии двигались основные службы, а эта – третья, двигалась последней.

В лесочке остановились на отдых, чтобы дождаться вечера и ночью продолжить путь, так как двигаться такой колонной днем даже по просе-

лочным дорогам было опасно: немецкие, самолеты господствовали в воздухе, уничтожали движущиеся советские войска.

Группа пограничников капитана Иванова в числе других подразделений охраняла продвижение этой колонны. Капитан по прибытию к группе, построил своих «орлов» напротив нашего строя и представил нас:

Это взвод старшины Яковлева из донецких шахтеров. Недавно были в бою. Присягу не нарушили. Двигутся на соединение со своим полком. Я взял их в свою группу. Вместе будем исполнять свой долг по охране колонны, – затем обратился к одному из пограничников – Сержант Сидоров, вас, как члена партии, назначаю в этот взвод замполитом. Будете помогать старшине.

Сидоров вышел из строя, отрапортовал: – Есть осуществлять политическое руководство взводом, товарищ капитан! – встал рядом со мной.

– А сейчас, замполит Сидоров, накормить своих бойцов! – приказал капитан, давая понять, что отныне мы стали равноправной частью его группы.

К вечеру колонна двинулась в путь. Группа капитана Иванова шла в боковом дозоре, охраняя колонну слева от внезапного нападения врага. Впереди группы шла разведка, за ней двигался основной состав группы, а левее ее, на небольшом удалении, двигалось охранение нашей группы. Судя по этому, штабная колонна охранялась со всеми предосторожностями от внезапного нападения немцев. Такая же группа была и справа колонны, а замыкали ее арьергардные подразделения. В последние дни по обе стороны движения все чаще слышались отголоски боев наших частей с противником. Поэтому шли осторожно.

Так двигались мы двое суток. Путь был тяжелый, так как группе приходилось часто идти по бездорожью, продирались через заросли, переправлялись через речушки и не отставать от колонны машин. Мы шли в сторону Лохвиц. За это время несколько раз немецкие самолеты пролетали над колонной, но, к счастью, в период отдыха, когда техника была укрыта.

Самолеты противника изматывали нервы: ежеминутно они могли появиться, атаковать колонну машин, поэтому приходилось быть начеку, чтобы успеть спрятаться от воздушных пиратов. Днем больше отсиживались в укрытиях, двигались ночью.

Особенно тяжелым переход был ночью на третий день нашего пребывания в группе капитана. Всю ночь шел дождь, гремел гром, сверкали молнии, напоминая артиллерийское сражение под ливнем холодной воды. Через час мы были все мокрые, так как колонна продолжала движение, а мы вынуждены были ее сопровождать пешим порядком. Третий день для моего взвода начинался с неприятностей: во-первых из-за того, что приходилось пробираться по бездорожью под ледяным дождем, а во-вторых из-за допущенной нами глупости. На пути мы набрали на пасеку, то ли частную, то ли колхозную. Возле нее никого не было. На ходу, в спешке бойцы разбили несколько ульев, вытащили соты, лакомились медом, забыв, что любое преступление наказуемо. Пчелы, подобно советским людям, защищали свой дом, свой труд, жая грабителей. Бойцы дали и мне половину соты и я начал высасывать из них чудесное лакомство. Блаженство внезапно сменилось острой болью в языке и на лбу. Одна пчела вонзила свое жало мне в язык, погибнув при этом, а вторая оставила свое оружие в моем лбу. В сторону полетели соты и я схватился за лоб, где уже выростала шишка. Хотел предупредить бойцов, но рот был заполнен вздувшимся языком. Почти все любители меда вкусили ядовитых жал обозленных пчел. Так мы, маясь от боли, двигались до остановки колонны на дневной бивак.

Утро выдалось ясным, солнечным, как будто ночью не было ни дождя, ни туч, ни грома. На небе ни облачка, солнышко светит и греет. Бойцы, развесив на кустах свою одежду, грелись под ее лучами, уплетая солдатский завтрак. Мне же он не лез в горло: оно было еще закрыто распухшим языком. Не уменьшалась шишка и на лбу. Видимо, мой вид и вид моих бойцов был не особенно симпатичным. Капитан Иванов, впервые увидев наши физиономии, хохотал, а сейчас ухмыляется; приговаривая:

– Такая участь постигнет любого агрессора!

Еще не успели доесть завтрак, как раздалось несколько возгласов наблюдателей: – Воздух! Самолеты противника слева! Бойцы кинулись подбирать одежду с кустов, прятаться под кроны деревьев.

Звено немецких самолетов пролетело над укрывшейся колонной, повернуло на 90 градусов и полетело по курсу нашего движения. Через некоторое время на востоке загудели взрывы бомб, а затем послышался и гул разрывов артиллерийских снарядов. Капитан Иванов насторожился.

Разрыв бомб объясним: сбросили немцы на обнаруженную колонну или на скопление людей, а вот разрыв снарядов – загадка! Впереди немцев пока не было видно. А гул разрывов снарядов не утихал. Забегало начальство и в колонне. Побежал туда и капитан.

Вернулся он только к обеду, сообщил, что начальство колонны также было в недоумении от артиллерийской стрельбы. Послали вперед мотоциклиста уточнить создавшуюся обстановку. Он привез неутешительную весть: Оказывается еще вчера, 15 сентября дивизии 1-й танковой группы противника за трое суток с плацдарма у Кременчуга, не встречая сопротивления советских войск, дошли до Лохвиц и соединились с войсками 2-й танковой группы, завершив окружение армий Юго-Западного фронта. И уже приступили к расчленению дезорганизованных, потерявших управление подразделений советских войск.

Сегодняшний день был началом активной операции немцев. Удару подверглись отряды, охраняющие первые колонны отступающего штаба Юго-Западного фронта.

Нашей колонне приказано частями пробиваться через немецкие заставы к месту назначения.

Сейчас идет перегруппировка колонны. Одну из ее частей нам придется выводить из окружения и самим выбираться из котла. К вечеру нам сообщат, какую группу мы будем охранять, а также наш маршрут движения.

После обеда капитан снова ушел к руководству колонны, чтобы посмотреть на дележку и определить более надежную группу, с которой легче будет прорываться из окружения. Организация групп шла бурно: делили транспортные средства, вооружение, охранные отряды. Каждый высокий начальник стремился лучше оснастить свою группу, получить более боееспособный отряд охранения.

Бойцов капитана Иванова определили к хозяйственной группе колонны, состоящей из служб интендантского обеспечения, не подготовленных к боевым действиям – в большинстве женщин-телефонисток, секретарш, жен и родственников начальников этого рода служб. Соответственно их значению и выделили транспортные средства, вооружение. Чтобы успокоить интендантов, выделили им две полторки с зенитными пулеметами, пол десятка большегрузных автобусов, полевую кухню и пару грузовиков.

Протесты капитана были безуспешны. Он был вынужден подчиниться приказу вышестоящего начальства и принять всю ответственность за выход этой группы на себя. Маршрут выхода из окружения каждая группа определяла самостоятельно.

Вечером наша «группа капитана Иванова» (такое наименование дали ей) собралась в одном из автобусов в составе штабистов более высокого ранга и командиров отряда для выработки дальнейших действий и маршрута движения. Присутствовал на этом совещании и я. Совещание вел капитан.

Учитывая, что Лохвицы заняты противником, а севернее его сосредоточены более мощные силы 2-й танковой группы немцев, а южнее – силы 1-й группы значительно слабее и , разрознены, по предложению капитана решили двигаться в юго-восточном направлении, пересечь автотрассу Пирятин-Лохвицы, форсировать реку Сулу и вырваться из кольца окружения.

Вечером группы колонны двинулись по выбранным маршрутам. Двинулась и наша группа. Первая ночь прошла спокойно. Впереди, на некотором удалении, двигалось отделение разведки пограничников, на флангах – парные наблюдатели, тоже из пограничников. Наш взвод замыкал колонну группы. На своем пути встречали группы и даже колонны красноармейцев, толпы беженцев, стремящихся вырваться из окружения, просочиться через немецкие заслоны. Никто их не объединял, не руководил движением. Справа и слева виднелось зарево пожаров, гул разрывов снарядов – там шли бои наших разрозненных войск с противником. Все войска были в непрерывном движении: наши двигались на восток, немцы – преграждали путь отхода, окружали, уничтожали. Мы двигались на юго-восток, прямой дороги для нас не было. Часто приходилось двигаться и на север и на юг, поэтому за ночь проходили не больше 20 км. Тяжелые автобусы были обузой на бездорожье. Часто приходилось всем вытаскивать их руками на ровное место. На другой же день выявился дефицит бензина. Пришлось бросить два автобуса и малоценное барахло, а пассажирам пополнить отряд пешеходов.

Еще через день сожгли два автобуса и грузовик. Бензин экономили, берегли в запасе для полуторок с зенитными пулеметами и грузовика, нагруженного продуктами и крайне необходимыми вещами. Последний маленький автобус служил походным лазаретом и отдыхом уставших и обезноженных пешеходов. Особенно трудно было с женщинами, не привык-

шими к длительным переходам. Кое-кого из них пришлось оставить в населенных пунктах, а кое-кто сам покидал наш отряд. Группой по-прежнему командовал капитан Иванов. Все мужчины, невзирая на должности и ранги, сгруппированы в отделения, в стрелковый взвод под командой сержантов-пограничников. Наша группа уменьшилась, стала мобильней.

Чем дальше мы продвигались на восток, тем явственнее чувствовалась боевая обстановка, возможность встречи с вражескими отрядами заграждения. Шли осторожно, выдвигали вперед группы двойной разведки: дальней из трех человек, ближней в составе отделения. Дальняя разведка двигалась примерно в километре от колонны по намеченному маршруту, за ней посредине шло отделение бойцов, готовых при внезапности принять бой или предупредить группу об опасности.

При подходе к автострате Пирятин-Лохвицы разведка донесла о биваке немецкого подразделения на лесной дороге, по которой мы двигались. Эта дорога упиралась в автостраду, а за ней продолжалась в таком же лесном массиве и была удобна для нашего движения. Обойти немцев стороной мешали лесные заросли. Возвращаться назад в поисках другой дороги – терять много времени. Оставалось идти напролом, пробиваться боем.

Капитан решил сам осмотреть место размещения противника, чтобы принять окончательное решение.

Лес подступал к автодороге почти вплотную. Там, где в нее упирается лесная дорога, была поляна площадью с гектар. Подразделение автоматчиков, двигавшееся в сторону Пирятина, по всей вероятности, соблазнилось привлекательной лужайкой, остановилось на ночлег. Видимо, эти немцы еще не были в переделках или были слишком самоуверенны, ибо, плотно поужинав, беспечно разлеглись на сочной траве поляны, подложив под головы свои ранцы из телячьей кожи, укрывшись серо-зелеными шинелями, поставив посты охранения только со стороны лесной дороги.

После рекогносцировки, капитан приказал заправить автомашины остатками бензина, собрать все ручные гранаты, раздать их лучшим гранатометчикам, разместив их на полуторках вместе со стрелками. Разведчикам поручил тихо снять немецких часовых, а водителям и бойцам без шума подогнать автомашины к поляне. По сигналу капитана, первыми на

нее должны выскочить полуторки с пулеметами, подавшись одна вправо, другая – влево, освобождая дорогу для автобуса и грузовика, которые, не мешкая должны занять освободившиеся места. Одновременно, по сигналу, включить дальний свет фар, осветить поляну и открыть по ней огонь из всех видов оружия, забросать гранатами технику, скопление немцев. По возможности стараться забрасывать гранаты до кромки леса, отсечь немцев от леса. С открытием огня всем кричать во все горло «Ура!», Бей фашистскую сволочь! и что взбредет на ум. Главное, создать больше шума, грохота, ошеломить сонных немцев. С боем проскочить поляну, автотрассу, углубиться в лес. Таков был замысел капитана.

Было за полночь, когда особенно приятно спать, видятся радужные сны. Спали немецкие солдаты, клевали носами охрана, не слышала подползавших к ним разведчиков-пограничников, подбехавших к поляне автомашин.

Операция прошла по сценарию капитана Иванова. По сигналу полуторки вкатились на поляну, за ними последовали остальные машины, осветили спящих немцев, открыли огонь из пулеметов по придорожной части поляны, отрезая путь немцам к автостраде, а гранатометчики забрасывали гранатами близлежащие цели, отрезая солдат от леса, направляя их в центр поляны, где их расстреливали из винтовок бойцы.

Немцы, оглушенные стрельбой, разрывами гранат, ослепленные светом автомобильных фар, напуганные криками, метались по поляне, попадали под пули пулеметов и винтовок, падали, покрывая трупами поляну. Пулеметы беспрерывно поливали поляну свинцом, поражали все живое на ней. Это длилось несколько минут, затем машины двинулись вперед, не прекращая стрельбы, не разбирая дороги, по трупам, телам раненых немцев. Хруст костей, крики раненых слились со стрельбой, разрывами гранат, победными криками наших бойцов в сатанинскую какофонию.

Тогда меня особенного поразили хруст человеческих костей, ломаемых колесами наших машин, кровавые колеи, оставляемые на трупах убитых и раненых немцев. При воспоминании об этом бое через много десятков лет меня передергивает. Тогда никто не смотрел под колеса, была одна мысль, одно стремление – больше убить врагов, вырваться из окружения, поэтому ни патронов, ни гранат не жалели, о гуманизме не думали.

Автодорогу проскочили благополучно. К счастью, в это предугрэннее время она была пустынна. Удалившись метров на сто от нее, проверили личный состав, технику. Никто из наших не убит и не ранен. В автобусе оба ската передних колес были измочалены; где-то на поляне были проколоты, через автостраду до полной остановки автобус двигался на дисках. Запасных колес не было, автобус пришлось оставить, уплотнить бортовые машины до предела, двигаться по лесной дороге вперед, подальше от страшной поляны.

Хотя бой был скоротечный и без потерь, лица бойцов не выражали радости – обычного состояния после боя. И моих бойцов, и пограничников что-то тяготило. Только не совесть! Мы спасали свои жизни от агрессора на своей земле. Может быть, жестокость боя? Но у нас другого выхода не было. Логически, мы были правы, но что-то омрачало радость победы у рядовых бойцов. Зато начальники-интенданты восторгались оригинальным решением капитана, его смелостью, быстротой выполнения операции по прорыву одного из заслонов, забыв о его бойцах, сумевших беспрекословно выполнить это решение, устроить для немцев мясорубку, не в пример им, начальникам, «пукающим» из своих пистолетов.

Машины, набитые людьми, хотя и медленно, но двигались вперед по лесной дороге. Ехали без разведки, наобум. Уже рассвело, солнце озолотило верхушки деревьев, проникло своими лучами в лесные дебри. Наше возбужденное состояние постепенно спадало, а чувство тревоги увеличивалось. Капитан вел колонну без остановки. Лес стал редеть, появилось больше полян, лужаек.

В конце одной из полян нас остановил наш патруль: трое бойцов и полковник с красными повязками на рукавах шинелей. Держались они уверенно. Не испугал их даже направленный на них зенитный пулемет.

Капитан нехотя вылез из кабины полуторки, подошел к полковнику, обменялись приветствиями, показали друг другу документы, отошли в сторону от красноармейцев, долго разговаривали. Под конец капитан козырнул, отчеканил: – Есть товарищ полковник! – повернулся, не спеша сел в полуторку, дав сигнал продолжать движение.

Вскоре лес закончился, впереди виднелся луг, а несколько дальше – камышовые заросли приречных болот, изобилующих в этих местах. Дорога сворачивала вправо по кромке леса, а капитан повернул колонну вле-

во к сосновому отрогу лесного массива, где были видны машины, люди, повозки. Примкнули к ним и мы, спрятав машины под группу сосен. Нам было хорошо видно, как на пригорке у автобуса ходил взад и вперед человек среднего роста, плотного телосложения, с большой бритой головой, в брюках с красными лампасами – генерал, и распекал группу полковников, синхронно поворачивающих свои лица по ходу движений генерала.

Капитан Иванов, приведя свою одежду в порядок, дав нам команду далеко не отлучаться, направился к разгневанному генералу. За капитаном поспешили наши полковники-интенданты, по всей вероятности, рассчитывая, что генерал заслушает сначала их, старших по званию.

Генерал давно заметил нашу колонну с зенитными пулеметами, капитана-пограничника, идущего к нему строевым шагом и спешивших его обогнать интендантов. Понял ущемленное самолюбие полковников. Ответив на приветствие подошедших, приказал капитану докладывать первому, а затем одному из ретивых интендантов.

Выслушав обоих, генерал приказал капитану Иванову на базе своей группы создать роту быстрого реагирования, возглавить ее и быть при штабе отряда, который он, генерал-майор Орлов, организует из безавших и блуждающих бойцов и командиров.

На вопрос, как быть с интендантным составом его группы, генерал резко отрезал:

– Зачислить их рядовыми под командой толковых командиров. К вашим интендантам добавлю еще этих трех полковников, – показал на стоящих, когда-то грозных начальников.

Видя недоуменный взгляд капитана, добавил еще резче:

– В нашей обстановке нужны смелые бойцы, боевые командиры, а не трусливые начальники!

Генерал поинтересовался вооружением группы, боеприпасами, питанием. Узнав, что в группе две зенитно-пулеметных установки из сдвоенных станковых пулеметов, винтовки у рядового и сержантского состава, наганы и пистолеты – у командного, что совсем нет гранат, очень мало винтовочных патронов, на исходе еда, посоветовал:

– Сейчас помочь ничем не могу. Все будем добывать в бою. Подключите к этому своих интендантов. Они доки в этом деле.

Так наша группа превратилась в особую роту быстрого реагирования, а проще – в охранную роту штаба формируемого отряда. В этом леске уже собрано несколько сот солдат и командиров разных частей и соединений Юго-Западного фронта, разгромленных немцами в последнее время. В этот день мы узнали много неприятных новостей.

15 сентября немецкие танковые колонны – 2-я с севера и 1-я – с юга соединились в Лохвицах, завершив окружение 4-х армий Юго-Западного фронта.

Генерал М.Т.Кирпонос, передвигаясь со штабом фронта на новое место дислокации, потерял управление войсками, которые, лишившись общего руководства, самостоятельно вели тяжелые бои, прорываясь из окружения. Некоторые из них пробились через вражеские заслоны, как мы ночью, но большинство бойцов и командиров погибли в неравных боях с врагом. А еще больше – захвачено в плен.

В тяжелейших условиях пробивался первый эшелон штаба Юго-Западного фронта, охраняемый незначительным составом войск, каждодневно тающими в боях с врагом.

Только 19 сентября у села Городище Полтавской области, расположенного при слиянии рек Удай и Монога, к штабу фронта присоединилась колонна штаба 5-й армии под охраной остатков 31-го стрелкового корпуса генерала Калинина. Вражеской разведке это было известно. Немцы готовили удар по разгрому этой группировки.

20 сентября 1941 года юго-западнее Лохвиц, в роще Шумейково немцы бросили объединенные силы на штабы Юго-Западного фронта и его 5-й армии. После жестокого боя командарм Кирпонос, начальник штаба В.И.Тупиль, член Военного совета фронта М.А.Бурмистенко и большая группа командиров погибли, командир 5-й армии генерал М.И.Потапов был ранен и контужен, в бессознательном состоянии пленен фашистами. Много командиров и бойцов было убито, еще больше взято в плен. Небольшая часть участников этих боев вырвалась и оказалась здесь.

Генерал-майор Орлов из штаба фронта комплектует отряд с более сильной группировкой для выхода из окружения пока еще слабого заслона немцев.

Но генерал ошибался. Немцы Киев взяли только 19 сентября. Они понимали, что войска, его оборонявшие, еще сильны и отходят на восток, остатки войск 5-й армии также еще значительны и движутся тоже на восток, поэтому они должны были плотно закрыть окружение, чтобы уничтожить прорывающиеся советские войска.

В воздухе беспрерывно летали их самолеты, выискивая группировки войск противника, бомбя их и направляя туда танки и бронетранспортеры с пехотой.

Не знал генерал, что и его отряд ожидает такая же участь. Шло только формирование команд, не было еще должной разведслужбы, связи, боепитания. Отряд был похож на неуправляемый цыганский табор, где каждая кибитка жила самостоятельно.

Было уже за полдень. Капитан организовал свое подразделение, составил списки личного состава с указанием званий, рангов и должностей. В роте было три взвода: 1-й – пограничники – 20 чел., 2-й – шахтерский – мой, 3-й – интендантский – 30 чел. Первому и второму взводам капитан выдал по полуторке с зенитными пулеметами, а третьему – грузовик.

Предстояло решить задачу с боепитанием и едой. Интенданты обещали помочь в этом деле. А сейчас мы повзводно сидели у своих машин, доедая остатки провианта.

Не успели мы еще закончить еду, как гул самолетов и возглас: «Воздух! В укрытие!» заставил каждого укрыться от взора воздушного стервятника. Три штурмовика появились со стороны автострады над лесной дорогой, долетели до реки, обогнули наш лесок и полетели вдоль кромки леса, куда повернула лесная дорога. Улетели! Вздохнули облегченно, вылезли из укрытий. Солнце ярко светило. Хотя и было 22 сентября – осень, но было тепло. После бессонной ночи и еды тянуло на сон. Капитан дал команду «соснуть часок». Чистый лесной воздух, теплое солнце моментально погрузило натруженные молодые тела в небытие. Завернувшись в шинель, моментально уснул и я. Не знаю, сколько времени продолжалось это блаженство, но проснулся я от шума двигателя машины, криков и хорошего пинка в бок. Вскочил на ноги, ничего не понимая, пока не услышал крики: «Танки! Немецкие танки!»

Все прояснилось: из нашей лесной дороги, по которой мы недавно ехали, выскакивали танки и бронетранспортеры с крестами на броне. Одни из них поворачивали влево, отрезая наш лесной «аппендицит» от лесного массива, другие поворачивали вправо, по кромке леса, а несколько бронетранспортеров проскочили прямо к руслу реки. Танки сразу же открыли огонь из пушек и пулеметов по машинам и скоплениям бойцов. Весь лагерь заметался. Оказалось, что многие не имели оружия, но и те, кто был вооружен винтовкой или автоматом, были бессильны против танков противника. Капитан не растерялся, дав команду: «По машинам! Вперед, за мной!» Вскочил в полуторку, ринулся вперед, к реке. За ним последовала наша машина, а интендантский грузовик дернулся и остановился. В него попал снаряд.

Появились разрывы и вокруг наших машин, хотя водители и делали виражи. Вдруг первая полуторка взорвалась – в нее попал снаряд. Наша машина на большой скорости врезалась в ее остатки, выбрасывая из кузова бойцов.

Я очнулся, пошевелил руками, ногами. Обрадовался – целы. Хотел подняться – не мог: сильно болели спина и бедро, на которое я приземлился. Стреляла голова, как при первом ранении, при контузии. К счастью, слух был нормален. Я хорошо слышал стоны и крики моих товарищей.

Ко мне подошел Грицай с ободранным лицом и рукой на перевязи. Потрогал меня, спросил:

– Старшина, живой?

– Как будто живой, только встать не могу: бедро и спина болят.

– Ничего, пройдет! Давай помогу подняться, – просунул руки под мышку, помог мне встать на ноги.

Ноги стояли прочно. С трудом, но смог передвигаться. Грицай сунул мне в руки винтовку, на которую я опирался при ходьбе. Вокруг машин лежало много трупов. Погиб капитан, его шофер и десяток пограничников; три человека были серьезно ранены. У нас были потери меньше: погиб шофер и сержант Рогов, севший в кабину вместо меня, и три бойца, выброшенных из кузова. Грицай вывихнул руку и разодрал лицо, когда пахал носом землю, остальные тоже отделались ушибами и царапинами. Снова остался я с горсткой бойцов, без командиров. Первым долгом раненым оказали по-

мощь. Несмотря на бой, идущий на берегу реки, у плетневой хибарки, заполненной сеном, начали рыть общую могилу, чтобы похоронить капитана и наших товарищей. Голова моя еще гудела и стреляла, видимо, я сильно ударился ею о землю. Но обстоятельства вынуждали принимать какое-то решение. Бой в лесочке уже закончился: горели машины, вереница плененных солдат и командиров цепочкой двигалась под охраной автоматчиков вправо, по лесной дороге. Немцы нас заметили, но не спешили пленять, видимо, давая возможность похоронить убитых.

О плене я еще не думал, был занят мыслью об убитых и раненых товарищах. И только когда увидел цепочки плененных, подумал о нем. Но что делать? Капитан ехал к реке в надежде проскочить на другую сторону, избежать пленения. Сейчас эта идея оказалась не осуществима: упущено время. Теперь надо подумать о раненых и убитых. Бойцы, видимо, это понимали, не спрашивали о своей судьбе, спешили до плена похоронить товарищей.

Подъехал бронетранспортер. Из него высыпали автоматчики, усталились на роющих, повторяя: «Гут! Гут!» – Хорошо, мол, что вы такие верные товарищи, не бросаете их даже при опасности для себя.

Мы с удивлением смотрели на немцев, на их «гуманное» поведение, пока не услышали окрик унтер-офицера: – «Шнель, шнель, рус зольдат!» Бойцы зашевелились, понесли в могилу трупы убитых, укладывали их рядами. Когда уложили всех мертвых и накрыли их шинелью, унтер-офицер подошел к лежащим раненым, повел автоматом, выпустив по каждому короткую очередь, повернулся ко мне, показал рукой, что и этих надо хоронить в ту же могилу. Отнесли, уложили, наспех засыпали, воткнули винтовку в изголовье могилы, сняли головные уборы, прощаясь.

– Антретен! – показал унтер-офицер рукой знак построения. Выстроились в колонну по три человека. Грицай, зная о моей спине и бедре, боясь, чтобы я не упал при движении, поставил меня посередине. Это заметил унтер-офицер, но ничего не сказал. Оставил четыре автоматчика, скомандовал «Марш!» – сел в бронетранспортер и укатил, а наша колонна поплелась к сбору плененных. Так я оказался в плену у немцев. Причем, пленение было таким прозаическим, даже обидным на фоне последнего боя на лесной дороге. Это было 22 сентября 1941 года на берегу р. Монога, у хутора Слобода Городищенского района, Полтавской области.

Часть вторая. ПЛЕН

ЭТАПЫ СМЕРТИ

Нас привели в небольшой украинский хутор Слобода, расположенный у болотистой реки Монога и лесного массива. Улицы хутора были еще пусты. Жители опасались выползть из своих укрытий. Даже любопытные мальчишки не отваживались попадаться на глаза немцам.

Нас подвели к колхозной молочно-товарной ферме – большого саманного коровника под черепичной крышей и большого огороженного жердями открытого база, возле которого прохаживались немецкие солдаты с овчарками на поводке.

Баз был уже наполнен пленными, а их все подводили группами. Как скот, не считая, на баз загнали и нас. Здесь я вздохнул с облегчением, так как дальше уже идти не мог даже с помощью друзей. Сильно болели бедро и спина, знобило, кружилась голова.

– Ничего, старшина, – успокаивал меня Грицай, – сейчас положим тебя, посмотрим твои болячки. Лишь бы внутри ничего не отбило, а наружное зарастет как на собаке. Полежишь немного, отдохнешь, температура спадет.

В поисках удобного места обошли весь баз, но все сухие места были заняты, а в мокрый навоз ложиться не хотелось. Пошли в коровник, но и там удобные места были заняты. Наконец, где-то в уголке, нашли место в кормушке. Сняли шинель, постелили на дно. Оголили спину и бедро. Грицай нагнулся, рассматривая.

– О, да тут у тебя, старшина, сплошной синяк! Видно, здорово ты шмякнулся о землю. Твое счастье, что внутри ничего не оборвалось, не болит, не кровоточит. Отдохнешь немного, синяк уменьшится, боль пройдет и голове будет легче – успокаивал меня сержант Грицай. – Ложись в свою люльку, а мы тут рядом устроимся.

Я улегся на здоровую часть тела, накрылся полой шинели, пригрелся, задремал и уснул. Когда открыл глаза, в кормушку пробивался скудный дневной свет, как перед сном. Я будто и не спал, но озноба не было, не гудела голова, и не так болело бедро. Я приподнялся в корытце, рядом, вместо коровы, спали мои бойцы, товарищи по несчастью, на душистом сене.

– Как спал, старшина, – заметив меня, поинтересовался сержант.

– А разве я спал? Мне кажется, что я только что лег.

– Ты спал как сурок полсутки. Сейчас уже позднее утро 23 сентября. Скоро наши хозяева объявят подъем. И как накаркал: на базу послышался шум, крики: «Ауфштейн! Антретен! Апель!», а затем уже по-русски: «Подъем! Строиться на проверку!»

Ну, вот и началась наша жизнь при новом порядке – констатировал сержант Грицай, вспоминая, пожалуй, время, когда он со своими земляками собрался домой пожить при новом немецком порядке.

Я поднялся сравнительно легко, сам надел шинель, вышел наружу. На базу уже шло построение пленных в двойную шеренгу по периметру ограды. Стали в строй и мы. В коровнике метались немецкие солдаты в поисках больных и прятавшихся. Через полчаса на баз въехала открытая легковая автомашинка с сидящими в ней офицерами. Машина остановилась посередине строя. Сидящие в ней офицеры, боясь вымарать свои сапоги в коровий навоз, не спешили вылезать.

Зычно подав пленным команду: «Ахтунг!» – к машине подбежал унтер офицер с рапортом, что пленные построены. Один из офицеров поднялся, что-то протараторил. С переднего сиденья машины поднялся переводчик и, водя мегафоном по шеренге, стал переводить:

– Господин офицер объясняет, что отныне вы есть военнопленные Великой Германии, должны подчиняться ее законам, быть лояльными к ее властям, беспрекословно выполнять все ее приказы. Все, кто будет нарушать эти законы, не подчиняться приказам и вредить Германии, будут уничтожаться как враги Нового Рейха!

Сейчас вы пойдете в концентрационные лагеря, где будете проживать. По пути вас будут кормить. Сейчас мы не можем этого сделать. Еду получите в первом пересыльном лагере, в Городище. Перед отправкой сюда подвезут для вас воду.

Господин офицер предупреждает, что вас будут конвоировать наши солдаты с собаками. Двигаться будете колонной. Уклонившиеся от колонны или отставшие от нее будут расстреливаться как беглецы. Чем организованнее будете идти, тем скорее дойдете до места назначения. Раненые и больные будут отправляться отдельно. Понятно? – прокричал переводчик, опуская мегафон и оглядывая шеренгу пленных, которые безмолвно слушали разъяснения господина офицера и еще не смогли осознать сути Нового Порядка.

Немецкий офицер снова что-то прокартавил, переводчик перевел:

– Господин офицер говорит, что если вы все поняли, то сейчас проведем небольшую проверку вашего состава, – помолчал, оглядел шеренгу, а затем резко и громко прокричал в мегафон: «Евреи и комиссары два шага вперед!»

Шеренга замерла. Никто не двинулся с места. Этот же приказ переводчик повторил еще раз. Снова безмолвие... Тогда вдоль шеренги забегали немецкие ишейки, те, кто обыскивали коровник, заглядывали в лица, отыскивая евреев, на рукава шинелей и гимнастеров, в поисках звездочек, вытаскивая вперед некоторых пленных.

Отобранных отвели в коровник. Последовала новая команда: выйти вперед больным и раненым. Повторять команду не пришлось: из шеренги добровольно вышли больные и ходячие раненые. Лежащих не оказалось, их пристрелили раньше, как и наших, при пленении. Эту группу отвели тоже в коровник.

В третий раз приказали выйти вперед офицерам всех рангов. Шеренга заметно поредела. Офицер заметно оживился, приказал занять свои места, а затем объяснил через переводчика, что рядовой состав военнопленных и офицерский будут содержаться в разных лагерях, а пока на марше будут двигаться в общей колонне. На командный состав возлагается ответственность за порядок движения пленных солдат.

Подвезли бочки с водой. Все кинулись к ним, так как многих уже давно мучила жажда. Вскоре бочки опустели. Большая часть воды была вылита на землю.

Немцы построили пленных в колонну по пять человек в ряду и повели в Городище. Комиссары, евреи, больные и раненые остались в ко-

ровнике. После ходили слухи, что в Слободке, как и в других местах, этот контингент пленных расстреляли. Это была невероятная жестокость. Не хотелось верить этим слухам, но вскоре сами убедились в бесчеловечности фашистских вояк.

К вечеру нас пригнали в районный центр Городище. Пересыльный лагерь располагался за селом, на открытой площадке, недавно обнесенной колючей проволокой с вышками по углам изгороди.

В лагере уже были люди. Наша колонна пополнила состав пленных. Ожидали подхода других колонн. На марш готовилась большая группа пленных. Конвой с собаками уже были готовы к движению, ждали команды начальства, а сейчас несли охрану лагеря.

Вечером наши военнопленные, под охраной немцев, привезли в лагерь на конных повозках хлеб и суп в металлических бочках из-под бензина с выбитым дном. Все это разместили в пяти точках. Раздатчики хлеба и супа заняли свои места. Вскоре к ним образовались очереди. Каждому выдавали полуфунтовый кусок хлеба и пол-литровый черпак супа. За порядком следили пленные с белыми повязками на рукавах из этой же «хозяйственной» команды. Их сразу же окрестили «полицая».

Черпаки раздатчиков только мелькали, выливая содержимое в протянутый котелок, солдатскую каску, пилотку или иную посуду. Не у всех она была, особенно у командного состава, многие из них ограничились только хлебом.

Пшеничный суп, как его именовали, больше походил на недоваренную просяную бурду с картофельными очистками. Это была первая еда, предложенная немцами. Сейчас мы ели ее и кривились, но позже эту просянку вспоминали как лакомство.

После ужина объявили отбой. Никаких строений в лагере не было. Спать пришлось на земле под открытым небом. Бойцы моего взвода держались еще вместе, кучковались возле меня и Грицаца, поэтому без труда нашли местечко, закутались в шинели, подложили под головы вещевые мешки, плотней улеглись и дремали всю ночь. У меня еще болели ушибленные места, поэтому пришлось всю ночь пролежать на одном боку рядом с сержантом. Я был ему благодарен за внимание и заботу, он даже снабдил меня котелком и вещевым мешком, прихваченным у убитых бойцов.

Продрогшие поднялись рано утром, отряхнули шинели, вытерли кто чем мог лица и глаза. Воды не было не только умыться, но и напиться. Имеющиеся фляжки с водой ценились на вес золота.

В этой же посуде, что и вчера, хозяйственная команда привезла хлеб и кофе, предупредив, что обед будет только в следующем лагере, в Лубнах, вечером. Здесь уже не приходилось воротить нос. Все стремились получить и хлеб, и ячменную кофейную жидкость в любую посуду.

После завтрака колонна из нескольких сот человек двинулась по дороге к Лубнам. И в колонне мои бойцы держались вместе, что помогало оказывать друг другу помощь в непредвиденных ситуациях. Эта солидарность трогала меня и подтверждала сплоченность горняков-донбассцев. И здесь, в лагере военнопленных, они еще чувствовали себя, маленькой единицей Красной Армии. Ко мне и к Грицаю обращались по-прежнему, не по фамилии, а по воинскому званию: «товарищ старшина», «товарищ сержант», хотя произносилось это полупшепотом, с оглядкой. В первые дни о плене не говорили, старались не произносить даже этого слова. Каждый по-своему осмысливал происшедшее. Никто не считал себя трусом или предателем. Были и такие, но их были единицы, основная масса достойно сражалась с врагом, а все же оказалась в лагерях военнопленных. Как могло это случиться? Каждый стремился объяснить свою точку зрения.

Старался найти оправдание своего пленения и я. Вспомнился колхозный скотный двор в хуторе Стырка, где немцы в первые дни войны содержали наших пленных, их виновно-раскаявшийся вид после освобождения, желание снять с себя позор своего положения. Да, тогда плен для нас, необстрелянных бойцов, представлялся как признак трусости и предательства, Мы были солидарны с политруком нашей роты, клеймившим пленных, и не понимали капитана Музыченко, защищавшего их. А сейчас и я со своими бойцами оказался в плену, хотя мы не проявляли ни трусости, ни тем более предательства; достойно отражали атаки врага в последнем бою нашего полка; избежали плена, воспользовавшись немецкими лодками; добросовестно сопровождали одну из колонн штаба фронта; наконец, последняя мясорубка на поляне лесной дороги. Трусости не было в нашем сознании и действиях. Почти все находящиеся в лагере Городище, независимо от рангов и званий, были верными солдатами Родины.

Вспоминая момент пленения, я и там не нашел признаков трусости, тем более у капитана Иванова и его бойцов. Я не знаю, почему капитан не принял боя с танками и немцами, а увез своих бойцов к реке. Конечно, это была не трусость, а реальный расчет: что может сделать неорганизованная, практически безоружная толпа военных, с бронированным подразделением врага? Быть расстрелянной или плененной. Чтобы избежать этого, спасти хотя бы часть воинского состава, капитан Иванов ринулся к замеченной им у реки избушке, в надежде найти там лодки и уйти от немецких танков. Он, по всей вероятности, вспомнил рассказ, как мы по такой же заболоченной реке избежали плена. Только попавший снаряд в его машину не дал осуществить эту идею. Капитан Иванов, как и многие его бойцы, погибли. Остальные не покидали своего командира, решили похоронить его с честью под огнем врага. Это не было трусостью, а была боевая солидарность, уважение к своему командиру. Даже немцы, удивленные подобной верностью к командиру и товарищам, ждали, пока их похоронят. Так я успокаивал свою совесть, искал оправдания. Моих бойцов не мучили эти вопросы. Они законопослушно исполняли свой долг по защите Родины, выполняли приказы командиров, шли в атаку, отступая по их приказу. Они видели силу врага, слабость нашей армии, но, по возможности, защищали свою землю, родных и близких. В нашем поражении, продвижении немцев вглубь России, они обвиняли старших командиров, руководство страны, которые растерялись в первое время войны, не сумели организовать должный отпор врагу. Но верили, что настанет время, перестанем бежать на восток, сплотимся, остановим врага. Это, правда, будут другие, не мы. Но и мы сделали все, что могли: отступали с боями, нанося врагу ощутимые удары.

Такие разговоры приходилось слышать от солдат на маршах.

Оправдывал свое пленение и командный состав. Их особенно много оказалось в лагере Городище, куда стекались военнопленные разгромленных штабов фронта и армии. Правда, генералов там я не видел, но полковников было много. Вид у них был удрученный, но и они, по-своему, старались оправдать свои действия, обвиняя во всех грехах высшее руководство, забывая о личной ответственности за вверенные им подразделения.

Итак, все были правы. Плен – это не только результат трусости отдельных военных, но и естественное, неизбежное явление во всех войнах. Плен – это продолжение службы в экстремальных условиях врага.

Если бы наши бойцы и командиры знали, в каких условиях будет проходить их «служба» в немецком плену, то число военнопленных было бы значительно меньше.

Колонна по пять человек в ряду двигалась по дороге вольным шагом, соблюдая ряды. За этим строго следила конвойная охрана, состоящая из пожилых солдат и автоматчиков с овчарками.

Мы только начинали маршруты движения к постоянным концлагерям. В теле еще была сила, организм еще не был истощен. Шагали хотя и не бодро, но легко, за плечами были полупустые вещевые мешки, а кое у кого не было и этого. В населенных пунктах пока не кидались за продуктами к жителям, встречающих колонну военнопленных. Совесть и достоинство красноармейца еще побеждало звериное чувство самосохранения. Брали молоко, воду, так как жажда мучила сильнее голода. За один день должны пройти путь до следующего пересыльного лагеря. Они располагались друг от друга в 20-40 км. Порядок движения был одинаков: час хода, четверть часа отдыха. В обеденное время – получасовой отдых. Так изо дня в день.

До Лубнов было не так далеко – до лагеря дошли сравнительно быстро. Размещался он на территории городской мельницы, обнесенной по периметру высокой кирпичной стеной с рядами колючей проволоки по ее верху, натянутой совсем недавно. В лагере была уже колонна военнопленных, пришедшая на полчаса раньше нас. Хотя лагерь размещался в хлебном пункте, мельница была пуста: ни зерна, ни муки. Их вывезли, видимо еще до прихода немцев, а позже военнопленные подчистили остатки. Так что на нашу долю мало, что досталось. «Хозяйственный взвод» военнопленных полицаев, как и в Городище, привез хлеб и борщ, скорее всего, овощную бурду из капусты, свеклы, картофеля и ячневой крупы. Кусок хлеба стал меньше. По команде отбой стали уплотняться в помещениях. Всех они вместить не могли, поэтому мы своим «взводом» разместились во дворе, на бульжной отмостке. Не спасали и наши шинели: булги впивались в наши тела. Всю ночь вертелись мы на жестком ложе, вспоминая вчерашний ночлег на земле.

Утром нас построили во дворе, разделили всех на две группы: рядовой состав, младших командиров в одну и офицерский состав – в другую. Нашу, более многочисленную колонну, накормили первыми, вывели и повели в Хорол. Командный состав остался в Лубнах, откуда их должны отправить в их лагерь, как и объяснял офицер в Слободке.

Плохо проведенная ночь давала о себе знать, да и желудок требовал пищи. Для обеспечения жизнедеятельности организм приступил к использованию накопленных раньше отложений. Все сдали телом, заострились черты лица, появилась раздраженность, недовольство. Начинался бессознательный процесс самосохранения, выживания живого существа в экстремальных условиях. От нашего «взвода» откололись оставшиеся живыми пограничники. На мой вопрос сержант пограничник ответил лаконично: – Не вечно же топтать в этой колонне на тот свет.

Я понял, что ребята собираются бежать. У нас пока такой мысли не было. Я стал более внимательно приглядываться к людям. Заметил, что и наши донецкие шахтеры ищут среди военнопленных земляков, знакомых, единомышленников. Наша группа стала уменьшаться. Грицай обратил на это внимание, но процесс расслоения продолжался.

На маршах ЧП пока не было, за исключением увеличившегося числа отстающих, заболевших, с потерями ног. Сначала они плелись под охраной где-то сзади колонны, а затем их не стало видно, слышались только автоматные очереди. С больными и отстающими немцы не церемонились. Возмущение и ропот в колонне возрастал. В каждом лагере колонна увеличивалась, насчитывая уже не сотни, а тысячи человек. Усилился конвой и его жестокость, уменьшились пайки хлеба и качество баланды.

В Хорол пришли поздно, уставшие, протопав 40 километров. Загнали в какую-то загородку из колючей проволоки. Все повалились на землю, изрытую углублениями, норами такими же бедолагами, как и мы. Видимо, не одна колонна прошла через этот лагерь, не одна тысяча людей обнимала родную землю, вбирало ее тепло. С трудом поднялись получить ужин. Похлебав баланду и вылизав котелок, улеглись в готовые ямки, заснули. Ночью похолодало, напоззли тучи, посыпал нудный дождь. Укрыться от него было негде. Мокли под дождем. Под ногами чавкала грязь. Под дождем завтракали и топали до следующего лагеря по скользкой и грязной доро-

ге. Падали, чертыхаясь, поднимались, ползли вперед, боясь остаться позади колонны, где сегодня чаще раздавались автоматные очереди. По пути движения сегодня меньше было жителей, пришедших увидеть в очередной колонне своих родных, знакомых или узнать об их судьбе. Злой была и охрана. Кричала на пленных, на жителей, стреляла из автоматов поверх голов.

Под дождем, мокрые и грязные пришли в Семеновку, на отделение табачного совхоза, где размещались сараи для вяления и сушки турецкого табака, знаменитой махорки. Все кинулись в сарай, где было сухо и не капало за шиворот, хотя и нетерпимо воняло табаком. Для некурящих это было хуже дождя. Наши шахтеры шныряли по сараю в поисках табака, а мы с Грицаем, некурящие, спрятав тело в сарае, высунув головы наружу, отдыхали.

К утру дождь перестал, небо еще было покрыто тучами, но ветерок уже продувал и сушил дорожную грязь. Маршрут этого дня должен быть легче. Во время завтрака я не обнаружил группу пограничников. Поделился этим с Грицаем. Тот, не думая, констатировал:

– Бежали ребята. Уж больно момент благоприятный: дождь, охрана прячется, собаки след не возьмут. Бог в помощь хлопцам!

Но видно в эту ночь бежали не только пограничники; не оказалось троих наших шахтеров. Говорят, они еще днем отделились, примкнули к другой группе. Процесс побегов в нашей колонне начался. Десяток бежавших был каплей в тысячной толпе. Немцы каждый день расстреливали больше больных и отставших, так что беглецов просто никто не искал. Только куда они могли бежать? На восток? Так мы слишком далеко ушли назад, а немец, наверное, еще дальше продвинулся вперед. Домой? Под немца, как те трое из взвода Грицай. Навряд ли пограничники и шахтеры пойдут на это. – А может в партизаны? – подсказал Грицай. Может быть!

Тогда о партизанах еще не было слышно. Движение только начиналось, но ведь партизанская война всегда бывает при нашествии агрессора. Может быть, появится какой-нибудь «батяка», к которому и потянутся патриоты, недовольные, пленные. А пока о таком партизанском вожаке не слышно. Подождем немного. Так рассуждали мы с Грицаем и оставшимися шахтерами. Время шло, мы двигались от одного пересыльного лагеря к другому, численно увеличиваясь за счет новых пленных.

Прошли Глобинский совхоз, подходили к Кременчугу, крупному городу на Днепре, захваченному немцами еще в начале сентября. Захватом Кременчуга немцы создали на Левобережье плацдарм для движения 1-й танковой группы войск Клейста на север, на соединение со 2-й танковой группой «Центр». За трое суток танки Клейста совершили двухсоткилометровый бросок по незащищенной Левобережной Украине, соединившись в Лохвицах с северной группой немецких войск, окружив войска Юго-Западного фронта в так называемом Киевском котле. Это небывалое по территории и количеству войск вражеское окружение повергло военное руководство страны в шоковое состояние. Таких потерь рядового и командного состава Красной Армии еще не было. Были разбиты не только дивизии, но и армии, уничтожены штабы фронта и армий.

В шоковом состоянии был и народ нескольких областей Украины, неожиданно-негаданно оказавшегося «под немцами», ничего хорошего не ожидая от «нового порядка», с жалостью и страхом видя бесчисленные колонны полураздетых, голодных колонн пленных красноармейцев, каждодневные расстрелы евреев, цыган, коммунистов и патриотов родины.

Уже давно был сдан Киев, а новые колонны пленных все шли и шли на запад, за Днепр, в многочисленные концентрационные лагеря, покрывая дороги своими трупами. С каждым днем идти становилось тяжелей. Иссякали накопленные силы, слабели мышцы ног, больше стало отстающих, чаще стали слышаться выстрелы в конце колонны. Приунули, оставшиеся со мной шахтеры – донбассцы. Чем дальше мы уходили на запад, тем чаще велись разговоры о родных местах, шахтах, работе. Ваня Пилипченко, узнав, что мы идем в Кременчуг, что там будем переходить Днепр, как-то ожил, начал рассказывать, что там у него живет родной дядя, работает на пристани, заядлый рыбак, хорошо бы обосноваться у него.

Своими восторженными рассказами о дяде, реке, свободе, заразил своих товарищей. На привалах они стали кучковаться, объединяться.

Пересыльный лагерь был на пустыре окраины города. Через него протекала небольшая речушка – родничок, раньше, видимо, заросшая растительностью, а сейчас голая, как земляной пол в украинской хате. Здесь нас ожидало новшество: прежде чем пустить в лагерь, нас построили в колонну по пять человек, пересчитали и только после этого открыли во-

рота, приказав двигаться вдоль ограды из колючей проволоки и речушки, образовав шеренгу в форме «П». Наши военнопленные с белыми повязками на рукаве, или, как мы их называли – полицаи, поставили посредине строя небольшой помост, куда устремилось начальство лагеря.

Немецкий офицер что-то говорил, а другой в мегафон переводил его речь. Она сводилась к указаниям о том, что в этом лагере наша колонна пробудет двое суток, мы отдохнем, помоемся в реке, приведем свою одежду и себя в порядок, больные могут получить медицинскую помощь в лазарете. За порядком в лагере будут следить ваши же товарищи – полицаи. Их приказы срочно исполнять. Побег и непослушание карается смертью. Еда будет выдаваться два раза в день.

На вопрос: «Где же ночевать, если ночью уже холодно?» – ответ был четкий: «Ночевать здесь. Вы солдаты, должны привыкнуть к военным условиям!»

На ужин дали перловый суп и хлеб. В речушке текла холодная вода. Как и раньше, наш «взвод» улегся вместе. Нас осталось меньше десятка. Каждый ищет свой путь. Даже Ваня Пилипченко, всегда боготворивший сержанта Грицаю, увидел свое спасение у родного дяди. Может быть, он был прав. Ведь ни я, ни Грицай, не знаем, что будет с нами завтра, не можем гарантировать безопасность бывшим нашим бойцам.

Весь день речушка была запружена телами пленных. Хотя вода и была холодной, но многие отмывали в ней свои грязные тела, стирали белье, портянки. Благо светило солнце. Под деревянным сараем разместился «лазарет», где наши врачи оказывали пленным посильную помощь, сводившуюся к очищению гнилостных ран, перевязкам, советам, так как ни лекарств, ни бинтов у них не было.

От наших «товарищей-полицаев» узнали, что этот пересыльный лагерь функционирует с момента взятия города. Через него прошло множество колонн пленных на запад, говорят, на Умань, а затем и Кировоград. Они же оставлены для обслуживания этих колонн. Прекратится поток пленных, и их отправят в какой-нибудь лагерь.

Привели себя в порядок и мы. Не только помыли головы, обмыли тело, но и побрились безопасной бритвой запасливого сержанта. К вечеру мы уже были немного похожи на людей. Утром, после завтрака, нас всех

построили в колонну по 5 человек, разделили ее на две части. Первую половину вывели за ворота, повели на марш, вторую – должны конвоировать позже. Полицай нам объяснили такое деление сложностью конвоирования больших колонн по узким городским улицам. Нас вели по окраинным улицам города, застроенным в основном одноэтажными домами с палисадниками и заборами перед ними, воротами и калитками в них.

Колонна шла посередине улицы, конвоиры – по бокам, отгоняя вглубь дворов любопытных жителей грозным окриком: «Дурюк!» – Назад! Или автоматными очередями поверх домов. Убежать можно было только в открытую калитку или дыру в заборе.

На одной из улиц Ваня Пилипченко, миновав поворот, сбросил с себя шинель на руку сержанта, толкнул калитку в деревянном заборе, скользнул в образовавшуюся щель и прикрыл ее, шелкнув задвижкой. Колонна двигалась, не заметив побега пленного. Спокойно прошел конвоир. Мы с облегчением вздохнули: это был первый побег нашего товарища у всех на глазах. Радовались удаче и его напарники. Окрыленные успехом своего друга, решили сами попытаться счастья. У одного кирпичного дома, в каменном, высоком заборе была приоткрыта калитка. Один из напарников Вани ринулся в нее, калитка, заскрипев ржавыми петлями, распахнулась, второй – последовал примеру первого, захлопнул ее с силой. Скрип петель и звон кольца ручки калитки слышал конвоир. Увидев разорванный ряд колонны, он кинулся к калитке, распахнул ее ударом ноги, увидел убегающих вглубь двора беглецов, прокричав: «Хальт!» – Стой! – открыл огонь из автомата.

Колонну остановили. Вокруг нее забегали конвоиры, кинологи с овчарками. Из двора вытащили два окровавленных трупа наших товарищей, а вместо них в колонну втолкнули упирающихся двоих мужчин – хозяина дома и его сына.

– Так будет со всеми, кто попытается бежать! – передавали по всей колонне.

Так потеряли по глупости мы двоих своих товарищей. Хорошо, что Ваня остался жив. Ванину шинель сержант Грицай отдал хозяину злополучного двора уже на мосту через Днепр. Мы были так огорчены, что весь путь до очередного лагеря – Онуфриевки, прошли, как в тумане. Этот перевальный пункт ничем не отличался от остальных. Примерно через час после нас

прибыла вторая половина нашей колонны. В этом лагере мы пробыли тоже двое суток. Из него двинулись общей колонной в две тысячи человек.

Здесь сержанта Грицай начало знобить, поднялась температура. Видно, купание в речушке дало себя знать, он крепился, пытался сбить температуру, но без лекарств этого сделать не удавалось. И сейчас он шагал в голове колонны, опасаясь оказаться в конце. Путь был длинным и тяжелым. На одной из остановок на отдых, конвоиры отобрали по одному человеку из ряда, повели к неубранному кукурузному полю, приказали наломать кукурузных початков и поделиться со своими товарищами. Я постарался набить свой вещевой мешок с расчетом на наш шахтерский «взвод». Кукурузные початки подняли наш дух, только дорогой мой Грицай не проявлял особой радости: его беспокоила болезнь. «Эх, сейчас мне бы стакан горилки, да теплую перину на ночь и конец моей болезни» – мечтал сержант в ответ на нашу заботу.

Выстрелы в конце колонны, подстегивали всех быстрее двигаться, забыть о своих болезнях. Страх смерти был сильнее лекарств и даже стакана горилки.

В Александрийском лагере ему стало легче, но затемпературил я: болело все тело, гудела голова. Я боялся, что это – результат контузии при падении с машины. Двое суток отлеживались мы с Грицаем в этом лагере. Даже за баландой поднимались с трудом. В местном «лазарете» лекарств не было; никто, конечно, не освобождал от марша. Нам посоветовали стремиться идти во главе колонны. Легко советовать, но трудно это выполнять, когда все тело ломит, ноги подкашиваются. Взявшись за руки, мы с сержантом встали в голове колонны. Рядом шагали еще три шахтера, готовые помочь нам в пути.

Опустив головы, глядя вниз, с трудом передвигая ноги, мы с Грицаем стремились двигаться в одном ритме с колонной. Здесь я впервые обратил внимание на уплотненную дорогу, по которой мы шли. Сколько тысяч ног топали по ней, чтобы так уплотнить! Сколько сот убитых пролили на нее кровь, чтобы смочить ее! Среди этих тысяч и наши ноги уплотняют украинскую землю, а может быть, и нашей кровью оросится она. Нет! Не должно этого быть! Надо выдержать переход! Мы прилагали все усилия не отставать, но с каждой остановкой на отдых все ближе подвигались к концу. Не

помогали усилия наших товарищей. У меня было какое-то состояние отупения, безразличия, желание упасть на землю и заснуть, но, подчиняясь чьей-то воле, помощи товарищей, ноги еще держали безвольное тело, передвигались.

Из такого состояния вывел меня просящий голос Грицай: – Ваня! Друг мой! Держись... Скоро придем... Погляди, уже лагерь виднеется!

Меня поразили не его жалобный тон, а обращение по имени. Он впервые назвал меня по имени. Это, почему-то меня тронуло. Я поднял голову, поглядел на своего друга, на колонну пленных, которая длинной кишкой ползла по дороге вверх, обернулся назад, увидел, пустую дорогу и цепочку трупов, лежащих на ней.

До меня дошло, что мы идем в конце колонны. Скоро раздадутся автоматные очереди, и мы останемся лежать на дороге, как эти трупы. Особенно не хотел этого Грицай. Он еще мог идти, но не бросал меня, тянул из последних сил вперед, умолял товарищей помочь ему. Те до поры, до времени помогали, но в конце колонны подались вперед, оставив сержанта одного с больным старшиной. Увидев возле себя одного Грицай, его умоляющие глаза, я понял, как ему хочется жить и как он борется с собой, чтобы не бросить меня одного. Его желание жить передалось мне. Я как бы очнулся, нашел второе дыхание, встрепенулся, подался вперед, приговаривая: «Пойдем Коля, пойдем быстрее...».

Минули один ряд, второй. В лагерь пришли не последними. наших товарищей мы не видели. Видно и они, стыдясь, не искали с нами встречи. Из нашего взвода осталось нас двое – два младших командира: сержант и старшина. Теперь уже бывшие. Два военнопленных в многочисленной толпе таких же обездоленных бывших бойцов Красной Армии. Кончилась здесь солдатская солидарность, вступил в силу звериный инстинкт самосохранения.

В Знаменском лагере нас продержали трое суток. Немцы уточняли, в каком лагере, разместить нашу колонну. Местные полицаи, утверждали, что нас должны гнать до Умани, где создан в кирпичном карьере лагерь военнопленных под именем «Яма». Много согнали туда пленных 6-й и 12-й армий, захваченных еще в августе месяце. «Многие пленные там умерли, места освободились. Вот и надумали немцы направить вас туда. Но больно

слаба оказалась ваша команда: многие осталось на дороге Александрия-Знаменка. Может быть, вас оставят в Кировоградской тюрьме. Туда направляли последних пленных из Киевского окружения» – информировали нас всезнающие полицаи.

Нам уже надоели трехнедельные марши, бег от смерти. Хотелось попасть на постоянное местожительство, знать свое будущее. За трое суток мы с Грицаем немного оклемались. Он чувствовал себя бодрее, легче стало и мне.

В Кировоград пришли благополучно. Гнали нас по улицам города, как и в Кременчуге, освобождая улицы от прохожих и жителей. Попыток побега не было, шли без задержек. Только в одном месте, у здания библиотеки посередине горел костер. Немцы и украинцы с повязками на руках выгаскивали из дома охапки книг, бросали в огонь. Колонна пленных обходила костер по бокам. Проходя мимо, видел, как пылали книги Ленина, Сталина, Горького, Толстого в коленкорových переплетах. На глаза попала небольшая книжица в мягком переплете. Машинально нагнулся, поднял ее и сунул в карман, не представляя даже, для чего это делаю. Уже в лагере разглядел подобранную книгу Шолом-Алейхема «Блуждающие звезды». До этого я не читал еврейских авторов, не знал эту нацию, их обычая, уклада. Впервые я увидел евреев в учебной роте моего полка. Там их было трое. Бойцы, как бойцы, ничем не отличались от остальных солдат, кроме привязанности друг к другу и взаимопомощи, что в моем понимании было положительным в человеческих отношениях.

ТЮРЕМНЫЙ ЛАГЕРЬ

Тысячная колонна пленных пересекла город и медленно выползала на другой его стороне. «Значит, погонят в Уманскую Яму» – подумали многие. Но колонна, обогнув группу одноэтажных домов, огороженных кирпичным забором с решетчатыми металлическими воротами и проходной возле них, повернула влево от основной дороги и в сотне метров от нее уперлась в раздвижные металлические ворота городской тюрьмы. Кировоградская тюрьма ничем не отличается от тюрем других городов. Типовая, построенная из красного кирпича и камня еще в начале века, а может быть,

и раньше была обнесена высокой кирпичной стеной с рядами колючей проволоки по верху и сторожевыми вышками по углам.

Давно конвойное начальство скрылось в проходной, а мы все стояли, ожидая открытия ворот. Охрана тюрьмы не хотела принимать нашу колонну в свои владения, так как она была перегружена в десятки раз. С нами, число пленных достигнет 20 тысяч человек. После долгих пререканий, ворота открылись, отсчитывая по сотне, нас стали пропускать во чрево тюрьмы. В таком заведении я еще не был, поэтому с удивлением и страхом смотрел на тюремную обстановку. Справа от ворот, рядом с проходной, возвышалось двухэтажное кирпичное здание с зарешеченными окнами. За ним размещались хозяйственные постройки, образуя как бы малый двор, отгороженный от основного тюремного двора кирпичной стеной.

Сквозь цепь любопытных немецких солдат и военнопленных с белыми повязками – полицаями, заполнивших «малый» двор, нас прогнали в «большой», битком набитый пленными, двор, где мы распозались в поисках пристанища. Как нам объяснили, сегодня ужина не будет, так как нашего прихода не ожидали, продуктов тоже не подвезли. Благо работали водопроводные колонки и тюремные краны: без труда можно было попить водички.

Посредине «большого» двора возвышалось трехэтажное здание тюрьмы. На сторожевых вышках стояли немецкие солдаты с пулеметами, время от времени зажигая прожектора, направляя их на участки двора.

Было уже поздно. Мы порядком устали, не стали искушать судьбу в поисках более удобного места ночлега, улеглись с Грицаем у цоколя тюремного здания, закутавшись в шинели, подложив под головы вещмешки.

Спали мы крепко, утомленные переходом и переживаниями. Я проснулся первым, почувствовав боль в шее. Пошарил рукой и, вместо вещевого мешка, вытащил красный кирпич. Жалко было котелка и пары кукурузных початков.

– Ничего, обойдемся одним котелком, – успокаивал меня Николай Грицай, понимая, что без котелка и ложки – голодный пленный. Это понимал и я, надеясь на свою пилотку с плотной подкладкой.

Нас не спешили кормить и завтраком. Полицаи в большом дворе появлялись редко: уж больно агрессивны вели себя пленные. Наконец отважились появиться значительной группой и объяснить причину задержки с

едой. По их словам, тюремная кухня имеет малую емкость котлов, которые не могут накормить всех пленных лагеря, даже если будет работать круглые сутки, а также отсутствием продуктов. Сельчане не выполнили плана поставок сельхозпродукции. Немцы принимают меры. На базе бывшего кавалерийского полка готовят лагерь для расселения пленных в тюрьме. Потерпите немного, жизнь ваша улучшится. От разъяснений полицаяв желудки пленных не стали сытнее. Ели все, что можно разжевать и проглотить, готовили кипяток, чтобы согреться горячей водой. По всему двору дымились костры, выдиралось и ломалось все, что могло гореть.

В середине дня подали команду приготовиться к еде. Сразу же образовалось 10 очередей. Аборигены уже знали места их построения. В одну из очередей стали и мы.

Распахнулись ворота, в них ввалилась сотня полицаяв, разбежалась по очередям наводить порядок, столько же остановились у мест раздачи пищи для охраны продуктов и раздатчиков от голодных пленных. Наконец показалась вереница кадешек с баландой и ящики с пайками хлеба.

Процесс раздачи пищи для нас уже был знаком по пересыльным лагерям. Грицай, получив свою порцию, попросил, чтобы в его котелок налили и мою долю, но от охранника

получил ремнем по шее. Под окрик: «Следующий!» я еле успел снять с головы пилотку, сунуть ее под черпак раздатчика. Половина баланды пролилась на землю. Так наши злключения начались в тюремном лагере.

После обеда кое-кто уселся погреться на солнышке. Была уже середина октября, но осеннее солнце еще грело. Некоторые пленные, раздевшись, уничтожали вшей в своем белье. Этих паразитов становилось все больше. Они стали донимать и нас, вновь прибывших.

Большая же часть пленных бродила по лагерю в поисках знакомых, обмена недоеденной пайки хлеба на курицу или предлагали на обмен какую-либо вещь. Лагерь походил на ходячий базар натурального обмена.

Потолкавшись в толпе, в тайной надежде увидеть мой котелок и вещмешок, мы с Грицаем направились к зданию тюрьмы посмотреть место возможного ночлега, так как ночевать во дворе для наших ослабевших организмов было опасно. Мы еще не оправались от своих болезней. Грицай перестал температурить, но его стал мучить кашель и боль в груди. Похоже

было на воспаление легких. Я чувствовал себя значительно лучше того памятного дня. Поэтому мы береглись от простуды, стремились найти более теплые места для ночлега.

Только сегодня мы рассмотрели здание тюрьмы. Это трехэтажное кирпичное здание на высоком каменном фундаменте П-образной формы размещалось посредине обширного двора, огороженного высокой кирпичной стеной со сторожевыми вышками.

Внутри П-образного корпуса здания был маленький дворик для прогулок заключенных. Отделялся он от основного двора двумя заборами из толстых металлических стержней и таких же ворот, между которыми были входные двери в здание. Такие же дверные проемы выходили во дворик в нескольких местах высокого цоколя, а на стенах в три ряда тянулись оконные проемы, забранные в металлические решетки, а в верхних этажах вдобавок еще и деревянными козырьками. Подобные окна опоясывали и внешние стены здания. Двускатная крыша, крытая кровельным железом, завершала тюремную коробку. Внутри эту коробку по всему периметру разделял на две части широкий коридор высотой от пола нижнего этажа до потолка верхнего перекрытия, соединенных в нескольких местах кирпичными стенами.

К камерам и помещениям второго и третьего этажей вели металлические балконы, опоясывающие все здание по контуру, соединяющиеся между собой переходами. Для предотвращения самоубийства заключенных между балконами была натянута металлическая сетка.

Были и подвальные помещения, но они нас не интересовали, так как их пол был залит канализационной жидкостью.

В камерах в это время было мало людей. Лежали там на бетонном полу только больные или не выспавшиеся ночью. Основная масса была во дворе. Из разговоров мы узнали, что устроиться на ночлег в камерах становится трудней, так как заморозки загоняют всех в здание. Надо заранее занимать места и охранять их.

В этот вечер мы постарались в числе первых получить баланду и занять место в одной из камер второго этажа. В этой камере, как и в остальных, никакой мебели не было, размещались на грязном бетонном полу. Улеглись и мы в уголке, подальше от двери. И правильно сделали, так как

в полночь в камеру хлынул поток пленных, уплотняя своими телами лежащих. После теплых солнечных дней небо заволокло тучами, посыпал мелкий нудный осенний дождь, загоняя всех под крышу. Вместить всех пленных здание тюрьмы не могло. За место в камере шла борьба. Более сильные и наглые вытаскивали из камер слабых, занимали их места, а те бродили по всему зданию в поисках места, где можно было хотя бы сесть. Камеры набивались так плотно, что порою не было возможности выйти по надобности. Многие испражнялись под себя, особенно страдающие поносом. Испарение канализационных вод первого этажа, вонь грязных тел пленных, их испражнений вызывало рвоту у здоровых людей, а мой Грицай просто задышался от недостатка кислорода. Кашель его мучил все больше и чаще.

На другой день, после раздачи еды, мы пробрались к воротам в «малый» дворик, где толпились больные и всевозможные просители. К ним, время от времени, выходили военнопленные врачи, бегло осматривали, отбирали некоторых больных, другим давали таблетки и другие лекарства, а чаще советы. Выходили другие полицаи, интересовались просьбами, жалобами. Решали их тут же или делали в своих книжках отметки.

Врач осмотрел Грицай, покачал головой, мол, плохо дело, сержант. Признал воспаление легких. Заболел он сразу после Черниговского купания. Посетовал, что помочь ничем не может: лекарств нет, лазарета как такового тоже нет. По своей инициативе пленные врачи оборудовали под сараем, в «малом» дворике, приемную на два десятка человек. Вся она уже забита хирургическими больными, а их становится все больше. А тут еще напасть: в лагере появились больные дизентерией. Это страшная эпидемия, от которой погибнут многие. Изолировать их некуда, лечить нечем.

В надежде поискать у своих коллег лекарство для моего друга, взял нас в «малый» дворик. В нем тоже были пленные, но больше с белыми повязками. У тюремных ворот кучковалась толпа пленных, размахивая руками и выкрикивая отрывистые слова.

– Сюда приходят много жителей, ищут своих родных и знакомых. Некоторых находят, забирают домой. Немцы отпускают пленных украинцев и белорусов под расписку их родных, выдают им соответствующий документ, – информировал нас доктор.

– Коля, тебя могут отпустить, ты ведь украинец, да и фамилия твоя хохлацкая – предложил я другу возможность освободиться от плена.

– Конечно, было бы хорошо, но я ведь с Донбасса, родственников здесь у меня нет – сокрушался мой друг.

– А ты, сержант, передай записку, что ты такой-то, ищешь родных и знакомых. Может кто-нибудь догадается и затребует тебя, – посоветовал человечный доктор.

Идея понравилась, Грицай загорелся возможностью освободиться. Здесь же, в «лазарете» доктор помог найти бумагу и карандаш. Нашел он немного лекарств, показал битком набитую «приемную» палату, сокрушаясь, что не может оставить нас здесь, посоветовал больше лежать в теплом месте. Бедняга не знал наших «теплых» мест, хотя и его «палата» была не лучше.

Мы потолкались у ворот, увидели толпу людей, спрашивающих о своих родных, передающих принесенные подарки через полицаев. Немецкие солдаты снисходительно взирали на контакт жителей со своими защитниками. Полицаи часть продуктов передавали пленным. Нам с Грицаем достались пирожки с картофелем и капустой.

– Как домашние! Моя мама пекла такие! – восхищался Грицай, уплетая пирожок.

Нас снова загнали в «большой» двор. День прошел с большой пользой для нас. Особенно воспрянул духом мой друг. Так прошло несколько дней. Пасмурные дни сменялись солнечными, утром мороз серебрил землю. Тюремный двор по ночам пустел. Все прятались под крышу. Попасть в помещения и камеры стало труднее. Теплый ночлег добывался боем. Мы, оставшись вдвоем, были плохими бойцами, поэтому приходилось ночевать даже на чердаке тюремного здания, среди множества балок кровли, в пыльных закоулках, где шныряли подозрительные группы пленных азиатской внешности. Увиденные несколько трупов с вырезанными частями ягодич отбили у нас охоту искать там ночлег. Несколько раз ночевали на металлических сетках, натянутых между этажными балконами. Спать на них было неудобно: слишком прогибались они под тяжестью тел, но там было теплее, чем во дворе и даже на чердаке. С каждой ночью желающих там отдохнуть становилось больше. Сетки прогибались, вытягивались, скрипели, но это не останавливало людей; поспать в тепле всем хотелось, пока не случилось не-

счастье. Была холодная слякотная погода; она всех загоняла в теплые места. Все помещения были битком набиты, больше обычного улеглось пленных на сетках. К счастью, мы с Грицаем нашли места в камере третьего этажа и в полночь услышали скрежет металла, гул падающих тел и неистовые крики обезумевших людей.

Верхняя сетка не выдержала груза тел, лопнула посередине и лежавшие на ней посыпались на нижнюю сетку и на тех, кто там был. Вся людская масса, оборвав вторую – рухнула на бетонный пол коридора, залитый дерьмом. Рев испуганной, полузадушенной толпы потряс всю тюрьму. Пленные на других сетках, осознав серьезность своего положения, бросились покидать их, усилили нажим, оборвали их крепления, очутились, как и первые, в вонючей жиже. До утра пострадавшие выбирались на сухие места, а утром похоронная команда полицейских – лайхед-команда, весь день вытаскивала трупы, возила их из лагеря.

В последнее время работы у этой команды прибавилось. Количество умерших и погибших с каждым днем стало увеличиваться. Уже одна подвода не успевала вывозить трупы, приходилось складывать их в штабель.

Холод и голод косили людей. Вдобавок к этому началась эпидемия дизентерии. Все больше пленных хватаются за брюки, присаживаются на корточки в удобном месте, вскакивают, затем, через некоторое время, снова садятся, иногда не успев даже спустить брюки. «Утиный» понос мучил людей. Начиналось кровотечение, поражение кишечника, ослабление организма и летальный исход. Недоброкачественная пища, грязь, холод, вши усилили эту инфекционную болезнь. Изолировать больных дизентерией было некуда. Все пленные обитали в «общем» тюремном дворе. Мыс моим другом Николаем Грицаем тоже поневоле днем бродили по этому двору в ожидании раздачи баланды, возможности услышать новости или вызова жителями своих пленных родственников, передаваемых полицией несколько раз в день через мегафон. Николай еще лелеял надежду услышать свою фамилию, но, увы, мы ее не слышали. Болезнь друга прогрессировала. Данные доктором таблетки оказались бессильными повлиять на болезнь. Николай с каждым днем слабел, отлеживался в камере, редко выходил во двор. В конце октября выдался теплый, солнечный день. Весь день мы с ним провели во дворе в ожидании баланды, раздачу которой, как обычно, задерживали.

Наконец, во двор выскочила команда «порядка» по наблюдению за раздачей пищи. Мы оказались в конце очереди. Николай, как обычно, получил свою порцию в котелок, а я подставил под черпак свою пилотку. От удара по руке я уронил ее, а от окрика полицая: «Ах, ты падла! Второй раз хочешь получить!» – остоленел.

– Да нет, я еще не получал баланды, – оправдывался я, поднимая с земли свою пилотку и показывая ее полицая.

– Как не получал? Не видишь, она еще мокрая и капуста на ней еще осталась – тыкал мою голову в пилотку разъяренный блюстителъ порядка.

– Нет, это вчерашняя капуста! Сегодня пшенная баланда! – оправдывался я.

– Что за шум, а драки нет? – услышал я знакомый голос, поднял голову и увидел старшину Шпака. Того ротного старшину, который часто гонял нас вокруг столовой за какие-либо нарушения. Только вместо фуражки с красной звездой на его голове надета набекрень шапка с зеленым верхом, а тело обтягивал зеленовато-мышинный френч из немецкого сукна.

Вокруг него, с усами под запорожцев, стояла орава молодцов, с любопытством наблюдающих за действиями своего товарища-полицая.

– Товарищ старшина! Товарищ Шпак! Иван Васильевич! Этот полицай обвиняет меня, что я второй раз получаю баланду. Это не так! Ребята подтвердят! – оправдывался я перед бывшим старшиной Красной Армии, а сейчас, видимо, начальником команды полицаяев.

Шпак тоже пристально вглядывался в меня, так как его бывшее звание, фамилию, имя и отчество мало кто знал в его окружении, и он не хотел этого. Конечно, меня он узнал, пожалуй, не как бойца учебной роты, а как старшину при нашей последней встрече в штабе полка, вспомнил все неприятности, связанные со мной, особенно в сумском госпитале.

– Дывись, хлопцы, товарищ объявился! – показал Шпак на меня своему окружению, которое, услышав такое обращение к их начальнику, не могли угадать его действия и растерянно глядели на меня и на Шпака. А тот уже разъярился: – Москали твои товарищи! Хай они годуют, таких як ты! Вильна Украина буде жить при новом порядке и вот так буде наказывать нарушителей порядка – с размаху хлестнул через плечо нагайкой, видимо, с

металлическим наконечником, так как я сразу же согнулся от удара и боли. Последовали еще удары.

Все произошло так неожиданно и нежданно, что все стояли в оцепенении. Из этого состояния вывел всех возглас Грицай, моего товарища и друга:

– Ах ты, шкура продажная! Немецкий холуй! На, жри свою баланду! – выплеснул содержимое котелка в лицо Шпаку.

Тот оторопел, смахнул рукавом френча с лица пшениую жижу, заорал:

– Бей их, хлопцы! Бей жидов и москалей! – полоснул ногойкой Николая. Его орава кинулась, как свора верных собак на нас, свалили на землю, били ногами по чему попало. Может быть, они забили бы нас до смерти, если бы не раздался крик:

– Товарищи! Наших бьют! Бей полицаев! – и многие из очередей кинулись к нам. Шпак, со своими самостийниками поспешили улизнуть в «малый» двор. Нас подняли на ноги, заставили раздатчиков налить в котелок две порции баланды. Те беспрекословно подчинились. Молчали и наблюдатели порядка.

Это впервые пленные выступили против беспредела полицаев. Мы с Николаем были довольны, что были причиной единения обездоленных людей, почувствовавших свою силу в единении. Весть о побеге начальства полицаев разнеслась по всему лагерю, подняла дух пленных. Это, пожалуй, поняли и немцы, так как не стали нарушать режим раздачи пищи, улучшили ее качество. Поутихли и полицаи.

Время шло, приближалась зима, больше умирало людей. Холод пробирал пленных и в камерах. Чтобы согреться жгли костры, выламывая все, что могло гореть. Над кострами выжигали из белья и одежды вшей. Они не меньше дизентерии донимали пленных. Ведь за все время пленения никто не мылся в бане, не менял белья. Вшам было раздолье.

Мы с Николаем после побоев отлеживались. Особенно плохо себя чувствовал Грицай. С кашлем, выхаркивал и сгустки крови.

– Скоро я помру, Ваня, – говорил бедняга. – Не дождусь своих родных. Кому нужен больной шахтер?!

Как мог я его успокаивал, хотя и сам чувствовал себя не лучше друга. «Утиным» поносом заболел и я. Часто стал бегать «до ветра». Начал кровоточить кишечник, бактерии шигеллы разрушали его, организм слабел. Мы с Николаем сравнивались здоровьем: он кровоточил сверху, я – снизу, оба теряли силы. Так в ожидании смерти шли дни. Инстинктивно получали баланду, искали места ночлега в камерах, укладывались спать рядом, укрываясь шинелями, просыпаясь утром, чтобы начать день мучений.

В одно утро я проснулся первым. Николай лежал ко мне спиной, на левом боку. Мне в глаза бросилась цепочка вшей, ползущих от затылка Николая ко мне. «Ползут они как-то торопливо, точно крысы с тонувшего корабля» – подумалось мне. – «А может быть с мертвого человека?» – потряс в тревоге за плечо своего товарища. Николай лег на спину, без признаков жизни. Я дотронулся до его лица, оно было холодное. Мой друг был мертв. Отмучился солдат, так и не дождавшись свободы. Его тело накрыл шинелью, взял его вещмешок и котелок, спустился во двор сообщить похоронной команде о смерти своего товарища. К обеду тело Николая Грицаца, как и многих других, бросили на похоронную телегу, повезли из тюремного лагеря.

Проводил тело друга до ворот тюрьмы, подумал: «А кто же проводит за эти ворота мои останки?». Только сейчас я почувствовал остро свое одиночество и понял, что потерял настоящего друга, остался один среди многотысячной толпы обреченных. Тоскливо сжалось сердце. Впервые за всю службу и войну заплакал навзрыд. Сел в уголок и так в печали просидел до вечера. Получил в котелок друга баланду, помянул его.

На другой день бродил возле ворот без всякой цели. Уходил вглубь двора, грелся у костра, но ноги сами тянули к воротам. Возле них сидели доходяги с надеждой, что выйдут врачи или санитары, чем-нибудь помогут, скажут какие-нибудь обнадеживающие слова. В последние дни врачи появлялись редко, предоставив право санитарной очистки лагеря похоронной команде.

Уже под вечер к доходягам вышел наш знакомый врач, заметил меня и спросил:

– Нашлись родственники друга?

– Нашлись, доктор, нашлись. Вчера увезла его похоронная команда в рай небесный.

– Да, такая, видно, судьба его, старшина. Ты не уходи далеко. Сегодня я заберу тебя, иначе и ты попадешь туда же, куда увезли твоего друга.

Доктор осмотрел десятка два больных. Человек пять из них повел с собой, прихватив заодно и меня. В реви́ре, местном тюремном лазарете, он поместил нас к дизентерийникам, приказав санитарам накормить ужином.

Утром нас снова покормили, Пришел наш доктор, объявил, что немецкое командование решило разгрузить тюрьму, перевести больных в городскую больницу, оборудованную под лазарет для военнопленных, здоровых перевести во вновь подготовленный лагерь на базе кавалерийских конюшен бывшего кавалерийского полка. Сегодня в лазарет отправят первую партию инфекционных больных дизентерией в количестве 50 человек. В эту партию намечено направить и вас. Наберитесь сил дойти до больницы – она рядом. Надеюсь, вам там будет лучше. Мне больница и его обслуживающий персонал понравились. Надеюсь, старшина, мы еще встретимся – попрощался со мной доктор.

ЛАЗАРЕТ

После завтрака нас заставили умыться, привести себя в порядок. От радости, что покидаем этот тюремный ад, старались, как только могли, выглядеть прилично. Нашу группу пополнили больными из «большого» лагеря, построили в колонну, вывели за ворота тюрьмы. Там уже стояла тюремная колымага, набитая трупами пленных, за ней кучковались до десятка из похоронной команды и немецкий солдат – охранник.

Нашу колонну охраняли четыре солдата с автоматами и один унтер-офицер, видимо, начальник всего картежа. По его команде впереди повезли трупы, а за ними двинулись и мы – полугруппы.

Дорога шла по склону долины к окраине города. Наш кортеж, миновав тюремный забор, повернул влево, по новой накатанной дороге, к видневшимся внизу строениям, как оказалось, той самой больницы, куда направляли нас. Мы к ней подходили с «черного хода». Фасадная часть территории больницы простиралась вдоль гравийной дороги районного зна-

чения, огораживалась от нее каменным забором, посредине были решетчатые металлические ворота, здание проходной и жилого дома. Против ворот, на другой стороне дороги стоял большой кирпичный дом с дворовыми постройками. Остальные три стороны больничной территории были огорожены деревянным забором, оплетенным колючей проволокой. Это мы уже заметили при подходе. По углам изгороди виднелись новые сторожевые вышки, которые среди деревьев, росших на территории больницы, особенно не выделялись. Вдоль правого торца больницы, рядом с забором, виднелись траншеи и холмы из свежерытого грунта. Туда направились подвода и гробовщики, а мы пошли к основной дороге, повернули вправо и остановились у больничных ворот.

Наш унтер-офицер скрылся в проходной, появившись вскоре с офицером, ефрейтором и тремя солдатами. Нас пересчитали, ввели во двор. Тюремный конвой, откозыряв офицеру, удалился, а мы стояли, ожидая команды. Офицер что-то кричал на ефрейтора и солдат. Один из солдат бросился к домику за дорогой, а ефрейтор побегал в глубину двора. Скоро с улицы пришло отделение полицаев с белыми повязками на рукаве, во главе со старшим, видимо из бывших младших командиров Красной Армии. Выбросив руку в фашистском приветствии, а затем, встав «смирно», пришелкнув каблуками, доложил:

– Господин лейтенант, отделение полицаев по вашему приказанию прибыло!

– Гут! – отрезал лейтенант и начал отрывисто говорить уже нам. Старший полицай перевел:

– Господин офицер говорит, что в этом лазарете вас будут лечить от болезней, хорошо кормить. Охранять вас будем мы, полицаи. Он говорит, чтобы вы вели себя достойно, не нарушали порядка, выполняли все приказы немцев и полицаев. За нарушение порядка наказание, за побег – расстрел. Сейчас вас поведут на санобработку и поместят в палаты. Кормить вас будут три раза в день.

Пока он переводил, появился ефрейтор с двумя крупными женщинами и одной шупленькой, лет под сорок. Ей что-то сказал офицер. Она спокойно выслушала, ответила, глядя ему в глаза: – «Гут, герр офицер!» – повернулась к нам и душевно сказала несколько слов: – Дорогие мои! Сейчас

мы вас вымоем, осмотрим и будем лечить тем, что у нас есть. Вы должны выздороветь, так как нужны своим родным, Родине. Эти женщины вас поведут и помогут.

Полицай подал своим команду сопровождать нас, но маленькая женщина твердо сказала, не полицаю, а офицеру по-немецки:

– Не надо охраны. Они никуда не убегут! Тот молча кивнул ей головой, а старшему полицаю показал рукой на ворота.

Старожилы нам потом рассказывали, что в 1754 году на месте нынешнего Кировограда, областного центра, была заложена на реке Ингул крепость святой Елизаветы, в 1775 году она стала городом Елизаветинград, который в 1924 году был переименован в Зиновьевск, в 1934-м, после убийства С.М. Кирова, – в город Киров, а в 1939-м – в Кировоград.

На месте бывшей крепости уже при Советской власти была построена городская больница, а во время войны она была переоборудована под госпиталь, где до самой сдачи города лечили раненых бойцов Красной Армии. Некоторых удалось эвакуировать на восток, другие разошлись по области, а оставшиеся тяжело больные были расстреляны немцами. Их похоронили на больничном кладбище, где сейчас немцы хоронят советских военнопленных.

Когда инфекционные болезни захлестнули тюремный лагерь, немцы вспомнили о больнице, превратили ее в лазарет для военнопленных, оставив всё как было на этот период: врачей, сестер, санитарок, которые в большинстве жили здесь же, на территории больницы. Большинство врачей, санитаров и сестер ушли с Красной Армией, остались старые или связанные с семьей. Остался старейший врач, 80-летний профессор Адам Чвалинский, советский поляк, со своей старой женой. Его дочь, София Адамовна, с 16-летней дочерью, не бросила стариков, осталась вместе с ними. Все они жили в трехкомнатной квартире больничного дома.

Немцы предложили старику Адаму Чвалинскому возглавить лазарет военнопленных, а дочери – должность главного врача. Ни у отца, ни у дочери выхода не было, как согласиться на предложение немцев.

Таким же путем были, боясь лишиться крова, завербованы сестры и санитарки, жившие в квартирах больницы. Территория больницы представляла собой своеобразный микрорайон, по контуру которого в 10 ме-

трах от ограды располагались больничные одноэтажные корпуса, а в центре – одноэтажные служебные и жилые дома, кухонный блок, магазин.

В правой стороне, недалеко от больничного кладбища, размещались хозяйственные постройки, баня, пункт санобработки.

Сюда и привела нас Софья Адамовна, объяснила порядок санобработки: – В помещение заходят одновременно 10 человек, в первой комнате раздеваются наголо, одежду вешают на крючки тачки, которые потом женщины поместят в вошебойную камеру; во второй комнате сами, друг у друга пострижете волосяной покров; машинки и ножницы там уже приготовлены; в третьей комнате все тело, голову и лицо смажете приготовленным раствором, посидите пять минут, пока не откиснет на вас грязь и не подохнут оставшиеся вши и гниды, а затем, в душевой хорошо вымоетесь. В следующей комнате, уже на выходе, будут стоять тачки с вашей одеждой. Хорошо вытряхните ее от пыли и вшей, оденьтесь. Если у кого нет нижнего белья или оно пришло в негодность, санитарки дадут вам. По закону мы должны одеть вас во все больничное, но не забывайте, что вы в плену у врага, который не заинтересован в вашем благополучии. Мы сейчас делаем все возможное, что в наших силах, чтобы облегчить ваше состояние. После санобработки, в соседнем помещении я и другие врачи вас осмотрим, определим ваши болезни, методы лечения и направим по палатам. На санобработку каждой группе отводится полчаса, так что придется поторопиться, не заставляя товарищей ждать вас. Ужин получите в палатах.

Инструкция была дана конкретно и понятно. Десятки группировали с расчетом на 5 доходяг, 5 человек крепких, могущих помочь при санобработке товарищу. Все проходило согласно инструкции. Женщины-санитарки, одетые в прорезиненные комбинезоны, следили, чтобы вши не расплозились за пределы ограниченной зоны, собирали их в особую посуду.

За полчаса процедуры мы, как бы, заново родились, сбросили с себя все земные грехи, обрели душевный покой и надежду на лучшее будущее, забыв даже о болезни. Вытряхивая свою одежду я поразился обилию у меня вшей. На полу лежала хорошая пригоршня убитых вшей. Сколько же паразитов сосало мою кровь!

В другом помещении, в приемной, сидели две девушки. Одна регистрировала с подробностями биографические данные: о профессии, месте

жительстве и рождении, имени и отчестве родителей, воинском звании, военной профессии, месте пленения. Вся подноготная о пленных интересовала немцев, любителей порядка. Это была первая для меня регистрация моей особы. Я все говорил, как было на самом деле, ничего не меняя. Некоторые меняли фамилии, воинские звания и др.

Вторая девушка заполняла больничную карточку и с ней направляла к врачу. Я попал к Софье Адамовне. Она осмотрела меня, прослушала грудь, поинтересовалась ранением, контузией, последними болезнями. Болезнь на марше, по ее заключению, я перенес «на ногах». Организм охладился при купании в Кременчуге, а недомогание и слабость я почувствовал в кризисный период, но организм был сильным, переборол болезнь. Хуже было с моим другом. Он сразу же заболел пневмонией. Недавно я заразился дизентерией. Болезнь в начальной стадии, есть надежда ее вылечить даже в этих условиях. Такое сообщение меня обрадовало. Спросила меня о моей гражданской профессии, месте рождения. Узнав, что я со Ставрополя, обрадовалась как земляку. Оказывается, она в этом году, в июне месяце, отдыхала в Кисловодске, вернулась к началу войны. Ушел я от доктора с теплым чувством признательности за ее человечность.

Разместили нас, поносников, в больничном корпусе левой части территории. Были здесь теплый туалет, душевая, ординаторские, палаты больных на 4-10 человек, с металлическими койками и ватными матрасами на них. Словом, как в обычной больнице. Только на койках не было постельного белья, не везде были и одеяла. Нам, первой партии, повезло. Нас разместили в лучших палатах, обеспечили всех матрасами и одеялами. Дежурили в лазарете вольнонаемные сестры и санитарки. К вечеру пришел в наш корпус и офицер – герр Вилли. Оказывается, он был начальником этого лазарета, имел звание лейтенанта медицинской службы. С ним был его денщик – ефрейтор Вилли, пронырливый коротышка, злой и похотливый немец. Сестры называли его Вилли Недоносок, так как он по его словам родился семимесячным, не вырос до нормального роста, мстил всем здоровым и крупным людям. Оба они прошли по палатам, увидели спящих пленных и порядок в палатах, остались довольны. Лазарет охраняли четыре немецких солдата и взвод полицаев, размещавшихся в доме за дорогой.

Вечером нам дали сухарей и чаю, как лечебную диету. Попросили потерпеть; меньше пить сырой воды, не есть другой пищи, чтобы остановить кровотечение кишечника, создать неблагоприятные условия для возбудителя болезни.

После тюремной ночлежки здесь мы блаженствовали. Давно я не спал так крепко и сладко.

На второй день снова привели партию «поносок» в 50 человек. Разместили их в нашем корпусе. Заполнялись больными и другие корпуса. Обслуживающего персонала не хватало. Пополнить их вольнонаемными начальник лазарета отказался, приказал использовать для этих целей более крепких больных.

На одном из обходов Софья Адамовна попросила меня подобрать десяток таких ребят. Мы помогли вольнонаемным санитаркам убирать туалет, подметать и мыть полы, следить за порядком в палатах.

Занятость благотворно сказалась на нашем здоровье. Болезнь от меня отступала, кишечник не кровоточил, реже стал бегать в туалет.

Шли дни, больные из тюремного лагеря поступали уже каждый день по несколько партий. Санобработка работала в две смены. Приводили и привозили не только поносок, но и тифозников. В лагере разразилась эпидемия новой инфекционной болезни – сыпной тиф. Смертность резко увеличилась. Гробовщики не успевали рыть траншеи и хоронить трупы.

Больные в лазарет стали поступать в основном тяжелые, не способные поухаживать за собой и требовали помощи при санобработке. На эту работу послали нас, новых санитаров. Приходилось весь цикл санобработки выполнять самим, вплоть до доставки больных в палаты.

По-прежнему велась регистрация пленных. Этим делом стала заниматься и шестнадцатилетняя дочь Софьи Адамовны – Зося. Работа на пункте санобработки была не только трудной, но и опасной возможностью заразиться инфекционной болезнью.

Софья Адамовна предупреждала нас об этом, заставляла работать в комбинезонах, обмываться под душем после смены. Она беспокоилась не только о нас, но и о своей непоседливой дочери, которая, как и большинство любознательных подростков, искала в толпе пленников знаменитые лич-

ности, оказывала им сочувствие и внимание. Мать просила меня присматривать за нею, не позволяя близко общаться с больными.

Но от этих паразитов, особенно тифозной вши трудно уберечься. Как не береглись вольнонаемные санитарки и сестры, некоторых из них свалила болезнь. Заболела и дочь Софьи Адамовны. Чвалинская лечила их на дому. Через неделю после Зоси заболел и я. Меня начало знобить, на теле появилась сыпь, поднялась температура, стал впадать в бредовое состояние. По распоряжению главного врача меня положили в нашем корпусе в отдельной четырехкочной палате, где уже лежали тифозные.

При обходе Софья Адамовна рассказала мне об этой болезни, что лекарств против нее в больнице нет. С большим трудом она достала для дочери. Малую толику может уделить мне, но в основном надо надеяться на организм. Главное, чтобы выдержало сердце, нервная система.

– Инкубационный период у этой болезни – три недели, пока ее бактерии не разовьются в клетках человека. Судя по срокам заболевания, вы с Зосей заразились в начале поступления к нам первых тифозных больных, – закончила доктор, рассказав о сыпном тифе. Для меня процесс болезни прошел, как в тумане. Говорят, что я метался, стонал, бредил, звал какую то Надю. Потом наступил момент, когда я затих, лежал пластом без признаков жизни. Санитары хотели уже вынести меня в мертвецкую, но старшая сестра корпуса приказала не трогать меня до прихода главного врача. Утром Софья Адамовна, увидев меня спящим, облегченно вздохнула, сказала, что кризис миновал, и не велела меня беспокоить, пока не проснусь.

Так я проспал двое суток, попросил воды. Сообщили главврачу. Она пришла, осмотрела меня, дала лекарство, напоила бульоном, который для этого принесла с собой. Позже она неоднократно осматривала меня, лечила, подкармливала, возилась со мной, как с родным или близким ей человеком. Если бы не помощь Софьи Адамовны, я бы не выжил. От этой болезни умирали многие. Все палаты были забиты тифозными. Даже в нашей элитной палате стояло уже шесть коек, на всех лежали больные, укрытые одеялами, шинелями и другой одеждой от холода, так как была уже зима 41-42 годов, памятная русская зима первого года войны, так памятная немцам под Москвой и на других фронтах России. О военной обстановке в тот момент я ничего не знал. Было не до этого. Уже после кризиса вольнонаемные пере-

дали нам, что немцам крепко дали под Москвой. Красная Армия гонит их от столицы.

Чувство выздоровления и радостное известие о разгроме врага подняло мое настроение. Была довольна и Софья Адамовна, сетовала на мою худобу. За время болезни я потерял половину своего бывшего веса.

– Ничего, главное – остался жив, – утешила меня доктор. – Как говорят, были бы кости, а мясо нарастет.

Вот только беда – кормить вас, бедолаг, становится нечем: немцы уменьшили норму выдачи продуктов, а число больных все растет. Ими уже забиты все корпуса больницы. Лежат даже на полах в палатах и подсобках. Лекарств нет, кормим плохо, антисанитария, смертность громадная.

В тюремном лагере еще хуже. Доктор Виноградов, который отправляет к нам больных, рассказывает страшные вещи: там люди умирают не только от болезней, голода, но и холода. Отопления нет, в камерах морозно, как и на дворе. Люди замерзают. Трупы вывозить не успевают, складывают в штабеля. До сих пор тюрьму очищают от трупов. Живых согнали в новый лагерь военнопленных, в помещение бывшего кавалерийского полка, где условия жизни тоже тяжелые, но лучше тюремных.

На мой вопрос: где сейчас доктор Виноградов, Софья Адамовна, показала на соседнюю койку:

– Лежит на этой койке. У него наступил кризисный период. Пройдет благополучно – будет жить. Заболел тифом уже под конец эвакуации. Сам привел последнюю партию больных. Я удивляюсь мужеству подобных людей.

На прощание посоветовала больше спать, не показываться на глаза полицаям и немцам. Они начинают очищать лазарет от выздоравливающих.

Через некоторое время в палату к нам заскочила Зоя, в шубейке, шапке ушанке, похудевшая и вытянувшаяся.

– Здравствуйте, дорогие мои! – подошла она сначала ко мне, а затем к моему соседу по койке. – Вижу, кризис перенесли благополучно, в глазах аппетит волчий. Я вам кое-что принесла. Вам, Никодим Петрович, бульончику, – обратилась она к соседу – доктору Виноградову, – а вам еще и куриную ножку, – передала мне пол-литровую банку еды. – Это вам подарок от моей бабушки! Она желает вам скорого выздоровления, и я тоже!

– тараторила девочка, радуясь, наверное, что она еще жива и может помочь симпатичным ей обездоленным людям.

На мое замечание: почему она не бережется, без дела общается с инфекционными больными, Зося, без обиды затараторила, что она теперь тифом не заболает, ее организм уже выработал иммунитет, а общается она не со всеми больными, а со своими знакомыми, известными и интересными людьми.

– Вы, наверное, слышали о братьях Старостиных, известных футболистах нашей страны, недавно награжденных орденами. Так вот один из них, кажется, Петр Петрович, лежал в нашем корпусе. Мама первая узнала об этом. Он говорил, что попал в плен в киевском окружении, под Лохвицями, показывал даже орден Ленина в подтверждении, что он Старостин.

Мама приняла все меры, чтобы вылечить его, доставала лекарства смотрела за ним. Но болезнь была запущена. Он старался вылечить ее в лагере, но только ухудшил состояние кишечника. Нужно было строго соблюдать диету, а футболист забыл наказ доктора, с жадностью поел куриный бульон и куриную ножку, принесенную одной из санитарок, его поклонницей. Когда мама узнала об этом – было уже поздно: больной в мучениях умер. Я с ним говорила только два раза.

Или вот, Никодим Петрович, сколько человечности и мужества проявил он, спасая пленных больных из лагеря смерти. Как не помочь такому человеку!

– Всё это так: один знаменит, другой поразил вас мужеством, а что заставило вас с матерью обратить внимание на мою особу?

– Вы напрашиваетесь на комплименты, – кокетливо, сверкнула глазками Зося. – С вами была простая и неожиданная история. После прихода первой партии больных из тюремного лагеря, мама домой вернулась усталой и взвинченной. Бабушка спросила ее: «Чем ты, Софьюшка, так взволнована?» «Да, как не волноваться, мама, сегодня пригнали полсотни больных пленных, какие они грязные, худые, вшивые! Только от этого вида сердце разрывается, не говоря уже об их болезнях. А тут еще неожиданное случилось: заходит в кабинет ко мне больной, от неожиданности я даже привстала; хотела даже броситься к нему с криком: Янек! Сынок мой! Но его: «Здравствуйте, доктор!» – сказанное глухим голосом с картавинкой,

удержало меня. Я во все глаза смотрела на больного. Какое поразительное сходство с нашим Янеком! Те же черты лица, глаза, нос. При разговоре оказалось, что фамилия больного Иван Яковлев, родом с Северного Кавказа, из Ставропольской глубинки, где я в этом году отдыхала. Сам он учитель, женат, служил на границе, в первых боях был ранен, в плен попал в киевском окружении.

Этот человек разбередил мне душу. В нем я видела своего сына. Где он, бедный, сейчас? Может быть, как и этот мыкается по лагерям или, не дай боже, убит. А может быть это знамение мне свыше: «все славяне в беде, помогите сами себе выжить, отстоять свою независимость от проклятых фашистов». Как врач, я обязана оказывать помощь каждому человеку, а этому я постараюсь сделать все возможное, чтобы спасти ему жизнь.

На другой день я была уже здесь, смотрела на вас и поражалась сходством со своим братом Янеком. Вот так мы обратили внимание на вашу «особу», – закончила Зося свое повествование, – и вы стали моим братиком и нашим родственником. Даже бабушка стала следить за вашей судьбой. Недавно, узнав о вашей новой болезни и благополучном выздоровлении, прислала бульона с курицей и приглашение к нам в гости.

Естественно, я поблагодарил за еду и приглашение, пообещал быть готовым пойти к ним через декаду. К назначенному сроку, помыв гимнастерку, почистив шинель и нахлобучив на стриженую голову пилотку, я в сопровождении Зоси шагал к их дому. День был солнечный, тихий и морозный. Снег поскрипывал под ногами, холодный воздух обжигал легкие, а мороз щипал уши. Хорошо, что Чвалинские жили недалеко. Дом их стоял у ворот больницы, торцом к забору и фасадом к проходной. Вход в квартиру был с противоположной стороны. Ни немцы, ни охрана не могли проследить за посетителями профессора.

В прихожей, посланной самодельным половиком, я разулся, снял шинель и, в тапочках, поданных мне Зосей, прошел в приемную комнату, что-то вроде сельской горницы, где уселся в мягкое кресло.

Давно я не был в такой обстановке, в квартире с коврами и половиками на крашенных полах, мягкими стульями и креслами вдоль стен, книжными шкапами и сервантами, поэтому тихо сидел в мягком кресле.

В комнату вошла Зося с маленькой, худощавой старушкой, в теплом платке и меховой безрукавке. Она подошла ко мне, вставшего при ее появлении, оглядела с ног до головы быстрыми глазами, проговорила: – Здравствуй, сынок! Вот ты какой! Наши все уши мне прожужжали о тебе. Похож, очень похож на Янека! – Села в рядом стоявшее кресло, мне показала на другое. – Садись, молодой человек, в нем теплее. Пока мы будем беседовать, Зося приготовит чай. Звать меня Анна Казимировна, а тебя Ваней зовут? – Я, в подтверждение, мотнул головой. – Вот и познакомились. А сейчас расскажите о себе, родителях, может быть, наша генеалогия где-то переплетается. Такое сходство без родственных генов не может быть.

Я рассказал любопытной старушке о своих предках: отце, матери. Ничего близко– родственного не было у них с потомками поляков Чвалинских. Подробно рассказал о себе, службе в армии, боях, показал фотографии матери и сестры, жены и дочери, портрет жены. Она его особенно внимательно рассматривала.

– Красивая девушка и дочь миленькая – заключила Анна Казимировна, показывая фотографии внучке. – Только почему они порваны?

Пришлось рассказать о судьбе этих фотографий, о первом бое, минометном осколке, который, пробив левую руку, ударил в карман гимнастерки, пробил пачку писем жены, фотографии, комсомольский билет и на последней его обложке, обессиленный, скользнул вглубь кармана. Если бы не содержимое кармана, давно я бы лежал в земле.

– Да, это счастливый случай! – согласилась старушка.

– Это любовь жены и родных отвели руку смерти от его груди! – воскликнула внучка.

– Может быть и так, – не возражала бабушка. – А, скорее всего – это перст судьбы! Как говорят на Руси; «Чему бывать, того не миновать».

Анна Казимировна поднялась, махнула рукой, чтобы я сидел, так как ее лицо было на уровне моего и ей не нужно было задирать голову:

– Большое спасибо, Ваня, за беседу, которая удовлетворила любознательность старухи. Я пойду отдохну, а вы с Зосей посидите, попейте чайку. Дай я поцелую тебя, сынок, на прощание. – Анна Казимировна взяла руками мою голову и трижды поцеловала в лоб, отошла, перекрестила меня, прошептав:

– Пусть Господь Бог будет милостивым к тебе! – потом, подумав немало, добавила: – Пусть Судьба будет благосклонна к тебе, Ваня, и моему внучку Янеку! – повернулась, тихо вышла из комнаты.

– Хорошая у тебя бабушка, – прервал я затянувшуюся тишину.

– У нас все хорошие: бабушка, дедушка, мама и особенно папа. Только вот я непутевая. Все меня ругают.

– А где отец твой? – поинтересовался я у Зоси. Она замкнулась, задумалась, потом, махнув рукой, заговорила:

– Вы обратили внимание, что бабушка об отце моем даже не промолвила. Он был врач, знаменитый в наших местах хирург. Работал вместе с дедушкой. Мама тоже врач – терапевт. Жили мы в городе дружно и весело. Папа любил нас, особенно баловал меня. В 1937 году ночью его арестовали. Дедушка и мама оббили пороги у начальников, доказывая беспочвенность ареста папы. Наоборот, их стали прижимать в работе: дедушке запретили преподавать в институте, маму понизили в должности. Папу осудили на 10 лет, как врага народа. От нас отвернулись близкие и знакомые. Нам с Янеком стало труднее учиться. Перед войной, в финскую войну, больницу превратили в военный госпиталь, Начальником назначили дедушку. Он взял с собой и маму. С этого времени здесь лечили только военных. Началась война с немцами. Они очень быстро продвигались на восток. Когда немцы подошли к Кировограду, началась эвакуация госпиталя. Многих больных удалось вывезти. С ними уехали все военнообязанные врачи, сестры, санитары. С ними уехал и наш Янек. Я его запомнила в шинели, пилотке на стриженной голове, ботинках с обмотками. Таким, как и вы сейчас. Дедушка не стал эвакуироваться. Куда ему, старику, пускаться в далекий путь, бросать одну старую жену и внучку – подростка. Мама тоже не бросила своих родителей и дочь.

После прихода немцев, когда улеглись все страсти, дедушка собрал оставшихся сотрудников госпиталя, начал приводить в порядок больничные корпуса, хозяйство госпиталя, обеспечивал проживающих на территории госпиталя средствами к существованию.

Долго здесь не было немецкого начальства, затем, в сентябре, заявлялась целая комиссия, тщательно осмотрела всю больницу, объявила дедушке, что здесь будет лазарет, за сохранность всего имущества будет нести

ответственность он. Дедушке ничего не оставалось, как согласиться, так как он жил в больничном доме, другой квартиры у нас не было.

Когда началась эпидемия болезней в тюремном лагере, большая смертность, общественность города возмутилась. Немцы решили использовать госпиталь под лазарет для военнопленных под патронажем бургомистра города. Он и посоветовал оставить начальником лазарета дедушку, как пострадавшего от Советской власти, и оставить на службе всех оставшихся сотрудников, зарплату которым будет платить мэрия города. Немцев это устроило, так как освобождало их от многих проблем, особенно от поставки продуктов питания. Для контроля за деятельностью персонала лазарета прислали сюда фельдшера-лейтенанта Вилли Штоффа, его денщика ефрейтора Вилли Недоноски и солдат с санитарной подготовкой, а охрану пленных поручили взводу городской полиции.

Так был создан этот лазарет. Идея, может быть, была и благая, но без должного внимания со стороны мэрии, бургомистра и немецких властей он превращается в обычный лагерь военнопленных. Сейчас лагеря в тюрьме уже нет. Военнопленные сконцентрированы в лагере военнопленных № 305, расположенного на территории бывшего кавалерийского полка. Каждый день оттуда привозят больных, а отсюда увозят выздоровевших. Из лазарета можно выйти только через проходную по пропуску или под конвоем.

Влияние дедушки на порядки и жизнь лазарета ничтожно. Он – пешка в немецких руках. Мама изо всех сил старается ему помочь, хотя бы в вопросах лечения, но и она бессильна что-либо сделать полезного. Такую историю рассказала мне Зося, показав себя знающим и рассудительным человеком.

К вечеру я вернулся в палату. Посещение Чвалинских, беседа с бабушкой и внучкой многое мне объяснило, по другому я стал понимать окружающее. Их душевное отношение ко мне подняло мой моральный дух, постепенно я стал крепнуть физически. Через две недели после вояжа к Чвалинским я уже помогал санитарам, выполнял физическую работу. Поправился мой сосед, доктор Виноградов; готовился к отправке в лагерь, где должен был возглавить ревер-санитарную часть лагеря, оказывать больным первоначальную помощь и отправлять отобранных для длитель-

ного лечения в лазарет. При моей выписке он обещал там устроить и меня. Софья Адамовна просила его не оставлять меня без внимания. Он ее понимал, так как знал историю с ее сыном.

На койку доктора положили нового больного. Собирался поменять койку и я, но в один из солнечных дней на животе обнаружил сыпь. На нее не обратил особого внимания, так как знал, что она появляется при сыпном тифе, а я им уже переболел и мой организм выработал иммунитет. Но вскоре почувствовал озноб, обратился к врачу, та определила признаки брюшного тифа, вызываемого другим типом бактерий – сальмонеллами, иммунитета от которых у меня нет.

Софья Адамовна, узнав об этом, забеспокоилась: после сыпного тифа и общей слабости организма перенести еще и брюшной тиф при пораженном кишечнике практически невозможно. Поэтому она сразу же уложила меня в постель, «посадила» на лечебную диету – сухарики с чаем. «Главное – перенести кризис этой болезни» – предупредила она меня.

Болезнь протекала тяжело: озноб сменялся высокой температурой, бредовым состоянием, в более тяжелой форме, чем в первой болезни. В лазарете было много тифозных больных в таком же состоянии. Софья Адамовна моталась из корпуса в корпус, обследуя больных, пытаясь спасти многих от коварной болезни.

Как правило, больной в кризисный период находится в бессознательном состоянии и требует постоянного надзора медицинского персонала. Его было мало. Больные большей частью были предоставлены самим себе или находились под надзором больных соседей, еще не потерявших сознания. Под надзор больных соседей был оставлен и я. Как потом они рассказывали, в один из вечеров, в период моего кризисного состояния – комы, в палату вошли три полицаи, осмотрели ее, проворчали: -

– Эта лучшая из всех. Здесь хоть на полу не лежат.

– Но тут свободных коек нет – ответил мой сосед.

– Посмотрим – отрезал полицай, осматривая больных, – а это, что за мертвец лежит на этой кровати?

– Это тифозный больной, в состоянии комы. Его трогать нельзя пока не минует кризис – пояснил мой сосед.

– Кризис его давно закончился. Он уже мертвый. Бери, Грицко, за ноги, вынесем в мертвецкую.

Полиции потащили меня из палаты в душевую и бросили там, на штабель мертвых тел.

Мой больной сосед начал возмущаться произволом, доказывая, что я еще живой, и они заранее убили меня.

– Молчи, доходяга, иначе и тебя туда отнесут! – пригрозил ему третий полицейский. – Мы действуем по распоряжению начальника лазарета, лейтенанта Штоффа.

Моему защитнику оставалось только наблюдать, как полицейские сбросили на пол мою шинель, вещмешок, одеяло, постелили принесенные с собой одеяла, положили подушку.

Ну вот, Василий Иванович, твое пристанище, раздевайся, ложись, выздоравливай. Будем приходить к тебе, проводывать, – обратился первый полицейский к третьему.

Василий Иванович разлегся на моей койке, захрапел.

А я, тем временем, лежал на трупах. Не знаю, сколько времени продолжалось это, но когда я почувствовал боль в спине и попытался лечь на бок, не удержался, сполз с трупов на холодный пол, продрог, поднялся на колени, увидел трупы людей, понял, что я в мертвецкой, куда не раз носил трупы. С трудом поднялся на ноги и, держась за двери и стены, побрел в свою палату. Моя койка была занята, на ней храпел новый человек. Все остальные койки тоже были заняты, а моя шинель и одеяло лежали на полу. Я, не вникая в суть дела и не задумываясь, почему на моей койке лежит посторонний человек, но находясь в полном сознании, постелил на полу свое одеяло, под голову подложил вещевой мешок, укрылся шинелью и заснул глубоким сном.

Утром мой сосед, увидев меня лежащим на полу, обрадовался. Он переживал мою смерть, так как при таком обращении с моим телом полицейские считали меня уже мертвым, а сейчас воспринимал, как возврат с того света.

В палату заглянула дежурная сестра, всплеснула руками, испугалась, кинулась ко мне:

– Почему лежите на полу, кто занял вашу койку?

– Не знаю. Ночью очнулся в мертвецкой, еле добрал до палаты, на койке лежал посторонний человек, а мои вещи валялись на полу, постелил на полу, улегся – объяснил я сестре.

Больной сосед рассказал ей о вторжении полицаев, захвате койки. Сестра охала и ахала, со страхом глядела на нового больного, который тоже проснулся и прислушивался к разговору. Не выдержав всхлипывания старшей сестры, он грубо прервал ее:

– Не реви, сестра, я старший полицаи лагеря военнопленных № 305 Шпак Василий Иванович. Это мы вчера заняли эту койку, а мертвеца отнесли в мертвецкую. Кто знал, что он живучий. Будешь за мной хорошо ухаживать, получишь благодарность и повышение по службе. А этого доходягу перевезите в другую палату! – В тоне команды чеканил каждое слово новый больной.

Сестра еще больше испугалась и быстренько покинула палату. Новый больной поднялся с койки, внимательно посмотрел мне в лицо, удивленно испуганно прошептал:

– Снова ты, проклятый кацап, ефрейтор-старшина, как привидение следуешь за мной.

Я узнал ротного старшину Шпака с его чапаевскими усами и чубом, завернулся в шинель и забылся во сне.

До завтрака пришла Чвалинская с дежурной сестрой, спокойно спросила:

– Кто здесь новый больной?

– Я, доктор! – привстал Шпак.

– Почему самовольничаете в лазарете?

– Нам разрешил начальник лазарета лейтенант Вилли Штоф устроиться в лучшей палате.

– Здесь командует не лейтенант Штоф, а главный врач лазарета, а если его нет – дежурная сестра. Ваши вчерашние действия я квалифицирую как разбойные и вынуждена доложить начальству.

– Но, доктор, я не простой больной, а старший полицейский лагеря, помощник немецкой власти.

– Для меня, как врача, все больные имеют одинаковые права. Они обязаны беспрекословно выполнять все распоряжения лечащего врача,

иначе подлежат удалению из лечебного учреждения. Сестра! – обратилась Чвалинская к дежурной, – этого, нового больного переведите в другую палату, а койку верните прежнему владельцу.

– Но, Софья Адамовна, в палатах нет свободных коек! – взмолилась дежурная сестра.

– Положить на пол. Он не лучше других больных. Освободятся койки – переселите.

– Доктор, я буду жаловаться на ваше самоуправство! – пригрозил старший полицай. – Вы пожалеете об этом.

-Наоборот, господин старший полицай, буду вам весьма благодарна, так как это поможет мне кое-что достать для лазарета. – Выходя из палаты, предупредила дежурную сестру – Выполняйте мое распоряжение. Если нужно, пригласите в помощь санитаров.

– Ну, погоди, польская сволочь! – злобно прошипел полицай, стягивая одеяла с моей койки.

Я снова улегся на свое место, впервые обратив внимание на свою худобу. Кости ног и рук обтягивались тонкой пленкой кожи, кисти рук и ног просвечивались. После я взвесился. Оказалось 48 кг, вдвое меньше армейского веса. И голос был детский, писклявый. Здорово измотала меня болезнь. Чудом остался живым.

Скоро пришла Зося. Возмущалась поступком полицаяев, обещала доложить об этом лейтенанту Штофу, довести до сведения бургомистра.

Пришлось рассказать ей о старшине Шпаке, карьеристе и экстремисте, яром враге Советской власти, а также предупредить о возможных пакостях с его стороны для Софьи Адамовны.

– Они и без Шпака уже начались. Бургомистр вызывал дедушку, обвинял, что его лазарет превратили в пристанище для большевистских агентов, скрывают их под видом больных, вольнонаемные работники лазарета живут среди больных пленных. Лазарет превратили в рассадник партизанской заразы, – жаловалась мне Зося. – Пообещал прислать немецких врачей проверить всех больных, приказал выселить из лазарета всех гражданских лиц. Мы уже подыскиваем квартиру в городе. Дедушка сильно расстроился, мама тоже волнуется и уже не может открыто оказывать вам внимания.

Случай с полицаем – это последнее, что она могла сделать для вас. Нужно быстрее выздоравливать. Я буду помогать вам.

Дело шло к весне. После разгрома немцев под Москвой на фронтах наступило затишье. Успокоились и немцы в Кировограде, воспрянули духом.

Жизнь в лазарете шла своим чередом, в борьбе за выживание. Я лежал на своей койке, в той же палате. Шпака с пола переложили на койку. Приходила Зося, немного подкармливала меня. С каждым днем я чувствовал себя лучше, на костях нарастало мясо. В марте месяце выходил во двор, грелся на солнышке.

Прошла проверочная комиссия. Многих выписали в лагерь. Меня еще оставили долечиваться. Гражданский персонал стали постепенно выселять с территории лагеря. На их место стали присылать военнопленных медицинских работников. Власть в лазарете стала переходить к немецким военным, усилился и полицейский режим.

Весна была уже в полном разгаре, росла трава, зеленели деревья, белыми цветами покрылись больничные акации. Жизнь набирала силу. Креп и я, начал полнеть.

Софья Адамовна первая обратила внимание на мою полноту, в испуге спросила: – «Какого цвета у вас моча?» – Я пожал плечами. Тогда она принесла мне баночку и наказала сдать мочу на анализ, который и подтвердил ее опасения: я заболел нефритом – двусторонним воспалением почек с обильным выделением с мочой крови и белка из организма. При моем физическом состоянии эта болезнь была хуже всяких тифов.

– Не одно, так другое! – сокрушалась Софья Адамовна, – как жестока к вам судьба!

Лекарств нет, лечить нечем. Остается только лечебная диета – это голодный паек: сухарики, минимум баланды и максимальное ограничение воды и покой. В мае отеки стали уменьшаться, розовела моча, но процесс лечения этой болезни должен быть длительным под постоянным наблюдением врачей.

В середине мая прибыла вторая проверочная комиссия немецких врачей. Осмотрели и меня. Как не доказывала Софья Адамовна о необходимости моего стационарного лечения, немцы предложили ей перевести

меня на амбулаторное лечение, с периодическим моим осмотром и анализах мочи в лазарете. Я был выписан в лагерь.

Распроцался с Чвалинскими, ставшими во время моих болезней родными людьми. 17 мая 1942 года я с больничной колымагой, в числе других выписанных, под конвоем полицаев и немецкого солдата, ковылял в город в лагерь военнопленных № 305.

Находился он в оживленной части города, недалеко от старейшего завода сельскохозяйственных машин «Красная Звезда». Занимал территорию целого квартала, застроенного по контуру добротными теплыми конюшнями для лошадей кавалерийского полка, хозяйскими постройками, а на главной улице – казармами и одноэтажным кирпичным зданием – штаба полка, широкими воротами с проходной. Посредине всех этих строений был обширный плац – манеж.

Стойла в конюшнях немцы заменили на двухъярусные деревянные нары, где вповалку ложились пленные. Казармы занимала лагерная полиция, всевозможные службы, немецкие солдаты охраны, а в штабном доме разместились комендатура лагеря. В районе казарм, у полковой кухни и столовой установлены помосты для раздачи хлеба и баланды, а также большой, огороженный помост, где при раздаче еды всегда играл духовой оркестр пленных музыкантов.

Нас провели через входные ворота прямо к комендатуре, где писари-переводчики знакомились с нашими историями болезни, регистрировали новых пленных, впервые посетивших этот лагерь. Значит, здесь уже был порядок – учитывали людей, не то, что было в тюремном лагере. Писари с каждым беседовали, давали направления для размещения в конюшнях лагеря.

Мне достался лагерный блок в левой части лагеря. Штубовой – помощник блокового начальника, указал мне место на верхних нарах, где я и разместился. Каждое место было занумеровано, в изголовье лежали личные вещи пленного, его одежда. Как объяснил мне штубовой, воровство здесь строго наказывается, как и неповиновение немцам, полиции или даже рядовому функцион-хертлингу – заключенному, занимающему определенные посты в лагере. Словом, дисциплина здесь была строгая.

На другой день я был в ревире, нашел доктора Виноградова. Он посочувствовал, что не удалось мне закрепиться в лазарете, взял меня на учет, выдал справку, что я нахожусь на амбулаторном лечении, на положении постельного режима, с запретом использовать на физических работах.

Штубовой взял мою справку, сделал отметку у себя, пообещал не мешать мне долечивать мою болезнь.

Распорядок в лагере был простой: подъем, утренний туалет в общих умывальных комнатах и уборных, завтрак, построение команд на работу. Оставшиеся занимались уборкой помещений и двора лагеря. Блоковые и штубовые отвечали за порядок и чистоту во вверенных помещениях, докладывали проверяющим о проделанной работе, больных, возникших проблемах. Вечером пленные возвращались в лагерь, приводили себя в порядок. В определенное время поблочно строились на плацу на проверку, а после здесь же получали ужин. Раздача пищи была аналогична всем лагерям: кадки с баландой, раздатчик с пол-литровым черпаком и полицаи следящие за порядком раздачи пищи. В этом лагере немцы ввели еще одно новшество: во время раздачи пищи и её еды духовой оркестр исполнял песни советских композиторов, военные марши и т.д.

Идею этого нововведения я так и не понял. Что хотели немцы этим показать? Подсластить безвкусную, малокалорийную баланду, не обращать внимания на мизерный кусок хлебной пайки? Кормили, конечно, плохо. Мой организм требовал больше калорийной пищи, а нефрит – еще и диетической. Приходилось хлеб сушить, баланду есть малыми порциями. Так проходили день за днем лета 42-го года. К счастью, моими соседями по нарам оказались хорошие ребята. Один из них – азербайджанец Мамедов, высокий, рыжий детина; второй – ростовчанин Ходько Василий Петрович, 25-летний мужчина, среднего роста.

В первое время я сошелся с Мамедовым. Рассказал ему о себе, семье, службе, о старшине Шпаке, который должен быть где-то в лагере, но мною еще не виданный. Мамедов тоже рассказывал о себе, своей жизни, но так путано, что даже я усомнился в их правдивости, поймал на некоторых несоответствиях. Тогда он по секрету признался мне, что он не Мамедов, а Лапин Леонид Маркович и не азербайджанец, а еврей, по-азербайджански знает только несколько слов. Попал в плен вместе со своими земляками, из-

менил фамилию и национальность. Сейчас от них держится подальше, так как есть там один человек, который обещает выдать его немцам.

До войны он был первым секретарем райкома комсомола одного из районов Баку. Женат на дочери министра связи республики Сосниной Галине Владимировне.

Перед войной создавались в Красной Армии дивизии национального состава. В одной из таких азербайджанских дивизий еврей Лапин был заместителем полка. Попал в плен, как и многие миллионы бойцов Красной Армии. Его бойцы укрыли среди своей национальной массы, не выдали немцам. Только один из его сослуживцев, шантажирует его, пугает выдачей.

Раньше мне не приходилось тесно общаться с людьми еврейской национальности. В нашем селе их просто не было, а в городе Прикумске господствовали армяне-аборигены этих мест, о которых давно сложилась поговорка: «где армянин побывал – еврею делать нечего». Для меня люди любой национальности были равны. На евреев обратил внимание только в армии. В нашей учебной роте, где служили три еврея, они всегда держались вместе. Особенно не любил их наш старшина Шпак, гонял, как «сидоровых коз», придирался к ним из-за каждого пустяка. Для меня они были обычными красноармейцами, стремящимся честно служить в армии. Конечно, слышал о них много негативного: об их хитрости, трусости, вероломстве по отношению к иноверцам.

Во время войны, уже в плену меня поражала лютая ненависть немцев к евреям. Я не мог понять этого. Если неприязнь возникла на религиозной почве, то кто запрещает верить в своего бога. Немцы – католики, веруют в бога – человека Иисуса Христа – иудея по национальности, преклоняются перед ним и в то же время уничтожают его соплеменников. В этом абсолютно нет логики.

А версия, что немцы боятся евреев за их ум, предприимчивость, стремление к мировому господству, и поэтому убивают их со своего пути как опасных конкурентов, вполне правдоподобна.

Так как мы не стремимся к господству, поэтому и к евреям относимся благосклонно.

Сейчас судьба свела меня близко не только с евреем, но и политработником Красной Армии, коммунистом; свела в немецком лагере военно-

пленных. Это знакомство грозит мне смертью или большими неприятностями. Тогда я об этом не думал. Принял участие в судьбе Лапина, помог через доктора Виноградова достать ему справку, что он пленный Мамедов Оскар, освобождается от физических работ, в связи с заболеванием. Этой справкой, в какой-то мере Лапин мог подтвердить, что он – азербайджанец. Постарался, через того же доктора, направить сослуживца Лапина, его шантажиста, в лазарет, где тот задерживался долгое время.

Леонид Лапин оказался умным, интересным и практичным человеком. Мы с ним говорили на разные темы. Он мне многое рассказал об истории своего многострадального народа, два тысячелетия гоняемого по белому свету в целях выживания. Он не был трусом, в момент опасности не прятался за мою спину, наоборот, своей мощной фигурой лез грудью на моего обидчика.

Было лето 42-го года. Оправившись от зимнего поражения, немцы начали массовое наступление на юге страны, рвались на Кавказ к бакинской нефти. Наши войска, упираясь, отступали на юг, оставляли города Северного Кавказа. Сведения, через пленных рабочих команд, поступали запоздалые, отрывочные, но и этого было достаточно для беспокойства. Мы надеялись, что после Московской битвы, Красная Армия соберется с силами, нанесет удары по немецким войскам. Но получилось обратное. Харьковский контрудар провалился. Часть пленных этой битвы поступило даже в наш лагерь. Успешно наступали немцы в моих родных местах, в Поволжье, стремясь овладеть нефтеносными районами, перерезать пути ее доставки в центр России. Немцы захлебывались от восторга, у нас болела душа за бессилие Красной Армии. Мы потеряли веру в победу над фашизмом, а это оказалось страшнее всех моих болезней. Тогда я хотел жить, боролся за это, а сейчас угас стимул жизни, наступила апатия, хотелось закончить эти душевные мучения.

Видя мое состояние, еврей Лапин, не выдержал и в резкой форме обругал меня:

– Что ты раскис, как баба! Потерял веру в свой народ, в великий русский народ, который еще не проснулся, не озверел. В истории России были и более тяжелые времена, а наш народ все же побеждал. Верить нужно до конца. Запомни: последней умирает только НАДЕЖДА!

После его слов мне было стыдно за потерю веры в свой народ и непреклонную веру в него какого-то инородца – еврея. Апатию, как рукой сняло.

В один из летних дней мой новый друг поведал по секрету, что немцы из нацменьшинств создают рабочие батальоны. Вербуют туда и военнопленных, Как я отношусь к этому?

– Но они же себе помощников не готовят из евреев! – ответил я ему.
– А из тебя азербайджанец такой же, как из меня китаец.

– В том-то и беда, что здесь я белая ворона. Боюсь, что рано или поздно меня раскроют. Бежать отсюда не удастся, да и некуда бежать без помощи извне. Там, в рабочем батальоне, я буду иметь документ и большую возможность бежать – доказывал Лапин преимущество рабочего батальона – Ведь и здесь, в лагере, нас используют немцы на своих работах. В этом отношении моя совесть будет чиста.

– Я боюсь, Леонид, что там тебе придется орудовать против своего народа не только лопатой, но и винтовкой – урезонивал я его.

– Я не из предателей! – заверил меня Лапин.

Через неделю еврей Лапин, в числе 50-ти пленных кавказской национальности, под именем Мамедова, отбыл в рабочий батальон, а еще через месяц, мой второй сосед по нарам, Василий Ходько, передал от него привет.

Как-то, лежа на нарах, он наблюдал через зарешеченное окошко за улицей, по тротуару противоположной стороны которой иногда проходили жители или желающие пообщаться с пленными.

В тот день, по этой улице проводили колонну людей, одетых в поношенную немецкую солдатскую форму. Некоторые из шагавших, глядя в наши окна, что-то кричали. Василий ясно услышал крик на чисто русском языке: «Передайте привет Ивану Яковлеву от Мамедова! Все нормально!»

Это было последнее сообщение о еврее Лапине. Уже после войны, в 46-м, вернувшись, домой, я написал его жене в Баку письмо. Сообщению о муже она была рада, но других сведений о нем не имела, кроме известия: «Ваш муж пропал без вести».

Снова я остался один. Не с кем было побеседовать, отвести душу. Василий Петрович Ходько был человеком другого склада; молчаливым, замкнутым, а если и говорил, то о своих детях, жене, своем хуторе, донской

рыбе. Только тревожил, разрывал сердце, напоминал о моем доме, семье, к которой уже добирался немец. Думы были тяжелые о жене, дочери. “Где они сейчас? Наверное, у родных, в селе, там меньше будет немцев, чем в городе”, – сверлила беспокойная мысль”. Отца и братьев, наверное, уже мобилизовали. Остались мать с сестрой одни без мужской помощи”.

Однажды ночью видел страшный сон: разрушенный двор, сидящую с растрепанными волосами мать среди спящих крупных крыс с острыми клыкастыми мордами. Во сне мычал, метался так, что Василий был вынужден разбудить меня.

На фронтах положение для наших войск было критическое. Везде мы отступали, несли большие потери, пополнялись лагеря военнопленных. Даже в наш лагерь пригоняли пленных с южных и северных участков фронтов. Новые пленные для нас не были в диковинку. В один из дней в лагерь пригнали колонну военнопленных красноармейцев, в серых грязных шинелях, обмотках, пилотках, тощими вещмешками за плечами. Их загнали в загородку, поставили охрану, чтобы они не общались с пленными лагеря, как объясняли: во избежание заражения инфекционными болезнями. Их с особой тщательностью пропустили через санприемник, разместили в отдельном блоке. Такое внимание к пленным вызвало у нас повышенный интерес.

Оказалось это были пленные армии Западного фронта под командованием генерала Власова, разгромленные немцами в сражении.

Советские войска на этом участке фронта находились в невероятно тяжелых условиях по обеспечению продовольствием и материально-техническим питанием.

Командование армии не обеспечило должной обороны позиций, даже способствовало разгрому своих подразделений. Многие военачальники со своими штабами без сопротивления сдавались в плен, следуя примеру командующего армией Власова.

О предательстве генерала Власова и его командиров говорили новые пленные, поэтому их так усердно отделяли от нас. Слухи об этом вскоре подтвердились.

Через несколько дней после прихода колонны пленных, перед вечерней проверкой, рядом с помостом музыкантов стояла группа советских военачальников в полковничьих и генеральских шинелях, с удивлением

взирающих на шеренги разношерстных, голодных пленных, бывших бойцов Красной Армии, на ящики с пайками хлеба, помосты с кадушками баланды, под надзором более чистых и опрятных пленных с белыми повязками на руках. Между ними с мегафоном в руке метался, судя по обличью, коренастый русак, в немецком френче, русских галифе и хромовых сапогах – оберполицай Вадим Орлов, помощник коменданта лагеря.

Сегодня он был особенно возбужден присутствием пленных советских командиров, хотел отличиться перед своим шефом, небольшого роста, пожилым капитаном немецкой армии, готовил ему сюрприз.

Стандартно, как обычно, прошла вечерняя поверка; стояли наготове с черпаками раздатчики баланды, охранники полицаи, но оберполицай не спешил давать команду с нетерпением ожидающим голодным пленным, а, вскочив на помост к музыкантам, прокричал им в мегафон:

– Славные защитники Отечества! Вижу ваше нетерпение скорее отведать баланды, утолить вечный голод, но мы с вами русские люди и должны достойно встретить дорогих гостей, храбрых военачальников Красной Армии, правда, прибывших к нам не по своей воле. Прежде, чем угостить их обедом, дружно поприветствуем нашим громким “Ура!” и музыкой встречи! И так, нашим храбрым командирам, наше русское “Ура! Ура! Ура!”.

Троекратно прокричали и мы, забавляясь выдумке Вадима Орлова и ожидая новых чудачеств.

Растерянно стояли «гости», недоуменно поглядывая на оберполицая и коменданта лагеря, стоявшего в стороне, в окружении своих немцев, улыбаясь разыгранной сценой унижения советских офицеров, ожидая от своего помощника новой забавы.

Тот не заставил себя ждать: приказал музыкантам сыграть преданным советским командирам свое встречное попури. Музыканты со всем старанием исполнили свое произведение из известных патриотических песен «Если завтра война», «Вставай страна огромная», «Волга, Волга».

Оберполицай заставил исполнять это попури, когда хотел уязвить пленных в измене Родине, заставить вспомнить о своем Отечестве. Эту цель он предусматривал и сейчас уже для пленных полковников и генералов.

Слова и музыка знаменитых в Союзе песен подействовало на «гостей». Человеческая совесть пригнула их головы, спрятала глаза от посторонних,

шевелинула в душе чувство вины перед стоящими пленными, своим народом. Только один генерал, длинный, угловатый, стоял с поднятой головой и смотрел в небо, как бы в свое будущее.

Комендант лагеря понял и эту издевку оберполицая над русскими офицерами, остался доволен и дал команду начинать ужин. Но Орлов не унимался, продолжая издеваться над «гостями».

– Герр комендант, а этих дармоедов тоже будем угощать нашей баландой? – показал он на генералов.

– Я воль! – (так точно!) – ответил его шеф, покидая плац.

– Эй вы, генералы хреновые, гости не званые, приготовьте котелки под баланду, у кого их нет – подставляйте фуражки. Они здесь будут полезней, чем торчат на ваших головах.

Офицеры, униженные и оплеванные своим же русским, когда-то военнослужащим, а сейчас пленным, в чине полицая, стояли в нерешительности на плацу, наблюдая за процедурой раздачи баланды под музыку лагерного оркестра и не зная, что предпринять, пока к ним не подошел немецкий солдат, сказал: «комм!» и повел их в бывшие казармы кавалеристов.

А оберполицай, как будто бы не было пленных генералов, занимался обычным делом.

Мало кто знал об этом человеке. Говорили, что он моряк Балтийского флота. В первые дни войны раненным попал в плен, прошел через ряд лагерей, чудом выжил. Подобрал команду из пленных подобно себе, уничтожил полицию и их шефа в одном из лагерей военнопленных, установил там дисциплину и порядок, улучшил быт и питание военнопленных, получил признание немцев. Когда организовывался лагерь № 305, команду полицаяев Вадима Орлова направили сюда. Орлов со знанием дела готовил лагерь для военнопленных, учитывая максимально возможные условия для проживания пленных красноармейцев. Капитану, службисту и педанту, Курту Вагнеру, коменданту лагеря № 305, действия полицая и его команды понравились. Он присвоил ему звание оберполицая, обязал всегда на службе носить немецкий мундир и головной убор (пока без знаков отличия), назначил практически своим помощником.

Комендант лагеря помог Орлову избавиться от команды полиции тюремного лагеря, переведенной впоследствии сюда. Комендант рассредо-

точил эту команду и под разными предложениями выпроводил из лагеря. Ушел отсюда и старший полицай Шпак, поэтому он и не встречался на моем пути.

Пленные оберполицая уважали и боялись. Был он груб и жесток к нарушителям дисциплины, порядка, неряхам и лентяям. Жестоко наказывал за воровство, доноительство и подлость. Был справедлив к пленным, наказывал своих нерадивых или грубых работников различных служб лагеря, заботился о больных пленных, ежедневно направлял нуждающихся в лазарет, строго следил за чистотой в лагере, ежемесячно устраивал для пленных баню и обработку от вшей. Лагерь у немцев считался образцовым, что нравилось его коменданту.

Был доволен комендант лагеря поведением и действиями своего помощника и сегодня. Он был рад унижению крупных военных чинов Красной Армии, так как он, старый солдат кайзеровской армии, с трудом дослуживший до звания капитана, патологически ненавидел своих и чужих военных генералов.

Позорным приемом пленных советских командиров были довольны и мы, простые военнопленные, и были рады, что нашелся человек и случай, когда честь и достоинство пленного рядового солдата были в какой-то мере реабилитированы.

Я не знаю, с каким чувством на другой день покинули наш лагерь советские генералы, но, как впоследствии выяснилось, их благополучно доставили в Берлин, где они совершили еще одно предательство, согласившись создать Русскую освободительную армию – РОА, антисоветское военное формирование из изменников Советской Родины и насильно мобилизованных военнопленных под руководством генерала А. А. Власова, по имени которого участников РОА впоследствии называли «власовцами».

Об этой армии мы узнали от ее агентов и вербовщиков. Некоторое время спустя, после отъезда из лагеря «гостей», к нам пожаловали наши соотечественники в немецкой форме со знаками отличия царской армии.

В один из воскресных дней, когда все пленные были в лагере, нас всех, в том числе и персонал лагерных служб, построили на плацу в форме каре-прямоугольником, в середине которого поставили стол и скамейку для приехавших военных.

Вся операция проводилась лагерной полицией под руководством оберполиция Орлова. Комендант и немцы процедуру наблюдали с крылечка комендатуры, не вмешиваясь в дела русских.

Оберполицей на этот раз не ерничал, был сосредоточен и внимателен к приехавшим. Озабоченный и серьезный, он первым обратился через свой мегафон к военнопленным:

– Господа, товарищи! К нам пожаловали наши соотечественники, бывшие граждане России, эмигранты, а сейчас члены Русской освободительной армии. О ней и своей миссии они расскажут вам более подробно. Я Вадим Орлов, такой же пленный, как и вы, русский по национальности, советую выслушать их внимательно и, прежде чем принять решение, очень хорошо подумать, так как от этого зависит не только участь каждого из вас, но судьбы России и ваших близких.

Серьезный тон Орлова, его просьба-совет настрожили нас, заставили внимательно выслушать наших «соотечественников».

Первым выступил пожилой эмигрант в немецкой форме с погонами и знаками различия полковника царской армии, представившись членом организационного комитета Русской освободительной армии.

Долго и путано говорил он о злодеяниях большевиков, уничтоживших Российскую Империю, мир и порядок, поработивших русский народ, о великой миссии Германии по восстановлению справедливого мира в Европе, об Адольфе Гитлере – вожде великой немецкой нации, силе и могуществе ее вооруженных сил, успехах на фронтах войны.

Объяснил, что для ускорения окончательной победы над большевистским сбродом, под руководством умных и честных русских военачальников создается Русская освободительная армия, которая и будет основой новой государственности будущей России.

Он призывал всех военнопленных вступить в эту армию, обещал хорошее питание, обмундирование, денежное вознаграждение, а после победы почет и славу борцов за освобожденную Россию.

Выступали другие агитаторы, рангом ниже первого. Все в разных выражениях повторяли одно и то же.

Видя, что их разглагольствование пленным уже порядком надоело, член комитета подвел итог:

– Надеюсь, мы полностью объяснили вам цели и задачи Русской освободительной армии, пробудили у вас дух патриотизма к обездоленной нашей Родине и вы откликнетесь на наш призыв быть членом этой армии! – замолчал, выпятил старческую грудь, набрал в легкие воздух, прокричал: – Кто желает служить в Русской освободительной армии – пять шагов вперед! – оглядел шеренги пленных. Те безмолвно стояли минуту, две... Потом вышел один, второй... Полковник взбодрился и зыркал по прямоугольнику шеренги в ожидании новых добровольцев.

Вышло десятка два доходяг пленных. В ожидании вытянулись лица других агитаторов, но заветных пяти шагов больше никто не делал.

Не выдержал оберполицай, поднял свой мегафон: – Как видно, господа патриоты России, большевики основательно запудрили ваши головы и вы своими куриными мозгами не можете понять значения Русской освободительной армии и всех благ, которые обещают вам члены организационного комитета. Вас даже не прельщает слава героев освобождения России! Глупцы вы, господа пленные! Я советую умным пять шагов вперед!

Вышло еще с десятков пленных. Остальные – глупцы, стояли плотной шеренгой. Посоветовавшись с полковником, Орлов подал команду: – Желающим служить в РОА подойти к столу, а остальным – разойтись!

Так закончилась первая вербовка в армию предателя Власова. Агентура уехала, увозя с собой полсотни полуживых пленных, которые в лагере долго бы не протянули. Приезжали вербовщики и позже, но уезжали с малым «уловом».

В РОА шли не только пленные «доходяги», стремящиеся спасти жизнь любыми путями, но туда рвались изменники и предатели, враги большевиков, недовольные Советской властью, стремились быстрее занять теплые места в антисоветском формировании. Шли в эту армию и некоторые пленные в надежде после дезертировать из нее, перейти на сторону русских войск, их союзников или партизан, о которых тогда уже ходила молва.

Существовала и фантастическая версия, будто бы генерал Власов сдался немцам в плен специально, чтобы войти в доверие к ним, организовать из пленных армию, спасти их от гибели, вооружить немецким оружием, а затем, в удобный момент, разгромить немецкие соединения, помочь советским войскам одержать победу.

Конечно, этим байкам мало кто верил, но они возбуждали у некоторых пленных возможные способы борьбы с врагом человечества.

Агенты Власова активно действовали, собирая всех отщепенцев в армию предателя.

Большинство людей, в том числе и пленных, понимали истинное предназначение Русской освободительной армии, создаваемой немецким командованием для привлечения русских к борьбе со своими врагами, а в случае победы, опереться на эту армию в борьбе против непокорных русских. Понимали, что власовская армия – свора предателей своего народа, в конечном итоге будет проклята и уничтожена.

В своих предположениях они оказались правы: власовцы были окончательно разгромлены советскими войсками в мае 1945-го, в Чехословакии, когда они бежали на запад, под крылышко союзников России, а сам Власов со своим козлом был пленен и казнен по приговору советского суда.

Это было в 45-м, а в 42-м, когда на всех фронтах немцы одерживали победы, агенты предателя Власова создавали армию для своего хозяина на митингах, в застенках тюрем, в частной беседе.

Была беседа на эту тему и со мной. Не знаю, как могли они узнать о моем прошлом, что по профессии я учитель. По всей вероятности, из моего досье лагерной комендатуры.

Как-то осенью штабовой передал мне бумажку – повестку: такому-то явиться в такое-то время, такого-то числа в комнату 15 комендатуры лагеря № 305.

В приемной сидело уже несколько человек, когда я показал свою повестку, мне молча указали на дверь, пропуская без очереди.

В комнате сидел немецкий офицер в звании оберлейтенанта, в торце стола – второй немец унтер-офицер, а недалеко от него стоял табурет, на который меня усадили после моего сообщения о прибытии. Перед унтер-офицером лежала папка, а перед офицером – блокнот и карандаш. Унтер-офицер на чистейшем русском языке вежливо попросил коротко рассказать о себе, родителях. Мой рассказ он переводил оберлейтенанту, который, как я заметил, его почти не слушал, а внимательно рассматривал меня, буравил меня через свои очки.

Я окончил свой рассказ. Офицер через переводчика стал задавать вопросы, которые тот переводил. Между нами произошел интересный диалог:

– Служили ли ваши дедушки или отец в Красной армии в гражданскую войну?

– Нет. Отец был молодой, а дедушки старые.

– Кто из родственников был арестован или репрессирован Советской властью?

– Никто, так как все были лояльны властям.

– Вы член партии, и кто из родственников коммунист?

– Все родственники беспартийные, а я не успел стать членом партии, помешал плен.

– Значит вы, активный комсомолец?

– Да. Когда-то был. Сейчас сочувствующий.

– Как относитесь к Германии и ее вооруженным силам?

– Как к агрессору и оккупанту, поработителю мира.

– Какое, по вашему мнению, сложилось сейчас положение для Советской России?

– Очень тяжелое, но не безнадежное.

Не успел переводчик перевести мой ответ, как оберлейтенант не выдержал, заговорил по-русски:

– Вы, молодой человек или бездумный фанатик, или слепец, если не видите полного разгрома большевистской России, когда немецкие солдаты стоят на Волге! Германия одержала последнюю победу!

– Точно так говорил Наполеон в 1812 году, сидя в Московском Кремле, а финал его победы, надеюсь, вам известен – уже более резко ответил я, поняв, что мой собеседник не немецкий офицер, а русский эмигрант – интеллигент белогвардейского периода. Его выдавало не только лицо славянина, русский язык, но и «выканье» интеллигента старой закалки.

– Но Наполеон был оторван от русского народа, а немцы создают Российскую Освободительную армию – оплот государства Российского, а мы сейчас отбираем кандидатов на курсы пропагандистов идей новой России. Предлагаем и вам использовать эту возможность.

– Быть вашим холуем?!

– Ну, зачем же так грубо! – обиделся вербовщик. – Будем вместе создавать новую Россию.

– Мне с вами, господин эмигрант, не по пути. Лучше я пока помучаюсь в концлагере.

– Дело ваше, господин пленный, можете идти, но подумайте, иначе будет поздно.

Я вышел из кабинета. Лица ожидавших повернулись ко мне с неммым вопросом: «Что там?» Ответил коротко: – «Вербуют холоуев!» – «А!» – успокоенно вздохнули мои сокамерники.

Больше меня власовские вербовщики не беспокоили. Да и о его армии меньше стало разговоров. Немцы, видно, были уверены, что «колосса на глиняных ногах» свалят своими силами. Они уже дошли до великой русской реки Волги. Упорные бои шли в Сталинграде. Немцы кричали о скорой победе еще до наступления суровой русской зимы. Заболели эйфорией победы и наши лагерные немцы. Комендант стал часто заказывать духовому оркестру исполнять песню о Волге, а простые немецкие солдаты даже напевали эту песню себе под нос: «Вольга, Вольга, майне мутер...»

Но шло время, крепчали морозы, закрутила пурга, а на Волге шла великая битва. Слово «Волга» уже страшила немцев, а в январе оно вызывало дрожь. Хваленая армия Паулюса терпела поражение в Сталинградском котле.

А мы, пленные, кутаясь от холода в свои лохмотья, подтягивая животы от голода, ждали судьбы этой битвы. Новости поступали обнадеживающие, радостные, согревающие.

Я уже давно перестал посещать лазарет: мой нефрит затих, Чвалинских там уже не было, и ничто уже меня с этим заведением не связывало. Но доктор лагерного ревира Виноградов нашел меня и в форме приказа заставил посетить лазарет в середине февраля 1943 года, когда немцы закончили траур по жертвам Сталинградской битвы, чтобы узнать о результатах этого сражения и о дальнейшей судьбе пленных лагеря.

Больных и мертвых пароконной колываги раньше сопровождали четверо полицаяев, а на этот раз к ним добавили еще немецкого солдата с винтовкой.

На одной из улиц города я заметил Зосю Чвалинскую, делающую мне знаки и пытающуюся подойти к нам поближе, чтобы нам был слышан ее разговор. Немецкий солдат отгонял ее окриком: «Цурюк! Ферботен!», «Шиссен!» и угрожающими выпадами винтовки, но девушка, делая вид, что пугается конвоира, продолжала рассказывать. Из ее слов мы поняли, что немцы в Сталинграде понесли большие потери, убитых и пленных больше 300 тыс. человек, наши освободили большую территорию от Волги до Дона. Отступают немцы и на южном фронте.

– Бегут с Кавказа, как крысы, без оглядки под ноги – прокричала она под конец, глядя на меня, побежала вперед, перешла улицу и остановилась, ожидая нашего подхода.

Фраза о Кавказе была явно адресована мне, а выражение: «без оглядки под ноги» надо понимать, как «смотри под ноги». На самом деле, на дороге, на месте ее перехода, в снежную кашу был втоптан бумажный комочек, который я еле заметил и поднял, смешав ряд шагавших больных.

Шагавший со мной Василий Ходько, мой сосед по нарам, тоже идущий в лазарет, хоть и заступил на мое место, но немец-конвоир заметил мои действия и понял процесс передачи информации, стал за мной следить более внимательно.

В записке была только одна фраза: «обязательно побывайте в гостях у тети Нины», ознакомился с текстом записки и Василий, надоедая вопросом: кто такая тетя Нина?

А это была старая работница городской больницы, ушедшая на пенсию еще до войны и жившая в домике сторожей у левостороннего забора больничной ограды. Попасть в этот дом можно только с внешней стороны. Раньше из больницы туда ходили и через калитку в заборе, но при немцах ее заколотили, оплели проволокой, путь был наглухо закрыт. Только несколько человек, в том числе и я, знали секрет этой двери.

В лазарете, как обычно, больных ввели в амбулаторный корпус, а мертвых полицаи повезли хоронить на больничное кладбище. Нас начали осматривать врачи и сестры, в основном военнопленные. Гражданских уже почти никого не осталось. Были выселены из больничного городка все гражданские жители, в том числе и профессор Чвалинский.

Мы с Василием постарались быстрее закончить процедуры, чтобы успеть побывать у тети Нины. Идти к ней надо через злополучную калитку, пробираться через которую можно только вдвоем. Поэтому я и уговорил Василия пойти со мной «попить чайку».

Мы, как будто бы незаметно, выбрались из амбулаторного корпуса, добрались до инфекционного корпуса, где я когда-то лежал и, маскируясь, добрались до калитки. С большим трудом подняли ее вверх, пролезли в отверстие, а затем опустили вниз, предварительно замаскировав свои следы.

Тетя Нина уже ждала гостей. Усадила нас за стол, стала угощать едой, чаем, рассказывать новости о битве на Волге и Дону, отступлении немцев, просила передать доктору, что немцы скоро будут эвакуировать лагерь военнопленных, а больных может быть и расстреляют. Пусть примут меры, готовят побег. Несколько человек можно переправить и через нее.

Так за чаем и разговором мы не заметили, что слишком загостевались.

А тем временем наш немец-конвоир, потеряв из виду нас, забеспокоился, раньше срока подал команду отъезда. Естественно, двоих не оказалось в строю. Начались поиски по больничному городку. Если бы не немец, полицаи поехали бы без нас, доказав охране лагеря, что оставили их в лазарете, но солдат не смог нарушить свой долг и порядок, старался найти беглецов. Кто-то из полицаев-охранников сказал ему, что его больные могут быть у тети Нины и пить шнапс. Туда иногда пленные прорываются. Старый солдат помчался к домику сторожей. Мы его заметили через окно. Делать было нечего: остались сидеть за столом. Конвоир ввалился, а за ним и полицаи и усталились на нас сидящих с кружками чая. Тетя Нина, как и положено гостеприимной хозяйке, предложила и им сесть, выпить чайку или чего-нибудь еще.

Какое там! Немец, буквально за шиворот, вытолкнул нас из комнаты и под ружьем повел к нашей повозке, где уже стояли на морозе и больные пленные. Боясь, что мы убежим, перепуганный конвоир посадил нас в колымагу, а сам с винтовкой в руках шел сзади нее.

В лагере он доложил, что двое пленных пытались бежать, но он пресек эту попытку, арестовал их и доставил в лагерь. Дежурный немец долго не рассуждал, приказал поместить нас в карцер.

В лагере была тюрьма для провинившихся пленных. Размещалась она в помещении бывшей гауптвахты, там были, как и в блоках, общие нары в изолированной комнате, параша. Рядом с ней был железобетонный бункер, сделанный видно еще до войны и превращенный сейчас в карцер для особо опасных преступников.

Нас и воткнули в этот бункер – небольшую комнатку, с одинарными нарами вдоль стен, покрытых инеем, так как отопление отсутствовало. Холод был невероятный. Чтобы не замерзнуть, мы с Василием всю ночь «танцевали чечетку», боясь заснуть и замерзнуть.

На другой день о нас узнал доктор Виноградов, пошел к оберполицаю Орлову, попросить его перевести нас хотя бы в общую камеру. Тот обещал разобраться и сумел доказать коменданту, что мы не собирались бежать, а с морозу зашли к знакомой погреться, выпить шнапсу и чаю, за чем и застал нас конвоир, который вместо охраны пленных, прохладился в проходной лазарета. Вызванный солдат подтвердил слова Орлова, и комендант вынес решение: за нарушение дисциплины, связь с гражданским населением, мы должны отсидеть в общей камере шесть суток. Вечером к нам ввели двоих военных

ГЕРМАНСКИЕ КОНЦЛАГЕРЯ

Отстукивали колеса вагонов монотонную песню: е-ду.. ту-да.. е-ду... ту-да... Вагон качало, убаюкивало сидящих и лежащих в нем людей. Их, бывших советских граждан, пленных бойцов Красной Армии, везли в рабство в Германию. Мелькали станции, селения, города родной страны, поезд мчался в неведомое... Разнородный состав пленных в вагоне еще был в шоковом состоянии. Немцы, при формировании вагонных команд, специально разрозняли сжившиеся группы в блоках, делали их многонациональными, чтобы при перевозке пленные не могли быстро принять решения и попытки совершить побег. В этом деле немцы имели уже большой опыт.

Дня два мы приглядывались друг к другу, осторожно прошупывали пассажиров теплушки.

Постепенно начали говорить о покидаемых родных местах, где каждый кустик ночевать пустит, о чужой стороне, подневольном рабстве. На-

конец, сошлись на идее побега несколько человек. Остальные обещали не мешать им. Участники побега сгруппировались у дверей вагона, решили способы и места побега. Побег через пол вагона отпал сразу же, так как многие боялись разбиться при падении на шпалы. Решили вырезать кусок доски в стенке вагона, рядом с дверным крючком. При проезде через лесной массив в ночное время выдавить обрезанную доску, отмотать проволоку, откинуть крючок двери и прыгать на откос полотна. С идеей согласились. Нашлась заточенная стальная пластинка. Приступили к работе: осторожно вырезали ямки в доске, замазывая их хлебным мякишем.

Днем поезд останавливался, выносили парашу, приносили воду иногда еду, очищали вагон, осматривали его. Первый раз немцы ничего не заметили. Дело с доской подвигалось к концу, поезд шел уже по территории Польши. Ждали ночи, чтобы открыть дверь вагона и прыгнуть в малонаселенном месте. Днем на одной из крупных станций была продолжительная стоянка: выносили из вагонов мертвых, параша, очищали и проверяли вагоны, кормили пленных. Пленных снова загнали в вагоны. Вдоль состава прошла еще группа конвоя немцев, внимательно осматривая двери, задвижки, зарешеченные окна. У нашего вагона остановились, проверили запоры двери, окна. Ничего подозрительного не обнаружили, повернулись двигаться дальше, но один из немцев остановил товарищей, забрался в вагон и стал осматривать стены вагона, ощупывая их рукой. Мы затаили дыхание: немец шарил там, где мы резали доску. Наконец, он нащупал борозды в доске, позвал товарищей. Поднялся шум, прибежали еще немцы, переводчик. Нас выгнали из вагона построили, стали допытываться: кто резал доски и готовил побег. Все отнекивались, утверждая, что это видят впервые, бежать никто не собирался. Ничего, не добившись, немцы нас снова загнали в вагон, подрезанную доску забили толстой доской, а на дверную защелку вместо проволоки повесили замок, приказав конвою не открывать дверь трое суток.

Без воды, без пищи, без свежего воздуха трое суток задыхались в деревянном гробу, не зная, где проезжает наш поезд. На третий день дверь открыли. Все пленные лежали вповалку. Пять человек умерло, столько же было в тяжелом состоянии. Очистили и вымыли вагон, нам дали еды и воды. Мы уже въезжали в Германию. Попытка к побегу для нашего вагона окончилась мучениями людей и пятью мертвыми. А все же несколько человек

из нашего эшелона бежали, пользуясь нашим методом. Поэтому немецкий конвой и заметил дырочки в доске, сделанные ножом.

Мы с Василием Ходько в этой операции отделались легко, так как лежали недалеко от двери и не задыхались от испарений. Если бы не зоркость немца конвоира, мы бы с ним уже блуждали по лесам Польши.

А наш поезд уже катил по территории Германии. 5-го марта нас привезли в Кюстрин. Привели в лагерь военнопленных «Ш-2», сделали санобработку: постригли, помыли, прожарили одежду, командами по 50 человек разместили в деревянных бараках на санитарный карантин в 21 сутки. Хлеба давали по-прежнему мало, но брюквенную баланду давали три раза в день. Подкармливали, чтобы могли производительно работать.

Весна набирала силу, оживали и мы. В местном ревире пленных обследовали, больных и слабых отсеивали, помещали в отдельные бараки, крепких и здоровых – в другие. Я с Ходько попал к здоровым. Здесь же, в лагере, символично отметили первомайский праздник, вспомнили демонстрации, песни, застолья.

Закончился карантин, нас немного приодели: заменили наши лохмотья на старое, вымытое и отремонтированное обмундирование русских, немецких и бог знает каких стран солдат, а вместо ботинок выдали деревянные колодки. Нас уже основательно подготовили для продажи на рынке труда. Дело оставалось за покупателями

5 мая колонну здоровых пленных посадили в вагоны и повезли дальше на Запад. Через сутки прибыли в такой же лагерь военнопленных под номером «Ш-В» в г. Фюштемберге, под Берлином, источник поставки рабочей силы для германских предпринимателей.

Размещались там также в деревянных бараках, кормили такой же баландой. Периодически строили в шеренгу, покупатели осматривали «товар», отбирали нужных, уводили. Или просто охрана лагеря отсчитывала десяток полсотни человек, уводила к заказчику.

Мы с Василием тоже ждали своей очереди, но дни шли, а на нас никто не обращал внимания. 31 мая в нашем бараке появился немец-охранник, вызвал: «Яковлев, Ходько, на выход с вещами!» – точно, как в тюрьме. Схватили свои котомки, пошли с конвоиром. Возле комендантской ему передали документы, а нас обыскали, непонятно зачем, скомандовали: «марш!».

Повез нас конвоир сначала поездом до Берлина, а затем трамваем по городу, проехали даже в метро. Василий восхищался немецким метро, а мне оно не понравилось – было во много раз хуже нашего московского, мрачного, красивого, не чета бетонным стенам немецкой подземки. Василий видел подземную дорогу впервые. Не знаю, почему, но конвоир повез нас в метро, то ли хотел похвастать, то ли этот путь был короче, но после подземки мы еще долго ехали трамваем, пока не прибыли за город в большое сельскохозяйственное предприятие с обширными площадями посевов и посадок. Конвоир передал нас под расписку немцу управляющему, откозырял, уехал, а мы остались одни, без охраны. Немец повел нас в кирпичный сарай, передал другому немцу, а тот в сарае показал нам койки с постелями и на малопонятном русском языке сказал, что здесь мы будем спать, а там (показал в сторону другой комнаты) обедать, а в поле – работать. Повел к группе рабочих, копошившихся у котлована. Оказалось, польские военнопленные для хозяина строят водоем. Для уменьшения фильтрации они покрывают его ложе глинистым экраном: насыпают слой глины, посыпают соломой, затем сверху насыпают еще слой глины, поливают водой и все это перемешивают ногами.

В этот момент все мужчины, засучив штаны, утаптывали глину. Назов немца вышел один поляк, поздоровался с нами. Мы его поняли, ответили.

Немец что-то сказал поляку, тот ответил: «Добже!», обратился к нам, путая польские и русские слова. Из его рассказа мы поняли, что попали в одно из хозяйств, поставляющих для города овощи, молоко и мясо. Здесь много иностранных рабочих мужчин и женщин, цивильных и военных, постоянных и временных. Работы много, людей не хватает, поэтому надсмотрщики заставляют работать сверх нормы. Правда, кормят хорошо, лучше, чем своих свиней. Конвоя нет, но смотрят за рабочими строго. Да и бежать некуда. Где найдешь лучшие условия!

Мы обрадовались такому устройству. На другой день месили глину с поляками. Но радость наша была преждевременной. 3 июня в хозяйство заявился расстроенный наш конвоир, примчался, вместе с немцем – управляющим, к котловану водоема, вытащил нас из него. Оказалось, что он ошибся

адресом, доставил нас не тому заказчику. В лагере разобрались и погнали его исправлять ошибку.

Жаль было покидать сытное место и хороших поляков, но рабы не вольны себе. Конвоир вез нас новому хозяину в северную часть Берлина, сначала на трамвае, а затем и в автобусе, по асфальтированной дороге, обсаженной по обочинам яблонями.

В аккуратном пригородном поселке Креммен, в северной части Берлина, нас на остановке из автобуса высадили, и конвоир повел подневольных на окраину. Василий Ходько не переставал удивляться и обсаженным фруктовыми деревьями дорогам, асфальтированным, чистым тротуарам, палисадникам. Даже не возмущался немчатами, плевавшими нам, русским пленным, вслед, видимо, за погибших в Сталинграде их отцов, братьев. Бесспорно, немцы трудолюбивый, аккуратный, законопослушный, но бездушный народ. Народ – автомат, педант до мозга костей. В их порядке и аккуратности не было естественной красоты, радости жизни, духовности.

На окраине поселка шла стройка. Строилось какое-то большое кирпичное здание. Леса вокруг него уже поднимались до второго этажа, где на помостах каменщики возводили стены, а внизу копошились люди. В отдалении, за стройкой, виднелся деревянный барак, обнесенный изгородью из колючей проволоки, а возле нее стоял небольшой вагончик, куда и подвел нас конвоир.

Из вагончика вышел пожилой немец, в комбинезоне, по виду мастер или прораб. Посмотрел, поданные ему конвоиром документы, осмотрел внимательно и нас, как цыган лошадей на ярмарке, только в зубы не посмотрел. Со стройки подошел человек в рабочей, но чистой одежде, поговорил с немцем, а затем на чисто русском языке объяснил нам, что это рабочая команда № 217/103 русских военнопленных, работает у немецкого подрядчика, по договору с лагерем «Ш-В», на строительстве производственного объекта. Это мастер стройки, а он старший команды пленных, исполняет обязанность переводчика. По ошибке вас направили в рабочую команду 512, а теперь исправили ошибку. Вы будете здесь работать на стройке подсобными рабочими. Рабочая команда пленных живет в этом бараке, под охраной немецких солдат. Удаление, днем за пределы стройки, а ночью за пределы забора барака, запрещается. Сегодня будете отдыхать, знакомить-

ся, а завтра с утра приступите к работе. По всем вопросам обращаться ко мне.

Все было ясно: нас продали подрядчику – строителю. Он постарается выжать из рабов все силы. Утром, после завтрака: картофельного супа и куска хлеба, мастер выдал нам с Василием деревянные козы для переноса кирпичей от штабеля до каменщиков. Это приспособление было простое по устройству: к вертикальной доске с одной стороны крепится поперечная полка, а с другой – две лямки, которые одеваются на плечи человека, так чтобы доска с полкой легла удобно на спине. На полку кладут несколько штук кирпичей, и козonoс по трапу несет их на верхний этаж к каменщику. Работа эта тяжелая, требует силы и крепких мускулов ног. У нас не было ни того, ни другого, но мы были рабы и должны выполнять волю хозяина. С каждым днем груз увеличивался, мы с дрожью в ногах поднимались на второй этаж, падали, поднимались, тащили проклятые кирпичи под крик немца – каменщика: «шнель, рус, шнель!» – (быстрей, русский, быстрей!).

Так шли день за днем, стены здания поднимались выше, кирпич таскать становилось трудней. На работе так выматывались не только козonoсцы, но и другие подсобные рабочие, что вечером еле доползали до барака, валились на нары. Еда в рот не шла, хотя и были всегда голодные. Кормили три раза в день: утром ячменный кофе с хлебом, в обед и ужин – баланда из брюквы.

В воскресенье отводился день свободный от работы. Пленные рабы занимались своими делами. Охрана поглядывала из вагончика, чтобы пленные не выходили за пределы проволочного забора.

В одно из воскресений мы с Василием сидели во дворе, грелись на солнышке, любовались окрестным ландшафтом. Вдали виднелся перелесок, а перед ним картофельное поле.

– Наверное, уже крупная картошка, отведать бы молоденькой! – мечтал мой напарник.

– А в чем дело? Давай смотаемся. Охрана в вагончике, нас не видит. Пролезем под проволокой, вон в той канавке и по кустикам доберемся до картофельного поля. Всего за полчаса смотаемся туда и обратно – поддержал я друга.

Посмотрели еще раз маршрут. От охраны он закрывался бараком. Пролезли под проволоку, пригнувшись, побежали к заветному полю. Уселись под хорошими кустами, начали подкапывать в поисках крупных клубней, набивать карманы. Собрались возвращаться назад, как возглас: «Хальт! Хенде хох!» – (стой, руки вверх!) заставил нас оглянуться. За нами стоял немец с ружьем на изготовку. Нас поймали с поличным. Наши отговорки, просьбы оказались безрезультатными. Немец без наших объяснений понял, кто мы и почему воруем его картофель. Он был непреклонен и, указывая ружьем на наш лагерь, повторял: «Ком, ком...».

Нам ничего не оставалось, как подчиниться ему. В лагере наша охрана всполошилась, начала выпытывать причину нашего побега. Пришлось через нашего переводчика объяснить охране и немцу, что нас заставляют много работать, а кормят плохо, мы голодаем, поэтому и решили немного накопать картофеля. Бежать мы не собирались. Наша одежда и вещи остались в бараке. Немец нас простил, а охрана на другой день доложила мастеру. Тот возмутился нашим утверждением о тяжелой работе, плохом питании, приказал охране вернуть нас в лагерь как симулянтов. В тот же день охранник конвоировал нас в лагерь. Ехали с тяжелым сердцем. Но в лагере приняли нас спокойно. К ним часто приводили беглецов, даже преступников, наш поступок для них был шалостью. Они знали о бесчеловечной эксплуатации пленных и о плохом их содержании.

Дня через два нас включили в команду для отправки в пункт подготовки и формирования команд для работ на шахтах Рура.

«СЧАСТЬЕ ГОРНЯКА»

Этот пункт был расположен в Рурской области в северо-западной части Германии, крупнейшем в Европе угольном бассейне, богатым залежами коксующихся углей, развитой черной металлургией и химической промышленностью.

Размещался он в предгорье, в углублении, между отрогами невысоких гор и именовался у пленных, как «Яма». Места здесь были красивые: склоны гор покрыты смешанными лесами с множеством родников, речек, полян, благоприятных для отдыха. Может быть, и была когда-то «Яма» домом

отдыха для трудового народа Германии. А сейчас предприниматели горной промышленности Рура готовили и формировали кадры для своих угольных шахт из пленных различных стран, а в последнее время и военнопленных России. Начался третий год войны, Восточный фронт перемалывал сотни тысяч немецких солдат. Для их пополнения мобилизовывались все мужчины, способные носить оружие, а их места затыкали иностранными рабочими, военнопленными.

Дошла очередь и до ответственных отраслей промышленности, куда стали направлять всех трудоспособных, невзирая на национальность. В эту «Яму» привезли несколько сот человек и нас, русских пленных из лагеря «Ш-В».

Покупатель оказался крупным, богатым, перед военным ведомством не приbedнялся: позарез нужен был уголь, кокс, а для их добычи – рабочая сила.

В пункте подготовки пленным создавали сносные условия: хорошее питание, двухнедельный отдых в курортных местах, обучение азам предстоящей работы.

За все время плена две недели мы с Василием блаженствовали: 600 грамм хлеба, 25 грамм масла, 15 грамм сахара, кофе, хороший суп, нормальная постель на койке. Что надо еще нормальному человеку? Говорят, что только японцы создавали особые условия жизни для своих камикадзе, зная, что они должны погибнуть в бою. Мы тогда не знали, что и немцы подкармливают нас, чтобы высосать силу нашу для своей победы.

Мы догадывались, но не знали и, как животные, радовались свалившемуся благу.

Через две недели погрузили в нормальные пассажирские вагоны, правда, под конвоем, повезли в рабочую команду. На другой день были уже на месте назначения. Это был типичный лагерь военнопленных с рядами деревянных бараков с двухъярусными нарами, тощим соломенным матрацем, военным одеялом, а также всевозможными службами: полицией из пленной братии и немецкой охраной с вышками и пулеметами на них.

Условия здесь были лучше, чем в лагерях, где мы раньше были: разрешалось свободное хождение по лагерю в дневное время, обследование и лечение больных, приличное питание, как и в пункте подготовки: 600 гр.

хлеба, 25 гр. масла и 15 гр. сахара выдавалось утром, во время завтрака. Как обычно, утром поедалось 200 гр. хлеба, кофе и баланда, на обед оставался остаток хлеба, масло, сахар и давалось 0,5 литра кофе. По возвращении, вечером, довольствовались баландой или кашей. По тем временам такой рацион был вполне приличным, но затраты энергии на труд требовали значительно больше калорий, поэтому мы всегда были голодные. Да и распорядок дня был предельно напряжен: подъем в 5:00, завтрак и подготовка; в 6:00 построение в колонну и движение на шахту, до которой было 4 км, в 7:00 нас передавали по счету работникам шахты, которые уже по фамилиям и номерам разводили по местам работы. В 8:00 начинался рабочий день до 19:00 и обратный цикл. В лагерь возвращались в 9 часов вечера. В 10:30 отбой. Так каждый день, кроме воскресенья – день отдыха.

От ворот лагеря и до ворот здания шахты нас сопровождала военная охрана с собаками. Шаг вправо, шаг влево – попытка к бегству.

Говорят, что нам здорово повезло: мы попали в лучшую шахту Рура с пластом коксующегося угля в 2 метра, оснащенную новейшим оборудованием. Недаром шахта и называется: «Берманглюк» – «Счастье горняка». Занимала она громадную территорию с множеством железнодорожных путей, площадок, складов, путепроводов и всевозможных шахтных построек. Раньше на шахтах я не был. По литературе был знаком с работой шахтеров, да видел их в кино. А здесь, в этом громадном хозяйстве, можно было и заблудиться. Нам, правда, не давали возможности свободно разгуливать по территории шахты местная охрана и наставники, к которым нас прикрепили. А было это так.

Первый раз нас привели на шахту в середине дня, когда дневная смена работала. Подвели новую команду к большому зданию, напоминающему большой железнодорожный вокзал, пропустили по списку в громадный зал, построили в шеренгу, отобрали тех, кто раньше работал в горной промышленности, остальных персонально отбирали на подземные и наружные работы. Я попал в подземные, а Василий – в наружные.

К нашей группе подошел коренастый пожилой немец в брезентовой робе, с шахтерской каской на голове. Осмотрел всех, потом начал тыкать пальцем: «Ду ком!» – («Ты, иди»). Остановился возле меня: «Ду, лянге, ауф!» – («Ты, длинный, – тоже!»). Отобрал человек десять, стал знакомить с подсоб-

ными помещениями, показывая их без слов, подвел к крайней двери в стене зала, показал туалет с множеством посадочных мест; за второй дверью была обширная душевая, где рабочие обмывались после смены; за третьей дверью, в большом помещении, плотно стояли высокие деревянные шкафы с номерами на дверцах. Через переводчика немец объяснил, что это раздевалка с индивидуальными шкафами работников подземных выработок для хранения рабочей и личной одежды, указал каждому номер шкафчика, заставил их записать и хорошо запомнить. Наши фамилии и номера шкафов обслуживающий персонал записал и в журнал комнаты-раздевалки ее.

Затем наш мастер, герр Альфред, как пояснил нам переводчик, – наш хозяин и бог, в материальном складе получил и раздал нам под роспись рабочую спецодежду для работы в забое, под землей. Каждый подобрал по размеру синюю куртку и штаны из плотной ткани, сабо – деревянные долбленные колодки и портянки к ним, полотенце и кусок мыла, а также каску из прессованного картона, с лампочкой на ней. Со всем этим богатством мы вернулись в раздевалку, где мастер заставил нас переодеться в рабочую одежду, оставить нашу одежду в шкафчиках, закрываемых на щеколду. То, что в Германии за воровство строго наказывают, мы знали, но бросать свои вещи открыто еще опасались.

Оглядев нас в новом одеянии, мастер, буркнув «Гут!», – повел нас во двор, к стволу спуска в шахту. Сверху вниз на канатах беспрерывно двигались кабинки, в которых мы начали спускаться вниз.

Электрические лампочки кабинок слабо освещали напряженные лица новоиспеченных шахтеров, впервые спускающихся под землю, в преисподнюю, а также черные стены, проплывающего шахтного ствола, встречающихся площадок. Наконец, загорелась красная лампочка – сигнал приготовиться к выходу. Кабинка замедлила спуск, на время остановилась, давая возможность выйти пассажирам в обширное ярко освещенное помещение, где на узкоколейной дороге стоял маленький электровоз с десятком небольших открытых вагончиков с сиденьями, на которые мы уселись и двинулись дальше по тоннелю от спускного ствола. По пути попадались штреки, в которые сходили люди, но мы двигались дальше, пока не уперлись в тупик. Это был наш штрек, хозяином и богом которого был герр Альфред.

Перпендикулярно тоннель перерезал забой с угольным пластом толщиной в два метра и рядами деревянных столбов-стоек, крепящих кровлю от обвала. В полуметре от стенки пласта двигалась лента транспортера с кусками угля, а по другую сторону от него, метрах в 3-х, стояла на подпорках металлическая труба.

– Это место вашей работы, – объяснял нам переводчик слова мастера. – Здесь мы добываем для великой Германии уголь антрацит, так нужный для победы. Вам выпала честь работать в такой прекрасно оснащенной шахте «Берман – Глюк».

Глубина нашего забоя полторы тысячи метров, постоянная температура 33 градусов, прекрасно работают кондиционеры, видите, какой чистый воздух!

Уголь транспортируется системой транспортеров, забой крепится прочным лесоматериалом, а для большей гарантии от обвалов из породы по этим вот трубам отсыпаются защитные валы.

У вас пока будет легкая работа, вы будете грузить уголь на транспортер, который ваш напарник будет рубить отбойным молотком из этого пласта. В вашу обязанность входит и крепление, выработанного вами забоя. Стойки, топор и пила всегда у вас под руками.

За смену каждая пара должна нарубить 60 тонн угля и только после этого может покинуть забой. Мастер, герр Альфред, будет строго следить за этим, и наказывать нерадивых и лентяев.

Сегодня всё. Завтра утром он каждого из вас познакомит с напарниками. А сейчас поехали наверх. На обратном пути мы уже внимательней осматривались, запоминали, так как понимали, что придется самостоятельно ориентироваться в этом хозяйстве, добывать уголь для победы великой Германии. Это ведь не лучше рабочего батальона, как говорил Лапин. А что поделаешь?

На другой день наша группа сгрудилась у своих шкафчиков в ожидании мастера. Вскоре появился и герр Альберт, приказал переодеться, взять свои котомки с едой и двигаться за ним. В общем зале подвел нас к группе людей, одетых в такие же костюмы, только обутых не в сабо, а добротные ботинки. Были эти люди пожилые и молодые, бритые и усатые. Все они с

удивлением рассматривали новых русских пленных. С таким же интересом взирали на них и мы.

Шеф объявил нам, что это наши напарники. С ними мы будем работать, и с этого момента они несут за нас полную ответственность. Вызывал нас по списку, четко выговаривал имена и фамилии, пристально вглядываясь каждому в лицо, передавал напарнику.

Я достался молодому парню лет 25-ти, как потом выяснилось – бельгийскому военнопленному Витману. Некоторые попали к немцам – старикам – аборигенам шахты. Кругом кипела жизнь предрабочего периода. Переодевшись в рабочую робу, люди поодиночке и группами спешили на рабочие места. Двинулись и мы кагалом в нашу преисподнюю. Сегодня до нее путь показался короче. Гурьбой высыпали из вагонеток и парами направились на свои места, предварительно включив фонарики на касках. Свет их слабый, но вполне достаточный, чтобы ориентироваться в крошечной темноте.

Пласт нашего забоя был мощным, достигал 2-х и более метров, так что шли мы в полный рост между сосновыми стойками опор крепления кровли. Слева блестели разноцветными бликами грани угольного пласта, у его основания тянулся длинной кишкой резиновый шланг компрессорной установки, а правее пролегал транспортер.

Наши попутчики уже остались на своих участках, а мы все шли в темную бездну. Наконец мой напарник остановился у края стенки пласта. Это был конец его выработки, покинутый им вчера вечером. Напарник осветил фонариком пол, увидел лежащий отбойный молоток с резиновым шлангом, большую шуфельную лопату, удовлетворенно хмыкнул, осветил кучу сосновых бревен, топор и пилу возле них, довольный кивнул головой. Отошел к транспортеру, посмотрел на стенку пласта, заметил белую полоску на гранях угля, покачал головой. Видно, мой напарник не любил трепаться языком, свои эмоции выражал жестами. И сейчас, посмотрев на часы, подошел к бревнам, уселся на них, показал мне место рядом. Видно, было еще время познакомиться. Естественно, языка друг друга мы не знали, Он по-немецки говорил сносно, а я знал только несколько слов и фраз, поэтому наша беседа напоминала разговор немого и глухого, жестами и знаками. Но, как ни странно, мы понимали друг друга сносно.

В итоге я узнал, что мой напарник – сын бельгийского крестьянина, солдат армии, попавший к немцам в плен в период оккупации его страны и направленный на работу в Рурскую область Германии, где и работает, как многие военнопленные, уже 3 года. Живут они в лагере, в бараках, по 3-4 человека в комнате. Здесь их кормят, одевают, обувают. Кроме этого, ежемесячно они получают по линии Красного Креста продуктовые посылки. Ходят они свободно, но отлучаться на длительное время без разрешения коменданта не могут. Ежемесячно дают им деньги на карманные расходы, остальные заработанные деньги шахтоуправление перечисляет военному ведомству, где и числится пленный.

Он же познакомил меня с шахтой и распорядком работы в ней. Это горное предприятие «Берман Глюк», в переводе «Счастье Горняка», оснащено современным оборудованием, располагает мощными угленосными отложениями на глубине 1500 метров в основном коксующимися углями, так необходимыми металлургической промышленности Германии, что швабы (немцы) уделяют особое внимание работе этого шахтоуправления. Немцы-старожилы здесь хорошо зарабатывают, многие из них пользуются льготами, освобождены от призыва в армию, работают, как проклятые, и заставляют всех трудиться так же. Наш босс, герр Альфред, один из таких швабов, неустанно следит за работой подчиненных, строго наказывает нерадивых, а иностранных рабочих и военнопленных карает как саботажников. Он настоящий наци. С ним надо быть очень осторожным.

В 8:00 начнется наша работа. За смену мы должны выдать на гора 60 тонн угля, выработать пласт до отметки, сделанной мастером. Раньше покидать забой мы не имеем право. На период еды дается несколько минут. Скоро начнет работать транспортер. Я буду работать отбойным молотком, а ты вот этой лопатой будешь грузить уголь на ленту транспортера.

Я получил необходимые сведения, опробовал в руках шахтерскую лопату. Уж больно большой она мне показалась, но, как оказалось впоследствии, очень удобной для погрузки угля. Витман подсоединил шланги молотка к основному компрессорному шлангу. Двинулась лента транспортера, затарахтел отбойный молоток в руках моего напарника, посыпались куски угля. Я со своей лопатой стоял наготове. Так началась моя работа в

шахте Рура по добыче угля для великой Германии, помогая фашистам разорять мою Родину, убивать соотечественников.

Давно я не имел информации о положении на фронтах войны. После разгрома немцев в Сталинградской битве не было особых событий, на которые могли бы реагировать немцы. На русских пленных они были злы за столь громадные потери в зимней компании, за тысячи убитых и пленных солдат, но и с удивлением смотрели на них, не понимая, как эти варвары, согласно немецкой пропаганде давно разгромленные, могли полностью уничтожить лучшую армию фюрера, взять в плен ее командующего фельдмаршала Паулюса. Смотрели и боялись, как бы русские не выкинули еще один фортель. Битва на Курской дуге еще только готовилась. О ней мало кто знал, а мы, в Руре, – тем более.

Первый день в шахте был для меня очень тяжелым. Витман со знанием дела отламывал куски угля, направляя острие молотка в щели или границу наслоения, буравя отверстия. Ему было трудно пробить только траншеей внизу пласта, дальше дело шло быстрее. Я же не успевал отбрасывать уголь на транспортер. Видя мои неуклюжие попытки, он отбирал лопату, показывал как стоять, чтобы, не бегая, с одной точки доставать уголь лопатой и укладывать его на транспортер. Показал, как лучше держать черенок лопаты, чтобы уменьшить нагрузку на руки. Все это я старательно выполнял, но такая физическая нагрузка на ноги и корпус давали о себе знать: дрожали колени, ломило поясницу. После нескольких часов работы я буквально валялся на пол. Напарник откидывал в сторону отбойный молоток, брался за лопату, успокаивая меня: «Это бывает у каждого в первые дни». В этот день мастер у нас не появлялся. К концу смены я уже еле стоял на ногах. С трудом добрался до вагонетки. Под горячим душем напряжение немного спало, в лагерь шел бодрее, но ужинал через силу. Несколько часов сна промелькнули мгновенно. Тело все ныло, встать не хотелось, но окрики и пинки штубовых поднимали и мертвых. Начинался второй день шахтерской работы. Напарник не заикался о прошедшем дне, как ни в чем ни бывало начал работу, а я, не спеша, экономя силы, стал убирать от него уголёк. Так работали до обеда. Пришел мастер, посмотрел на нашу работу, ничего не сказал. Видимо, хоть и нацист, но понимал, что нельзя первые дни насилловать слабые организмы, не приспособленные к такого рода работе в условиях

подземелья. Температура здесь была постоянная – 33 градуса Цельсия. Напарник посоветовал мне работать без куртки: меньше будет пота и потертостей тела. В 11 часов завтракали. Напарник съел бутерброд с колбасой или ветчиной, а я кусочек хлеба с тощим слоем масла-суррогата. Запивали ячменным кофе. В обед мое меню оставалось прежним, а Витман съел 0,5 литра второго, чаще всего – картофельного соуса.

В первые дни работы в шахте, когда мне было не до еды, я не реагировал на наше меню, но, постепенно привыкая к работе, расходуя много энергии, мой организм требовал больше калорий, а желудок – пищи. Свой паек я съел еще утром, оставляя на обед небольшую часть, с завистью и жадностью смотрел на еду напарника. Тот видел мои жадные взгляды, иногда давал кое-что из еды. Но это же люди Западной Европы, а не России! Витман не мог понять, почему он должен все время кормить своего напарника, а не тот, на кого он работает. Да и мне было стыдно глядеть ему в глаза, как голодная собака, поэтому в момент трапезы я старался отдалиться, а при разговорах рассказывал о лагере, жизни и порядка в нём русских пленных. О России Витман имел представление как о громадной стране, где правят свирепые коммунисты, согнали народ в какие-то колхозы, морят их голодом. И я ему представлялся выходцем из этих колхозов, где меня довели до такого состояния и послали на фронт, где я, как и многие русские, сдался в плен швабам. Русские лентяи, не хотели работать в своих колхозах, не желают это делать и в Германии. Поэтому к русским он относился предвзято, хотя и жалел их, как себе подобных. Немцев он не любил за то, что они оккупировали его страну, а его заставили работать на себя, но радовался успехам Германии, надеясь на скорую победу над Россией, своем освобождении и возвращении в свой дом, к родным, семье.

Постепенно, изо дня в день, я рассказывал ему о России, о Советском Союзе, о Ленине, о Сталине, о коммунистической партии и о колхозах. Короче, занимался с ним политграмотой. Разговор шел на немецком языке и методом жестов. Витман меня понимал. Его представление о нашей стране, ее людях менялось. Он и на меня стал смотреть по-иному: как на всезнающего умного человека, интеллигента. В порядке уважения чаще стал помогать мне в работе, больше засиживался в минуты отдыха, слушая мои рассказы. Я рассказал ему о начале войны, происках Англии и Франции против Совет-

ской державы, бредовой идеи Гитлера о мировом господстве, начале войны с Советским Союзом, успехах немцев в первые месяцы войны, разгром немцев под Москвой и в Сталинградской битве, моем участии в боях, пленении, немецких лагерях военнопленных. Бельгиец слушал, восхищался нашим народом, его борьбой за лучшую жизнь, справедливость, равноправие, за независимость. Он понял, что независимость его страны, его свобода зависят от успехов Красной Армии, победе русских.

Я просил его узнать о положении на фронтах войны, принести мне немецкую газету. Через некоторое время Витман спросил меня о городе Курске, где идут ожесточенные бои. Так впервые я услышал о Курской дуге. В обрывках газет, которые приносил Витман, заворачивая в них еду, я узнавал об упорных боях и успехах немецкой армии. Немцы кричали о новом успешном наступлении и скорой гибели большевиков.

Герр Альфред тоже ходил с гордо поднятой головой, снисходительно поглядывая на подчиненных.

О курской битве я рассказал в лагере своим соседям, друзьям. Некоторые об этом знали из других источников, все переживали. Узнав, что я с грехом пополам перевожу немецкие сообщения в газетах, стали приносить их пачками. Эйфория победы в них поубавилась, затем писали о переменных боях, а после сообщения о крупном танковом сражении, стали писать о выравнивании фронта. Мы поняли, что это – победа советских войск, возрадовались перелому в летнем сражении. Красная Армия начала побеждать не только в зимний период, но и в летнем наступлении.

Немцы приуныли. Герр Альфред стал раздражителен, без явных причин придирался к подчиненным, наказывал их. – «О, раше гут!» – поднимал мой напарник, большой палец вверх, радуясь вместе со мной успехам Красной Армии.

Шли дни, успешно продвигались на запад наши войска, освобождая от врага города и села, а я, пленный, помогаю врагу, ежедневно добываю для него вагон угля. Это же явное предательство своему народу. Об этом я рассказал своему напарнику. Тот долго думал, а потом сказал: «Конечно, это подло с моей стороны, но ты не виноват, что попал в плен и стал беззащитным рабом. Ты можешь отказаться работать, но тогда ты умрешь. Это твое дело. Прошу только не подводить меня. Я гражданин маленькой стра-

ны, которая привыкла подчиняться сильным мира сего. Я хочу дождаться конца войны и мирно жить, растить детей. Саботаж и диверсию на моем участке я не позволю. Давай делать так, как велит герр Альфред”.

Он был прав. У каждого свои проблемы, свои понятия чувства долга. Так мы продолжали рубить уголёк на шахте «Берман Глюк», меняясь, друг с другом отбойным молотком и лопатой. Витман научил меня владеть молотком, рубить уголь. Даже хвалил за сметку, умение находить в пласте угля слабые полосы.

Один раз мастер застал меня за этой работой, стоял в стороне и наблюдал, как я орудую отбойным молотком. Впервые дружелюбно похвалил: «Гут, зер гут, руссиш лянге» (хорошо, очень хорошо, русский Длинный).

Большие потери на фронтах войны, наступление русских требовало новых солдат. Шла очередная мобилизация. Призывали в армию и льготников угольных шахт, заменяя их иностранными рабочими и пленными.

Перевели на более ответственную работу и моего напарника, а меня поставили на его место забойщика, вручив отбойный молоток. Мне в напарники герр Альфред привел русского пленного, работающего раньше на поверхности вместе с Василием Ходько.

Среднего роста, широкоплечий украинец из Сумской области, Путиловского района, села Ховзовки Кушнир Андрей Митрофанович на эту шахту прибыл раньше меня, работал на разных работах на поверхности, всячески избегая подземных работ. Свой перевод воспринял как наказание. Его раньше я не знал, в лагере он жил в другом бараке.

Герр Альфред по-прежнему на стенке пласта отмечал границу сменной выработки. Шел сентябрь 43-го, советские войска упорно продвигались вперед, на запад, уничтожая живую силу и технику врага. Для восполнения потерь требовался металл, а, следовательно, и коксующиеся угли, добычу которых немцы стремились увеличить. Наш мастер, герр Альфред, лез из кожи, чтобы дать больше угля со своего участка. Метался по забою, угловаривал, грозил расправой, даже бил своих подчиненных, но добыча угля уменьшалась, смены чаще задерживались, нарушался ритм работы шахты.

Мы с Андреем теперь не усердствовали, не рвали «пупок», не обращали внимания на отметки мастера. Мы с ним были на равных правах, нам нечего было терять кроме жизней наших, поэтому мы особо и не боялись

нациста Альфреда. Он несколько раз заставлял нас сидящих. Кричал, грозился наказать как саботажников, но дальше забоя шума не поднимал, понимая, что других людей ему не дадут, а накажут, так как подобное происходит на всех участках, где работают пленные или иностранные рабочие.

С этим явлением немцы ничего не могли поделать: угнетенные народы, их рабы, увидели начало заката нацистской империи, свет освобождения с востока. Ничего не могло изменить и наше лагерное военное командование. Пленные требовали человеческих условий жизни, лучшего питания, улучшения условий труда. Ответить на это репрессиями было поздно – это уже была не безвольная масса людей.

Я не знаю, была ли в нашем лагере тайная организация военнопленных, но сведения о продвижении Красной армии передавались часто, говорили о помощи нашей армии саботажем на рабочих местах, побегами. Об этом более подробно велись разговоры среди моих близких товарищей и соседей по нарам барака. Советовались, как можно малопродуктивно трудиться на рабочих местах, не подвергая себя риску, когда и куда следует бежать в случае необходимости.

Мысль о побеге у меня возникла в момент моей работы с бельгийцем Витманом, когда я был в отчаянии непосильного труда. Первым о побеге я поделился с Губенко Виктором Александровичем с г. Сальска Ростовской области, вдвое старше меня по возрасту. Было это в конце лета. Он посочувствовал моему положению, чувству патриотизма, но от участия в побеге отказался, ссылаясь на возраст, наступление холодного периода года и удаленности нашего лагеря от линии фронта. Меня он не отговаривал, но советовал крепиться, подождать до весны, а потом принимать решение. Василий Ходько просто отказался от этой затеи, напомнив нашу попытку «погостить» у тети Нины. Беседы с бельгийцем отвлекли меня от идеи побега, по крайней мере, до весны. Вернулся к этой теме в октябре, когда я уже работал с Андреем Кушниром, и наш мастер стал особенно придираться к нам.

Андрей согласился составить мне компанию с условием бежать не раньше весны будущего года. А до этого времени хорошо подготовиться, разработать план побега, маршрут движения. Побег из лагеря исключался, так как он охранялся днем и ночью немецкими солдатами на вышках с

пулеметами и прожекторами. В пути движения на шахту нас сопровождал конвой с собаками. Нужно было рассчитывать только на территорию шахты. Андрей, за период работы, немного её изучил, требовалось связаться с нашими пленными, работающими на поверхности, чтобы уточнить детали. Эту проблему взялся решить мой напарник. В мою обязанность входило разработать маршрут движения. С этим делом мы не спешили, времени до весны было достаточно. Но, как говорят: «Бог предполагает, а чёрт располагает!» – так получилось и у нас.

Непредвиденные обстоятельства заставили нас срочно покинуть шахту, бежать подальше от этого места. Добыча угля с каждым днем уменьшалась, от нашего мастера требовали улучшения работы его забоя, грозили сурово наказать его за мягкотелость к подчиненным.

Герр Альфред рвал и метал, беспрерывно метался по забою, не давал ни минуты отдыха, нерадивых награждал тумаками. Особенно стал придирается к нам после того, как несколько раз заставал нас сидящими. В последнее время стал подкрадываться к работающим тайком, с отключенным фонариком, наблюдать за их действиями продолжительное время. Если не замечал рвения в работе, а тем более обнаруживал простой – обрушивался с руганью и дракой.

Такое случилось и с нами. В одну из суббот октября месяца, в вечернее время, мы с Андреем решили отдохнуть. Выключили лампочки, уселись на глыбы угля и стали обсуждать последние известия о наступлении наших войск, услышанных каждым из нас. Мы так увлеклись разговором, эмоциями по поводу их успехов, что были ошарашены грозным рыком и гневной тирадой герр Альфреда, из которой поняли, что мы, русские свиньи, лентяи и дармоеды, намеренно саботируем добычу угля. Он сейчас же передаст нас военным органам. В назидании другим нас ждет смерть.

Все это до нашего сознания дошло позже, а с первых его слов: «Русиш швайн!» – нас подбросило как пружинами. В темноте ничего не было видно. Андрей, подскочив вверх, нечаянно ударил мастера головой в подбородок, сбил с него каску. Тот с силой оттолкнул Кушнира от себя. Андрей, падая, с силой толкнул ногами кусок угля, на котором сидел, острая кромка куска антрацита ударила герр Альфреда по ногам, сбила его на пол.

Падая, мастер инстинктивно схватил меня за куртку рукой, потянул за собой. Я не удержался на ногах, упал на него.

Поднялся я, зашевелился Андрей, молча лежал Альфред. Все произошло так быстро, что никто не догадался зажечь лампочку. Все происходило в полнейшей темноте. Сначала я включил свою лампочку, потом Андрей. При свете, мы увидели лежащего на полу герр Альфреда, лицом вверх, с закрытыми глазами, без признаков жизни. В испуге кинулись к нему. Я схватил за руку – пульс не прощупывался, приложил ухо к груди – сердце не билось. Поднял голову, на ней не было каски, а лежала она на обухе топора. Недалеко от него лежала и каска мастера.

Растерянные, поднялись мы на ноги, устали друг на друга с неммым вопросом: Что делать? Мы понимали, что никто нам не поверит в истинную причину смерти немца. Да и никого это не будет интересовать. Нас, русских пленных, обвинят в убийстве немца – мастера, в саботаже и диверсиях на шахте. Конечно, нас казнят, а может быть не только нас, а и других неблагоденных пленных для острастки остальных непокорных. Немцы постараются из этого сделать сенсацию. Надо не допустить этого, немедленно бежать подальше от этих мест. Может быть, сегодня отсутствие мастера не заметят, а завтра – воскресенье, выходной. Это единственный выход из создавшегося положения – бежать, а труп немца спрятать под отвал породы, насыпаемой в отработанные забои. Решение было принято. Труп герр Альфреда, еле перевалили через транспортер, оттащили и зарыли в отвал породы. Крови не было, следов не оставили. Только собаки ищейки еще могли найти мертвое тело, но пока до этого додумаются, порода совсем похоронит его.

Вздохнули с облегчением. Начали активно рубить уголек, подгонять под метку мастера. Увидели огоньки соседей, двинулись за ними. Вместе сели в вагонетки, поднялись наверх. Старались казаться спокойными, но в наших головах сверлила единственная мысль: как уйти из этого здания? У входной двери охрана, на окнах – решетки.

Основательно обмылись под душем, переоделись в свою одежду, зашли в туалет. Машинально зашел я в крайнюю кабинку, присел, почувствовал, как за ворот шинели, по спине пополз холодок, глянув вверх, за-

метил зарешеченное окно под потолком. В полутемном помещении оно еле просматривалось.

Побежал за Андреем. Решили попытать счастья здесь: выбраться через это окошко размером около метра по горизонтали и полметра высотой. Другой возможности может и не быть. Удастся – уйдем, нет – будем искать другой путь. Долго раздумывать не было времени. Надеялись на русский «авось». Я обмотал правую руку тряпьем, снял свои сабо, взобрался на спину и плечи Андрея, начал отдиравать проволоку от окна. Сначала она не поддавалась моим усилиям, но потом я сумел оторвать ее вместе с рамой, спустить вниз. Глянул в оконный проем: внизу виднелась шиферная крыша, за ней – небольшой дворик и стена здания с дверью. Решил рискнуть. Спустился. Коротко объяснил Андрею ситуацию, с его помощью вылез на шиферную крышу, принял от него наше барахло, подал ему руку, помог подтянуться и влезть в проем. На крыше отдышались, пригляделись. Пока было тихо. В туалете, как обычно, люди оправалялись, приходили, уходили... На нас, видно, никто не обратил внимания, не поднял шума. Тихо было и во дворике. До земли было не больше двух метров. Тихо спрыгнул, принял от Андрея вещи, помог спуститься. Это оказался теплый туалет мужского и женского отделений, для обслуживающего персонала шахты, а стены здания – комнатами отдыха. Выбраться из этого дворика можно только двумя путями: через оконный проем в общий туалет и через дверь в стене здания.

Оставался второй вариант. Дверь открылась легко. Сняли колодки, бесшумно потопали по узкому коридору, по обеим сторонам которого было многочисленное количество дверей, слышалась музыка, разговор, смех. Одиночная электрическая лампочка слабо освещала коридор. На наше счастье, мы его благополучно миновали, вышли во двор так же слабо освещенного электрическими фонарями. Впереди виднелись вагоны, краны, здания. Мы кинулись к вагонам, в надежде скрыться между ними, выйти к ограде шахтного двора. С деревянными башмаками в руках, вещмешками за плечами, бежали мы над вагонами, пролезали под ними, удаляясь, все дальше вглубь двора, пока, наконец, не уперлись в кирпичную изгородь высотой более двух метров, с металлическими рогульками по верху и натянутой по ним колючей проволокой.

Недолго думая, снял с себя шинель, как и в туалете, взобрался на спину Андрея, накинул шинель на проволоку, залез на нее, принял от напарника вещи, помог ему взобраться на стену, спрыгнул на землю, стал у забора. Андрей стал мне на плечи, снял шинель с проволоки, спрыгнул.

Мы оказались за пределами шахты. Первый этап прошел благополучно. Нужно решить вторую проблему: куда идти? Решили пока уйти подальше от этой шахты «Счастье горняка» и здешних мест.

ПОБЕГ

Надели на ноги свои сабо, привели в порядок одежду и направились подальше от забора. Вскоре наткнулись на асфальтированную дорогу и решили двигаться по ней, решив, что никому не придет в голову мысль искать беглецов на таких дорогах. Нас кинутся искать на задворках.

Глухо тюкали наши сабо – выдолбленные деревянные башмаки, по мокрому асфальту; приятно освежал возбужденные, разгоряченные лица, мелкий дождик, не замечаемый нами раньше. Сейчас мы обрадовались ему, так как он мешал собакам – ишейкам взять наш след. Природа благопритствовала нашему побегу. Успокаиваясь, пошли вперед по новой дороге, в неизвестное. Был уже поздний вечер, темный, мокрый, с небом затянутым туманом дождевых облаков.

Мы не заметили, как по обе стороны дороги обозначились контуры домов, заборов, палисадников перед ними. Мы уже шли по улице шахтерского поселка, которые приходилось видеть раньше. Это были аккуратные, красивые населенные пункты с кирпичными двух и одно – квартирными домами, красивой изгородью, воротами, калитками и палисадниками перед домиками. Раньше до войны, в палисадниках благоухали цветочные клумбы, а сейчас на грядках росли кукуруза, овощи, плодовые деревья.

Чтобы не маячить на дороге мы перешли на тротуар, чтобы в случае чего, можно было укрыться в канавах палисадника. И правильно сделали. Где-то посредине поселка, услышали сзади собачий визг. По дороге двигались на велосипедах два человека с собакой на поводке. Мелькнула мысль: «Погоня!». Сработал инстинкт самосохранения: бесшумно скользнули в палисадник, улеглись в канаву между грядок с остатками будылок кукурузы.

Немцы ехали не спеша, о чем-то разговаривая. Метров десять проехали мимо нас, остановились... Не сходя с велосипедов, достали сигареты – закурили. Собака обнюхивала мокрый асфальт и дорожный бордюр. Хорошо, что немцы остановились впереди нас, и наш запах не могла учуять собака. А немцы, покуривая, вели между собой разговор, который мы кое-как разбирали. Оказывается, их послали искать двух русских пленных, не вернувшихся в строй перед отправкой в лагерь.

В такую погоду у охранников не было особого желания блуждать по задворкам, они решили проехать по дороге до поселка, где один из них стал доказывать, что беглецы по улице поселка не пойдут, постараются обойти его стороной. Второму не хотелось месить грязь, и он доказывал, что русские люди непредсказуемы, могут выкидывать фортели, предлагаю проехать поселок до конца, а затем вернуться в лагерь. Видимо, на этом они и согласились, уселись на велосипеды и поехали дальше. У нас отлегло от сердца.

Через несколько минут они вернулись назад, вертя быстрее педали велосипедов. Мы поднялись, ощупали кукурузные будылья, нашли несколько початков и продолжили свой путь. Теперь мы были уверены, что удаляемся от шахты и лагеря. Кончился шахтерский поселок, вдоль дороги потянулись крестьянские поля, кое-где в отдалении виднелись строения фермеров. Дорога была проселочной, поэтому ночью, тем более в такую погоду, она была пустынна. Это нас устраивало: не было необходимости прятаться за обочиной дороги.

Наше нервное напряжение проходило, появилась чувство усталости после такого тяжелого, напряженного дня. Хотелось лечь, согреться, забыться, но мы были в чужой стране, в бегах и надо было остерегаться не только людей, но и собак, прятаться от них. Мы шли уже довольно долго, только раз отдыхали несколько минут. Часов у нас не было, небо не проглядывалось, трудно было определить время ночи, а надо, ведь, уже надо думать о месте для дневки, чтобы переждать в укромном месте светлое время суток. Мы теперь – ночные звери, дневное время для нас опасно. Нужно заблаговременно позаботиться об удобном лежище и пропитании: без еды и сна далеко не уйдешь. Наши желудки подтверждали это. Мы ведь с обеда еще ничего не ели, кроме нескольких кукурузных зерен из найденных по-

чатков. Возникла главная проблема – еда. На полях еще можно было найти остатки небуранных овощей, картофеля, брюквы, кукурузы, но хлеба, варена – не найдешь. Такие невеселые мысли занимали нас.

Наступило время, когда, по нашему мнению, нужно было заняться поиском лежбища. Свернули с асфальта на проселочную грунтовую дорогу. Дождик все сыпал. Моя шинель намочила и тянула вниз, не лучше было и у Андрея.

Подшли к крестьянской усадьбе. Темно и тихо. Ни огонька, ни голоса людей и собак: значит, первые – спят, а вторых – нет. Возле ворот увидели два больших бидона с молоком. Обрадовались. Попили через край верхний слой – сливки! Обрадовались, налили наши бутылки вместо кофе со сливками. Поставили все, как было, убрали свои следы. Как потом мы узнали, немецкие фермеры свое молоко сдают на переработку.

За ним каждое утро проезжают приемщики. Чтобы не беспокоить хозяев, молоко в бидонах выставляется перед домом. Приемщик забирает молоко, оставляет освободившуюся посуду. Позже мы использовали часть этой продукции для своих нужд.

На ферме оставаться побоялись, пошли дальше. По пути попался небольшой лесок-роща смешанных пород.

Решили обосноваться на день здесь. Между группой елочек вырыли лежбище, убрали мокрую землю, постелили и сверху прикрыли лапником, улеглись и моментально заснули. Проснулись днем. Дожда уже не было, но небо еще было затянуто тучами. За день хорошо отдохнули, не беспокоили после сливок и наши желудки.

Стали решать основную задачу: куда же теперь идти? Ни карты, ни компаса у нас не было, да и в географии Германии мы были слабы. Знали только, что наша асфальтная дорога пока удаляет нас от места побега. Решили пока еще придерживаться этого направления.

Так прошло еще несколько дней: ночью шли, днем отлеживались, питались брюквой, капустой, кукурузой, иногда лакомились и молоком у немецких бауэров.

В одну из ночей попали в поселок, как и в первый день побега. Решили пройти его. Шли уже час, два, а ему не было видно конца, когда кинулись в сторону, оказалось, что это не поселок, а город и довольно крупный. Что

делать? Наступал рассвет. Нужно залегать. Нам еще не приходилось дневать в населенных пунктах, вблизи людей. Мы с Андреем «заметали икру». На наше счастье попался внушительный сквер с зарослями папоротника, кустарника. Нашли удобное местечко, залегли.

Днем нас разбудили детские голоса. Стайка немецких ребятишек искала в сквере грибы, заглядывали в каждый уголок. Одна девочка, раздвинув кустарник, увидела нас лежащих, ойкнула, побежала к группе детей с возгласом: «Там чужие!». Ребятишки сгрудились, стали что-то обсуждать. Затем побежали из сквера.

Мы поняли, что побежали они за взрослыми. Идти дальше нам было некуда: недалеко уже был забор и улица города. Нам ничего не оставалось, как отползти дальше на несколько метров. Не успели залечь, как снова раздалась детские голоса, показывая взрослым место нашей прежней лежанки. Двое пожилых немцев подошли к зарослям, раздвинули кусты, как та девочка, увидели наше лежбище и следы нашего отхода.

Они, видно, сообразили, кто лежал здесь и прятался от людей. То ли не желание связываться с полицией, то ли жалость к беглецам, скорее всего русским пленным, которых становилось все больше, заставило их отговорить и успокоить детей. Один из немцев, потрепав девочку по голове, говорил ей: «Как ты, Марта, не рассмотрела собак, которые стали пароваться и прятаться от людей. Это были две собаки. Увидели тебя и убежали. Теперь они уже далеко отсюда. Не лезьте в заросли, там грибов нет, а полно собачьего помета».

Взял девочку за руку и повел из сквера. За ними пошли остальные. Так нам повезло и на этот раз. Еле дождалась ночи, покинули сквер, двинулись по улицам дальше. По вывескам поняли, что мы проходили город Бохум или его окрестности, а значит, мы движемся на запад к границам Голландии, а не на восток. Нам нужно было, как можно быстрее выбраться из города. Двигаться по городским улицам было труднее. Здесь не было палисадников и обочин дорог, где можно было спрятаться, громоздились многоэтажные дома, лепившиеся друг к другу, тротуары и подъезды, где нам пришлось несколько раз укрыться от прохожих. Город был затемнен, ни в одном окне не было видно ни одной светлой полосы.

Наконец жилые дома сменились производственными постройками, и наша дорога уперлась в маскировочную сетку, закрывающую сверху большое пространство строений. Видимо, важный объект, укрытый от авиации союзников, наверное, усиленно охраняемый. Хорошо, что мы это заметили своевременно и успели свернуть в сторону. Шли уже по бездорожью дальше от опасного места, пока через пару часов не уперлись в усадьбу крупного фермера.

За зеленой изгородью виднелся одноэтажный добротный дом, хозяйственные постройки и против них – большой сарай с каркасными стенами из деревянных брусьев и кирпичной кладкой, с высокой черепичной кровлей. Ворота и калитка были закрыты, но мы без особого труда пробрались во двор, благо, что не было там сторожевых собак. В сарае большая двухстворчатая дверь была на замке, но между нею и землей было пространство, через которое мог пролезть человек. Этим воспользовались. Посредине сарая лежали ворох картофеля, корзины и мешки с клубнями. Видимо, недавно здесь сортировали его.

Вправо, у двери, деревянная лестница вела на чердак, поднявшись по ней, мы разглядели сложенное сено, не обмолоченные снопы пшеницы. Чердак излучал тепло, запах летних лугов. Такое место нам очень подходило для длительного отдыха, так как Андрей последние дни захандрил, засопливел, наверное, простыл.

Решили здесь пережить несколько дней, отдохнуть, поднакопить сил, сориентироваться в обстановке.

Сено – удобное место для отдыха и укрытия, а картофель – для пропитания. Нет собак, можно ночью сварить еду в видневшемся лесочке.

Для лучшей ориентации вылезли во двор, проверили дворовые постройки: свинарник, птичник, коровник, наткнулись на подвальное помещение, которое оказалось бомбоубежищем. Ничего хорошего и нужного для нас там не было, кроме молочных 20-литровых бидонов. Один из них мы прихватили с собой, варить в нем картофель и другую еду. Все для этого было здесь: водопроводная колонка была во дворе, картофель – в сарае. Углубившись в лесок, вырыли между елей углубление, повесили на жердь бидон, до рассвета сварили картофель в мундирах. Замаскировав импро-

визированный очаг, с бидоном вернулись на сеновал, устроились, набили картошкой животы, заснули.

Утром сарай огласился женскими голосами. Трое мужчин в комбинезонах стали выносить мешки с картофелем на подводу, а женщины уселись сортировать его клубни. Это, как потом мы узнали из их разговоров, были работники фермера – иностранные рабочие из Польши, Франции, Бельгии и пленные французские солдаты, живущие недалеко в лагерях. Нам хорошо был слышен их разговор. Говорили они в основном на плохом немецком языке, нам понятном. Из их разговоров мы поняли, что ферма принадлежит крупному хозяину, проживающему в Бохуме, а здесь живет его управляющий с семьей. Немец хороший, работников не обижает, понимает их угнетенное положение.

Нам на этой ферме тоже понравилось: ночлег был превосходный, да и еда была калорийная. Мы уже варили картофельный суп с пшеничным зерном, обмолоченным из снопов, уложенных на чердаке сарая.

Андрей поправился, мы стали набирать силы. Так хотелось продолжать и дальше, но всему есть предел, свой срок. Кончилась и наша вольготная жизнь на ферме. В один из вечеров, доев пшеничную кашу, мы прикорнули в своем логове. Среди ночи мой слух уловил, чьи то шаги в сарае. Я потолкал Андрея, прислушался. По лестнице кто-то поднимался. Показалась голова, торс, фигура

– Ахтунг! Вер ист ду? (Внимание! Кто ты?) предупредил я поднимающегося.

Фигура вдруг метнулась, подняла руку и упала на меня. Я успел поднять обе руки и уменьшить удар по голове падающего тела. Андрей, поняв, что это нападение, схватил упавшего за шею, проговорил: – «Ах ты, сука!»

Упавший сдавленным голосом прошипел:

– Ребята, это я, русский.

В недоумении освободили из объятий свою жертву, усадили его. Он оказался русским военнопленным, работал на одном из заводов Бохума.

День тому назад избил мастера, бежал, прятался в городе, а сегодня наткнулся на эту ферму, решил переночевать здесь, осмотреться, чтобы завтра двинуться дальше. Когда услышал наш возглас на немецком языке, инстинктивно бросился с ножом. Хорошо, что промахнулся. Мог убить. Да,

смерть была рядом: нож пропорол сено в нескольких сантиметрах от моей головы.

Узнав нашу историю, пришелец заторопился уходить, так как не хотел подвергать нас опасности, ожидая поиска его особы. Нам он тоже не советовал здесь задерживаться, уезжать подальше из этих мест, где особенно увеличилось число беглецов и власти начали за ними охоту.

Он оказался прав. После обеда во дворе затарахтел мотоцикл. В смотровое окно было видно, как с него сошла полная женщина в полувоенной форме с красной повязкой на рукаве френча.

Управляющий раболепно подбежал к ней, вытянулся. Женщина стала его строго расспрашивать, потом пошла в сарай, посмотрела на работающих, дала какие-то указания управляющему. Тот согласно кивал головой, провожая её до мотоцикла.

К вечеру женщины, закончив сортировку вороха картофеля, ушли домой, а мужчины еще занимались скотом. Хозяйка загоняла птицу в курятник.

Мы сидели, зарывшись в сено, ждали, когда наступит наше время действия. Тишину в сарае нарушили шаги по лестнице. Кто-то по ней поднимался. На человека не похоже, но поступь была резкой и твердой. Мы насторожились. В отверстие показалась крупная индейка. Залезла на чердак, огляделась, увидев наши головы, в испуге ринулась в сторону, к пшеничным снопам. Это нас устраивало. «Ночью, голубушка, мы тебя сварим, унесем подальше от этого дома» – мечтали мы, не ведая последствий и действия этой птицы, сидящей на чердаке и с испугом взирающей на нас. А хозяйка, тем временем, искала эту беглянку по всему двору, крича: «Клара! Клара! Во ду?» (Клара! Клара! Где ты?). Клара сначала тихо, а потом и громче начала курлыкать: «Курлы, курлы».

– Ганс, эта чертовка снова забралась на чердак, в пшеницу. Пойди, сними ее оттуда! – приказала хозяйка мужу. Тот послушно зашел в сарай, стал подниматься по лестнице. Мы в оцепенении сидели в сене, не спрятав свои страшные головы. Ганс высунулся в проем, увидев наши рожи, как и индейка, испугался и сполз по лестнице вниз. Через некоторое время он оправился от шока и уже по-хозяйски приказал: – «Эй, вер ист ду? Коммит!» (Эй, кто там? Спускайся вниз). Повторил еще раз, приглашая нас вы-

лезать из своего логова. По третьему призыву нам ничего не оставалось, как спуститься вниз, отряхивая с головы и одежды сено.

– Гутен таг! (Добрый день!) – первым поздоровался я с немцем, оставившись в смиренной позе перед ним.

– Гутен таг, гутен таг! – отвечал управляющий, с любопытством разглядывая нас, морщил лоб, что-то вспоминая: – Ви есть русиш плен? – спросил, показывая на мою шинель.

– Да, мы русские пленные. Бежали от плохого хозяина. Мой напарник заболел, решили у вас на сеновале отдохнуть – объяснял я немцу, довольный, что он кое-что понимает по-русски.

Так мы проговорили с ним довольно долго, перемешивая русские и немецкие фразы. Оказывается, он был в плену у русских, в гражданскую войну, тоже бежал, чуть не умер, спасла его украинка. Вернулся на родину, когда у нас уже была Советская власть. Был бауэром, а в войну стал управляющим этой фермы.

О нас он узнал еще дня три назад. Но думал, что мы уже ушли. Сегодня к нему приезжала местный фюрер наци, сообщила, что с завода убежал один пленный русский, его ищет полиция. Сейчас, увидев нас, он испугался за свою семью, за себя, так как клятвенно заверил женщину, что у него нет посторонних людей. Говорили мы с ним о России, колхозах, Сталине. Его интересовало: «будет хуже или лучше, когда придут русские?». Видно, немец уже не верил в победу фашистов и готовился к новой жизни. Спросил, что мы думаем делать, куда идти. Мы ответили, что будем пробираться на восток, к России, навстречу Красной Армии. Он посочувствовал, что в это время года трудно бежать. Он мог бы нас оставить у себя в рабочих, но опасается наци, да к тому же твой товарищ – иуда (еврей), показал он на Андрея. Тот смутился, стал отнекиваться, но немец спокойно сказал, что он интернационалист и для него все люди равны. В конце беседы он посоветовал нам вымыть лица, так как их испугается и сам сатана. Дал кусок мыла, мы перед колонкой обмылись. Подошли трое мужчин, которых мы видели в сарае раньше. Ганс познакомил нас, представив как русских пленных, бежавших от плохого хозяина, зашедших к нему выпить. А он, не желая неприятностей, просит их, французских военнопленных, отвести русских пленных к себе в лагерь и передать коменданту. Под конец даже пошутил:

«Как мир тесен – собрались люди с одним и тем же именем: русский Иван, немец – Ганс, француз – Жан. Почему они враги, а не братья?». Управляющий Ганс распрощался с нами за руку, пожелал счастливого пути, ушел в сарай за индейкой, а мы с французами вышли за ворота в лесочек, где наши союзники поспешили обрадовать нас новостью: вчера, 7-го ноября, в годовщину Октябрьской революции, русские освободили город Киев, успешно движутся на Запад.

Если так будут продвигаться, то война скоро закончится. На наш вопрос о втором фронте французы ответили русской поговоркой: “Янки не мычат, ни телятся”.

Спросили нас о наших планах. Узнав, что мы намерены пробираться к своим, посоветовали, как скрытно подойти к железнодорожной станции, по-дружески распрощались.

К полуночи мы благополучно прибыли на железнодорожную станцию, погруженную в темноту. Не было видно даже фонарей стрелочников. Нам это было выгодно: можно бродить спокойно среди вагонов в поисках нам подходящего. По пути на станцию решили найти эшелон с углем, так как этот груз должны отправлять за пределы Рурской области, туда, где его нет, следовательно – на восток.

Нашли такой эшелон, пульманский открытый вагон, на паспорте которого даже прочли станцию назначения, как будто восточной части Германии.

Залезли, разгребли уголь вдоль деревянных стенок вагона, улеглись, присыпав им для маскировки свои тела. Пригрелись, задремали. Ждем час, два – эшелон стоит, уж рассвело – он на месте. И только к обеду звякнули буфера и дернулись вагоны. Поезд тронулся, стал набирать скорость. Колеса на стыках рельсов стучали, вагоны тряслись, мелкий уголь осыпался вниз, а крупные куски впивались в наши тела. Лежать на угле стало невозможно, приходилось беспрерывно поворачиваться с боку на бок.

Станции мелькали одна за другой, поезд летел без остановок. На многих станциях диспетчерские пункты возвышались над станционными постройками и из их широких окон хорошо просматривались проходившие поезда.

Наверное, на одной из станций досужий диспетчер заметил нас, лежащих в вагоне, передал по телефону на следующую, так как на одной из станций наш поезд, резко затормозив, остановился. Мы слышали, как к нашему вагону подошли люди, остановились, прокричали снизу: «Эй, там, в вагоне, спускайтесь вниз!». Мы лежали, не понимая, как нас могли так вычислить, но повторный возглас: «Вас давно заметили. Мы ждем вас!» – заставил нас подняться, спуститься вниз и, повинуясь взмаху руки, пойти за нашими провожатыми к станционному зданию вокзала, где немцы, ни о чем нас не спрашивали, и, не объясняя, открыли толстую дверь железобетонного бункера, воткнули нас туда, закрыв дверь на засов, удалились. Видно, эта процедура им давно была известна и порядком надоела. Теперь нами должны заняться другие люди.

На самом деле через час пришел жандарм и, узнав, что мы русские военнопленные, повел нас в город, где у одного симпатичного дома позвонил у двери парадного подъезда. Дверь открыла пожилая женщина, впустила нас. Это оказалась тюрьма временного заключения, типа нашего КПЗ, состоящая из приемной и камеры заключения на 10 человек. Мы были в ней единственными «клиентами». Жандарм зарегистрировал нас в журнале, сказал надзирательнице, что за нами придут завтра военные, удалился.

Камера была чистая, на деревянных нарах лежали матрасы, подушки и одеяла. Мы же грязные, в угольной пыли, толкались у входа, боясь наследить на полу. Надзирательница заметила наше смущение, повела нас в маленькую комнатку – туалет-ванную, предложила раздеться и помыться под горячим душем, чем мы с благодарностью и воспользовались, пользуясь своим еще шахтерским мылом и полотенцами. Нам никто не мешал смыть грязь с тела, вымыть головы, вытряхнуть пыль из одежды. В благодарность за это мы, наведя чистоту в туалете, вернулись в камеру. Захотелось есть. Попросили еды у надзирательницы, она отказала, объяснив, что нас еще не поставили на довольствие. Тогда Андрей предложил ей свое более чистое полотенце, за которое немка принесла нам тарелку винегрета. «Заморив червячка», улеглись на нары.

Сон не шел. Нас беспокоил так нелепо закончившийся наш побег, мысль о будущем.

Наступила какая-то апатия, безразличие к жизни. При большой опасности у нас все получалось благополучно, а здесь мы погорели на пустяке. Куда повезут нас завтра? Не на нашу ли шахту? Этого допустить нельзя. Необходимо придумать правдоподобную версию побега. Решили еще подумывать, а завтра обменяться мнением.

Думая о последних днях побега, я вспомнил утверждение управляющего фермы о национальности Андрея. Спросил его об этом.

Андрей признался, что его мать – еврейка, отец русский, так что немец был прав наполовину. Так на моем пути, в экстремальных условиях оказался еще один еврей, человечьи качества которого были не хуже моих.

К обеду в КПЗ пришел немецкий унтер-офицер, забрал нас и на поезде повез в направлении нашего движения, на северо-запад. Оказывается наш эшелон с углем шел в сторону Бельгии, а не на восток, как мы рассчитывали.

Через час, на полустанке, конвоир повел нас в сторону от железной дороги, а еще через полчаса привел в большой лагерь военнопленных, территория которого была обнесена двойными стенками забора из колючей проволоки со смотровыми вышками и множеством деревянных барачков внутри.

Для нас было ясно, что это концентрационный лагерь, но чей – мы не знали.

Через проходную нас ввели в отдельно стоящий деревянный барак, в комнату с одним зарешеченным окном, нарами вдоль стен. Наш конвоир, буркнув на прощание: “Ждите здесь!”, закрыл снаружи дверь на защелку, удалился. В окно были видны проходившие мимо в одиночку и группами солдаты в незнакомой нам военной форме, в добротных ботинках на толстой подошве.

– Наверное, американцы, – определил Андрей. – Только их солдаты носят такую обувь.

Часа через два за нами пришел наш конвоир, уже без шинели, повел по коридору в противоположный конец, в просторную комнату, где за канцелярским столом сидел немецкий офицер, а в торце – еще по одному немцу. Нас усадили перед столом на табуретках. Сзади нас стоял наш проводник.

Начался допрос: кто, что, откуда, кто мать, отец и т.д., что обычно спрашивали в каждом лагере, заводя личное дело. Когда с этим было покончено и немцы узнали последнее место нашего проживания, последовал вопрос о причинах и месте нашего побега. Версию побега мы отработали с Андреем еще утром. Она подтверждала наши передвижения по лагерям вплоть до пересыльного лагеря под Берлином “Ш-В”, откуда нас двоих, через Берлин, привезли на крупную ферму, где мы с мая месяца до октября работали на сельхозработах, а по их окончании нас погрузили в вагон и повезли на запад, на какие-то тяжелые работы. Мы испугались и решили вернуться к своему прежнему хозяину.

За Бохумом, на одной из станций, нам удалось обмануть охрану и покинуть вагон. Утром залезли в эшелон с углем и поехали обратно, на восток.

– Но вы же ехали на запад, в Голландию! – перебил меня немец.

– Что вы говорите!? – удивился я. – А мы думали, что едем на восток, к нашему хозяину.

Удивление, видимо было столь реально, что немец поверил ему и добавил:

– Вы ехали вслед за вашей командой в Голландию.

Пришлось продолжить наше удивление и огорчение. Не знаю, чему поверили немцы: то ли нашей байке о добром хозяине фермы, то ли команде, ехавшей на запад, но нас не били, как бывало обычно на допросах, не подвергли перекрестному допросу. Может быть причиной тому, было отсутствие в этот день эксцессов со стороны пленных беглецов или действительно в эти дни перебрасывали команду русских пленных в Голландию на строительство оборонных сооружений.

В конечном итоге мы отделались легко, нам просто повезло. В этот день нас повели в глубь лагеря. Он, оказывается, был разбит на зоны: 1-я американская, 2-я – английская, 3-я – французская, а в середине – русская из нескольких барачков, обнесенных мощным проволочным забором, надежной охраной немецких солдат. Здесь содержались русские беглецы, которых немцы боялись больше своих преступников. В это время в Германии разгуливало миллион советских беглецов. Для их поимки и обезвреживания нужно отвлечь вдвое больше солдат, ослабить фронт, объекты военного

значения. Сначала с беглецами поступали очень строго, но потребность в рабочей силе, подспудное чувство ответственности за содеянное заставляло немцев изменить свое отношение даже к русским беглецам. Их собирали в специальные лагеря, формировали штрафные команды и продавали рабочую силу предпринимателям за большие деньги. Они были на положении рабов древнего Рима, рудокопов на рудниках Африки. Но у них еще была надежда на будущее, на жизнь, они боролись!

Вот и нас сунули в один из барачков русских беглецов, разных по возрасту, характерам, поступкам, но одинаковых по своему духу и чувству свободы.

Порядок в этом лагере был обычным для лагерей русских пленных: лагерная обслуга состояла из самих военнопленных (конечно кроме охраны и комендатуры), поверки два раза в день – утром и вечером; кормежка тоже в это же время. Хлеб давали на 5 человек килограммовую булку. В бараке сами делили. Баланду привозили не в бочках, а в бидонах, была она уже приличной, так как готовилась на кухне пленных союзников наших, а они, не в пример русским, себя в обиду не дадут – забастовку устроят, в Красный Крест пожалуются.

Поневоле будешь лучше готовить, А недоедки можно и русским беглецам отдать – меньше расходов будет. Иногда баланды мало доставалось, а когда союзнички получали посылки от Красного Креста, то ее было в избытке. Строго следили в лагере и бараках за чистотой и порядком. Спали, правда, на деревянных нарах без матрасов и одеяла, но это лучше, чем лежать на сырой земле или на кусках каменного угля.

В таких условиях можно было прожить до конца войны. Но нет ничего постоянного. Постоянно только происходят какие-то эволюционные процессы.

На 21-й день нашего пребывания, где-то в начале декабря 1943 года, весь лагерь выстроили днем на плацу. Комендант лагеря с переводчиком уселись перед шеренгой, и начался отбор рабочей силы на один из металлургическим заводом Рура. Их представители стояли и смотрели, как рабы, вызываемые по списку, выходили из одной шеренги и становились в другую. Одна уменьшалась, вторая росла. Перешёл в нее и Андрей. Я ждал своей фамилии. Не хотелось идти на этот проклятый завод, но жаль было

расставаться с другом по несчастью. Он тоже ожидал услышать мою фамилию, поглядывал с надеждой на меня, рассчитывая, наверное, что и на новом месте мы сработаемся с ним, а если придется бежать еще раз, то не подведем друг друга.

Но меня не вызывали. Я остался в лагере, а Андрея увели. Расстались мы с ним по родственному, обнялись, расцеловались. Андрей ушел, а я остался один, без родных, без друзей. Кошки скребли в душе.

Так прошло несколько дней. Снова построили. Теперь нас стало меньше. Против нас стояли четыре старых солдата с карабинами и такой же унтер-офицер. Комендант начал вызывать по фамилиям беглецов в новую команду, а унтер-офицер строить её. Отобрали 50 человек. В эту команду попал и я.

Четыре солдата и унтер-офицер повели нас из лагеря в новую штрафную команду.

ШТРАФНАЯ КОМАНДА

Неказистый конвой из мобилизованных старых служак нас ободрил. Видимо и работа наша не такая уж опасная, если русских беглецов доверяют таким “пердунам”.

Унтер, по чину фельдфебель, небольшого росточка старичок, лет за 50, не кричал, не корчил из себя начальника, остановил нас за лагерем у станции, спросил, кто из нас понимает и говорит по-немецки. Нашлось человека три. Он перебросился несколькими фразами с каждым, отобрал одного – молодого парня, симпатичного на вид, назначил его переводчиком и старостой команды. Сначала паренёк переводил с пятого на десятое, но потом “насобачился”, бегло читал и говорил по-немецки. Да мы и сами кое-как научились шпрехать на немецком языке.

Унтер-офицер необычно начал с нами беседу:

– Я вижу, вы удивлены такой охраной: пять стариков на полсотни здоровых солдат. При желании от нас могут убежать и пять человек. Мы просто конвоируем вас к месту проживания в город Райно, где вы будете работать на разных работах у солидного предпринимателя Вилли Келлера.

Условия жизни он обещает создать сносные, достаточные для нормального проживания в теперешних условиях.

Мы будем охранять вас, следить за порядком, конвоировать на работу и обратно. Для вас специально заказан пассажирский вагон. Советую вести себя прилично, достойно солдату. Прошу не отставать от поезда, так как это будет считаться побегом. Как старый солдат могу сказать, что зима не лучшее время для беглецов.

Разумная, спокойная речь унтера благотворно подействовала на разношерстную братву. Его заверили в благополучном прибытии к месту назначения.

Свободно разместились в вагоне, стали приглядываться друг к другу, знакомиться. Рядом со мной на скамейке уселся коренастый человек лет тридцати-пяти, смахивающий на матроса из кинофильмов.

– Ты случайно не морячок? – спросил я его.

– Как ты узнал это?

– Уж больно похож на матроса Железняка.

– А я на самом деле моряк Черноморского флота, командир торпедного катера.

– Вот хорошо!

– Что же тут хорошего?! – удивился моряк.

– Дело в том, что в нашей команде разный народ. Назначенный унтером переводчик и староста, – парень еще молодой, наверное, пороха не нюхавший, не может командовать такими людьми. Мне кажется, что у тебя это получится. Прими командование на себя.

– А ты, я вижу, наблюдательный и, видимо толковый человек. Почему тебе не взяться за это?

– Куда мне! Мне только в начале войны скоропалительно присвоили звание старшины. Командного голоса у меня нет, да и картавость мешает. Чтобы командовать людьми, надо иметь не только голос, но и силу воли, которую у моряков не отнимешь. Так что ты – более подходящая кандидатура.

– Ну, что ж, убедил, – согласился моряк. Попросил переводчика, чтобы унтер предупредил нас перед выходом на нашей станции.

Весь дальнейший путь был занят нашей беседой. Мы окончательно познакомились, рассказав, друг другу все, что сочли нужным.

Моряк Черноморского флота, капитан Шкрябтенко Иван Трофимович, командовал торпедным катером в Новороссийске. В конце 42 года, при высадке десанта на Крымском полуострове, катер затонул, а он полуживой оказался в плену. Хорошо, что был без кителя, в тельняшке, сошел за простого матроса. После многих мытарств по концлагерям оказался в Германии, на заводе Рура, бежал. Две недели был в бегах. Поймали, посадили в лагерь. “Сам я из Сочи, есть такой курорт в Краснодарском крае” – закончил моряк свое повествование.

– А я из Ставрополя, из Буденновска, на реке Куме, – обрадовался я земляку.

– Значит мы оба с Северного Кавказа, а, следовательно, и земляки. Теперь будем держаться рядом. Так я нашел нового друга, без которого в неволе очень трудно бывает.

Наш конвой зашевелился. Переводчик подал сигнал о том, что подъезжаем к нашей станции. Морячек поднялся и громким командирским голосом разрезал тишину вагона.

– Внимание, братва! Наша штрафная команда скоро покинет вагон. Будем двигаться к месту назначения. Наш переводчик и староста, назначенный фельдфебелем, человек молодой, не опытный в военном деле. Мы обещали конвою в своей лояльности. Я не хочу даже случайных эксцессов, поэтому командование вами с этой минуты беру на себя. В новом лагере выберем нового командира. Вопросы есть? Возражения? Принято единогласно! Звать меня Иван Трофимович. Все! Точка!

Вагон молчал, “братва” переваривала услышанное. Переводчик переводил немцам смысл речи моряка. Унтер довольно кивал головой.

Из вагона вышли организованно. На пустом перроне моряк зычным голосом подал команду:

– В шеренгу по четыре становись!

Все кинулись занимать места. Я стал сзади с моряком. Когда команда построилась, Иван Трофимович спросил конвой: “Кто знает дорогу?”

– Их (я) – откликнулся долговязый солдат Карл!

– Становись Карл Долговязый впереди колонны. Остальные конвойные и переводчик будут замыкающими. Колонну поведет фельдфебель.

Все заняли свои места.

– Друзья! Не посраим честь советского солдата, пройдем по вражескому городу солдатским шагом. Хорошо было бы с песней, но не стоит поднимать лишнего шума. Итак, штрафная команда, напра-во, шагом-марш, раз, два, три... левой, левой, левой!

Разноголосый звук деревянных колодок, резиновых и кожаных подошв обуви “братвы” единым тактом отдавался эхом от стен городских домов.

Впереди, подняв голову, в такт колонне шагал Долговязый Карл, а сзади подлаживались его коллеги. Унтер-офицер, довольный, шел сбоку колонны.

Так пересекли весь город, вышли по асфальтной дороге на другую окраину. Город был затемнен, окна зашторены. В темноте разглядеть его не удалось. Уже за городом провожатый остановился перед усадьбой немецкого крестьянина – бауэра среднего достатка.

Это была типичная немецкая постройка для сельской местности: каменные фундаменты, каркасные стены из брусьев, кирпичная кладка в проемах, высокие черепичные

кровли. Эта усадьба отличалась от типичных только большим сараем, выстроенным недалеко от дороги, вдоль красной линии застройки, добротным деревянным забором, обмотанном крест-накрест колючей проволокой. В несколько рядов была натянута эта проволока и по верху забора. Ни ворот, ни калитки в заборе не было заметно.

Долговязый Карл подошел к нему, пошарил рукой, толкнул доски, открылись две половинки небольших ворот, через которые мы вошли во дворик, ограниченный стеной сарая с двупольной дверью посередине, большими зарешеченными окнами по бокам. С левой стороны к сараю примыкал сарайчик, а справа – жилое помещение. Тот же Карл Долговязый отомкнул амбарный замок, откинул в сторону металлический запор, открыл дверь сарая. Когда все зашли, двери закрыли, включили электричество. Загорелось несколько лампочек, тускло, освещая большое помещение с установленными вдоль стен металлическими койками-шахтерками, длинным деревянным столом посередине и скамейками по обоим его сторонам.

В середине помещения стояла металлическая печь голландского типа. На все помещение было два больших окна, задрапированных внутри

бумажными шторами. Зато было четыре двери: одна входная – парадная, три другие – в разных местах. Потолок помещения был обшит доской. Деревянным был и пол. Как потом нас информировал охранник Карл, до 33-го года, хозяин этого поместья, Гельмут, часть сарая переоборудовал и сдавал в аренду коммунистической партии, потом социалистам, а в 35-м – социал-националистам – фашиствующим молодчикам.

В войну Гельмут сдал часть сарая и земельного участка преуспевающему предпринимателю Вилли Келлеру, где тот размещал военнопленных, взятых им у военных властей для выполнения неотложных работ. Брал он неблагонадежных пленных, от которых военные власти стремились избавиться, за бесценок, а герр Келлер умел выжать из них солидную прибыль!

До нас у него было полсотни пленных польских солдат. За три года эксплуатации их осталось не больше половины. Остальные умерли от непосильной работы, плохого питания и условий содержания.

Остаток пленных у него забрали, а вместо поляков дали полсотни русских пленных беглецов, посоветовав, по возможности, беречь рабочую силу, иначе некому будет работать в Германии. Герр Келлер учел эти замечания: к нашему приезду сжег старые соломенные матрацы и подушки, выстирал одеяла, вымыл и продезинфицировал помещение.

Военные заменили охрану: вместо молодых поставили стариков, последнего призыва. Менялись времена, менялись отношения к рабам. Их начинали бояться.

Первым делом нас построили в шеренгу по двое, пересчитали, а затем по списку вызывали пофамильно, указывали койку, на которой уже лежали бумажные чехлы матраца и подушки, наволочка, пара байковых одеял и полотенце.

При этой процедуре из двери, в левом углу помещения, незаметно появился сам хозяин усадьбы – герр Гельмут, жизнью сторбленный старик, лет за 50, с интересом он наблюдал за порядком раздачи спальных мест, как русские спокойно, без драки и ругани занимали койки, усаживались на них в ожидании дальнейших указаний. Разместив всех по местам, унтер-офицер – наш комендант, указывая на бауэра, пояснил:

– Герр Вилли Келлер купил у герра Гельмута, хозяина этой усадьбы, солону, которой вы должны набить свои матрасы и подушки, чтобы на них

было мягче спать. Герр Гельмут покажет, где ее брать, и проследит за порядком.

Хозяин усадьбы повел нас в дверь, через которую вошел сам, во вторую половину сарая, где он хранил сено, солому, картофель и брюкву, содержал свиней, указал, какую солому брать. Не спеша, мы набивали матрацы соломой, пока не услышали сигнал: “Братцы тут бурт картошки лежит” – и сразу же команда Ивана Трофимовича: “Ни одной картофелины не класть в карман или сумку иначе нас поймают. Картошку аккуратно укладывать в середину матраца!”

С набитыми матрацами проходили мимо герра Гельмута, который, видя, как некоторые русские сгибаются под ношей, сочувствовал бедолагам: “Майн гот, они не могут донести даже соломенный матрац!”

Но “бедолаги” матрацы донесли до своей кровати застелили, привели в порядок помещение.

Комендант снова построил команду, чтобы решить неотложные проблемы: выбрать повара, ознакомить с распорядком дня.

На должность повара охотников нашлось много. Все оказались умельцами варить “борщ из топора”. Но когда моряк предупредил, что все плохие обеды, сваренные по вине повара, будут выливаться на его голову, претендентов осталось мало. Выбрали двух человек, которые уже сегодня должны начать готовить завтрак, а потом, кроме кухонных дел, ежедневно поддерживать тепло в бараке. Договорились кроме этого выделять дежурных по уборке лагеря.

Моряк напомнил, что его полномочия командира закончились, и потребовал демократического переизбрания старосты команды. Все единогласно поддержали его кандидатуру. Согласился и комендант.

– Если вы выбрали меня единогласно своим командиром, то требую беспрекословного подчинения! Ничего не предпринимать без моего и команды согласия, если это причинит нам вред!

Не успел он закончить эту фразу, как в барак влетел взъерошенный герр Гельмут с криком:

– Герр фельдфебель! они украли у меня картофель! Вчера бурт картофеля был цел, а сегодня осталась половина!

Унтер-офицер и охрана всполошились: в первый день и такое ЧП! Приказал всем стоять в строю, а хозяину – обыскать каждого. Как ни старался Гельмут, ни одной картошки не нашел: обыск личных вещей и постелей также был безрезультатным, хотя матрацы трясли и сбрасывали с кроватей.

– Где же мой картофель? – сокрушался бауэр, чуть не плача.

Спокойные стояли мы, довольный ходил и комендант тем, что его поднадзорные не нарушили закона, не причинили неприятности ни ему, ни охране. Чтобы как-то сгладить инцидент он напомнил:

– Вы, герр Гельмут, по договору обязаны поставлять этим пленным продукты, в том числе и картофель. Так где же он? Надо уже кормить людей.

– Пожалуйста, герр офицер. картофель ваш стоит в мешках. Берите сколько надо, не забудьте только расписаться в ведомости. Что касается вас, то ужин уже готов. Будете кушать у нас или принести сюда? – боясь скандала, лебезил старый бауэр.

– Принесите сюда.

– Хорошо! Моя дочь сейчас будет здесь! – обменявшись такими “любезностями”, старик удалился, а через несколько минут в зал вошла горбатенькая девушка. Она толкала перед собой тележку с тарелками и кастрюльками, стараясь меньше выпирать свой горбик, но его заметили, и чувство жалости к молодой девушке захлестнуло каждого, кто видел такую жестокую несправедливость природы.

Девушка видела реакцию молодых парней, понимала их, но шла гордо. Она уже смирилась со своей судьбой. После мы подробнее узнали судьбу Гельмута – немецкого бауэра.

Был он единственным сыном немецкого крестьянина. Служил в кайзеровской армии, далее воевал в России, но, слава Богу, вернулся живым и здоровым. Женился на красивой девушке, стали хорошими помощниками родителям. Молодые были – радовались жизни, первым детям. Умерли родители. Все хозяйство легло на плечи Гельмута. Жена еле управлялась на кухне и с детьми, а они прибавлялись. После первого сына, появился второй, а затем дочь красавица. Времена были трудные. Приходилось работать в хозяйстве, не считаясь со временем. Прошла молодость, меньше стало сил, наступала старость. Росли сыновья, радовались родители помощ-

никам. Но не долго была их радость. Первого взяли в армию, направили во Францию, где он и погиб. Второго направили в Россию и уже два года нет от него вестей. Прислали письмо, что их сын пропал без вести. Остались они втроем: он с женой и горбатежкой дочерью. Работали, не разгибая спин. Но судьба еще больше согнула стариков. Красавица Хильда, с горбиком на спине, как могла, помогала родным, но разве можно трем немощным людям справиться с двумя лошадьми-битюгами, двумя дойными коровами, пятью свиньями и таким же количеством поросят, десятками кур и утей. Всех надо накормить, напоить, присмотреть. Вдобавок, надо приготовить еду и накормить три раза в день солдат охраны пленных. Помогало Гельмуту сдача в аренду части сарая предпринимателю Келлеру, поставки ему для пленных картофеля, брюквы, овощей, молока, жиров, кормежка его охраны. За все герр Келлер платит исправно, а при необходимости, помогает и рабочей силой.

Мы видели, как хозяин усадьбы и его домочадцы трудились на своем подворье и не завидовали ни его свободе, ни богатству. Такой каторжный труд я видел только когда мой отец был свободным крестьянином, хозяином.

Ушла красавица Хильда, поужинала наша охрана. Дежурные растопили голландку. Её бока покраснелись от жара, а на них уже висели котелки с картофелем. На вопрос охраны: "откуда картофель?", успокаивали, что из мешка, выданного бауэром нам на еду. К полуночи и мы, набив желудки картофелем, сладко храпели на соломенных матрацах с картофельной начинкой.

В шесть часов утра нас подняли трелью свистка. Начинался рабочий день. Все было удобно: туалет за дверью, в маленьком дворике, водопроводные краны – в умывальнике, у наружной стены барака. Умылись, убрали постели, построились для проверки. Повара уже копошились во дворе и в сарайчике, где стояли две полевые кухни; готовили нам завтрак – картофельный суп с брюквой и кофе.

В 6:30 комендант раздал хлеб – одна булка на 5 человек, повара наливали в котелки свое варево. Оно оказалось съедобным. Повара, довольные, улыбались.

В 7:00 раздался клаксон автомобиля. Приехали наш шеф Вилли Келлер с секретаршей Мартой, мастер с десятником.

Нас построили в бараке, и мы с интересом наблюдали за своими хозяевами: шеф, Вилли Келлер, маленький, кругленький человечек, с полным лицом и розовыми щеками, очень походил на холеного поросенка. Его секретарша, молодая дамочка с длинными ногами, симпатичной фигуркой, жадно глядела на молодых парней.

Мастер был высоким, плотным человеком с большой головой и грозным лицом, со значком национал-социалистической партии на лацкане пиджака. Десятником, или помощником мастера, был высокий верзила, лет под 50, с широкими плечами, длинными руками громилы и большим хлюпающим носом на некрасивом лице.

Вся эта компания тоже осматривала нас, по-своему определяя достоинства.

Начал разговор шеф, наш переводчик переводил:

– Отныне вы будете работать у меня на разных работах, под руководством герр Штокмана (ткнул он пальцем пухленькой руки в сторону плотного человека) и его помощника герр Курта Вайса (палец, в сторону верзилы).

Сопровождать вас будут охранники. Распорядок дня: подъем в 6:00, начало работы в 8:00, конец работы в 18:00, отбой в 21:00. Кушать будете два раза в день – утром и вечером, здесь в лагере. На обед вам будут выдавать 200 гр. хлеба и кофе. Прошу исполнять все указания ваших начальников. Вопросы есть?

– Где и когда мы можем помыться и сменить белье?

– У хозяина этой усадьбы есть баня, через две недели для вас будет банный день. С бельем сложнее. Его пока нет.

– А мыло когда будет?

Герр Вилли подробно отвечал на вопросы, обещал создать сносные условия.

На прощание наш староста спросил шефа:

– Господин предприниматель, а не уморишь ли ты нас голодом, как польских пленных?

– Найн, найн!.. – смешался шеф – Хорош работа, гут эссен!

– У нас говорят: как будешь кормить, так будем и работать – подытожил встречу морячек.

Шеф со своей секретаршей уехал. Ушел и мастер. А его помощник, Курт Вайс, прозванный нами впоследствии “педиком”, повел нас на место работы. На первый раз нашу колонну сопровождали четыре охранника. Шли по асфальтированной дороге больше часа, мимо аэродрома, крестьянских полей, усадеб бауэров.

Прибыли к песчаному карьеру, от которого тянулась узкоколейка. У небольшого автомобильного вагончика стоял десяток металлических опрокидываемых вагонеток. За каждой из них закрепили по четыре человека: двое из них шуфельными лопатами выбрасывали песок на верхнюю террасу, двое других грузили вагонетку, затем они же толкали ее по узкоколейке до железнодорожного полотна, где песок грузился на железнодорожные платформы и цикл продолжался до 18 часов. Конечно, эта работа была легче шахтерской, но требовала силы, а, следовательно, и питания.

Так продолжалось неделя, две, месяц. Ворованный картофель уже давно поели. Воровать у Гельмута, ни у кого не поднималась рука. Жаль было стариков и их несчастной дочки. Герр Келлер хотя и обещал “гут эсен”, но на еду старался тратить меньше денег.

Сначала наши хозяева были довольны работой русских, а затем медленнее стали нагружаться вагонетки, меньше песка поступать к отправке. Помощник мастера Курт “Педик” (так мы его прозвали) сначала уговаривал команду работать лучше, потом грозил всевозможными карами, дошел даже до рукоприкладства, но результата не добился. Русские требовали улучшения питания, грозились забастовкой. В те времена, эти требования русских пленных, были крайне опасны, расценивались, как саботаж. Но другого метода воздействия у нас не было, иначе нас ожидала бы участь наших предшественников – поляков. Выражали мы недовольство самоуправством и грубостью помощника мастера Курта Вайса. С ним у меня с самого начала сложились сложные отношения, хотя причин к этому и не было. Может быть, антипатию у меня вызывал его большой, всегда хлюпающий нос, а у него – моя длинная фигура, в потертой шинели русского солдата и деревянных сабо на ногах, выдолбленных немцем из куска дерева. Он меня всегда называл: “Эй, ду, Лянге!”, а я его – “Эй, ты, педик!”.

Не знаю, знал ли он значение слова “педик”, но если бы знал, то относился бы ко мне еще хуже. Как бы то ни было, а наши отношения были причиной итальянской забастовки.

Произошло это неожиданно. В один из январских, промозглых дней мы с напарником возвращались с пустой вагонеткой и, как обычно, разгоняли вагонетку, прыгали на её край и катились некоторое расстояние, отдыхая. Так делали все, и ничего криминального в этом не было. Но в этот раз, при нашем прыжке, передняя часть вагонетки поднялась вверх, сдвинулась в сторону, колеса упали на грунт и тележка перевернулась. На наше счастье, мы отделались легкими ушибами.

Обескураженные случившимся, уселись на злополучную тележку, решая, что делать. Сзади подъехали еще две вагонетки. Ребята столпились вокруг нас, удивляясь, как это удалось нам перевернуть тележку, и, решая как лучше ее поставить на рельсы при большом ее весе. Пока мы рассуждали, откуда не возьмись, появился “Педик”, разразился бранью и почему-то накинулся на меня, схватил за грудки, поднял с тележки и двинул кулаком в лицо. Удар был не особенно сильным, но из носа полилась кровь, выпачкала лицо, шинель.

Товарищи, увидев меня окровавленного, зароптали, двинулись на Педика. Тот в испуге, попятился, повернулся и побежал к карьеру с криком: “Саботаж!”.

Мы поставили вагонетку на рельсы, возбужденные вернулись в карьер. Я демонстративно не вытирал кровь с лица. Предупрежденные Куртом, что мы устроили саботаж, разбили вагонетку, товарищи встретили нас настороженно – осуждающе. Увидев мое окровавленное лицо, и, узнав суть дела, решили объявить итальянскую забастовку. Как объяснил наш староста: при этом виде протеста забастовщики приходят на рабочее место, но к работе не приступают и никого к ней не допускают. “В этом случае, друзья, надо быть твердыми в своем решении и требовании, а они у нас такие: улучшить питание, убрать от нас помощника мастера Курта Вайса!” – закончил морячек свои пояснения, подвел итог – Быть сему!. Все! Точка!

Объявили свое решение Педиду. Тот, конечно, испугался. Кому охота терять такое место! Начал упрашивать команду, особенно старосту и

переводчика, обещал впредь относиться хорошо, поддержать требование команды в улучшении питания.

– Ладно, немецкая сука, поверим тебе, не будем требовать твоего увольнения, но работать не будем. В лагерь пойдем в положенное время – согласился морячек, посоветовавшись с нами.

Курт Вайс прежде времени сам поплелся домой.

Вечером в лагерь прибыли сам шеф Вилли Келлер, мастер и Курт. Мы сидели за столом, ели “Темюзе суппе” (овощной суп). Предложили гостям нашей баланды. Шеф и мастер отказались, один Курт уселся за стол, с силой хлебал наше варево.

Начал разговор староста, предъявив шефу наши требования об улучшении питания, напомнив ему его же слова: “хорош работа, гут эссен”. “До тех пор, господин предприниматель, пока не улучшится питание, мы не улучшим работу и не прекратим забастовки” – заявил под конец наши претензии моряк.

Шеф слушал сравнительно спокойно, зато мастер был взбешен, лицо его покраснело, глаза метали молнии. Он не выдержал, первым взорвался:

– Это вы, русские свиньи, предъявляете нам, немцам, свои требования, устраиваете саботаж? По закону военного времени вас должны расстрелять! Скажите спасибо, что вас еще кормят, а не уничтожили, как негодный скот!

Шеф, поморщился, одернул разошедшегося мастера:

– Успокойтесь герр Штокман, надо учесть, что они тоже люди и претензии их справедливы: кормят плохо. Но кто сейчас хорошо питается? Вот даже наши солдаты – ваша охрана – сидят на полуголодном пайке, а вы – пленные, наши враги – хотите хорошо питаться в тяжелое для Германии время.

Нормы питания строго определены для каждой категории населения, и я не вправе изменить её. В моих силах договориться с герром Гельмутом о дополнительной продаже излишков у него овощей, брюквы, картофеля. Это я вам обещаю. Если вы будете продолжать забастовку, я верну вас в лагерь.

Наступила тишина. Команда внимательно слушала немца, понимала свое бесправие и возможности шефа. Посоветовавшись, решили забастовку

прекратить при условии увеличения нормы хотя бы обещанных продуктов. Шеф остался доволен, улыбался и Курт: о нем пленные промолчали. Злым остался мастер.

Так прошло несколько дней. Нашу команду разделили на две равные части. Одна, из наиболее благонадежных и послушных пленных, осталась работать на песчаном карьере, другая – из строптивых, непокорных, куда включили меня, моряка, Наркома и нам подобных, на крытой автомашине ежедневно отправлялась на противоположную часть города, где в чистом поле мы рыли большой котлован для какого-то строения.

Здесь было хуже, чем на карьере. Во-первых, глина – не песок, нужно больше усилий для ее разработки, во-вторых, негде было укрыться от холодного ветра: на голом поле, в полсотне метров виднелось несколько буртов, да в половине километра располагалась усадьба бауэра – хозяина земли, на которой мы трудились.

Педик Курт остался в карьере, нас сопровождал сам мастер, давал задание старосте, просил охрану проследить за его выполнением и уезжал на этой машине обратно на другие объекты.

Чтобы не замерзнуть, мы работали, копали котлован. В обед укрылись от ветра под один из буртов. В нем оказался картофель. Староста сразу же предупредил, чтобы ни одной картофелины ни в карманах, ни в сумках не было. Охрана не должна знать, что мы берем картофель из буртов.

Охраны мы не боялись, но остерегались. Как уже отмечалось, это были пожилые немцы, бывшие солдаты кайзеровской армии, законопослушные крестьяне, рьяные католики. Они не были заражены нацизмом, его идеологией господствующей нации, но требовали беспрекословного исполнения приказов властей, уважения вероисповедания. Хотя иногда и сами были не прочь прихватить чужое, осуждая при этом воровство и считая его большим грехом.

К нам они относились лояльно, даже жалостливо, но считали врагами своего государства, пленными солдатами, которых надлежало содержать строго, не допуская нарушения законов и укладов их страны.

Немного отличался от них Карл. Был он, по его словам, рабочим, только не мог сказать какой профессии. Видно, что был просто чернорабочим – люмпен-пролетариатом. До 33 года, по его утверждению, состоял

в коммунистической партии Германии, часто бывал у них на совещаниях в клубе-сараяе, где мы проживаем. После расправы с коммунистами Карл переметнулся к социалистам, а затем и национал-социалистам. Но фашистские молодчики вскоре выгнали его из своих рядов. Так бедному Курту не удалось выбиться в люди. Хотя он и был непоследователен, молился разным политическим фюрерам, но был хорошим католиком и законопослушным немцем, патриотом своей страны. Мы понимали, что с нашей охраной надо быть осторожными, многое делать втихую, не давать повода заподозрить нас в противозаконных действиях. Поэтому староста предупредил охрану, что пленные будут ходить оправляться за бургт, чтобы не садиться посреди поля, на ветру. Прятаться же от ветра будут в нашем котловане, где суше и теплее.

Курт согласился с этим доводом и предложил пойти на усадьбу выпросить у бауэра немного картофеля для пленных. С ним пошли переводчик и двое ребят, а “посидеть” за бургтом зачастили и остальные; по возвращении, для наглядности, застегивая на ходу шинели и куртки. Не изъявил желание опростаться только Нарком.

Вечером пришла автомашина. Все спокойно уместились в ней, затащили мешок картофеля, выпрошенного у бауэра. Вечером, после баланды, печь опоясали котелки с картофелем.

Утром мастер, увидев нашу работу, удивился точности и аккуратности исполнения его задания, похвалил старосту и, дав новое задание, уехал. Мы задание снова выполнили, не забыв посидеть за бургтом. Так продолжалось неделю. На другую, бригады поменялись: мы на карьер, они – на котлован. Предварительно их проинструктировали, как действовать. Таким образом, мы сделали запас картофеля на месяц. Шеф и его помощники не выражали недовольства нашей работой, хотя мы не усердствовали очень. Довольна была и охрана, что обходилось все тихо, без эксцессов.

В жизни нет ничего постоянного, все движется, все меняется, особенно в военный период. К началу 1944 года советские войска развернули наступление от Ленинграда до Крыма, освобождая территорию Украины от фашистских захватчиков. Сведения немецких газет о выравнивании линии обороны на восточном фронте беспокоило и пугало немцев, радовало нас, советских людей. Я, как и в шахтерском лагере, доставал обрывки газет

или газеты, читал сводки немцев о боевых действиях между строк, делился новостями с товарищами. Вера в скорую победу росла. Хотелось дожить до неё.

Запасы ворованного картофеля подошли к концу. Снова перешли на лагерный паёк. Герр Гельмут отказал шефу в продаже излишков овощей, картофеля, брюквы. Наша баланда стала жиже, без жиров и витаминов. Нужно было из критического положения находить выход. Есть у нас поговорка: “Толь на выдумки хитра”. Не помню, кто из нас, шутки ради, смастерил из деревянных планок, куска фанеры и ниток физкультурника, который, при нажатии на нижние концы планок, в верхней части, на нитяной перекладине, делает свечу, крутится взад, вперед. Одним словом, получилась занимательная игрушка.

Была уже весна. Пригревало солнышко. Немецкие ребятишки выполняли из своих хат на свет божий. Иногда увязывались за нашей колонной, поглядеть на русских, о которых родители стали говорить со страхом.

Вот тут-то наш умелец и показал свою игрушку. У ребятишек загорелись глазенки. Многие из них и не помнили, когда имели игрушку, тем более такую живую.

– Дай мне! Дай мне! – просила детвора.

– Айн брот (один хлеб) – показывал палец хозяин.

Один из папанов бросился домой и вскоре вернулся с булкой хлеба. Состоялся обмен. Счастливцев, довольный забавлялся игрушкой, остальные с завистью смотрели на него. Завидовали и мы обладателю булки хлеба – дневной рацион на 5 человек!

На другой день появилось уже несколько штук таких игрушек. Их тоже раскупили с хода, но уже за меньшую цену – полбулки хлеба. Это тоже был приличный заработок для голодных людей.

За короткий срок наш барак превратился в мастерскую игрушек. Каких только игрушек не мастерили мы. С каждым днем интересней, красивей! Этой работой занялась вся команда. Появились конструкторы – дизайнеры, краснодеревщики, художники. Работали конвейерным методом: один делает, например, из фанеры крыло самолета, второй – из чурки фюзеляж, третий – пропеллер и колеса, четвертый все это монтирует, а пятый – уже

готовый самолет раскрашивает, рисует кресты и звезды. Самолет готов на любой вкус – советский, немецкий. Пробуй, чей сильнее!

Другие делают танки, третьи клюющих птичек, медведей – молотобойцев и многое другое.

После ужина, до поздней ночи, вся команда готовила свой товар на продажу, за кусок хлеба.

Только один человек не принимал участия в этой работе. С самого начала жизни в этом лагере он держался обособленно, не общался тесно с людьми, даже не участвовал в краже картофеля у бауэра и из бурта. Тогда это объясняли чрезмерной честностью, прощали, даже угощали ворованной пищей. Ел – не давился. И сейчас не принимал участия в общей работе – спал или наблюдал за работой других.

Он не был больным ни психически, ни физически. Крупный, полный мужчина с большой лобастой головой, монголоидным лицом, лет сорока, мог сравниться силой с любым из нас, да и в суждениях превосходил многих. Вид у него был внушительный. Назвал он себя Николаем Тимофеевичем без фамилии, мы уже сами дали ему прозвище – Нарком.

На этот раз бездействие Наркома не простили, – объявили ему бойкот, кроме пайки хлеба и баланды не давали ничего. Он молчал, не обижался. Интересный был тип в нашей штрафной команде, как белая ворона или волк одиночка в стае.

Потом, позже, в середине года, я с ним сошелся ближе в беседах о развитии человеческого общества, из которых узнал кое-что о его жизни.

Сам он житель села Протасовки Тульской области, окончил педагогический институт, стал доцентом этого же учебного заведения. Член партии и парткома института, во время войны был мобилизован и направлен комиссаром полка тульского ополчения.

Во время тяжелых боев за Тулу, в декабре 1941 года, попал в окружение. Некоторое время он с ополченцами прятались в одной из деревень, переодевшись в гражданское, чтобы легче было бы перейти линию фронта. Был он сугубо гражданским человеком, доверился одному полковнику, который обещал вывести всю группу к своим, но потом выдал ее немцам.

Потом тюрьма, допросы, побои, лагеря Украины, Германии. Везде он выдавал себя за насильно мобилизованного рядового бойца.

В 1943 году, в рабочем лагере под Дортмундом, он встретился со своим сослуживцем – предателем, служившим в лагерной полиции. Чтобы спасти свою жизнь бежал, пробирался в Голландию, но, как часто случается, был пойман.

Много видел в лагерях предательства, звериной борьбы за выживание, подлости. Его натура не выносила этого, поэтому он и обособился от людей, ищет себе подобных, но безуспешно.

Как я понял, никого он не искал, а, наоборот, старался уединиться, чтобы меньше людей знали о его позоре, когда он, комиссар полка, попал в окружение (а может и не попадал), струсил, заменил свою одежду, на гражданскую, сдался в плен, спасая свою жизнь. Теперь он боялся наступления советских войск, бежал в Голландию, чтобы попасть к англичанам и избежать возмездия за трусость. Он был просто человеком трусливым, бездейным. Это я понял несколько позже, а сейчас мы на него не обращали внимания, было не до Наркома. Мы занялись бизнесом. Торговля шла успешно. Нас осаждали уже и городские мальчишки. Несли хлеб, не отоваренные хлебные карточки, которые реализовывала наша охрана.

В те времена в Германии была карточная система. Не знаю, что и сколько тогда давали на эти карточки, но немцы, видимо, не особенно бедствовали, так как позволяли своим детям покупать у нас игрушки за продукты и даже карточки, которые нас устраивали больше, так как хлеб мы уже не успевали поесть и он начал плесневеть.

Так продолжалось несколько недель. Охрана была довольна, что их поднадзорные были сытые, заняты полезным трудом, не собираются бежать из лагеря, да и их подкармливают хлебом. Особенно был доволен Долговязый Карл, вечно полуголодный.

Недовольство выражали мастер и Педик на уменьшение производительности труда русских. Пленные стали работать хуже, спать на ходу, в перерывах.

Узнав о причине такого поведения, мастер доложил властям о вредном влиянии русских пленных на немецких детей своими игрушками с просоветской идеологией: красные звезды, русские медведи, разбивающие молотками цепи рабства. Власти приняли соответствующие меры воздействия на родителей и в связи с этим количество покупателей резко сократилось.

Наш бизнес заглох, а затем прекратился вовсе. После этого мы не стали работать лучше, хотя ложились спать в положенное время.

Весной 44 года союзники усилили бомбежку немецких городов. Часто через Райно пролетали армады американских бомбардировщиков “Летающая крепость” в сторону Берлина, Кёльна.

Не создавая второго фронта, они пугали немцев своими воздушными налетами, уничтожая порою целые города. Бомбили и наш городок. Раз, уже весной, часть самолетов сбросило бомбы на наш городской аэродром, разрушив взлетные полосы и аэродромные постройки и коммуникации. На восстановление объекта бросили городские силы. Наш шеф направил одну бригаду штрафной команды на эти работы.

Утром за нами пришли, в помощь нашим, еще четыре аэродромных охранника, чтобы сторожить нас и следить за ходом работ. На окраине аэродрома уже стоял эшелон вагонов со шлаком для засыпки воронок на посадочных полосах. Мы должны как можно быстрее разгрузить его из вагонов. Наш Педик поставил на каждый вагон по два человека, а мне последнему, на одного, достался вагон пульман. На мои протесты, Курт, указав на вагон, коротко приказал: “Ду, Лянге, айн работа!” (Ты, Длинный, один работай!), открыл двери вагона. Шлак посыпался на землю, а за ним и я сполз на пол вагона, спустив ноги вниз. Ребята работали, а я все сидел, ожидая справедливого решения Педика. Но тот торопил с разгрузкой остальных, не обращая на меня внимания. Потом не выдержал, подошел к вагону с криком: “Ах ты, русская свинья, не хочешь работать! Я тебе покажу, как саботажничать!”. Поднял руки, пытаясь схватить меня за грудки. Чтобы не упасть из вагона, я инстинктивно оттолкнул его. Педик не удержался, упал на землю. Солдаты охранники наблюдали весь этот процесс, и когда Курт упал, один из них подскочил ко мне, за ноги стащил с вагона и ударом по лицу, свалил на землю. Пошатываясь, я поднялся на ноги, но он с криком: “Я покажу, русская сволочь, как бить немца!” – свалил меня ударом кулака снова. Пока я поднимался, солдат, распаясь, отскочил в сторону, направил винтовку на меня, передернул затвор, вгоняя патрон в ствол.

“Сейчас застрелит, – подумалось мне, – конец!”. Мои товарищи с тревогой смотрели на происходящее, еще не понимая сути дела. Не ожидал

этого и Педик, растерянно стоял, моргая глазами. Солдат готов был нажать курок, как грозный окрик: “Хальт!” (Стой!) остановил его.

К нему подошел немецкий офицер, проверяющий ход разгрузки вагонов. Увидев такую картину, спросил солдата: – Что здесь происходит? Охранник стал объяснять, что я саботажник, не хотел работать, ударил немца. Я понял смысл его слов, стал доказывать свою правоту. Наконец, при помощи переводчика и Курта установили истину.

Офицер упрекнул солдата, что убивать врага надо на фронте, а здесь надо заставить его работать на благо Германии, а на меня заорал, чтобы я немедленно начал работать и разгрузил вагон вместе со всеми. Второй раз мне приказывать не нужно было. Я мигом влетел в вагон и заработал шуфельной лопатой быстрее, чем в шахте. После этого Педик стал моим заклятым врагом. И не только моим.

Так запомнилась мне первая бомбежка Райно. Особенно страшный налет союзников был в начале мая. Мы работали на песчаном карьере. Толкали вагонетки с песком к станции разгрузки, когда заметили на горизонте черную тучу, все больше и больше покрывающую небосклон. Оказывается, это надвигалась громадная армада тяжелых бомбардировщиков, покрывающих все небо. На земле все замерло. Зловеще гудело небо от сотен “летающих крепостей”; дрожала и дымилась земля от фосфорного порошка, сбрасываемого с самолетов; в испуге мычал скот, выли собаки, дрожали поджилки у людей.

Видение было страшное. Все ожидали, что город накроет серия бомб, от него останутся одни развалины, но у союзников планы были иные – для острастки они сбросили в центре города несколько десятков бомб, попугали фосфорной иллюминацией, остальной груз повезли дальше в центр Германии, в Берлин. В городе бомбы упали на жилые кварталы, разрушили несколько домов, ранив, убив и похоронив под обломками несколько жителей.

Были приняты меры по расчистке завалов, спасали живых и раненых. Две бомбы попали в дома соседей нашего шефа. Он решил оказать им помощь в расчистке завалов, привез часть нашей команды на эти объекты. Сам Вилли Келлер отделался легким испугом: одна бомба упала на дом правого соседа, вторая – на строения левого, минуя его коттедж.

До поздней ночи мы разгребали завалы, вытаскивая ценные вещи, мебель. К счастью здесь обошлось без жертв. Соседи были людьми состоятельными, к потере имущества относились спокойно. Нас их барахло тоже не интересовало. Нам нужна была только еда, ради нее мы и копались в развалинах. Мне повезло больше всех: в одном из завалов я обнаружил небольшую кладовку – подвал, где хранились банки с вареньем, окорока, колбасы, сало. Своей находкой я поделился со старостой. Подумав немного, пришли к заключению, что нас могут по окончании работ обыскать, пришить мародерство, если что-нибудь обнаружат. Оставлять немцам, тоже нет смысла. Решили часть продуктов спрятать у забора, чтобы их можно было бы взять, не заходя во двор. Остальное, оставить в кладовке до завтра, забросав все хламом. А сегодня ночью мы придем и заберем спрятанное. Для этого часть сала и колбасы, завернув в тряпки, уложили в ящики. Часть колбасы взяли для еды, раздали по куску всем работающим.

Ночью, вернувшись в лагерь зная жадность к еде Карла Долговязого, рассказали ему о нашей схоронке, попросили его сопровождать нас двоих за этим грузом, обещая ему за это часть сала и колбас. Карл долго думал, но жадность победила. Охранник согласился пойти во время его дежурства, и мы часа в 2 ночи двинулись в город, а часа через 2 были уже в лагере с драгоценной ношей.

На другой день староста предложил новый вариант обладания продуктами разбомбленной кладовки: попросить хозяина дома передать часть продуктов, особенно пострадавших, русским пленным в благодарность за их работу по расчистке завалов. Охранник Карл согласился с этим вариантом и пошел вместе с переводчиком к хозяину, который временно обосновался в коттедже нашего шефа.

Выслушав просьбу делегации, немец пришел в ярость, заявив, что лучше он испорченные продукты отдаст собакам, чем этим русским свиньям, которые убили его сына и скоро захватят всю Германию.

Даже немецкий солдат Карл возмутился наглым заявлением фашиста и предложил взять всё самим. В подтверждение сказанному набил свою сумку колбасой, консервами, вареньем.

Староста поступил по-иному: колбасы, сало и жиры сложили в три мешка, незаметно укрыли у забора, где прятали вчера вечером, а в обеден-

ный перерыв каждому выдал на обед по куску копченой колбасы и по банке компота, приказав все съесть здесь, ничего не брать в лагерь. Он опасался провокации со стороны хозяина, обвинения в мародерстве.

Отношение к хозяину, после его высказывания, у нас резко изменилось. Мы стали не спасать его имущество, а ломать и уничтожать. Дождались вечера, вышли из ворот, на углу, у забора колонна остановилась на минутку, чтобы три человека успели взять мешки. Благополучно вернулись в лагерь. Принесенное передали поварам на хранение. Староста ежедневно выдавал им жиры для баланды, колбасу или сало для бутербродов к хлебу.

С этого дня баланда стала вкусней, а на обед выдавали по 50 грамм на бутерброд. Жить стало веселей. Как говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло. Больше было бы таких несчастий для врагов наших! А несчастья для немцев увеличивались с каждым днем.

Союзники пока бомбили их с воздуха, налетая с запада, а на востоке советские войска двигались вперед, освобождая свою землю от фашистской нечисти.

Чтобы как-то стабилизировать положение, немецкое руководство выжимало все силы своего народа и особенно своих рабов, не считаясь с жизнью и благополучием иностранных рабочих и, тем более, пленных солдат.

Наш шеф, герр Вилли Келлер, не отставал от фашистских заправил, выжимал из нас все, что мог, подчинив своей воле. Но русские беглецы пленные оказались сильнее и предприимчивее своих предшественников – польских пленных, умели постоять за себя, выжить в обстановке немецкого рабства.

Хотя основным объектом нашей работы был песчаный карьер, шеф возил нас по всей округе для выполнения всевозможных неотложных и выгодных работ.

Как-то летом 1944 года привезли нас на канал Дортмунд-Эмский на разгрузку баржи с мотками колючей проволоки. Эти мотки, килограмм по 30, надо было на руках тащить из баржи по сходням, а потом и грунту метров сто и складывать в штабель.

Работа была адская не по тяжести, а неудобству. Несмотря на рукавицы и брезентовые накидки, стальные колючки впивались в тело, раздирали

кожу. В первый же день мы забастовали, потребовали от мастера ручных тачек и катальных досок. Мастер, как обычно, сначала кричал, потом согласился, достал тачки, доски. Работа пошла быстрее, легче для нас. Голландские речники с удивлением смотрели на строптивых русских. Потом мы с ними познакомились ближе, обменялись новостями.

Они считали немцев оккупантами, ждали, когда янки откроют второй фронт и помогут русским в их борьбе со швабами. Рассказали, что советские войска подходят к своей западной границе, бьют швабов на всех фронтах.

На вопрос: много ли в Голландии русских пленных? – ответили, что видят их впервые только здесь. В Голландии русским укрыться можно, но опасно. В Англию добраться очень трудно. Надо иметь надежные связи.

Местные крестьяне скоро узнали о прибытии колючей проволоки. Договариваться с соплеменниками боялись, крутились возле нас, показывая, что им нужна колючая проволока два или три мотка, за которую они могут дать деньги, продукты. Договаривались произвести обмен проволоки на сало: один моток – два килограмма сала. Причем, оплата утром, при нашем прибытии, а товар будет сброшен с автомашины вечером в 100 метрах от пристани. Немцы крутили носом, но потребность в колючей проволоке для ремонта изгородей загонов для скота, заставляла рисковать. Первая операция прошла удачно. Посыпались заказы. В эту аферу мы посватали охранника Карла и его напарника. Они согласились закрыть глаза за кусок сала. Так продолжалось, пока не была разгружена баржа. Жаль было покидать голландцев, особенно их груз, который помог улучшить наш рацион на некоторое время.

Таких “шабашек” нам попадалось редко, больше приходилось довольствоваться лагерной баландой, вспоминать времена бутербродов с колбасой и салом.

Наступала последняя военная зима. То, что она последняя понимали все и даже немцы. К этому времени советские войска завершили изгнание немецко-фашистских войск с территории Советского Союза и даже стали освобождать восточно-европейские государства.

Хотя немецкая пропаганда скрывала истинное положение дел на фронтах войны, мы научились читать газеты “между строк”, уже знали об

освобождении Болгарии, боях в Румынии, Польше и даже Германии. Говорили о высадке войск союзников во Франции, успешными их действиями по освобождению Франции, Бельгии и Голландии. Германия оказалась зажатой с востока, юго-востока и запада, т.е. попала в окружение, в тяжелое положение, выйти из которого не могли помочь его сателлиты, так как войска некоторых из них уже воевали против немецких войск.

Для фашистской Германии наступило тяжелое время. Многие немцы уже говорили: “Германия капут”, “Гитлер капут”. Долговязый Карл говорил это нам со злобной радостью неудачника, Педик Курт – со страхом возмездия за свои деяния по отношению к пленным, старики – охранники к поражению Германии относились спокойно, так как их крестьянская доля не изменится, если они будут оккупированы американцами. Один только мастер, нацист Штокман, был огорчен и свирепствовал с каждым днем больше.

Германия напрягала все силы, пытаясь оттянуть неизбежную катастрофу. Фашисты беспощадно подавляли любое недоверие к своему режиму. Особенно эти расправы усилились после покушения на Гитлера летом 44 года. С октября месяца этого года стали в стране образовывать фолькштурмы (народные ополчения). Даже в нашем городишке маршировали ополченцы из сопливых мальчишек и дряхлых стариков.

Судя по всему этому, все считали наступающую зиму последней и особенно трудной. То, что фашисты не сдадутся, будут бороться до конца, было ясно всем. Наступали тяжелые времена и для нас: лагерный паек уменьшился, побочных “шабашек” не попадалось, содержание ухудшилось, охрана ужесточилась.

Наступал новый 1945 год. Наши повара искали возможность приготовить что-нибудь сытное к встрече Нового года, но кроме брюквы и картофеля ничего у них не было. Мы работали всей командой на песчаном карьере. В один из последних дней уходящего года мы вернулись в барак уставшие, мокрые: весь день сыпала бжичка. В таком же состоянии была и охрана, поэтому, помня поговорку, что в такую погоду хороший хозяин и собаку не выгонит, нас оставили без поверки. А мы обнаружили отсутствие двух человек: Наркома и Петьки, молодого паренька чуваша лет 22-х.

Никто не знал, куда могли исчезнуть эти два разных по возрасту и характеру человека. Бежать сейчас, в такое время года, было безрассудно, да и причины для этого не было.

Решили их отсутствие пока скрыть от охраны, подождать утра. Утром быстро позавтракали, без проверки вышли за ворота двора и у забора увидели сидящих продрогших беглецов. Нарком подошел к старосте и, показывая на две котомки у его ног, проговорил только одну фразу: – Передай поварам в общий котел, к новогоднему празднику, остальное потом расскажем.

Котомки незаметно передали поварам, приказав надежно спрятать до вечера, а беглецам посоветовали идти с нами на работу, как будто они никуда не отлучались. Охрана построила нас, посчитала, убедилась в наличии всех, повела на работу в осточертенный карьер.

По дороге Нарком рассказал историю своего исчезновения. Давно он приметил в двух километрах от карьера усадьбу фермера. На всякий случай, решил ее обследовать. В большой налет самолетов союзников, когда все были в шоке, он добрался до усадьбы и выяснил, что это была сельскохозяйственная ферма немца – землевладельца. Жил в ней управляющий, и работали иностранные рабочие и пленные бельгийцы. Управляющего недавно мобилизовали в ополчение, командовать фермой стала его жена. У Наркома появилась идея проверить подвалы этой фермерши. Надоело ему быть белой вороной, захотелось показать, что он такой же русский человек, как и все в команде. Подготовил Петю, и вчера вечером, потихоньку улизнули из карьера. К ферме сделали круг, подошли к ней с противоположной стороны, чтобы не оставлять следов к карьере. В полночь, через щель в заборе, проникли во двор, отыскивали окно в подвал. Оно было сделано толстыми прутьями. Вытащили из брочки дышло и им расшатали их.

Петя пролез в окно и стал выбрасывать колбасы, сало, банки с жиром, выбросили даже окорок. Все это сложили в мешки и тем же путем вернулись в карьер. Часть продуктов спрятали, а часть взяли с собой. В лагерь пришли рано утром. На счастье никто по дороге их не остановил. Здесь не стали поднимать шум, решили подождать выхода команды, чтобы с ней идти на работу. Ничего особенного в их поступке не было. Таким методом пользовались многие беглецы, а может быть и голодные работяги.

Опасались, что полиция начнет расследование и сразу обратить внимание на нашу команду. Так оно и случилось. Фермерша сообщила своему хозяину, а тот позвонил в полицию о грабеже на его ферме. В те времена такое сообщение не было новостью. О грабежах и воровстве сообщали многие. Не на каждый звонок могла реагировать местная жандармерия, так как среди многочисленной армии иностранных рабочих, военнопленных, да и своих люмпен-пролетариев, виновных найти было трудно, тем более, что все они передвигались без охраны, проживали бесконтрольно.

Но все же на звонок известного землевладельца, отозвались немедленно: послали на ферму двоих полицейских собак, обнаружили следы преступников, дыру в заборе, дышло и способ ограбления и ничего больше: след собаки не взяли, а вел он к дороге в населенный пункт, где проживали иностранные рабочие и пленные бельгийцы. Они перешерстили всех, но награбленного не нашли. Зашли и к нам в карьер. Наша охрана утверждала, что все русские пленные вчера вечером вернулись в лагерь, никуда не отлучались, а сегодня в этом же составе вернулись назад. Проверила полиция и наш лагерь, побеседовала с комендантом, который заверил их в строгой охране подопечных. Не верить немцам-охранникам полиция не могла, поэтому оставила нас в покое.

Вечером, забрав похоронки беглецов, вернулись в лагерь, довольные, что в Новом 1945 году, хотя бы на первое время, мы улучшим свое питание. Нарком и Петя ходили именинниками, радостней на душе было и у нас.

Новогодний праздник встретили в приподнятом настроении: пили ячменный кофе с бутербродом из свиного окорока, баланда была жирная. Новый год начинался хорошо. Каким он будет дальше – никто не знал. Чем ближе продвигались наши войска к Берлину, чем меньше времени оставалось до конца войны, тем чаще возникали в нашей команде разговоры о нашем освобождении и возвращении на Родину. То, что нас освободят союзники, ни у кого не вызывало сомнений. Слишком далеко мы были от восточного фронта. Союзники, высадившись на северо-западном побережье Франции и заняв эту страну и Бельгию, были близко от нас. Нас удивляло, что союзнички топтались на месте, продвигались черепашими темпами:

видимо хотели, чтобы русские и немцы как можно больше уничтожили друг друга.

Все немцы, за небольшим исключением – фанатиков, уже не верили в победу Германии, с сарказмом воспринимали геббельсовскую пропаганду о новом сверхсекретном оружии и, вместе с тем, с упорным фанатизмом отражали яростные атаки противников, особенно советских войск. Немцы боялись их прихода, боялись возмездия за зверства и разрушения, причиненные ими в Советском Союзе, за уничтоженных в концлагерях коммунистов и евреев – в гетто. Все предпочитали оккупацию союзными войсками. На западном фронте немцы пассивно вели оборонительные бои, но союзники не стремились воспользоваться такой подачкой, наступали не спеша.

Хозяин усадьбы, герр Гельмут, и охранники-крестьяне опасались прихода Советов из-за возможной коллективизации их хозяйств, лишения земли, скота и имущества. Наши рассказы о преимуществах коллективного хозяйства, о нормированном 8 – часовом труде в сельском хозяйстве они воспринимали, как большевистскую агитацию.

Наш шеф, герр Келлер и его помощники боялись национализации предприятий, лишения свободного предпринимательства, а мастер, вдобавок к этому, опасался за причастность к фашистской партии. Одному только Долговязому Карлу было все равно, кто захватит их страну, для него предпочтительнее были Советы – оплот рабочего класса, но они были слишком далеко от его родного города Райно. Скорее всего, здесь будут хозяйничать англичане – эти вероломные янки.

Переживание немцев нас не волновало. Нас беспокоили свои проблемы: мы знали, что освободят нас союзники и передадут советским властям, но не ведали, когда и каким образом будет осуществляться эта передача, что ожидает нас дома? Гражданское население, вывезенное в Германию насильно, спокойно разъедутся по домам, а куда повезут нас – военнопленных? Какая судьба ожидает нас?

Все чаще и чаще возникали подобные разговоры в нашей команде. И, почему-то, начинал их Нарком. Видно, была у него причина бояться возврата в свою страну. В откровенной беседе он рассказал мне кое-что о себе, своей службе, пленении, из которой я понял о его честности и порядочности на гражданке, преданности Советской власти и проявлении трусости, а

может и предательства, в битве под Тулой. Он знал, что остались свидетели его позора и рано или поздно об этом узнают соответствующие органы и придется нести ответственность. Она его и беспокоила, ему хотелось знать меру наказания за свой проступок, чтобы заранее принять оптимальное решение.

Об этом думал каждый из нас, так как знал, что в Красной Армии пленных не признавали, их просто не должно было быть, а если кто-то попадал в плен, то должен был нести ответственность в меру своей виновности, так как у каждого она была не только своей, но и общей, ибо все военнопленные трудились на благо врага, а, следовательно, против своего народа, своей армии. “Одни воины проливали кровь, рисковали жизнью, другие отсиживались в лагерях врага”, – так мог рассуждать каждый честный советский человек обо всех пленных. Но ведь были и сдавшиеся по доброй воле – предатели, изменники, служившие потом у немцев в холуях. С них спрос должен быть иным! Какой?.. Это волновало тех, кто был запятнан кровью своих соотечественников или явным предательством. Таким возврат на Родину был особенно опасен, они должны были раствориться среди немцев или эмигрировать в другие страны, стать изгоями.

Мне это не грозило. Совесть моя была чиста, но в подобных разговорах раскрывалась душа пленного, познавалось его человеческое существо.

А время бежало. Кончалась слякотная зима, сильнее пригревало солнце, вселяло новые силы и надежду на скорый день освобождения. Советские и союзные войска успешно наступали. Советскими войсками были освобождены Болгария, Румыния, Югославия. Шли бои в Венгрии и Австрии. На севере наши войска освободили Польшу, вели бои в Восточной Пруссии, на территории Германии. Понемногу подвигались и союзники к Руру.

А наш шеф бросал свою штрафную команду в разные районы города, в горячие точки, выполнял неотложные работы, хотя пользы от них было мало, но за работу заказчики платили исправно. А кормил нас хозяин по-прежнему плохо. “Шабашек” почти не попадалось. Два друга украинца: Толдин Дмитрий Мартынович из села Дмитриевки Сумской области и Лынкин Василий Игнатович из села Морозовка Сумской области повторили “подвиг” Наркома и Петьки – принесли рано утром два увесистых окулунка с салом и колбасой. Они не мерзли под забором, а пробрались в барак через

двор хозяина, улеглись на своих койках. В этот раз нас полиция даже не беспокоила. Видимо грабежи стали обычным явлением в Германии, где обездоленные военнопленные ради выживания занимались этим промыслом. Нам он тоже помогал в какой-то мере улучшить свое существование. Ради этого выживания герр Гельмут со своими домочадцами мотался в своем хозяйстве с утра до поздней ночи.

Наступила весна – ответственный период крестьянина, когда, как говорят, день год кормит. Нужно вовремя посеять яровые культуры, посадить картофель, брюкву, овощи, для чего нужны рабочие руки, а их этой весной с огнем не сыщешь: всех подмели и направили на фронт. Вот и приходится старикам и детям управляться с хозяйством. Жаль нам стало стариков, решили помочь им отработать картофель, взятый у них в первый вечер нашего прихода. В первое воскресенье подготовили ему семенной картофель и брюкву, а затем каждый день пять наших ребят помогали Гельмуту сажать их. За это хозяин выделил нам бесплатно клубни, крупу и даже жиры. Наша охрана одобряла такую помощь и смотрела на русских другими глазами. Шеф, узнав об этом, сначала был недоволен, но потом смирился, разрешил оставлять людей у герра Гельмута.

Весна набирала силу, война приближалась к концу. В конце марта месяца советские войска вели упорные бои на Одере, готовились к штурму германской столицы, Берлина. Союзники тоже начали действовать более активно, поспешно бросали основные силы на берлинское направление, потихоньку тесня рурскую группировку немецких войск, которая и отступала-то без особого сопротивления.

В середине марта мы уже слышали раскаты орудийного гула. Нас уже на работу не гоняли, держали в бараке, разрешая только помогать по хозяйству Гельмуту. Охрана ждала указаний. Ни шеф, ни его подчиненные у нас не появлялись. Видимо, побаивались нас.

В конце второй декады марта нам выдали по полбулки хлеба, до отвала накормили завтраком, приказали построиться с вещами. Комендант выступил с коротким сообщением, что получен приказ военного коменданта города, всех военнопленных под строгим конвоем доставить в ближайший концентрационный лагерь военнопленных, но он ждал указания своего начальства, или герра Вилли Келлера. Ни от того, ни от другого дополнитель-

ных указаний не поступило. Поэтому он решил выполнить приказ военного коменданта и доставить нас в указанный лагерь военнопленных.

– А мы, господин фельдфебель, не желаем покидать наш лагерь. Здесь будем ожидать прихода союзников – перебил коменданта староста.

– Мне безразлично, где вы будете во время боевых действий, – спокойно продолжал фельдфебель, – но я, во-первых, дал честное слово доставить вас в лагерь. – Это мой долг солдата. Во-вторых, военный коменданта предупредил, что специальные подразделения проверят исполнение его приказа. Я, зная крутой нрав коменданта, советую вам покинуть лагерь, а там ваше дело, куда пойдете.

– Честное слово и солдатский долг немцев нам уже знаком, а вот второе возможно осуществится, поэтому мы готовы покинуть этот барак – заключил моряк диалог с комендантом. – Котомки в руки и в путь, друзья!

Пленные зашевелились, загудели, прощаясь со своим жильем.

– Чего раскудахтались? – утихомирил всех морячок. – Скоро снова вернемся сюда рассчитывать с нашими благодетелями!

Вышли за дворик и, колонной в 50 человек, как и полтора года назад, двинулись по асфальтированной дороге в обратном направлении, к железнодорожному вокзалу. Шли не спеша, шаркающей походкой. Впереди шаггал фельдфебель, а по бокам – по два охранника с винтовками на изготовку.

По пути мы обгоняли и нас обгоняли несколько колонн пленных солдат англичан, французов, бельгийцев, поляков, югославов; попалась даже группа итальянцев, недавно плененных за измену Гитлеру. Кроме нас, русских пленных не попадалось. Куда нас вели, мы не знали. Уже минули вокзал, вышли за город, а о цели и месте сосредоточения военнопленных не знали. Одни говорили, что всех пленных из всей округи Райно собирают в особый лагерь для передачи союзникам, другие – что немцы боятся восстания пленных и расправы над ними и поэтому сгоняют всех пленных в лагерь, чтобы уничтожить их там. Особенно с тревогой предупреждали нас об этом югославские пленные партизаны, якобы свидетели подобных акций в других лагерях. Англичане и французы шли спокойно, уверенные, что немцы не посмеют ничего плохого с ними сделать, а славяне беспокоились за свои жизни. Чувство беспокойства передалось и нам. На одном из привалов, посоветовавшись, решили дальше не идти.

Наш комендант о цели сбора пленных тоже ничего не знал, на просьбу отпустить нас добровольно ответил отказом, ссылаясь на солдатский долг старого служаки. Тогда решили конвоем разоружить силой и отпустить их домой, а самим группами вернуться в город или где-нибудь на его окраинах дожидаться прихода союзников. Здесь же, в небольшой рощице, к каждому охраннику подошли по два человека и по команде отобрали у них оружие. Никто не сопротивлялся. Только комендант попросил оставить ему пояс и кобуру пистолета и удовлетворить их просьбу покинуть эту рощу поздно вечером.

На прощание староста обратился ко всем с напутствием; – Вот, друзья мои, настало время нашего освобождения. Почти полтора года мы провели вместе в штрафном лагере. Я рад, что все остались живы и здоровы и смогут вернуться к своим семьям, родным, на свою многострадальную Родину. С этого момента я снимаю с себя обязанность старосты, и вы вправе поступать по своей совести. Сами решайте, как вам поступать, что делать, куда податься. На эту тему мы много говорили в последнее время. Прошу запомнить одно: у каждого человека есть только одна Родина – где он родился и вырос, где и должен умереть!

А теперь каждый выбирай себе место, где будете встречать союзников. Не советую быстро возвращаться в наш лагерь, опасаясь угрозы военного коменданта. Старшина, – обратился он ко мне, – куда ты отправишься?

– Я с тобой, товарищ капитан! – отозвался я подходя к нему.

– Можно мне с вами, товарищ староста? – подал голос наш переводчик.

– Пожалуйста, товарищ переводчик, – разрешил моряк.

Вокруг нас собралось человек семь, в основном ядро нашей команды. Распрощавшись со всеми, в том числе и с охранниками, мы двинулись в сторону от асфальта, к окраине Райно. Стали расходиться и другие группы, прощаясь со своей охраной, не питая к ним не только злости, но и неприязни.

Вечером мы были в пригороде. Стоило уже позаботиться о ночлеге. Группу в семь человек могли разместить только состоятельные немцы или фермеры. Среди них мы и попытались найти ночлег. Опасались еще немецких солдат, бродивших в окрестностях города.

Наконец, остановились на небольшой усадьбе. Вышел пожилой крестьянин – бауэр, узнав нашу просьбу, посетовал, что у него нет места всех разместить, но может предложить сеновал, где можно переспать. Мы согласились с условием, что хозяин нас покормит. Видимо, наш независимый вид и требовательный тон подействовали на немца. Вскоре мы уплетали бутерброды с ветчиной, запивали кофе, а на сеновале уже лежали подстилки, подушка и одеяла. Так впервые мы ночевали вне лагеря, без охраны. На другой день встали поздно, умылись, спросили бауэра, чем ему мы можем отработать еду и ночлег. Немец удивился подобной благодарностью русских, отказался от помощи, предложил вчерашнее меню. Позавтракав, поблагодарив хозяина, двинулись дальше, в сторону нашего лагеря, в стороне которого слышались оружейные выстрелы.

В городе еще были немецкие войска, маршировали колонны солдат, передвигалась артиллерия. Похоже, что они покидали город, не подвергали его разрушению. Нам соваться туда было опасно, поэтому мы избегали главных дорог, довольствовались удаленными усадьбами, просили еду и отдых у бауэров.

Так прошел еще один день. Хозяин, у которого мы ночевали, сообщил, что город Райно решили сдать без боя, уже на многих домах вывешены белые флаги. К обеду мы добрались до нашего лагеря. Герр Гельмут удивился нашему появлению, открыл барак, где стояли голые кровати: матрацы и подушки лежали у коровника для подстилки, одеяла сложены в углу барака. Нам предложил для обитания помещение охраны. Вечером Хильда привезла нам картофельный суп, омлет и кофе. Все же Гельмут уважал или боялся своих бывших постояльцев. Не забыл повесить на своем доме белое полотенце. Мы попросили у Хильды красного материала. Гельмут принес нам кусок красного материала, как он утверждал – старая скатерть, которой в свое время коммунисты накрывали стол президиума на своих совещаниях. Мы сделали из него массивный флаг, водрузили его на заборе нашего двора, чтобы привлечь внимание союзников. Красное знамя символ коммунистов, привлекло внимание американцев не только цветом, но и размером. Утром, часов в 9:00 1-го апреля по асфальтированной дороге, со стороны песчаного карьера показался танк и сзади него два бронетран-

спортера, а за ними, по обочинам дороги двигались цепочкой солдаты с автоматами на изготовку.

Танк возле нашей усадьбы остановился, повернул пушку в нашу сторону, а бронетранспортер направился к нам, стоящим у раскрытых ворот, под красным знаменем в приветственной позе “Рот фронт”. Из бронированной машины вылез черный великан в военной форме союзных войск, цвета хаки. За ним спустились на землю еще двое солдат. Негр, сверкая белками глаз и белизной зубов, показав на флаг, что-то спросил по-английски. “Почему повесили красный флаг, вместо белого?” – перевел на немецкий его сослуживец.

– Это русские военнопленные приветствуют долгожданные войска союзников! – ответил по-русски Иван Трофимович Шкретенко – капитан моряк. Наш переводчик перевел по-немецки, а американец – на английский.

А, раше зольдат! – заулыбался великан. – Карош зольдат!

Мы показали союзникам наш барак, рассказали о нашей штрафной команде, часть которой, убежав от охраны, вернулась вчера назад, к своему шефу, чтобы расплатиться с ним.

Негр спешил, слушал в пол-уха, на прощание поинтересовался наличием немецких войск в городе. Получив отрицательный ответ, с трудом втиснулся в люк машины, укатил догонять другой бронетранспортер.

За цепочкой солдат проскочил открытый джип с горсткой людей, а за ним двигалась колонна грузовых машин, закрытых брезентовыми тентами, полевые кухни, автобусы. Союзники без боя занимали город Райно. Вечером к нам подкатил джип, грузовые машины с орудиями на прицепе. В нашем лагере остановилась на ночлег артиллерийская батарея американцев. Вскоре мы познакомились. На наше счастье среди солдат оказался старый эмигрант украинец. С его помощью мы общались значительно быстрее, рассказали американцам о нашей команде, Красной Армии, её боях в Берлине. Американцы восхищались мужеством советских солдат, угощали нас сигаретами, виски, тушенкой с белым хлебом. Утром им привезли завтрак: бутерброды с ветчиной и кофе. Солдаты заволновались, отказались от еды. “Объявили забастовку” – пояснил нам эмигрант украинец, – “вместо положенного белого хлеба привезли темный”.

Такой порядок в армии нас удивил. Как может существовать такая армия? Оказалось, что американская армия полностью наемная, каждый в ней не служит, а работает, получает заработную плату, согласно контракту государства, в случае смерти военнослужащего, государство выплачивает его семье единовременное вознаграждение, а затем ежемесячно выплачивает его родным пенсию, обязано вернуть тело убитого на родину и там похоронить. Изменение в рационе питания без согласия военнослужащего считается нарушением контракта.

Содержание американского солдата обходится государству очень дорого, поэтому оно дорожит его жизнью, не бросает в бессмысленную атаку. Сначала выбросит на объект массу тонн снарядов и бомб, а затем уже посылает солдат закрепить победу. Теперь нам стало понятно, почему американцы в плену жили вольготно – они были под защитой государства.

Белого хлеба скоро привезли, “забастовка” прекратилась, солдаты поехали дальше завоевывать немецкие города. А русские солдаты перли по улицам Берлина, городам Европы, расчищая путь для танков и орудий, а обездоленные пленные переживали за свое положение, готовились к наказанию за чью-то глупость в их пленении.

Итак, мы стали свободны, получили какое-то право на улучшение жизненных условий. Американцы посоветовали нам пока потребовать это у нашего шефа, на которого мы работали, создавали ему богатство, пока не придут представители Советского Союза и не займутся репатриацией своих граждан. Сейчас же надо самим проявить инициативу, чтобы дождаться этого времени.

В этот же день, после ухода американцев, мы направились на квартиру шефа по известному нам адресу. Он был дома. На наш звонок, дверь открыла служанка. Испугалась, отодвинулась в сторону. Не спрашивая разрешения, мы вошли в прихожую. Двухстворчатая дверь в другую комнату была открыта, герр Вилли, в домашнем халате спешил нам навстречу, раскрыв от удивления рот.

– Добрый день, герр шеф, мы пришли к вам в гости, проведать и решить некоторые вопросы, – разрядил затянувшуюся паузу переводчик.

– Гутен таг! Гутен таг! (Добрый день!), – наконец обрел дар речи шеф, приглашая жестом размещаться за столом. Мы, не снимая своих сабо, опо-

рок, пошли по пушистому ковру и уселись на мягкие стулья. Герр Вилли стоял посредине комнаты, потирая свои пухлые ручки, не зная с чего начать разговор. Выручил его морячок:

– Господин Келлер, гостей так не встречают! Прикажите подать чаю, кофе, а лучше всего шнапса, чтобы наш разговор был миролюбивым.

– Я, я, момент, – пролепетал шеф. – Марта, комм мит! – Вошла его секретарша тоже в домашнем халате. Шеф приказал накрыть для гостей стол.

Она и служанка засуетились, а хозяин, показав на свой халат, побежал переодеться. Вскоре стол был накрыт. Мы, как культурные люди, вымыли руки, поудобнее уселись за столом, оставив почетные места для шефа и его секретарши. Вскоре и они уселись. Моряк, до этого откупорив бутылки и налив в рюмки коньяк, встал и торжественно предложил выпить за победу над фашистской Германией. Стоя все выпили. Отхлебнули шеф и Марта.

– Нет, господа немцы, за победу над фашизмом надо пить до дна, по-русски! – дополнил их рюмки моряк. Немцы не посмели его послушаться: выпили. Закусили... Выпили за союзников, Красную Армию...

– Ну вот, господин Келлер, теперь можно и поговорить! – прервал приятное застолье Иван Трофимович. – Мы у вас проработали почти полтора года. Ты был не самым плохим работодателем, да и мы не были прилежными рабами, но на нас ты заработал солидный капитал, хорошо кушаешь, прилично одет, а мы как были в обносках, да деревянных колодках, так и остались: стыдно по улице пройти. Едим, что выпросим у добрых людей, спим под забором. Герр Гельмут уже выкинул наши постели, готовит свой барак сдать в аренду американцам.

Так что, господин Вилли Келлер, придется вам раскошелиться, одеть нас прилично, обеспечить питанием и жильем до тех пор, пока мы будем здесь, в городе.

Шеф, хотя и был выпивши, слушал бывшего старосту внимательно, потом, подумав, сказал одну фразу:

– Гут, руссише солдатен!

Договорились, что он подумает над нашим ультиматумом и завтра даст ответ. На другой день мы снова были у него. Шеф нас ожидал и сразу же повел нас в центр города, в торговый склад одежды, где каждый из нас выбрал по вкусу и размеру костюмы, рубашки, нательное белье, ботинки,

головные уборы. Все это нам упаковали и выдали на руки. Потом шеф повез нас на микроавтобусе торговой фирмы, за город и показал двухэтажный особняк у дороги. Это было общежитие городской дорожной полиции, ушедшей с войсками до наступления союзников. Здесь все было для жилья: двухъярусные нары, постельное белье, кухня с посудой.

– Вот здесь будете жить, а на питание я выдам каждому по 100 марок, а вы уже сами постарайтесь найти еду. Вот, ваши пожелания я, кажется выполнил, – закончил нашу встречу Вилли Келлер. – Не думайте, что все немцы плохие люди.

– А как же остальные наши товарищи? Ведь, вы рассчитались только с частью нашей команды, – задали шефу вопрос.

Немец немного подумал, а потом на полном серьезе ответил.

– В каждом деле требуется ум, смелость, настойчивость. Вам удалось добиться своего. Сумеют они сделать хотя бы так – получат свое.

Этот немец нам начинал нравиться. У него предприимчивость сочеталась с честностью, расчетом и риском. Еще вчера он понял, что если не выполнить наши требования, потеряет больше, а может и жизнь. Как поступить с остальными – обстоятельство подскажет. Может быть, они и не придут.

Мы же этой группой обосновались в “Вилле у дороги”, как мы её потом называли. Она была удобна для проживания полтора десятка человек: вне города, вдали от посторонних глаз. Мы были одеты, обуты, свободны, на первое время имели деньги на пропитание. С этим сразу же возникли проблемы: на черном рынке на наши деньги долго не проживешь, а в государственных магазинах продукты выдавали по талонам, которых, естественно, у нас не было. Тут шеф нас надул.

Думали, как проще и быстрее решить проблемы с едой. Я предложил получить должок с немца, у которого мы расчищали развалины разбомбленного дома и тот, на нашу просьбу дать нам часть испорченных продуктов, ответил, что лучше их съедят немецкие собаки, чем русские свиньи. Предложение было принято единогласно. Всей гурьбой двинулись к нацисту.

За этот период дом был восстановлен, блеснул стеклами больших окон, во дворе зеленели газоны, декоративный кустарник обрамлял их и контуры дорожек. Калитка в металлическом заборе была замкнута. На

наши звонки и стук хозяева не реагировали, хотя мы видели в окнах силуэты людей. Трое парней перемахнули забор, постучали в парадную дверь, но безрезультатно: в доме была тишина. Тогда в дом ребята пробрались через черный ход, дверь которого немец забыл закрыть на задвижку. Хозяин и домочадцы, спрятались в комнате, перепугавшись вторжения, незваных гостей. Всей группой, как и у Вилли Келлера, уселись за стол, но угощения не потребовали, а сразу же напомнили хозяину о проделанной нами работе по спасению его имущества после бомбежки и потребовали произвести сейчас оплату за наш труд: напомнили ему о собаках и свиньях.

Немец начал доказывать, что он расплатился с нашим шефом за проделанную работу, а наши требования считает настоящим грабежом. Он будет жаловаться американским властям.

Пришлось припугнуть его, что мы пришли по их совету и если он не выполнит наше законное требование, то мы придем с американскими солдатами-неграми и добьемся своего. Нацист струсил, приказал прислуге принести нам колбас и окорок. Мы поблагодарили его за помощь, сами направились в подвал-кладовую, где хранились запасы продуктов хозяина. Попросили прислугу принести нам ящики, сумки, нагрузили их соленьями, вареньем, жирами, колбасами, ветчиной. Поблагодарив хозяина за хорошую оплату нашего труда, с поклажей вернулись домой. Кроме еды мы не забыли прихватить с собой и выпивку, так что праздник освобождения отметили достойно, с тостами о победах наших воинов в битве за Берлин. О военных действиях на восточном фронте, мы в последнее время мало, что знали, так как немецких газет не было, радио тоже молчало, а американцы кричали только о своих успехах, замалчивали победы русских. Они уже объявили о конце войны, но немцы относились к этому скептически. Только 10 мая мы узнали о полной капитуляции фашистской Германии и об окончании войны. Особой эйфории в нашем городе не было: немцы больше были удручены капитуляцией. Союзных войск в городе было мало, а иностранные рабочие – по-своему отмечали это событие. Мы устроили хорошее застолье, пригласили польских пленных, обнаруженных на окраине города, в одной из усадеб. Для нас война закончилась с приходом в город американцев. Мы стали свободными гражданами неизвестно чьей страны. Ходили бесцельно, свободно по городу, без паспорта, без документов, без

места работы, а для некоторых и без пристанища. Удивительно, что в таком маленьком городишке скопилось так много разноязычного населения Европы. Были здесь и местные аборигены, наподобие нас, но больше было прихожих, иностранных рабочих, двигавшихся в родные края. Всем надо было есть, спать, Их хозяева закрыли предприятия, выгнали на улицу без средств существования бывших рабов. Не всем повезло, как нашей группе, сумевшей кое-что вырвать у своего хозяина. О судьбе остальной части нашей команды мы не знали. После майского праздника я с Иван Трофимовичем посетили бывший лагерь. В нем уже разместилось воинское подразделение американцев. У ворот стоял часовой, грозным окриком: "Век!" – отогнал нас.

На хозяйском дворе, тряся своим горбиком пробежала Хильда, увидела нас одетых в добротные костюмы, остановилась, узнала своих бывших постояльцев, обрадовалась. Появился и герр Гельмут, долго тряс наши руки, хвалился, что дела у него идут хорошо: барак удачно сдал в аренду американцам, меняет им продукты на американские сигареты, вещи, а затем продает их немцам, делает хороший бизнес. В этом ему помогает Хильда. Гельмут как будто помолодел, светилась счастьем и его дочь.

На вопрос о наших товарищах старик поспешил ответить, что дня через два после ухода нашей группы, приходило человек 10 из нашей команды. Он заметил среди них пожилого с большой головой и молодого паренька. Безусловно – это были Нарком и Петька. После них приходили еще несколько наших. Все они были одеты прилично, но не так элегантно как вы. Приходили, переночевали и ушли. Куда, он не знает. На прощание мы рассказали старику, где обосновались и попросили направлять всех наших товарищей к нам. Гельмут обещал выполнить нашу просьбу, подобострастно взирая на наше одеяние, ухоженные лица, забыв, что совсем недавно мы были для него людьми второго сорта, тряс на прощанье наши руки, приглашая не забывать его, навещать. Но больше мы у него не были, не приходили к нам и товарищи из нашей команды. Где они бродят, где обосновались? Нам было неизвестно. В это время было великое переселение народов, насильно оторванных от родных мест. Одни спешили в родные края, другие – в поисках лучшей доли. Может, и они подались на восток,

на встречу нашим войскам, может, залегли, как и мы, в укромных местах в ожидании окончания войны.

Действия пленных, особенно славян, были непредсказуемы. Их поступки были сравнимы с действиями дворняжки, долгое время сидевшей на цепи и сторожившей добро своего злого хозяина, и вдруг неожиданно освобожденной от надоевшего ошейника. Почувяв свободу, с радостью ринулась она прочь от проклятых мест, упивалась свободой, обнюхивая каждый незнакомый кустик. Эйфория свободы прошла, свобода надоела, потянуло к еде, конуре. Покорно вернулась назад, но там не оказалось ни цепи, ни конуры, ни хозяина. Осталась дворняжка сама собой, голодной, холодной и никому не нужной. Так случилось и с нами. Первая эйфория свободы прошла. Возвращаться назад не было смысла. Каждый искал лучшего пристанища. Союзным военным пока было не до нас: война еще продолжалась, решались более важные проблемы. Ждали, когда правительства договорятся о порядке репатриации своих граждан с территории Германии. Своих военнопленных и гражданских лиц они освобождали из лагерей, отправляли на родину, а на их место размещали пленных немцев. Славянами пока никто не занимался. В городах и поселках только создавались местные органы управления, полиция. Американская военная полиция была малочисленной, не могла навести должный порядок. Освобожденные узники свободно разгуливали в городе и округе, наводя ужас на жителей, которые боялись их мести за причиненные зверства и издевательства. Боялись грабежей и разбоя.

Нашей группе, в десяток человек штрафного лагеря № 1650, повезло. Эйфория свободы закончилась быстро. Через два дня мы вернулись в свой лагерь, а еще через день от предпринимателя, на которого горбатились полтора года, потребовали частичной компенсации за свой труд. Ему ничего не оставалось, как выполнить наши требования: одеть, обуть, устроить с жильем и обеспечить питание. По всей вероятности, сделал он это из-за боязни потерять большее, возможно даже жизни своей. В благодарность за это Вилли Келлер даже зарегистрировал нашу группу в муниципалитете, заплатил за три месяца арендной платы за наше жилье, добился от бургомистра выдачи нам талонов на продукты питания. Таким образом, мы были обеспечены всем необходимым и могли спокойно ждать репатриации.

Жизнь, шла своим чередом, мы были молоды, энергичны, тяготились бездельем. Для разнообразия жизни знакомились с городом, окрестностями, особенно бауэрскими хозяйствами, так как часть продуктовых талонов реализовывали у них. Кроме того, за определенную плату, помогали крестьянам в хозяйстве.

Не обходилось и без застоля. А где выпивка, там споры, драка. Между собой мы жили дружно, особо буйных во хмелю у нас не было, кроме Василия Лынника из Винницкой области. Стоило ему выпить, как заводился, становился агрессивным, ко всем придирался в поисках конфликта. И был-то парень среднего роста, худощавым, смирным телком трезвым, но буйным – во хмелю. Особенно пьяным любил куражиться над немцами. Мы за ним следили, боялись, что своим буйством он может принести вред не только себе, но и нам.

Первомайский праздник отметили у себя за столом. Вспоминали праздники былых времен: демонстрации, флаги, песни, веселье, родных, знакомых, и, конечно же, войну, начатую немцами. Василий пьянея входил в раж, распаялся, проклинал немцев, расстрелявших его семью, грозился уничтожить фашистское племя. Его успокаивали, но чувство обиды на немцев было у всех велико, поэтому не обратили внимания на исчезновение Лынника. Первым это заметил моряк Иван Трофимович: обратился ко мне:

– Тезка, пойди, посмотри, где Василий. Боюсь, чтобы не натворил беды.

Я вышел во двор. Лынник уже стоял у дороги, поджидал жертву. Показался велосипедист, поравнялся с ним. Василий метнулся к велосипедисту, схватил за руль, ударом кулака свалил его на землю. С криком: – “Перебью вас всех, фашистская сволочь!” – начал избивать лежачего. Тот не оборонялся, а только кричал:

– Их нихт фашист! Их коммунист!

– Все вы сейчас коммунисты, фашисты проклятые! – кричало Василий, избивая немца.

Пришлось вмешаться. Подскочив к разошедшемуся товарищу, отбросив его в сторону, помог подняться немцу, сунул в его руки велосипед, проговорил, махнув рукой в сторону города:

– Быстрее уезжай отсюда!

Немец грязный, избитый поспешил убраться от злополучного места. С трудом успокоили Василия, уложили его в постель. К немцам Василий Лынный проявлял иногда агрессивность и в трезвом состоянии.

Было это в мае месяце. Компанией направились искупаться на реку Эмс. На городском пляже неожиданно встретили нашего Педика Курта. Встречи с ним и мастером мы искали давно, но они избегали такой возможности. И вдруг такая удача! Курт первый заметил нас, греясь на солнышке после купания. Наверное, испугался, так как, не желал нашей встречи, полез в воду, переждать пока мы пройдем. Василий заметил его маневр, предложил посидеть у его одежды, пока ее хозяин не накупается. Разделись, разлеглись на теплый песок подзагореть. Вода в реке была еще холодноватой, долго в ней не высидишь. А бедняга Курт все плавал, барахтался в воде, согреваясь в движении, но холод гнал его на берег, а страх удерживал в воде. Он пытался уплыть в сторону и там выйти из воды, мы шли за ним. Так играли с ним, пока он не выдержал – вылез на берег. Тут он и попал в руки Василия Лынного:

– Что, Курт, замерз? – приставал к нему Василий.

Давай мы тебя погреем! – пинал немца кулаком. Тот, здоровый, с длинными руками гориллы, только увертывался от ударов, боясь нашего вмешательства. А Василий, заводясь, наносил удары все сильнее, приговаривая: – “Это тебе за немецкое усердие! А это – за зуботычины! А это за Лянге, которого из-за тебя чуть не расстреляли!”. Так, приговаривая, Лынный избивал Курта, который когда-то был грозой для нас. На прощание каждый из нас, влепив Педикку по паре тумачков, удовлетворил свою месть, хотя и понимал, что Курт – просто “шестерка” в этой войне, как и мастер, которого нам так и не удалось увидеть.

– Ну как тебе показалась Москва? – как-то спросил меня Моряк.

– Москва город хороший, но видел я его в начале 41-го года, когда поступал в инженерное училище.

– Да нет, я не о столице речь веду, а о здешней Москве. Представь себе, есть такое место в нашем городишке, и я тебя видел там.

– В первый раз слышу об этом! Ни в какой Москве я не был – оправдывался я.

– Какая-то чертовщина получается. Вчера я был в этой Москве. Расположена она в старом карьере, где когда-то добывали глину для кирпича. Живут там братья славяне. Есть там и русский квартал, привел туда меня наш знакомый поляк. Там, проходя по польской улице, я и увидел тебя. Звал по имени, но ты только махнул рукой. Я подумал, что у тебя свидание, не стал мешать. Если ты не был в этом значном месте, значит, был кто-то другой, но так похожий на тебя. Может быть твой двойник?

Я тоже удивился, но немного подумав, рассказал другу о Софье Адамовне Чвалинской и его сыне Яне, который, якобы, очень похож на меня. На другой день двинулись в Москву на поиски моего двойника.

На самом деле, на окраине города, в старом карьере был выстроен целый городок из шанхаек, с кварталами, улочками. Халупы из досок, фанеры, картона и бог знает чего, лепились к обрывистому яру по контуру громадного котлована, а внутри его из такого же материала выстроены кварталы халуп, образуя улочки и переулки, по которым можно пробраться только пешком, в сухую погоду, глядя внимательно под ноги, чтобы не наступить в человеческие испражнения. Конечно, ни канализации, ни водопровода, даже электричества там не было. Не было в этой яме и свежего ветерка. Вверх поднимались вонь и испарения.

– Ну и вертеп! – поразился я.

– Притон преступного мира. Говорят, здесь не был еще ни один полицейский, ни один чиновник. Давно немцы хотели сжечь этот притон, да некуда разместить несколько сот иностранных рабочих. Среди них обитают бандиты, воры и наш брат – пленные беглецы, – информировал меня мой друг. – Сейчас все они вылезли наружу, шныряют по городу.

С осторожностью подошли к халупе, где моряк видел моего двойника. На наш стук вышла молодая полячка, спросив, что нам надо. На мою просьбу: “Можно ли зайти?”, она пристально посмотрела на меня, откинула дверную занавеску, пропуская нас в хибару. Комнатка была небольшая, в одно окно, но на удивление чистая, аккуратная и ухоженная. В ней стояла двуспальная кровать с красивым покрывалом, стол – шкаф, покрытый клеенкой, пару стульев, диванчик, на котором сидел мой двойник. Увидев меня, он поднялся, посмотрел мне внимательно в глаза. С не меньшим инте-

ресом я смотрел на него: мой рост, черты лица, нос, уши были мои, только глаза были чужие – черные, строгие. Я протянул ему руку для пожатия:

– Здравствуй, Яник!

– Здравствуйте! – ответил он на чисто русском языке, – откуда вы знаете мое имя?

– Я много кое-что знаю о тебе, дорогой мой двойник. Сперва приглашай нас сесть и познакомься с моим другом, капитаном торпедного катера Черноморской флотилии Иваном Трофимовичем.

Хозяин показал на диванчик, приглашая сесть, а сам уместился на стуле. Убедившись, что передо мной сын Софьи Адамовны, я начал рассказ о лагерной жизни в Кировограде, о лечении в больнице, о профессоре Чавлинском, его дочери Софье и внучке Зосе.

Естественно разговор происходит уже за столом, за рюмкой шнапса. Полька – подружка Яна, быстренько накрыла стол и мы, не спеша, рассказывали друг другу истории пленения и лагерной жизни.

История у Яна была обычной, как у многих пленных бойцов Юго-Западного фронта 41 года. Попал он в плен в Киевском окружении, при обороне столицы. Некоторое время был там в концлагере, а затем во Львове. В 42-м, из этого лагеря, часть пленных отправили в Германию. Попал Ян в Рурскую область, на металлургический завод в Бохуме. Бежал. Пойма-ли. Выдал себя за польского пленного. Вместе с другим поляками попал в Райно, в штрафной лагерь 1650, к предпринимателю герру Вилли Келлеру. Кормили плохо. Его собаки – Мастер и Курт – свирепствовали. Тогда Германия была в зените своих побед, рвалась к Волге и на Кавказ. В живых их осталось половина. Пленные возмутились, избили помощника мастера – Курта. Особенно в его избииении усердствовал Ян. Впоследствии Курт объявил его зачинщиком, все твердил: “Это Ланге виноват!”

Команду забрали у Келлера, направили на завод, где условия были не лучше. В прошлом году летом с товарищем бежал. Хотели пробраться в Голландию или Данию, но их обнаружили, в преследовании друга ранили и захватили, а Яну удалось скрыться. Скрываясь, в одной из крестьянских усадеб, на сеновале, видимо, подобно нашему, увидел в сарае группу полячек – работниц, сортировавших картофель. Приметил одну молодую, симпатичную, открылся, рассказал ей о своем побеге. Она-то и привела

его ночью сюда, где жила с подругой. Так и остался Ян в Москве, где было много таких бедолаг, как он. Попал в компанию. Выходили на промысел по ночам, дальше от города, чтобы не злить местную полицию и власть. Так и прятались до прихода американцев. Сейчас стало свободнее, но еду приходится добывать самому. Хорошо, что подружка еще работает у своего бауэра, приносит оттуда еду. Без этого было бы плохо. Ждут, когда закончатся споры о дележке территорий и начнется репатриация людей. Ян решил вернуться на жительство в Польшу. В Советский Союз ехать опасается, боится, что его, как сына "врага народа" могут за плен отослать к отцу на лесоразработки. Опасается за мать и сестренку, что и их за работу при немцах, могут репрессировать.

Многие советские военнопленные в те времена боялись возвращаться на родину, хотя и не были виновны ни перед народом, ни перед государством. Как потом выяснилось, они были правы: многие вместо дома были направлены на восстановление последствий войны.

Не одну бутылку шнапса мы тогда распили у Янека, о многом вспомнили, переговорили. Рассказал он и о своих отношениях с Куртом в лагере 1650, который по неизвестной причине недолюбливал Яна и всегда придирался к нему. Поэтому его неприязнь и перекинулась на меня, так похожего на Яна. Рассказал Янек и о казусном случае, случившемся недавно в этом карьере. Шел он домой по улочке, из переулка навстречу ему вышли два человека, слегка выпивших. Один из них остановился перед Яном, внимательно посмотрел и с угрозой зарычал:

– Ах, ты, москаль проклятый, комиссаришка, снова попался на моем пути! Хочешь, чтобы я тебя окончательно уничтожил! – ударил Яна. Тот дал сдачи. Завязалась драка, их было двое – на одного. Плохо пришлось бы поляку, но выскочили полячки, отбили своего соплеменника. Когда незнакомец убедился, что Ян не москаль и не комиссаришка, а поляк, тот с неохотой извинился, на прощание, процедив сквозь зубы: "Одинаковы во роги батьковщины!"

Этот рассказ заинтересовал меня. На мой вопрос: "Не похож ли этот незнакомец на Чапаева из известной кинокартины?" – Ян ответил, что какое-то сходство есть, особенно усы. Высокий чернотусый.

Тогда я рассказал им о Василии Ивановиче Шпаке, старшине нашей роты, моих с ним взаимоотношениях, встрече в лагере тюрьмы Кировограда, лазарете военнопленных, его угрозе Чвалинским. Мои товарищи возмутились поведением такого подлеца, особенно Ян, когда узнал о неприятности, которую имела его семья от этого человека. Он загорелся сейчас же пойти и расправиться с этим подонком.

Мы были уже навеселе, поэтому долго упрасивать не пришлось. Нашли его в квартале русских, в углу стенки-обрыва карьера в халупе из материалов – ассорти. Шпак был дома, пил шнапс с другом. Наш приход не удивил его, так как здесь приход незваных гостей – обычное явление. Но, увидев вместе двух двойников, знакомых ему по обличию, Шпак растерялся, попятился, как от приведений, беззвучно шевеля губами.

– Что, товарищ старшина, испугался? Это мы, Ян и Иван, пришли к тебе за расплатой! – начал я первым наш разговор.

– Какая расплата? Что я вам сделала? – оправдывался Шпак, оправившись от шокового состояния.

– Забыл, господин оберполицай, лагерь – тюрьму в Кировограде, где ты свирепствовал над пленными, избил меня, бывшего бойца своей роты, или лазарет пленных в том же городе, где ты предал немцам честных врачей Чвалинских, родных вот этого поляка – показал я на Яна. – Ты преступник и мы тебя будем судить народным судом. Пусть народ сам расправиться с тобой!

Шпак безмолвно стоял, а его друг поднялся, взял свою кепку, пошел к двери, говоря:

– Извините, хлопцы, я тут ни при чем. Я не знал, что он был оберполицаем.

Его не держали. Настроение Шпака ухудшилось. Если уж его дружки покидают его, то народ карьера сейчас может расправиться с ним сурово. Это бывший полицай понимал и искал способ избежать этой беды. Наконец, предложил сесть, поговорить. Шпак, как хлебосольный хозяин, разлил шнапс в стаканы, предложил выпить. Никто к стаканам не притронулся. Молча ждали развязки. Начал Шпак:

– Все мы с вами люди. Хотим жить. Как все живое боремся за существование, приспособливаемся к обстановке, условиям жизни. И вы, навер-

ное, не без греха. Если бы повезло, не упустили бы шанс, поступили подобным же образом.

– Ах, ты гад! – не выдержал моряк Иван Трофимович. – Ты причисляешь себя к людям. Ты хуже зверя, если предаешь человека, который тебя лечит, спасает от смерти! Таких, как ты, надо уничтожать. Они хуже фашистов! И с тобой, паскуда, нечего церемониться! – размахнулся и с силой ударил Шпака в лицо. Тот повалился на пол, поднялся, вытирая кровь. Моряк еще раз обрушил на него удар своего страшного кулака, проговорил:

– Чтобы тебя, фашистский прихвостень, здесь не было. Увидим – повесим, как бешеную собаку! – повернулся и вышел во двор. За ним последовали и мы, оставив поверженного лежать на полу.

– Ну что, друзья, сегодня еще одно благое дело свершили. Наверное, тезка, для нас пока довольно. Пойдем домой отдыхать, – предложил мне моряк.

Проводили Яна до его халупы, тепло распрощались, пригласили его, вместе с подружкой к себе в гости. Уж очень понравился уют в ее маленькой квартирке, не то, что у нас – холостяков: всё разбросано, полы не метеные, посуда не мытая.

После нас побывали в “Москве” и наши товарищи. Первыми пошли дружки Василий Лынный и Дмитрий Толдин. Пробыли они там двое суток. Мы уже начали за них беспокоиться, но вернулись они живыми и невредимыми не одни, а с подружками. Случайно встретились там с землячками, познакомились и привели к себе. Жилище наше хохлушкам понравилось: и дом хороший, просторный и воздух чистый. Только беспорядок в доме был им не по нраву: не было в нем порядка и уюта, женского внимания. Дружки предложили им приходить, наводить порядок, создавать уют. Девушки воспользовались предложением, стали посещать наш домик, а затем и остались в нем. Им выделили отдельную комнату, благо их было много свободных. Через некоторое время наш москвич – бывший переводчик, и винничанин Женька Коталченко привели еще двух подружек. Теперь, было кому, заниматься нашим домом. Стало разнообразнее и наше меню. Оно уже стало из трех блюд. Девчата варили украинский борщ, лапшу с курятиной, даже украинские галушки, не говоря уже о мясных блюдах и компотах. Нам приходилось поневоле проявлять изворотливость в изыскании продуктов пи-

тания, так как получаемых нами по карточкам, выданных оккупационными властями, явно не хватало для всей компании. Приходилось втихомолку делать налеты на бауэрские усадьбы, приносить кур, уток и даже поросят. В те времена многие пленные и восточные рабочие занимались подобным промыслом. Немецкие крестьяне переживали, жаловались властям, но немецкая полиция только устанавливалась, еще боялась славян, особенно, нахальных русских. Оккупационные власти не обращали особого внимания на “шалости” бывших рабов Рейха.

Наша “Вилла у дороги” – бывшее общежитие дорожной полиции – была у всех на виду. Всегда ухоженная, спокойная, у немцев и американцев не вызывала подозрений в нарушении требуемого порядка. Свои набеги мы совершали ночью, реквизировали живность и продукты только у крупных фермеров, а у мелких бауэров покупали за марки или отработывали эти продукты, помогая крестьянам в их хозяйствах, а иногда и защищая их от ночных грабителей.

Нас уже знали не только “москвичи” из карьерного “шанхая” и крестьяне городских окрестностей, но вскоре заговорили и в городе.

Как-то мы с моряком заглянули к знакомому бауэру в попытке раздобыть у него овощей и кое-каких продуктов. Разговорились о войне, Гитлере, американцах, о будущем Германии. Старик – хозяин, все обхаживал моего друга, восхищался его ростом, силой, хвалил свое хозяйство, перспективу его будущего развития, только при условии наличия молодого работающего хозяина, сетовал на свою старость, одиночество. Расстроившись печальной участью, предложил Ивану остаться у него, жениться на его дочке вдовушке. Обещал передать ему все свое хозяйство. Моряк слушал старика крестьянина, благодарил за предложение, а затем ответил коротко и ясно:

Хороша страна Германия, а Россия – лучше всех! Хороши ваши вдовушки, а милее наших нет! Я моряк, а не крестьянин!

Немец, согласно кивая головой, подтвердил:

– Хороший ты, Иван человек. Правильно говоришь: Родина для человека – дороже всего на свете! Желаю вам, русским, счастья и благополучия! Затем что-то вспомнил, метнулся в дом, принес местную городскую газету, показал ему на второй странице статью, где крупными латинскими буквами был отпечатан заголовок русского слова “Раззява”.

– Прочти! Это о вас, русских пленных написано, как один из ваших соотечественников спас немецкого мальчика.

Моряк передал газету мне:

– Ты старшина, насобачился читать немецкие газеты. Переведи, что немцы еще пишут о нас.

На целой колонке описывалось, как один русский, рискуя жизнью, спас от смерти 3-х летнего немецкого мальчика, вытащив его буквально из-под колес американского джипа ехавших пьяных янки.

Автор хвалил русских, их человечность к побежденному вражескому народу, и корил американских солдат за их варварское отношение к детям и жителям немецкого города.

– Лихо написано, – резюмировал моряк – Писал, наверное, антифашист или даже коммунист. Ишь, как хлестко описал американских вояк. Надо бы с этим писателем познакомиться.

– Чтобы потом прославиться на всю округу? Здесь написаны только наши имена: “два Ивана”, а потом появятся и фамилии, – возразил я.

– Все равно немцы подумают, что это сделали русские пленные из “Виллы у дороги”. Видишь и написано: “хорошо одетые, ухоженные”. А кто из русских пленных одет лучше нас?

Старик – немец, видимо, поняв, что мы говорили о статье, поинтересовался:

– Не знаете, случайно, кто это мог сделать из ваших товарищей? А то тут написано, что их было двое, и оба были Иванами. А в России все Ивановы.

– Вот он спас мальчишку! ткнул в меня пальцем моряк. – А я был рядом с ним.

– О, как хорошо, что это сделали мои знакомые. Я всем расскажу о благородстве русских. Большое вам спасибо! – тряс старик наши руки в порыве благодарности.

На прощанье крестьянин уже бесплатно, дополнительно дал нам яиц и масла. Мы тепло распрощались со стареньким бауэром.

– Вот, что значит родная кровь. Ведь чужой же мальчишка для старика, а радуется, что спасли его соплеменника, – подвел итог моряк.

РАЗЗЯВА

А случилось это неожиданно и случайно.

В один из июльских дней мы с моим другом – моряком пошли в центр города побриться, постричься. В парикмахерской нас немцы вежливо обслужили, даже помыли нам головы, уложили волосы, подушили одеколоном. Ублагодаренные, мы не спеша, фланировали по главной улице города, осматривая витрины магазинов, прохожих. Многие могут не поверить, что русские пленные, даже после освобождения, могли жить в таких благоприятных условиях как мы. Они будут правы. Подавляющее большинство пленных и иностранных рабочих, особенно славян, жили в тяжелых условиях, ютились в хибарках “шанхаек” типа “Москва”, получали паек по карточкам, выдаваемым оккупационными властями.

Небольшой группе нашей штрафной команды № 1650, несколько повезло в этом отношении. Как известно, после разоружения наших конвоиров, и побега, по воле случая, или разумных действий моряка-капитана, старосты команды, Ивана Трофимовича, наша небольшая группа, не в пример остальным, не стала искать пристанища в чужих местах, а вернулись в свой лагерь, встретила там приход союзников, а затем заставила бывшего хозяина нас одеть, обуть, создать приличные жилищные условия, выдать карманные деньги, обеспечить продуктовыми карточками. В нашем домике “Вилла у дороги” мы жили как на курорте: просторные светлые комнаты, все коммунальные условия, с телефоном и радио. Получая продукты по карточкам и проявляя инициативу в дополнительном изыскании продуктов питания, мы хорошо питались, следили за своим видом.

Выданные нам американцами, при регистрации иностранных граждан, аусвайсы – небольшие картонные удостоверения с именем её владельца и наименованием его страны, – позволяло безбоязненно передвигаться не только по городу, но и его окрестностям.

Пришедшие к нам девушки создали еще лучший комфорт и уют в нашем доме. Мы отъелись, отмылись, стали шеголять в чистых, белых рубашках, при галстуках, лучше следить за собой, своей внешностью. Короче – стали походить на нормальных людей, ходить с гордо поднятой головой, свысока поглядывая на бывших своих угнетателей – немцев. Такая празд-

ная жизнь стала уже надоедать бездельем. Угнетали нас и мысли о доме, о родной стране, где, как нам казалось, хотя народ и радовался победе и окончанию войны, но неизмеримо бедствовал, а может быть и голодал. Помочь ему мы ничем не могли. Ждали своей репатриации в Россию. Самовольно пробраться в зону Германии, занятую советскими войсками, было бессмысленно: американцы не пропускали русских и славян в советскую зону, нас успокаивали скорой репатриацией, советовали набираться сил, что мы, пользуясь случаем, и делали.

И вот, в тот летний день мы бесцельно брели по главной улице города. Я в задумчивости шел по краю тротуара, а сосед – мой морячок – шагал рядом, разглядывая витрины магазинов, в которых предприимчивые немцы выставили всевозможные товары.

Впереди нас шла немка с ребенком лет трех, ковыляющего самостоятельно и игравшего небольшим резиновым мячиком, а мать, изредка взирая на дитя, подобно моему другу, взирала на витрины. Мальчик, в матроске, коротких штанишках и башмачках был увлечен игрой: ударял мячик по тротуару, тот подскакивал, мальчик ударял его ладошкой вниз, мяч ударялся о тротуар, снова подскакивал, ладошка ребенка снова возвращала его вниз. Этот процесс нравился мальшу, он повизгивал от счастья, что игрушка подчиняется его воле.

Ребенок даже обернулся в мою сторону, чтобы похвастаться, как он умело управляет мячом, но этот мимолетный поворот головы изменил горизонтальность ладошки и движение мяча. Мяч ударился о тротуар и полетел не вверх, а в сторону газона и покатился к асфальтированной дороге. Мальш бросился за ним, не замечая, что впереди по дороге мчался на большой скорости автомобиль. Не видела этого и мать, глаза на товары в витринах.

Мальш, перевалив через небольшой тротуарный бордюр, побежал за катившимся мячом, который уже скатился с газона на асфальт дороги. Еще момент – и мальчик выскочит туда же под колеса машины.

Мчавшийся американский джип с гогочущими американскими солдатами и немками я заметил раньше, обратив внимание, что он петляет по дороге. “Видимо пьяные союзники резвятся”, мелькнула мысль, а потом молниеносно: “Они же задавят ребенка!”. Меня инстинктивно выбросило вперед. В два-три прыжка достиг ребенка, уже ступившего на дорогу, схватил

его за матроску, рванул на себя. Машина обдала нас пылью, чуть не задела ног мальчика. В испуге я отшатнулся, инстинктивно прижал тело ребенка к себе, не удержался на ногах, упал навзничь, ударился головой о бордюр тротуара. Машина с гогочущими американцами промчалась дальше, а я лежал, прижав к себе ребенка. Все это произошло в считанные секунды. Мать ребенка и мой друг увидели нас уже на земле. Немка, увидев своего ребенка в моих объятиях, как волчица, с криком кинулась к сыну, вырвала его из моих объятий, прижала к себе с воплем: “Мой сыночек! Родненький мой!”, стала его целовать, еще до конца не поняв случившегося. А мой друг, видимо, видевший мой рывок и машину, нагнулся ко мне с упреком:

- И стоило тебе рисковать жизнью ради этого немченка?
- Но это же ребенок! – ответил я, стремясь подняться.
- Они же враги наши! – зло отрезал мой друг.
- Но мы же не звери! – также зло ответил я.
- Они с нашими детьми не нянчились! – не унимался друг.

Вокруг нас стала собираться толпа. Некоторые немцы видели, как один из двух хорошо одетых парней, буквально из-под колес американской машины выхватил мальчика и спас его от смерти; рассказывали собравшимся, показывая пальцем на меня, слушали наш злой диалог, определили, что спас мальчика русский.

Мать ребенка пришла в себя, слышала разговор немцев о спасателе его сына, повернулась ко мне со словами благодарности. Я, еще не остыв от злого разговора с другом, резко оборвал лепет немки:

- Раз-зьява! За ребенком надо смотреть, а не глазеть по сторонам.

То ли от моего резкого, злого ответа, то ли от грозного, искаженно-го моего лица, немка в испуге отшатнулась, еще крепче прижала ребенка к себе, который, не успев еще испугаться, раскрытыми глазенками смотрел на меня и столпившихся людей, которые почему-то осуждали маму и сочувствовали чужому дяде.

Отряхивая с пиджака и брюк сор, собираясь двигаться дальше, я провёл по затылку рукой, приглаживая волосы, почувствовал под рукой мокрое, посмотрел на ладонь, она была в крови. Это заметили немцы и мать ребенка. Она уже поняла, что несправедлива была к русскому, что соплеменники осуждают её за это. Увидев кровь, сочувственно произнесла:

– Да, вы же, ранены! У вас голова в крови! Пойдемте, я перевяжу и обработаю рану. Я врач!

– Обойдусь без тебя, раз-зьява! – огрызнулся я.

– Э, нет, друг! С головой не шутят. Рану нужно срочно обработать. Иначе ты можешь не увидеть свою дочь, – оборвал меня Иван.

Немцы тоже загалдели, подтверждая необходимость обработки раны.

– Пойдем! – тронул мой друг немку. – Где ты живешь?

– Здесь, недалеко отсюда, – уже обрадовано ответила немка, увводя нас от места происшествия и от толпы, которая еще обсуждала ротозейство матери и благородство русского варвара.

Жила немка, на самом деле, недалеко, в красивом трехэтажном доме. На лестничной площадке второго этажа немка открыла дверь своей квартиры, пригласила нас в просторную прихожую с несколькими дверями. Открыв одну из них, она ввела нас в гостиную с толстым ковром на полу, книжным шкафом, мягкими креслами вокруг журнального столика, диваном у стены и картинами на них.

Указав на кресла, попросила немного подождать, пока она уложит в постель дремавшего сына. Вскоре она вернулась с аптечкой, разложила инструменты на столик и занялась моей раной: обработала её, перевязала голову бинтом, сделала укол, заявив, что рассечена кожа затылка. Рана не опасная, скоро заживет, попросила меня снять пиджак, чтобы его почистить и зашить шов, лопнувший на спине.

Ушла с ним в другую комнату, вскоре принесла поднос с чайником горячей воды, банкой растворимого кофе, сахарницей, чашками с блюдцами и тарелку с бутербродами, попросила самим распорядиться едой пока она будет занята пиджаком.

– Богато живут, черти! – резюмировал друг, разглядывая банку с кофе. – Даже бразильский кофе пьют. Разграбили всю Европу и пол России.

– А я, кроме калмыцкого чая и ячменного кофе другого не пил, – признался я. – Даже не знаю, как его приготовить.

– Я баловался этим напитком, когда плавал на судах, – успокоил меня друг и стал наливать в кружки кипяток, насыпать ложечкой коричневый порошок кофе и сахар.

Напиток мне не особенно понравился, но после него я почувствовал легкость в теле, бодрость. Пока мы наслаждались едой и питьем, вернулась немка с очищенным пиджаком, уселась на свободное кресло зашить лопнувший шов. Окончив работу, она встряхнула пиджак. Из его кармана выпал бумажник, на пол посыпались фотографии. Немка ахнула, кинулась их подбирать, разглядывая. Подавая их мне, поинтересовалась:

– Это ваша фрау? – На мой кивок согласия, восхищенно проговорила – Какая красивая женщина! А это, наверное, ваша дочь? Какой милый ребенок! – указала она на вторую фотографию. – Только кто их так разорвал?

– Это сделал осколок немецкой мины, которой может быть, стрелял по нему твой муж, – указал на меня мой друг.

– Найн! Нет! Мой Фриц не мог этого сделать! Он журналист, Служил при штабе фельдмаршала Паульса. В Сталинграде сдался в плен. Он не стрелял, а писал статьи.

– Ну, если не он, так другой немец! – не унимался друг.

– Да, да! Конечно, кто-то из наших, – согласилась немка. – Много Гитлер причинил людям горя.

– Теперь вы все валите на Гитлера, а раньше радовались его победам и посылкам с фронтов войны, – не щадил мой друг немку.

Когда я оделся и мы собрались уходить, немка стала еще раз благодарить за спасение ее сына, спросила хотя бы имя спасителя. Я сказал, что меня зовут Иван, а моего друга зовут тоже Иван.

– О, два Ивана! Как же вас различить? Вы, – указала немка на меня, – будете Иван, а он, – указала немка на моего друга, – Гросс Иван. А меня зовут Ганни Ганс. Я работаю в городской поликлинике. Если вам нужна будет медицинская помощь, или разболится ваша рана, Иван, приходите ко мне на прием.

Уже на выходе из комнаты, немного смущаясь, обратилась ко мне:

– А что такое раз-звя? Не русское ли это ругательство?

– Нет, это хуже ругательства. Это... – и я раскрыв рот, расширив глаза, повертел головой в разные стороны, изображая разяву. – ... мать, бросившая своего ребенка без присмотра!

– Да, вы правы! Я проворонила своего сына. Правильное слово! Я и есть раззява! – засмеялась немка, пожимая на прощание наши руки и повторяя: – Большое вам спасибо!

Мы вышли на улицу. Охота бродить по городу пропала. Чем занять день – не знали, поэтому уселись на первую попавшую скамейку продумать дальнейшие наши действия и проанализировать происшедший инцидент.

Я, скрупулезно продумав весь процесс со спасением ребенка, и особенно момент, когда какая-то сила помимо моей воли бросила меня к мальчику, заставила выхватить его буквально из-под колес машины, рискуя самому попасть под неё, вспомнил наш диалог с другом, его слова о напрасном риске ради какого-то немченка и мой ответ. Я и сейчас не был согласен с ним и радовался, что у меня, где-то в глубине души еще остались человеческие чувства. Этому открытию я был рад. Я сидел и улыбался.

– Чему ты улыбаешься? Немочка понравилась? Симпатичная бабенка! – прервал молчание мой друг.

– Немка ничего, приятная, – согласился я. – Но ни она, ни другие женщины не вызывали у меня ни чувств, ни желания. Меня, Ваня, мучает какое-то безразличие, душевная пустота: как будто я старик или евнух. Понимаю, в плену такое состояние – явление естественное: полуголодное существование, скотские условия жизни, борьба за выживание убило у нас человеческие чувства, опустошило наши души, озлобило, сделали зверями.

Но сейчас, после освобождения, мы отъелись, отмылись, оделись в хорошие костюмы, живем, как в санатории. Пора бы оттаять душой, но я не чувствую этого. Часто возникает мысль: неужели я так озверел, что навсегда лишился человеческих чувств, жалости, сострадания, любви. Мне становится страшно!

Вот смотрю на Василия Лынника – парень перенес не менее моего: потерял родных, хлебнул горя в плену, озлобился на немцев, готов их перебить, а все же завел себе подружку, любит её. А у меня пусто в душе, нет чувства даже к жене своей, к дочке. Вспоминаю о них без душевного трепета, как о посторонних людях. А ведь, как я любил свою жену! Жизнь готов был отдать за неё! А сейчас – пусто в душе моей. Как я вернусь к ней таким чужим и безразличным?! Может, со временем, восстановятся мои чувства к ней? Как ты думаешь?

А в отношении моей улыбки, так это я вспомнил твои слова о риске жизни ради немченка. Может ты, в какой-то мере и прав, учитывая, что немцы – фашисты, заклятые наши враги, но с человеческой точки зрения у тебя проявился звериный инстинкт мести, как у Василия Лынного.

Своему поступку я обрадовался и очень доволен, потому что во мне, помимо моей воли, проскочила искра человеческой жалости, сострадания к малому, беззащитному существу, инстинктивно бросило меня на спасение неразумного дитя от грозящей ему опасности.

Я рад, что это чувство осталось во мне. Радуюсь и надеюсь, что и остальные чувства восстановятся. Ведь, мы же люди, дорогой мой. Не звери, не фашисты, а русские люди широкой души! – с пафосом закончил я свой монолог.

Иван Трофимович с удивлением слушал исповедь, затем, похлопав по плечу, стал меня успокаивать.

– Не переживай, солдат, – это естественный процесс при экстремальных условиях жизни, особенно в боевых условиях, на войне, когда идет борьба за выживание. Медики называют это синдромом войны. Человеческие качества ты начал терять, когда убил первых немцев. У тебя уже начал проявляться звериный инстинкт самосохранения: или я убью или погибну. В плену чувство самосохранения проявлялось более активно. Выживали более сильные, выживали физически, но умирали духовно. Особенно душевной деградации подвергались интеллигенты, люди умственного труда, а простому народу, как Вася Лынный и в плену нечего душевного терять, он боролся за физическое существование, поэтому он злой к немцам и любезен к подружке.

Ты не волнуйся, не переживай. Придет время – все станет на свои места. У тебя, дорогой мой, с психикой не в порядке. Меньше надо думать и переживать. Вот ты думаешь, каким вернешься к жене, боишься, что любовь твоя к ней прошла, а уверен ли ты, что скоро к ней вернешься, а если и придешь домой, то будет ли она ждать тебя, не вышла ли она давно уже замуж?

Меня, друг мой, это беспокоит больше всего. Во-первых, мы с тобой пленные. А что такое плен? Американцы говорят, что это – продолжение службы солдат в армии, в условиях власти противника. Они своих военно-

пленных сразу же освободили из лагерей, обули, одели, выдали денежное довольствие и отправили домой, на Родину, лечить от этого синдрома.

У нас, в Союзе, понятие о плене другое. Мы не признаем пленных, не признаем международной конвенции о военнопленных. У нас их не должно быть, а если они и будут, то это будут трусы и предатели. Но как видим, таких оказалось миллионы. Трусов и предателей из них единицы. Остальные – честные и преданные советские люди. Кто из них честный, кто предатель – придется разбираться соответствующим органам, выявлять тех, кто и в плену был солидарен с немцами.

Представляешь, какое чистилище нам предстоит пройти, доказать, что ты не верблюд. Это правильное и нужное дело. Каждый должен получить заслуженное: одни дослужить свой срок в армии, другие – вернуться домой, восстанавливать разрушенное хозяйство, третьи – отбывать наказание за свои проступки. Мы не знаем, товарищ старшина, куда нас определят. Перед своей совестью мы чисты, а вот с позиции солдат-победителей или органов “смерш” – “Смерть шпионам”, – созданных в Союзе во время войны, мы – преступники, так что не питай иллюзий о скорой встрече с женой. И второе: если даже вернешься домой, то встретит ли тебя супруга? Ведь уже пять лет, как о тебе нет известий и ты числишься без вести пропавшим. Никто из наших близких и жен не знает даже, живы мы или погибли на фронте или в плену.

Вот уже три месяца, как кончилась война с Германией, мы не можем сообщить родным ничего о себе. Как видно, наша репатриация задерживается, весточки о нас наши родные могут получить в лучшем случае к концу года, когда вера их в нашу жизнь иссякнет. Родные отслужат по нас панихиду, а жены, если еще ждавшие – выйдут замуж. Приедем, дорогой друг домой, а встретят нас только родные мамы. Не верю я женам, особенно молодым, красивым, в их верности. Я знаю много примеров, когда некоторые жены без вести пропавших моряков Черноморского флота в начале войны поторопились обзавестись новыми мужьями. Конечно, я не исключаю верности части жен, но это уже – большая любовь или важные обстоятельства.

Так, что, друг мой тезка, не переживай об отсутствии чувств. Думай лучше, как нам скорее выбраться из этой проклятой Германии и оказаться

на Родине. Знаю, там будет не сладко, но зато будем вместе со своим народом залечивать раны войны.

Что касается спасения мальчишки, не говори никому из наших – затюкают! Они не любят копаться в психологии, особенно Лынник и Толдин. Скажем, что поскользнулся и упал. Меня извини за резкость в отношении твоего поступка. Если бы ты не попытался спасти ребенка, то был бы подлецом в моих глазах.

Так ответил мой товарищ на вопрос о деградации моих чувств, предложив после такой приятной беседы пойти домой и выпить шнапса для поднятия тонуса жизни.

Об этом случае мы никому не говорили и стали сами забывать, но статья в газете почему-то больше подействовала на моего друга. Моряку понравился стиль и хлесткость статьи, обвиняющей распоясавшихся американских солдат во вседозволенности показывающей благородство русского пленного. Ему захотелось познакомиться с автором статьи, коего могла знать раззява Ганни Ганс, рассказавшая ему о спасении своего сына русскими Иванами. В поисках смелого автора вскоре мы и отправились по известному нам адресу.

ИЗДАТЕЛЬ

На наш звонок дверь открыла сама хозяйка в домашнем халатике и тапочках, Увидела нас, растерялась, видимо, стесняясь своего вида, хотела даже прикрыть дверь, но передумала – распахнула, с улыбкой пригласила входить. Не разуваясь, как и в первый раз, мы вошли в гостиную, где на одном из кресел сидел пожилой немец с ребенком на коленях.

При нашем появлении, он встал, не опуская с рук спасенного мною мальчика. Хозяйка сразу же представила его нам:

– Это издатель нашей газеты “Райне Цайтунг” и дядя моего мужа – Вильгельм Краузе, а это кивнула она в мою сторону, – русский Иван, спасший моего сына, а этот, – кивок в сторону моего друга, – Гросс Иван. О них я вам говорила.

– Очень приятно с вами познакомиться, молодые люди! – передавая ребенка матери, проговорил немец, крепко пожимая нам руки и пристально разглядывая нас.

Я тоже изучал немца. Был он среднего роста, худощав, с большой лысоватой головой и усиками под Гитлера. Лицо его показалось мне знакомым, но где я его мог видеть – не мог припомнить.

Оглядев нас обоих, немец довольный произнес:

– Вот вы какие, русские богатыри! Права моя племянница – рост и сила у вас сочетается с интеллигентностью и человечностью, не в пример хваленным американцам. Я не ошибся в своей оценке!

– Так это вы написали статью “Раззява”? – догадался Иван Гросс.

– А что, она вам не понравилась?

– Да нет, написана она лихо, смело. Не бойтесь реакции оккупационных властей? Ведь вы их солдат изобразили обнаглевшими завоевателями.

– Спасибо, что и вы поняли смысл статьи, – отвечал издатель на реплики моего друга. – Это я и хотел доказать немцам – нашим жителям. Уж слишком самонадеянны и нахальны наши “освободители”. Ведут себя, как в индейских резервациях.

Я хотел, чтобы мои соотечественники поняли разницу между освободителями от фашизма русских, с которыми мы начали войну и колонизаторами американцами, нажившими капитал на этой войне.

Ждал реакции читателей. Не рассчитывал, что она будет такой бурной. Тираж газеты раскупили моментально, телефон раскалится от звонков: все хотели узнать о русских, спасших немецкого мальчика, и американских солдатах, чуть не убивших ребенка. Просили написать о реакции оккупационных властей на случившейся инцидент. Я поспешил сюда, к Ганне Ганс. Она к вашему сведению жена моего племянника Фридриха Ганса, работавшего до армии репортером в моей газете. Поспешил, чтобы узнать подробности о русских, спасших жизнь её сына, так как первый ее рассказ был слишком эмоциональным и кроме: “русские Иваны”, она ничего не могла мне сказать.

На счастье, вы сами пришли ко мне. Видно, так угодно господину случаю.

Не возражаете немного побеседовать со старым, назойливым немцем? Ганни мне говорила, что вы не особенно жалуете нас, немцев. Она говорит, что чуть не умерла от страха, когда спаситель сына, со злостью в лице грубо накричал на нее, обозвал раззявой и еще какими-то словами.

Извините нас. Я понимаю ваши чувства неприязни к нам – немцам. Мы столько причинили вам неприятностей, особенно русским пленным. Я даже простил одному русскому, который встретил меня среди белого дня на дороге, сбил с велосипеда и стал избивать с криком, что перебьет всех фашистов! На мои крики, что я не фашист, пьяный русский свалил меня на землю и со словами: – “Все вы сейчас коммунисты!” – стал избивать меня ногами. Пожалуй он убил бы меня или, в крайнем случае, изувечил, если бы не появился второй русский, который накричал на пьяного, отбросил его в сторону, поднял меня на ноги, сунул в руки велосипед и, показав на дорогу, посоветовал поскорее уезжать, что я и сделал.

– А вы знаете, герр Краузе, что у русского, который вас избивал, немцы уничтожили родителей, жену и детей, – вставил я реплику.

– Да, я это понял, поэтому и кричал, что я не фашист. Тот русский был прав: много мы – немцы причинили вам несчастья и в стране и здесь в Германии. Но поймите – фашисты – не весь народ Германии. Здесь много нормальных людей, одураченных Гитлером, идеологией нацизма.

– А не вы ли были вторым русским? – глядя на меня, задал вопрос немец. – Лицо ваше я где-то видел!

– Гросс Иван приказал мне проследить за нашим товарищем, чтобы он не наделал больших глупостей – кивнув в сторону друга, ответил я.

Немец с детским восторгом, всплеснув руками, прокричал:

– Ганни! Оказывается, твои знакомые Иваны спасли жизнь не только сыну твоему, но и его дедушке!

Вошла хозяйка одетая в платье, причесанная, в туфлях на каблучках, с удивлением и каким-то кокетством уставилась на нас, как бы приглашая, наконец-то, обратить внимание и на нее.

– Неужели, дядя, это они спасли вас от расправы? Какое неожиданное совпадение!

– Представь, дорогая, что это так. А по этому случаю, подай нам выпить, закусить. У русских ведь принято гостей угощать едой и выпивкой. А чем мы хуже их!

Немка ушла, а Иван, толкнув меня в бок, проговорил: – Эта тоже из кошачьей породы, не зная о судьбе мужа, уже нарядилась, и навела макияж, красуется перед нами.

Немец видимо понял смысл слов друга и заметил его кивок в сторону племянницы, как бы в оправдание ее поступка заметил:

– Каждая женщина старается быть красивой, понравиться мужчине. Даже старухи подкрашивают дряблые губы, красят седые волосы. Уж такая женская порода.

Вскоре хозяйка установила на журнальный столик, вокруг которого мы сидели на мягких креслах, поднос с бутылкой французского коньяка, маленькие коньячные рюмочки, тарелки с бутербродами. Немец удовлетворенно хмыкнул, но все же заметил:

– Ганни, у русских не принято пить наперстками. Водку они пьют стаканами. Замени пожалуйста рюмочки на стопки.

– Неужели, дядя, – повела она глазами на нас, – они водку пьют стаканами? Это же смертельно опасно!

– Для нас, дорогая, это опасно, для них – это норма. Природа и уклад жизни заставляют их много есть и пить. Не беспокойся, от этой бутылки они не опьянеют.

– Майн гот! Мой бог! – удивилась немка, устанавливая стопки.

– Ну, а сейчас, дорогие друзья, давайте познакомимся поближе, побеседуем за рюмкой этого чудесного коньяка на интересующие нас темы! – поднял первый тост издатель газеты.

Коньяк был и в самом деле превосходный, вкусны были и бутерброды. Обычно откровенный разговор у мужчин начинается после третьей стопки, но немец начал свое интервью, как он выразился, после первой. Был он, видимо, хорошим репортером, знатоком человеческих душ и психологом, так как умело заставил разговариваться, рассказать о себе, войне, плене, последнем лагерном прибежище, о довоенной жизни в Союзе, колхозах, Сталине.

Естественно, никаких тайн и секретов не выпытывал, просто хотел знать мнение простых людей по интересующим его вопросам.

Узнав, что последнее время мы работали в штрафной команде 1650, у Вилли Келлера, заявил:

– Знаю этого подлеца. Отъявленный мерзавец и эксплуататор, хотя и выглядит безобидным поросеночком. Он уже давно на чужом труде зарабатывает себе капитал. Удивляюсь, как это он вас одел в костюмы, поместил на жилье и даже выдал карманные деньги. Видимо сильно испугался вашего нашествия. От вида одного Гросс Ивана у него, наверно затряслись поджилки. Этот тип не пропадет при любой власти. Ну я его теперь раздраконю в своей газете!

Наша встреча уже дала положительный результат: ещё одному врагу своему мы отомстим. Жаль, что издатель ничего не знал о его мастере – нацисте.

Должен сказать, что наша беседа за журнальным столиком, и с немцами вообще, была не столь гладкой, как мною описано, так как наши собеседники по-русски не понимали или, как и мы, знали не так уж много слов и фраз на чужом языке. Но в сочетании с мимикой и жестами мы довольно сносно понимали суть разговоров и бесед. Такая форма общения создавала своеобразную радость и пикантность беседы даже на сложные темы.

Писать слова и фразы, произносимые в разговорах, было бы утомительно для читателя, поэтому я передаю смысл разговоров и бесед так, как я его понимал.

Кроме обыденных вопросов, немец стал интересоваться политикой Советского государства, политическом строе, развитием народного хозяйства в последние годы. Свой интерес он объяснял желанием понять причину победы Советского Союза в войне с фашистским агрессором. Его удивляет феномен русского народа, когда практически разгромленная в первые годы войны промышленность, за короткий срок создает столько первоклассной военной техники, что, по сути, без помощи союзников, позволяет Красной Армии уничтожить могущественную империю Германии. Что это, гений Сталина, сила коммунистической идеологии или воля и сплоченность всего советского народа? Как он выразился: многие умные люди уже сейчас спорят по этим вопросам, в будущем историки, тем более, будут ломать копыя.

– Господин Краузе, – включился в разговор морячок, – Вы, как будто бы, умный человек, журналист, должны знать причину поражения Наполеона в 1812 году в войне с Россией. Это – свободолюбие русского народа. Тогда, как и сейчас, все население великой державы, независимо от режима, встало на защиту своей Родины против озверевшего агрессора.

Большую роль в нынешней победе сыграла и идеология коммунистической партии. Наш народ строит новое бесклассовое общество. Мы только начали лучше жить, а вы немцы, навязали нам войну. Мы верили и верим, что будущее народов в новой социально-справедливой формации – в социализме. Ради этого все народы нашей страны защищали Советскую власть. В авангарде защитников шли коммунисты – передовая часть многонационального Союза.

Наш народ верит в коммунистическую партию, в ее вождя Сталина. Его твердость руководства и политический ум, способствовали нашей победе.

– Да вы, Гросс Иван, превосходный большевистский агитатор! Вы, наверно, коммунист? -

– Во-первых, я русский и бывший коммунист, так как нахожусь в плену – уже резко ответил немцу друг.

Наступила неловкая пауза. Чтобы разрядить обстановку немец налил в стопки коньяку, поднял свою:

– Вы извините меня, Гросс Иван, я не хотел вас обидеть. Меня поразила ваша непреклонная вера в будущее социалистического строя, в коммунизм. Если в Советском Союзе хотя бы треть людей с подобным убеждением, то он не победим!

Теперь мне понятна причина стойкости советских людей в этой тяжелой войне. Победа над фашизмом – это не только поражение нацистской идеологии о превосходстве арийской расы над другими, но и преимущество социалистического строя, при котором сосредоточены материальные и людские ресурсы воедино, перед другими государственными устройствами. Можно ожидать, что в странах Восточной Европы, освобожденных Красной Армией, скоро создадутся государства с социалистическим строем.

Не знаю, что будет с Германией? По всей вероятности, ее разделят на части, одна из которых отойдет к Советской России, а в Западной части

будут господствовать американо-английские капиталисты. Кто из них лучше – покажет время. Во всяком случае, немцам не лучше будет при любых правителях.

Вы скоро уедете домой, залечивать раны войны, достраивать свой социализм, а мы – немцы будем расплачиваться за свои грехи, за чрезмерную веру в Гитлера и его клику о величии немецкой нации, надежды на мировое господство.

Немец замолчал. Видимо, он утолил свое любопытство и продолжать беседу ему было неприятно. Наполнив стопки, издатель сообщил нам приятную новость:

– Недавно узнал, что в наш город приехала советская репатриационная миссия. Сейчас она с союзным командованием подыскивает место сбора советских граждан для их учета и репатриации. Так что, вы скоро вернетесь на Родину, встретите своих родных и близких. Желаю вам счастливого возвращения и, как говорят у вас: “Выпьем на посошок!” – поднял рюмку, чокнулся, залпом выпил вместе с нами до дна, показывая свое благожелательное отношение к нам, русским, а может быть, предупреждая, что гостям пора и честь знать.

Именно мы так и поняли. Поднялись, поблагодарили хозяев за гостеприимство, приятную беседу. Краузе и Ганни Ганс проводили нас до парадного подъезда.

РЕПАТРИАЦИЯ

Издатель Краузе оказался прав о приезде в наш город репатриационной миссии Советского Союза. Через день после нашего разговора с ним мы увидели двух советских офицеров, ехавших с американцами в их джипе. Наши были в новой, невиданной нами форме, с погонами на плечах, с орденами и медалями на груди, точь-в-точь, как показывали офицеров царской армии в кинофильмах. Держались наши с достоинством, взгляд был гордый, независимый: глядите, мол, какие мы русские воины – победители! Не знаю, как немцы, а мы гордились нашими воинами!

Через некоторое время появились объявления и передачи по радио: “Всем гражданам Советского Союза прибыть на сборный пункт в городе Гревен для репатриации на Родину”.

Зашевелилась наша братва: потянулись группки и одиночки советских людей с котомками и чемоданами к железнодорожному вокзалу, чтобы добраться до Гревена. Благо, был он от нашего города в нескольких десятках километров. С сожалением покинула наша команда обжитое логово, всей гурьбой направились на новое место сбора, где нас, вопреки мрачных ожиданий, разместили на постой в трех немецких домах со всеми удобствами. Нам, четырем холостякам, досталась удобная комната с койками и чистой постелью в квартире старой немки.

В этом же городе, в центре, разместилась и наша репатриационная миссия из нескольких офицеров и взвода солдат. Сначала нас не беспокоили: зарегистрировали, выдали талоны на продукты, по которым можно было питаться в городских столовых или отовариваться в магазинах. Ждали, пока соберется большая часть репатриантов, зарегистрированных у американцев. Но не все из них спешили на сборный пункт. Иные переживали, стремясь узнать возможные последствия возврата. Были такие, кто боялся возмездия за предательство, жестокость в лагерях военнопленных или службу у немцев. Наши представители требовали от союзников репатриации всех советских граждан. У тех такого желания не было, поэтому наши офицеры мотались по всей округе, собирая своих соотечественников.

Всех прибывающих регистрировали, бывших военнопленных зачисляли в роты, батальоны, назначая из них же командиров подразделений. Гражданское население размещали по группам, с учетом их прежнего места жительства. Военные занимались строевыми учениями, политзанятиями, несли караульную службу, патрулировали улицы, следя за порядком в городе. В остальное время репатрианты были свободны, занимались своими делами. В городе порядок соблюдался строго. Провинившихся репатриантов строго наказывали, вплоть до ареста и заключения на гауптвахту. Происшествия были незначительными. Все старались показать себя законопослушными гражданами, следили за особенно неблагонадежными, сами наказывали провинившихся. Кроме общественного воздействия, общего патрулирования, каждая часть города была закреплена за военным подраз-

делением репатриантов, проживающих там. Она несла ответственность за порядок в своей зоне.

Такая организация дисциплинировала не только русских жителей, но и немцев, оставленных в городе для обслуживания репатриантов, а также позволяла следить за чистотой и санитарным состоянием города.

Подобный порядок был оговорен нашей миссией с союзной администрацией после тщетных попыток найти удобное место для сбора репатриантов. В бывших лагерях военнопленных американцы разместили пленных немецких солдат. Место сбора наших граждан долго искали во всей округе. После долгих споров выбрали небольшой городок, приказали немцам освободить его на время от лишних людей, оставив лишь часть населения для обслуживания русских репатриантов и обеспечения работы коммунальных служб и пунктов питания. Вся ответственность за порядок и сохранность имущества немцев возлагалась на советскую миссию. Так был создан сборный пункт. Немцам ничего не оставалось, как выполнить требование союзников, разместить всех репатриантов в домах горожан и обеспечить им человеческое проживание. Была организована русская комендатура, коей подчинялись немецкие городские власти.

Таким образом, в западной части Германии в городе Гревен временно был образован оазис советской земли. Наша комендатура понимала политическое значение этого "оазиса", поэтому создавала не только приличные условия проживания советских граждан, но и следила за дисциплиной и порядком в городе.

Основная задача миссии состояла в том, чтобы как можно больше вернуть на родину советских людей и не дать союзникам возможности оставить их на Западе.

К репатриантам относились доброжелательно. В начале, правда, случился казус, к счастью, исправленный начальником миссии. В первые дни, когда на сборном пункте собралась значительная часть репатриантов, особенно бывших военнопленных, на городской площади собрали митинг. На устроенный помост поднялись подполковник и капитан, оба с погонами и орденами. Первым с речью почему-то обратился капитан. Ожидали, что этот боевой командир скажет приятное, душевное, обнадеживающее, но он с первых слов огорошил нас:

– Соотечественники! Красная армия разгромила фашистские войска Германии, освободила народы мира от коричневой чумы, а вас от вечной неволи! Теперь вы должны смыть свой позор плена, работу на врага, своим честным трудом по восстановлению нашего народного хозяйства!

Вздых негодования и отчаяния всколыхнул толпу. Послышались крики:

– Снова штрафные лагеря, лесоповал?

Толпа загудела, забурлила...

Подполковник, отгеснил капитана, поднял руку:

– Товарищи красноармейцы, советские граждане! Капитан немного погорячился. Он привык в особом отделе иметь дело с предателями и преступниками, не учел, что сейчас здесь стоят солдаты Красной армии, попавшие в плен и неволю не по своей вине. Есть среди них и предатели, но их единицы. Остальные – это честные, преданные граждане Советского Союза, претерпевшие мучения в фашистской Германии. Теперь вы свободные граждане нашей страны. Пребывание в плену считается службой в армии в особых условиях. Звания и награды у всех сохраняются, за исключением конечно, предателей, выявить которых мы обязаны, в чем, надеюсь, вы можете.

Что касается восстановления народного хозяйства, то кроме нас делать это некому. Все демобилизованные, в том числе и вы, вернетесь домой, и будете восстанавливать свои хозяйства. Так что вы сейчас солдаты Красной армии, обязаны подчиняться ее законам, воинской дисциплине, организованно вернуться на родину.

Вздых облегчения прокатился по толпе. Это меняло дело. Они придут на родину солдатами, а значит, будут иметь равные права и не будут изгоями. Конечно, будет тщательная проверка всех пленных специальными органами. Это естественный процесс в любом государстве. Митинг закончился умиротворенно.

Проверка началась уже в этом сборном пункте. Занимался этим капитан особого отдела миссии, представитель смерша. Он, при регистрации, вызывал каждого в кабинет, заполнял анкету, заставлял подробно написать о пленении, концлагерях, работе в них и о своих товарищах, которые могли подтвердить эти данные.

Хорошо, что у меня, в маленьком блокнотике были отмечены даты и места проживания в концлагерях, а также фамилии и адреса моих товарищей по несчастью. Короче – на каждого репатрианта заводилось специальное дело, которое сопровождало его до самого места жительства, пополняясь новыми данными. Мы тогда думали, что проверка нас на этом закончится, но сильно ошибались. Более тщательной она была на родине, отправки куда мы с нетерпением ожидали. Воинские занятия в какой-то мере разнообразили дни ожидания.

Как-то, в начале августа, когда наша рота дежурила в комендатуре, мой друг моряк – командир этой роты – передал, что меня вызывают в штаб сборного пункта, который размещался в соседнем здании. Там мне сообщили, чтобы срочно явился к подполковнику – начальнику миссии.

Он сидел в своем кабинете за рабочим столом, а напротив, на мягких стульях, сидели Вильгельм Краузе с невесткой. Как положено, я доложил о своем прибытии по его вызову. Гости, увидев меня, заулыбались. Подполковник, заметив это, отложил в сторону газету, которую до этого читал, указав на меня спросил сидящих по-немецки, почти без акцента:

– Это ваш знакомый, спасший вашего ребенка?

– Я, я! – одновременно подтвердили немцы.

– Что ж, товарищ репатриант, прочитал статью о вашем поступке.

Он достоин похвалы. Так должен поступать советский воин: уничтожать врага в бою, быть милосердным после победы. Мы, ведь, воевали не против немецкого народа, а с оголтелым фашизмом. О вашем поступке я доложу начальству. А сейчас у меня к вам просьба: ваш знакомый газетчик Краузе решил написать статью о нашем сборном пункте, жизни репатриантов и отправке их на родину. Он готовит для этого материал.

Покажите ему вашу жизнь, быт, покормите в столовой. Вот вам разовые талоны на питание, – протянул мне три талона, а затем, повернувшись к газетчику, пообещал: – А вашу просьбу, господин Краузе, постараюсь по возможности выполнить и сообщить о ее результатах, – встал, пожал на прощание немцам руки, которые, отвечая на рукопожатие, горячо благодарили такое высокое советское начальство многочисленным: Данке! Данке!

На улице немец спросил меня о Гросс Иване, с которым он хотел бы попрощаться. Я повел гостей в дом, где мой друг с нетерпением ожидал моего возвращения.

Увидев нашу компанию, он удивился:

– Господин Краузе! Что привело вас в наш лагерь?

Немец с охотой объяснил, что недавно к нему в редакцию заехал советский офицер с просьбой напечатать в газете объявление об организации пункта сбора советских граждан для отправки их на родину. На прощание офицер пригласил издателя посетить сборный пункт. Об этом Краузе поведал своей невестке, которая надоумила его встретиться с самим начальником и попросить его узнать о судьбе своего племянника – её мужа, находящегося в лагерях военнопленных в России. Под предлогом подготовки статьи, он вместе с Ганни Ганс и прибыл к самому подполковнику, захватив газеты о поступке двух русских военнопленных. Подполковник любезно их принял и долго беседовал с ними на чистейшем немецком языке, похвалил обе статьи и поступок советских солдат.

– Мы не ожидали, что у вас такие умные, культурные и простые военачальники, не в пример нашим солдафонам! – светился счастьем газетчик.

Я рассказал своему командиру о поручении подполковника, предложив принять участие в этом деле.

– Не могу, дорогой мой, помочь тебе. Сейчас капитан готовит списки на отправку первого эшелона бывших военнопленных на родину. Хочу включить тебя и наших товарищей. А мне, видимо придется здесь еще куковать, так как капитан зачислил меня в состав своей команды. Так что извини, брат, быстрее разделяйся с немцами. Вечером, наверное, сделаем прощальный ужин.

Весть эта меня обрадовала и огорчила, что мы не сможем уехать вместе. Немцам он сказал, что не может уделить им больше внимания: теперь он военный человек, не может располагать своим временем.

Немцы поняли моего друга, тепло распрощались с ним. А мы сели в старенький автомобиль газетчика, на котором он приехал сюда и направились выполнять данное мне поручение.

Сначала заехали к нам на квартиру. Немке понравилась комната, чистота и порядок, заправленные койки с белоснежным бельем, чистый пол с

ковровыми дорожками. Хозяйка хвалила своих постояльцев за их примерное поведение, доброжелательное отношение к ней, спокойность и порядок в городе.

Потом мы посетили еще несколько квартир, где хозяева тоже хорошо отзывались о своих постояльцах, спрашивали немца, кто же и когда им будет платить за наем их помещений и уход за русскими. Газетчик пожимал плечами, предполагая, что все затраты должны возмещать немецкие городские власти, как побежденные.

Заскочили в городскую баню, где некоторые наши соотечественники мылись. Под конец, поколесив по городу, остановились у городского ресторана, где нас, к моему удивлению, любезно пригласили. А узнав, что приехавшие немцы из газеты, за наши талоны накормили вкусным обедом, в дополнении ко всему поставили даже бутылку хорошего вина. Газетчик был доволен увиденным; радовалась хорошим приемом и надеждой получить известие о судьбе мужа и наша "Раззява".

Уже у нашего дома, когда мы прощались, немец вынул из "бардачка" машины свою книгу на немецком языке, написал на заглавном листе: "Моему русскому другу Ивану в память о нашей встрече и интересных беседах от автора Вильгельма Краузе", подарил ее мне, не предполагая, что этот подарок усложнит мне очередную проверку в фильтрационном лагере уже на нашей территории, под Кенигсбергом.

Немка, глядя на дядю, тоже стала рыться в своей сумочке, чтобы что-то подарить на память спасителю ее сына, но ничего не нашла подходящего, кроме небольшой своей фотографии, на обороте которой и написала, на всякий случай, свой адрес, фамилию и имя, тоже не предполагая, что карточка впоследствии причинит много неприятностей моей жене и мне. Естественно, я поблагодарил обоих за подарки. Пожелав друг другу счастья и благополучия, мы тепло распрощались. Я не знаю, написал ли немец статью о сборном пункте, но судя по отзыву обо мне подполковника, присланного им в фильтрационный лагерь, статья была хорошая, так как все возникшие недоразумения были благополучно разрешены.

Вечером мы организовали прощальный ужин. Выпили, вспомнили проведенное вместе время, помечтали о возвращении домой к женам, семьям, родным. Никто не знал, когда и какой будет эта встреча. Всех удру-

чала неизвестность. Даже моряк, сумевший включить нас в первый этап отправки, не мог узнать маршрут наших эшелонов. Сказал только, что для ускорения репатриации руководство миссии сообщило союзному командованию о необходимости срочной отправки бывших военнопленных солдат на Дальний Восток для оказания помощи американцам в войне с Японией. Ради этого союзники нашли вагоны, паровозы и все необходимое.

На другой день стали окончательно формировать команды к отправке, а еще через день стояли уже два эшелона теплушек, в которых еще совсем недавно направляли немецких солдат на восточный фронт, а сейчас в них повезут русских пленных помогать американцам в их затянувшейся войне с японцами.

На дорогу нам выдали недельный сухой паек. В пестром одеянии, с котомками и чемоданами, повзводно и поротно нас разместили в вагоны, а ночью отправили в дальний путь. Проводы были скорыми: оставшиеся товарищи и друзья пожелали счастливого пути, скорой встречи на родной земле. Тепло простились и мы с нашим другом – моряком Иваном Трофимовичем, оставшимся готовить новых людей к отправке на Родину.

Союзники давали нам “Зеленую улицу”, чтобы русские парни скорее вступили в бой с проклятыми япошками. Территорию Германии, занятую союзниками, мы проскочили быстро. Здесь не было больших разрушений: немецкие войска почти без боя сдавали союзникам свои позиции. Только в больших городах были заметны разрушенные строения от воздушной бомбардировки.

В восточной зоне наше продвижение замедлилось, так как здесь разрушения населенных пунктов и транспортных коммуникаций были значительными. Видны были ожесточенные бои Красной Армии с фашистскими войсками.

Кроме того, железнодорожные пути были перегружены эшелонами с демобилизованными советскими солдатами и освобожденными из концлагерей гражданами Союза, а также поездами с техникой и оборудованием немецких заводов. Все двигалось на восток, в Россию.

Проскочили Польшу с ее лесами, болотами, лоскутными крестьянскими наделами, хуторами, костелами и многочисленными крестами с распятым изваянием Христа. Везде реяли флаги Польши и Советского Союза.

В Восточной Пруссии нас поразило отсутствие немецкого населения. В городах и поселках видны были только русские солдаты да гражданские лица. В Кёнигсберге железнодорожная станция была многолюдна. Прибывали поезда с Востока и Запада. Здесь грузы перегружались из одних вагонов в другие или сгружались в пристаничные склады. Отсюда на восток отправлялись только железнодорожные составы для широкой дорожной колеи.

Здесь наши эшелоны загнали на запасные пути. Шли дни, мы ожидали отправки. Пользуясь случаем, побывали в столице пруссаков. Город произвел на нас удручающее впечатление: здания были разрушены, многие дома зияли пустыми глазницами, торчали обгорелые остовы. Заваленные кирпичом, щебнем и обломками улицы были пустынные: ни одного немца не было видно, иногда по ним пробегали одичавшие собаки и кошки, в одном месте видели обезумевшую немку с распущенными седыми волосами, юркнувшую от нас в подворотню.

Как нам объяснили, Восточная Пруссия, по договору с союзниками, отошла к Советскому Союзу, все её жители спешно покинули свой край, перебрались в Фатерлянд. В городе были только советские военные подразделения, строительные и саперные батальоны, а также гражданское население, начинающее обживать новую территорию Союза.

На центральной площади города одна из воинских частей достраивала грандиозный памятник погибшим советским воинам в борьбе за непреступную крепость. Нас он поразил обилием гранитных плит со множеством выбитых на них фамилий и званий погибших. Было приятно, что память потомкам о Великой битве закладывали сразу же после салюта Победы!

Вскоре нам сообщили, что война с Японией к счастью заканчивается. Наши войска разгромили квантунскую японскую армию, необходимость продвижения наших эшелонов на Дальний Восток отпадает и мы будем отправлены на Родину после прохождения требуемой процедуры.

ФИЛЬТРАЦИОННЫЙ ЛАГЕРЬ № 208

Нас выгрузили из вагонов, построили в колонны и повели из Кенигсберга в небольшой городок Рыбниц, по сути – в пригород столицы прус-

саков. Он не был особенно разрушен: во многих домах окна блестели стеклами, улицы были чистыми. По ним проходили в одиночку и маршировали группами русские парни в разномастной одежде: от костюмов до военных френчей многих стран. Проходили по улицам и наши солдаты с автоматами и красными повязками на рукавах.

Повзводно и поротно, как и в сборном пункте Гревеня, нас разместили в домах одного из кварталов города. Конечно, здесь не было того комфорта и обслуживания, но жить было можно – работал водопровод и канализация, баня, пункты питания. Комнаты, в которых нас разместили, были обшарпаны, но чистые, убранные, уставленные разнообразной спальной мебелью от мягких диванов до жестких кушеток.

Первым делом нам устроили хорошую баню с душем и парилкой, чтобы, как шутили: отмыть всю немецкую нечисть, затем покормили в столовой сытным обедом. Нас предупредили, что передвигаться в черте города можно свободно, предупредив своего командира об отлучке и намечаемом местонахождении. Отлучка за пределы города запрещается и расценивается, как самоволка. Не рекомендуется пока писать письма родным. В общем, наш город походил на своеобразную воинскую часть особого режима, что и было подтверждено названием нашей части: “Проверочно-фильтрационный пункт НКВД СССР, лагерь № 208 г. Рыбниц”.

Здесь содержались и проверялись (фильтровались) репатрианты с Западной Германии, вывезенные от союзников. Судя по номеру, таких лагерей было много. Но, по воле случая или по чьему-то умыслу, сюда, где решались дальнейшие судьбы репатриантов, попал и я. К подобной проверке мы были готовы, считали ее необходимой и неизбежной, так как знали, что среди нашего брата – военнопленных скрывались предатели, немецкие прислужники, власовцы и добровольцы национальных батальонов, пожелавших тихомолком вернуться на Родину, так как немецкий рай им тоже осточертел, а тяга к родной земле была велика. В этом лагере и отсеивали таких возвращенцев, поэтому и порядок был установлен особый: охрана осуществлялась войсками НКВД.

Проходили дни, мы уже адаптировались к новым условиям: маршировали по улицам, занимались уборкой территории, посещали политиздания, лекции о международном положении, резались в карты, играли в разноо-

бразные игры, читали книги и газеты. С последними было плохо: библиотеки в части не было, осуществлялся частный обмен книгами, газеты давали старые, уже зачитанные до дыр. Я достал свой подарок и начал разбирать творение Вильгельма Краузе. Без словаря его книгу осваивал медленно, но я не спешил. Свободного времени было много для освоения содержания книги. Она называлась: “Социалистические партии и рабочее движение в Германии”, где автор давал яркую антимарксистскую характеристику этих партий. Мне теперь стал понятен его интерес к нашей беседе в доме Ганни Ганс, когда он хотел проверить правильность своих суждений.

Но как бы мы не разнообразили свою жизнь, ожидание было тягостным. Недаром говорят, что хуже всего ждать и догонять! Ранее приехавшие проходили “чистилище” у следователей, коих здесь было много, возвращались радостные, показывали удостоверения, что такой-то, по прибытии из Западной Германии, от союзников, с такого-то по такой день, содержался в лагере № 208, проверочно-фильтрационном пункте НКВД СССР, и следует к избранному пункту местожительства. Таких счастливцев группировали в партии, выдавали на дорогу продукты, деньги, литер (документ) на проезд, отправляли в Союз. Другие приходили понуры. Их тоже группировали в особые команды и уже под охраной отправляли в Россию, как говорили, отбывать срок наказания в советских лагерях за совершенные ими мелкие проступки против Советской власти. Была и третья категория людей: выявленные изменники и предатели, над которыми требовалось дополнительное следствие. Их уже в Союз отправляли, как арестантов.

Мы еще не знали с какими требованиями следователи подходили к своим подследственным. Говорили, что к простым солдатам они относились снисходительно, а командный состав, начиная с отделенного, допрашивали дотошно, с учетом его поведения при пленении и действий его подчиненных, требовали достоверных доказательств.

Наконец, подошла и наша очередь. Меня и моих товарищей принимал пожилой следователь в звании старшего лейтенанта в небольшой комнатке с письменным столом и с табуретом перед ним. Жестом руки он показал на табурет, приглашая меня сесть. Затем, не спеша открыл ящик стола и вытащил папку. Как я понял – мое “Дело”, составленное еще в Сборном пункте.

Движения его были медленные, ленивые, лицо, как мне показалось, желтоватое, помятое и опухшее, как после пьянки, или чрезмерной усталости. Он так же, не спеша, открыл папку и глухим голосом попросил рассказать все с самого начала службы до освобождения. Я ему повторил все, что писал раньше в Сборном пункте, с указанием дат и фамилий свидетелей. Следователь, опустив голову, как бы дремал, но стоило мне остановиться, как он, не поднимая головы, ворчал: "Продолжайте, продолжайте!". По окончании следователь, не задав ни одного вопроса, дал мне несколько листов бумаги, указав на дверь в другую комнату приказал: "Там напишите обо всем подробно, особенно, когда командовали ротой".

Мне снова помог мой блокнотик, подаренный мне одной хохлушкой на одной из станций, через которую нас везли на фронт. Написанное я передал следователю. Вид его уже был веселый, движения – быстрые. Видимо, он немного подлечился. Снова усадил меня на табурет, попросил рассказать о моих товарищах, с которыми я приехал от союзников.

Так прошло некоторое время. Мои товарищи получили заветные удостоверения, а я и Алеша Присяжнюк еще ожидали результатов. Со мной было ясно – я какой ни на есть, а командир, командовал в бою ротой, подал команду к отходу без приказа свыше. Нужны были доказательства моего пленения, которых, к несчастью, подтвердить никто не мог. А вот почему задерживают Алешу, – я понять не мог. Как потом выяснилось, он не получил удостоверения потому, что обязан был еще дослужить в армии. Таких, как он оставляли в лагере до появления "заказчика". Мои товарищи уехали домой, а мы с Алешей еще ожидали своей участи. Наконец меня вызвали в ту же комнату, но сидел там уже молодежавший капитан, один из тех, которые почему-то так часто попадались на моем пути. Были они разные. Каким будет этот?

А он не стал меня спрашивать о плене, а вежливо попросил подробно рассказать о моем освобождении, проживании до Сборного пункта. Я рассказал ему и об этом, ссылаясь на моих товарищей по штрафному лагерю. Он внимательно слушал, а затем, как бы между прочим, спросил: "А почему вы о "Раззяве" ничего не сказали? Об истории с мальчиком?"

Его вопрос меня удивил: как он мог узнать об этом эпизоде? Но, увидев в его руках вырезки газет, понял его осведомленность. Пришлось рас-

сказывать и эту историю, заявив в конце, что не придавал этому особого значения, тем более – политического.

– Смотря, с какой точки зрения освещать этот эпизод: с вашей – нет, а с моей – ваш поступок и статья слишком политичны, – уже резким тоном оборвал меня капитан.

Я понял, что разговор принимает для меня неприятный оборот, готовится какой-то сюрприз. И не ошибся. Капитан, как бы мимоходом, спросил:

– Вы хорошо понимаете немецкий язык?

– Могу читать со словарем. Разговариваю с пятого на десятое.

– Как проводите вы сейчас свободное время? Что читаете?

– Играем в карты, шахматы. Читаю иногда газеты. Жаль, книг нет для нашего досуга.

– А это не ваша книга? – вытащил капитан из ящика стола книгу, подаренную мне издателем. Еще и автограф здесь написан: “Русскому другу Ивану в память о встрече и беседах от автора. Вильгельм Краузе”.

Для меня это было неожиданностью. Как она могла попасть к следователю? Ведь об этой книге никто не знал кроме моих товарищей, видевших, как я ее читал. Из них остался только Алексей Присяжнюк. Неужели он оказался стукачем?

Капитан, видя мое замешательство, успокоил:

– Не переживайте и не грешите на своих товарищей. Это – работа нашей службы. Такая наша обязанность: все знать.

Рассказал ему об этом подарке Вильгельма Краузе, его газете и нашей беседе, а также название и содержание подаренной книги. Добавил, что с издателем Краузе встречался начальник репатриационной миссии в городе Гревен Рурской области, подполковник, пользовался услугами его газеты. Знает о спасении мною немецкого мальчишка, за что похвалил и пообещал доложить об этом начальству. Капитан уже благосклонней реагировал на мой рассказ, что-то отмечая у себя.

Меня еще некоторое время не беспокоили. Алеша клялся и божился в своей непричастности к похищению злополучной книги. “Даже не говорил никому об этой книге – уверял он меня. – Это наверно, сделали их люди. Много их стукачей ходит среди репатриантов, все замечают, подслушивают”. Алеше я верил. Был он еще молод, лицемерить не умел.

Наконец, уже в ноябре 1945 года, в середине осени, в дождливый, нудный день меня вызвали к следователю. Встретил меня тот же капитан. Был он любезен, пригласил сесть, осведомился о настроении, здоровье. Услышав положительный ответ, заявил:

– Ваше дело мы закончили. Все рассказанное вами подтвердилось. Вы вели себя и на фронте и у врага достойно советского человека. Даже эпизоды со спасением немецкого мальчика и знакомство с издателем газеты командование расценивает, как положительный фактор. Я прошу извинения за свою придиричивость. Такова наша работа – никому не верить.

– Я вас понимаю. Мы все понимаем необходимость такой проверки, так как видели много неприятностей не только от немцев, но и от своих, – заполнил я образовавшуюся паузу.

– Ну и отлично! Мы могли бы вас отпустить сейчас домой, но вы не дослужили в армии свой срок. Придется некоторое время потерпеть. Это даже для вас будет лучше: вернетесь домой солдатом Красной Армии, а не военнопленным. Сейчас к ним отношение недоброжелательное. К нам прибыли “Заказчики”. Мы готовим партию. Туда направим и вас. А теперь – всех вам благ! – подал следователь мне на прощание руку.

Такого я не ожидал. Чтобы органы НКВД, всесильный “Смерш” так любезничали со своими подследственными – уму не постижимо! С этим капитаном, наверное, что-то случилось! Как позже я узнал, это так и произошло: со второй партией в этот лагерь № 208 прибыл бывший переводчик нашей штрафной команды – москвич, оказавшийся родным братом следователя капитана. После этого известия реакция особиста ко мне стала понятной: он узнал от брата о штрафном лагере и моей особе. Не знаю, что и думать: то ли господь-случай, то ли судьба-злодейка помогли мне. Как бы там ни было, вскоре я стал советским солдатом мостостроительного батальона.

МОСТОСТРОИТЕЛЬНЫЙ БАТАЛЬОН

“Заказчики” на самом деле ожидали “новобранцев” – бывших бойцов Красной Армии, “профильтрованных” в “смерше”. Офицеры и сержанты, в потертых шинелях, кирзовых сапогах, облезлых фуражках, толпились у штаба лагера, ожидая своих подопечных, которые в разношерстной одеж-

де, с котомками и чемоданами, поодиночке и группами выползали из улиц на небольшую площадь города.

Стройные подтянутые молодые сержанты НКВД встречали пришедших, сверяли со списками, указывали места размещения десятков, соток.

В середине дня началось построение сотен. Их оказалось пять. Каждую сотню принял офицер и два сержанта “Заказчика”, проверили наличие по списку и, встав во главе сотни, повели колонну за город. Мы были рады, что наши судьбы определены, не нужно больше томиться в ожидании будущего: теперь мы солдаты Красной Армии!

В каких войсках будем служить – никто не знал. Сопровождающие нас военные только пожимали плечами. К вечеру прибыли в пригород Кёнигсберга, остановились в бывшем военном городке немецкой армии. Сейчас здесь размещался батальон инженерных войск, последнее время принимавший участие в строительстве памятника погибшим воинам. Мону-ментальное сооружение было закончено досрочно, а рядовой состав батальона, состоящий в основном из пожилых солдат, был демобилизован. Батальон не расформировали, а преобразовали в 140-й отдельный мостостроительный батальон с заданием форсированного строительства деревянного моста через реку Неман. Для этого командованию батальона разрешалось использовать контингент бывших военнопленных, прошедших первичные фильтрационные пункты.

Разношерстная масса “призывников” понравилась командованию батальона: это были молодые, сильные люди, дисциплинированные военной службой, познавшие физический труд. Подготовить из них специалистов – мостовиков не составило особых трудностей.

Первым делом, на другой же день приступили к тщательному медицинскому осмотру (мало ли чего могли привезти с Запада), выявлению гражданской и военной специальностей.

Для этого, в этом же военном городке, образовали несколько пунктов, в которых и формировались профессиональные команды по строительству важного речного сооружения: Мне присвоили военно-учетную специальность 100 плотника-мостовика. Для подтверждения моего последнего воинского звания – старшины, потребовали документы, коих у меня, естественно, не оказалось: все личные документы я уничтожил при плене-

нии. Здесь особенно этому не придавали значения, так как взводами и отделениями командовали свои опытные специалисты-саперы. Их пока было предостаточно. Все призванные, независимо от прежних званий и должностей, зачислялись рядовыми, в крайнем случае некоторых назначали командирами отделений. Я удосужился попасть под это "исключение". Звание и должность меня не интересовали. Я стремился быстрее демобилизоваться.

В числе многих младших командиров, нас, на недельных курсах, ознакомили с проектом и макетом объекта, технологией и организацией строительства.

Но до этого, как и положено призывникам, нас наголо остригли, устроили хорошую баню с санобработкой, выдали солдатское белье, гимнастерки с погонами, шаровары, ботинки с обмотками, куртки, телогрейки, шапки, а затем, к нашему удивлению, вручили винтовки. Теперь мы стали обычными, однотипными солдатами саперной части Красной Армии, различаемых только обликом и голосами. Обязаны были строго выполнять воинский распорядок, который был до предела загружен учебой, работой по подвозке и погрузке в вагоны необходимых инструментов, оборудования, материалов. К воинской дисциплине и труду мы были приучены раньше, поэтому всё выполняли чётко, безропотно, не забывая, что мы все же бывшие военнопленные.

Когда подготовительные работы для выполнения задания командования были закончены, нас погрузили в теплушки солидного железнодорожного эшелона и повезли на север, к пограничной реке Неман, разделяющую бывшую Восточную Пруссию и Литовскую СССР.

По пути проскакивали безлюдные города и поселки, пустующие поля и усадьбы немецких фермеров, на которых кое-где копошились новые советские переселенцы, обосновывая места жительства. Только железнодорожные станции были оживленными. Там круглосуточно трудились военные службы, обеспечивая бесперебойную работу транспорта.

На последней приграничной станции мы разгрузились и двинулись пешим ходом к месту назначения. Туда же потянулись и обозы с имуществом батальона. Остановились на левобережье широкой многоводной реки, в большом поместье бывшего богатого немецкого землевладельца. Усадьба была обширной со множеством добротных жилых домов, хозяй-

ственных построек, загонов для скота. Во многих постройках двери и окна были открыты, во дворах в беспорядке разбросаны сельскохозяйственная техника, инвентарь. Было похоже на вынужденное бегство напуганных людей, в спешке захвативших с собой особо ценные и необходимые вещи, а остальное, по возможности, пытались испортить или уничтожить, чтобы тем не смогли воспользоваться ненавистные завоеватели. К разгрому, видимо, приложили руки и соседи-литовцы, а также наши солдаты, действуя подобно немцам в России: ломай, круши все вражеское, не думая о последствиях. Поля тоже имели неприглядный вид: неухоженные, заросшие травой, с необрунным кое-где урожаем. Только по берегу реки широкой полосой тянулся нетронутый сосновый лес, красуясь своими маховыми стволами с кронами зеленых веток на вершинах прикрывавших десяток деревянных бараков, видимо, казарм немецкого гарнизона.

Место для нашего батальона было идеальным. Первым делом подготовили помещения под штаб, его службы, жилье для офицерского состава, убрали в определенное место сельхозтехнику и инвентарь для будущих владельцев, очистили все от хлама. Солдат разместили в деревянных бараках, используя нары и оборудование немецких солдат.

Здесь нам, наконец, сообщили номер полевой почты батальона и обеспечили возможность нормальной переписки с родными, о судьбе которых никто из нас не знал.

Логически рассуждая, я предполагал, что отец и мои братья были мобилизованы в армию, могли служить там и сейчас или погибли на фронте. Мать, оставшись одна с дочерью, по всей вероятности, вернулась в село, в свой дом. Жена Надя с дочуркой, скорее всего, перебралась к своим родным в Преображенку, где прожить тяжелое лихолетье было легче, а может быть осталась работать в городской школе или даже вышла замуж, так как после многолетней неизвестности меня уже давно могли считать погибшим на фронте или в плену, о жестокости которого наша пропаганда сообщала много. Мать еще надеялась на чудо дожидаться сына, своих кровных чад, а будет ли ждать молодая красивая жена шесть лет своего мужа, с которым она законно не зарегистрирована, даже не приняла его фамилии? Может быть и прав был Иван Трофимович, мудрый и опытный в жизни моряк, предупреждая меня, что верных жен бывает единицы, которые долго ждут

своих мужей, не зная об их судьбе. Это могут быть только безумно любящие или связанные детьми и годами прожитой жизни.

А что связывает мою жену? Только маленькая дочь, родившаяся без меня, никогда не видевшая своего отца, не испытывавшая его ласки. Любовь? Особой любви у ней не было ко мне и в период моего ухода и трехмесячной совместной жизни. Так я рассуждал в моменты тягостных раздумий.

Да и сам я стал другим. Война и плен, жизнь на грани смерти, изменили мой характер, притупили человеческие чувства: ни жалости, ни сострадания не было в душе моей. Она была пуста. Не пылала в ней прежняя любовь и страсть к моей единственной возлюбленной Надюше, ради которой когда-то мог отдать жизнь. Только где-то в глубине души еще теплилась искорка чувств мужа и отца своего ребенка. Теплые чувства проявлялись иногда только к своим товарищам по совместному выживанию. Как говорил все тот же Иван Трофимович, такие изменения происходят со всеми живыми существами при катаклизмах и стрессовых ситуациях. Таков закон Природы. «Даже мухи перед смертью злее кусают, – шутил он. – Люди же в таких обстоятельствах теряют свои гуманные качества, прежнюю привязанность, но после этого – живут долго, постепенно восстанавливая при благоприятных условиях жизни утраченное раньше. Всему виновата эта проклятая война, лишившая многих жизни, а еще большим – поломала судьбы». Прав был мудрый морячок. Предполагая о замужестве жены, я ее не обвинял, но хотел сохранить дружеские отношения. Поэтому первое письмо написал матери в родное село и второе – в поселковый совет, с просьбой, сообщить, о судьбе моих родных. Стал ждать ответа.

А жизнь в батальоне продолжалась. Все подразделения готовились к основным работам по строительству моста. Закоперщики готовили и опробовали копры и дизельмолоты для забивки свай, лесообработчики – установили пилораму, готовили цех по обработке древесины, энергетики исправляли электропроводку и устанавливали электро-генератор, добытый снабженцами в ближайшем городке. Лесорубы приступили к валке леса, а плотники-мостовики учились владеть топорами: обрубали ветки и сучья, ошкуривали стволы деревьев.

Все были заняты своими делами. Не сидели без дела и средние командиры. Каждый из них отвечал за определенный вид работ, командуя соот-

ветствующим подразделением, повседневно проверял качество работ, добротность изделий. Командир взвода закоперщиков со своими подручными помощниками первым отбирал подготовленные хлысты для свай, маркировал их, придирался к малейшему изъяну, так как считал сваи – основным несущим элементом моста. Не с меньшей придиричивостью отбирали бревна для насадок и прогонов. Остальное шло на распиловку, заготовку брусьев, досок. Мы понимали, что возводим не временное сооружение, а капитальный мост, соединяющий две наши республики, поэтому старались подготовить материал самый лучший, не жалея стройных лесных красавиц.

На реке тоже кипела работа. Топографы устанавливали створ моста, закрепляли его маяками, промеряли глубины, уточняли профиль дна, предварительный свой проект. Лодки и плоты курсировали между берегами. По уточненным данным, по створу забили маячные сваи с проектными отметками на них. Специалисты чувствовали свою ответственность за это сооружение, хотя оно и не было для них неординарным. Предупреждение, что мост будет принимать специальная комиссия, пропуская через него колонну танков, а под него речной флот, заставила и их хорошенько подумать. Речное сооружение длиной 250 метров и шириной, обеспечивающей одновременный проезд транспорта в двух направлениях и пропуск танков Т-34, требовало более тщательной проработки не только конструкции, но и технологии строительных работ. Кроме того, мост был арочным для пропуска речных судов.

Заранее готовились вспомогательные сооружения: лодки, понтоны, плоты с козлами и лебедками.

Наконец, закоперщики первыми установили сваи на левом берегу реки, поставили свои “бабы” – копры и началась основная работа. День и ночь тюкали и бахали дизельмолоты, забивая в грунт заостренные сваи. Работали они в две смены. За ними и наша рота плотников-мостовиков занялась своим делом. Наш взвод устанавливал на сваи насадки, крепил ряды свай поперечными и диагональными стяжками, а другие взводы укладывали прогоны, настилали поперечный настил, а сверху еще один – продольный, из брусьев. Тут уже потребовалась продукция кузнечно-слесарного подразделения: хомуты, скобы, штыри, болты и гайки.

Время шло, наш мост врезался все дальше в реку. Усложнялся процесс установки и забивки свай. Требовались дополнительные устройства для работы на большой глубине.

Наступили холода. По реке поплыло сало, затем шуга. Все это скапливалось у наших плавсредств, мешало работать. Но оно же помогло быстрее сковать воду льдом. Работа пошла веселей. Только при строительстве моста мы ощутили достоинство курток и телогреек перед шинелью, а обмоток и ботинок перед сапогами: в них было теплее и удобней работать.

Трудились весь световой день, отдыхая только во время сна, в воскресенье, отводимое для личных нужд, да в дни караульной службы. Недавно закончилась война. В Литве еще бродили шайки “лесных братьев” – остатки разгромленных фашистских формирований литовцев, да и в самой Пруссии еще могли остаться враги Советской власти. Поэтому круглосуточно охранялась территория батальона, особо важные его объекты. Караульную службу поочередно осуществляли взводы. Нашему взводу приходилось раз в неделю быть в карауле, где удавалось немного отдохнуть от физического напряжения. Так бежало время моей службы.

Прошел месяц, как я написал письма родным. Многие мои товарищи получили ответы радостные и печальные, а я все ожидал, когда почтальон вручит мне весточку. А он словно забыл меня.

Решил написать еще два письма: одно родным по городскому адресу, другое – тестю, надиному отцу. Скорее оно больше походило на короткую записку: жив, здоров. Подробности – позже. Срочно сообщите адрес Нади, при любых обстоятельствах. Стал ждать ответа. На душе было мутно. Разные мысли роились в голове. Командир моего взвода, пожилой лейтенант – инженер, заметил мой удрученный вид, нервозность в работе, поинтересовался причиной такого состояния. Я рассказал свою историю с письмами. Он посочувствовал, обнадежил благополучным исходом переписки, стал ко мне относиться более благожелательно, а когда узнал, что мой отец до войны был техником-строителем, стал даже приглашать меня к себе на квартиру на чашку чая. Его тоже в Рязанской области ждала жена и дети. Сын уже демобилизовался, а он все еще продолжает тянуть солдатскую лямку.

В один из дней дежурства нашего взвода, когда я после развода караулов, согретый теплом помещения, дремал на нарах, в караулку ввалился

наш лейтенант с возгласом: – “Разводящий, подъем!” – помахивая увесистым треугольником. Я очумело вскочил, не сразу поняв в чем дело, но после короткого и всем ясного возгласа: “Пляши!” – кинулся к письму, выдвывая кренделя ногами. Треугольник был толстым. Первым делом посмотрел на адрес, написанный каллиграфическим почерком. Так писал только отец. Екнуло сердце: жив, батя! Но письмо было от среднего брата Сашки, а внутри – от мамы и сестренки Маши. Лейтенант, наблюдая за моим лицом, и видя удовлетворенное выражение, не стал мешать своим присутствием.

В письмах изливали радость моего воскрешения, надеждой скорой встречи, писали о себе, что живут они в городе. Саша по инвалидности демобилизовался, работает бухгалтером, недавно женился, а сейчас все ютятся в небольшой квартире большой семьей: он с женой Ниной, мама, сестра Маша. Надя с дочерью Аней и ее братом Леонидом живут отдельно. Брат Василий, воевал в Манжурии с японцами и сейчас в звании лейтенанта там командует взводом. А папа, как ушел на фронт в 1942 году, так до сих пор ни слуху, ни духу. Ответили из части, что пропал без вести.

Письмо меня обрадовало. Жаль было отца. Где он, бедняга, мучается сейчас? Может быть, подобно мне, прошел лагерь смерти и погиб там, а может и убит в бою.

Главное – Надя и дочурка живы – здоровы, живут сами, без постороннего. Значит – еще не вышла замуж. Прочитал несколько раз письма в надежде найти хоть какой-нибудь намек о ней, но кроме “живут отдельно” – ничегостораживающего не возникло. Кроме мысли: почему же нет письма от нее и ее родных? Но вскоре все разъяснилось. Через день получил и от Нади письмо, в котором она сообщала о радостном известии от меня, потрясшее ее и моих родных неожиданностью.

Оказывается, мой тесть – Иван Терентьевич – жив и здоров. Даже в суровое время остался верен своему стремлению – дать образование своим детям, сделать их свободными людьми. Учил их в сельской школе, а затем и в городе. В последний год войны направил своего сына Леню в Буденновск закончить среднюю школу, а затем, устроить и в институт. Благо, в городе жила его дочь Надя, которая и приютила у себя брата. Отцу было легче помогать дочери и содержать сына в период ученья. Леня на выходные дни уезжал домой “подхарчиться” и привозил оттуда продукты на неделю.

И вот, как пишет Надя, в один из понедельников, рано утром, когда она еще спала, вваливается брат и с порога хаты кричит:

- Что ты дрыхнешь, соня?! Быстро вставай!
- Отстань! Дай еще немного поспать! – отмахивается от брата сестра.
- Тут такие события произошли, а ты спишь! – не унимался Ленья.
- Какие события? Что случилось?
- От Вани письмо получили. Живой он! – и показывает тонкий солдатский треугольник.

Я подумала, что брат разыгрывает меня, спокойно поднялась взяла письмо, посмотрела на адрес, почерк как будто твой, подумала, что это старое письмо, начала войны, только что нашедшее своего адресата. Хотела уже отдать его брату, но обратила на почтовый штамп: декабрь 1945 г. Тогда меня будто током ударило: развернула, прочла коротенькие фразы: “Я, жив, здоров! Подробности – позже. Ваш Иван”. Тогда до меня дошло, что письмо написано совсем недавно. С криком “Ваня жив!” я в ночной рубашке, впопыхах сунув ноги в валенки и накинув на себя пальто и платок, как сумасшедшая с письмом в руке кинулась на улицу и побежала к его родным, не обращая внимания ни на ранних людей, идущих на рынок, ни на распахнутое пальто, ни на холод. Те, видя бегущую женщину, наверное думали, что где-то случилось еще одно горе. Они не знали, что я бежала к свекрови сообщить, что ее любимый сын, а мой муж – ЖИВ!

С криком: “Ваня жив!” – я подняла всех с постелей. Потрясая письмом, все кричала: “Он живой! Живой!”. Свекровь, я, Сашка и Маша, обнявшись, кружились по комнате с криком: “Он живой! Живой!”.

Своим криком разбудили соседей, которые, узнав о приятной вести, не обижались на нас.

Так весь день прошел в радостном возбуждении. Мои родные тоже безумно рады, что их зять остался жив. У них все благополучно. Погиб только мой брат Коля в конце войны, в Германии. Он 1926 года рождения, совсем был еще мальчишкой.

Письмо было теплое, трогательное, как-то защемило сердце, навернулись слезы от счастья.

Командир взвода сообщил еще один приятный сюрприз: Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25.09.45 г. все учителя подлежат до-

срочной демобилизации из рядов Красной Армии. Так, что у меня есть шанс скоро быть дома.

В последние дни на меня обрушилось так много положительных эмоций, что вызвало даже какую-то тревогу. Как известно, в жизни всегда после чрезмерной радости наступает полоса несчастий. Это видимо, и предвещало мое подсознательное чувство.

Но я все же написал жене письмо с просьбой выслать мне копию аттестата об окончании педучилища и справку с последнего места работы в школе. Стал ждать этих документов.

Радостное известие получил из дома и Алеша Присяжнюк – единственный оставшийся человек из нашей штрафной команды 1650. Он работал в моем отделении. Алеша, как ребенок радовался полученному письму, повторяя каждому, что его родители живы и ждут его домой. Ему было всего 23 года, но он, не испытав еще пламенной любви, женской ласки, мечтал возвратиться домой, полюбить девушку, народить кучу детей и спокойно жить в кругу родных своих. Спокойно жить среди родных думали многие, но жизнь не всегда учитывала эти желания.

Время шло. Мост продвигался к противоположному берегу. Работали мы споро и качественно. Во всяком случае, моему отделению проверяющие редко делали замечания, принимали работу с хорошими оценками. Особенно отмечали мастерство Алеши Присяжнюка. Руки у него были поистине золотые. Конечно, на работе сильно уставали, но нормальное удовлетворение сделанного сглаживало усталость.

Кормили нас по тем временам сносно. Даже выдавали 100 грамм “наркомовских”, но молодые организмы и тяжелый труд требовали больше калорий. Особенно ретивые солдаты, в выходные дни потихоньку пробрались на литовскую сторону, где доставали продукты питания. Начальство батальона такие “походы” запрещало, но относилось к этому снисходительно, пока в один из зимних воскресных дней не случилась трагическая гибель пятерых солдат батальона. Четверо “новобранцев” под командой одного старослужащего тайком пробрались к литовцам, достали продукты и вечером возвращались назад. К вечерней проверке они опаздывали, спешили и скопом ринулись по льду реки. На форватере лед не выдержал груза бегущих и все они оказались в ледяной воде. На крики о помощи кинулись

с досками дежурные караула, но было поздно, стремнина утащила людей под лед. Искать тела в замерзшей реке было бессмысленно. В числе погибших был и солдат моего отделения Алеша Присяжнюк. Для меня это был тяжелый удар не только как командиру, но и как человеку, потерявшему близкого человека.

Командиров погибших солдат, естественно наказали, а уход из части без разрешения строго запретили. “Стрелочникам” – командирам отделений, в том числе и мне, как и положено на Руси, досталось больше всех. Для меня это было полбеда. Тяжело было писать о гибели Алеши его родителям, которые знают, что он вернулся из плена и ждут его домой. Мое письмо убьет стариков. Написал все, что знал о парне хорошего, его любви к родителям, о желании встречи с ними.

Это была первая “беда”, которая, как обычно не приходит одна. Вторая случилась в день годовщины Красной Армии – 23 февраля. Наш взвод нес дежурство по батальону. Кроме постовой службы мы еще и патрулировали по территории батальона. В праздничный день все может случиться по пьянке. И действительно, вечером в одном из барачных разгорелась драка. Подвыпившие младшие командиры – старослужащие, стали оскорблять “новобранцев” – бывших военнопленных в том, что они паразиты, отсиживались у фашистов, в то время, как другие героически сражались на фронте. Те не выдержали оскорблений. Завязалась драка. “Новобранцы” понимали пагубность для них этой драки, поэтому только защищались, а сержанты, чувствуя свою безнаказанность, молотили их по-настоящему. Ребят избивали сильно. Особенно свирепствовал старший сержант кузнечно-слесарной роты. Начальник караула посадил его на гауптвахту “охладиться”. Тот, пока его вели, вырывался, вел себя буйно, ругал “изменников” родины, бряцал своими медалями. В помещении гауптвахты повалился на нары и затих. Думали, что проспится – образумится. Но парень оказался не из таких.

Как обычно, наш лейтенант при дежурстве уходит к себе в комнату, благо, жил он близко от караульного помещения. Я оставался за него и разводящего. Все шло нормально. Перед рассветом развел смены караулов, прилег отдохнуть, как влетает постовой гауптвахты с криком:

– “Товарищ командир, на выход!”

Выскакиваю и вижу, как в зарешетчатом окне гауптвахты, изнутри человек раскачивает бревном прутья. На мой окрик, арестованный потребовал, чтобы его выпустили из холодного сарая, что он замерз и может простудиться. На мои увещания, что он арестован за избиение солдат и днем его будут судить, арестованный разразился бранью в адрес начальника караула и его “прихвостней”. Вести дальнейшие разговоры с таким человеком не имело смысла. Я приказал часовому следить за арестованным и действовать согласно Уставу караульной службы.

– Даже применять оружие? – уточнил часовой.

– ВЫ ЖЕ ИЗУЧАЛИ Устав! – подтвердил я свой приказ, возвращаясь в караульное помещение немного отдохнуть. Но арестованный не давал такой возможности: раскачивал бревном решетку, выгасил прутья и пытался выбраться через окно. На окрики часового арестованный не реагировал, уверенный, что тот побоится стрелять в командира Красной Армии.

Часовой был дисциплинированным солдатом, знал свои обязанности, но, понимая необычность ситуации, снова вызвал меня. Я понимал его состояние, потому, что был тоже из бывших пленных. Проще было бы вызвать начальника караула. Чувство достоинства и обиды остановило меня от этого. Чем мы, бывшие пленные, хуже солдат-победителей? Тем, что воевали в первые тяжелые годы войны, честно боролись за Родину, убили не одного фашиста, отступали, не по своей вине попали в плен? Истинный фронтовик не упрекнет нас в трусости. Только такие, как этот старший сержант, брякая своими медалями, полученные за боевые подвиги своих частей, не ходивший ни разу в атаку, не убивший ни одного немца, сейчас кичится своим героизмом. Так поступают только трусы.

У меня мелькнула шальная мысль проверить его “героизм”. С возгласом: – “Арестованный, освободите окно или стреляю!” – направил в его сторону винтовку. Старший сержант замер в недоумении, но, видимо, посчитав, что его пугают, продолжал свои действия. Тогда я сделал предупредительный выстрел, а затем еще один в сторону стены. Пуля впилась в кирпич, крошки которого брызнули в лицо беглеца. Тот резко дернулся назад, падает на пол, жалобно повизгивая то ли от боли, то ли от страха.

Выстрелы потревожили начальство. Первым прибежал наш лейтенант. Узнав в чем дело, пожурил меня: – Напрасно стрелял. Теперь объясняй начальству твой поступок. Могут быть большие неприятности.

– Слишком обидно было его хамское отношение к нам, – оправдывался я.

– Лучше было бы арестованного связать и для успокоения своего самолюбия избить его. Эта порода людей боится только силу. Ну ладно. Сделанное уже не исправишь. Ты хоть его не ранил?

– Как будто нет.

– Открывай, посмотрим.

Старший сержант лежал на кушетке, укрывшись курткой, не повернув даже головы при нашем входе.

– Арестованный, встать! – приказал начальник караула.

Старший сержант нехотя поднялся, стал по команде “смирно”. Я облегченно вздохнул: ран на лице не было. Успокоился и лейтенант. Нахмурился, сурового отчитал арестанта:

– Успокоился, вояка? Позор! Грязная одежда, опухшая рожа, воняет дерьмом! Приведи себя в порядок. Скоро будешь оправдываться перед командиром батальона, – повернулся к выходу.

– Ну, гад, я тебе этого не прощу – зло прошипел старший сержант, сверкнул глазами в мою сторону.

– Опасайся его угрозы, – предупредил меня лейтенант при выходе из гауптвахты. – Он постарается сделать тебе пакость. Постарайся быстрее демобилизоваться.

В караульном помещении уже был начальник штаба батальона, интересовался причиной стрельбы.

Лейтенант доложил ему, что старший сержант кузнечно-слесарной роты вчера за пьянку и драку был посажен на гауптвахту. Ночью, разломав решетку на окне, пытался бежать. Действуя по Уставу, мой помощник, командир отделения Яковлев, предупредительными выстрелами успокоил нарушителя порядка.

Успокоенный начальник ушел досыпать. Днем старшего сержанта увели в штаб. Говорят, за этот дебош и другие подобные погрешности, старшего сержанта командир батальона понизил в звании. А я, к счастью,

вечером получил от жены долгожданное письмо с документами. Показал их командиру роты, который, узнав от командира взвода об угрозе мне, на другой же день с ними был в штабе батальона, а после обеда я уже оформлял там проездные документы: литер, 2000 рублей отпускных, сухой паек.

По окончании бумажной процедуры, начальник штаба пригласил меня в кабинет командира батальона, показать ему первого демобилизованного из бывших пленных – “Западников”.

Майор был один. Ответив на мое приветствие строгим взглядом, оглядел меня с головы до ног. Хотя я до этого и старался привести себя в надлежащий порядок, но по выражению лица командира было заметно его недовольство. “Сейчас начнется разнос”, – мелькнула тревожная мысль, но, к моему удивлению, майор перевел взгляд на начальника штаба.

– Как думаете, товарищ капитан, что подумают дети увидев в таком одеянии своего учителя?

Тот с удивлением смотрел на своего начальника, не понимая значения вопроса.

– Они подумают, что их учитель прибыл не из воинской части, а с лагеря лесоповала, где много времени имел дело с лесными бревнами, от которых вся его одежда покрылась несмываемой смолой сосновых деревьев. Стыдно, товарищ начштаба, демобилизовывать бойца Красной Армии, прошедшего путь солдата от начала до конца войны, да к тому же – учителя, в таком виде. Прикажите снабженцам обмундировать его, как положено. Ботинки заменить кирзовыми сапогами.

– Будет исполнено, товарищ майор! – довольным тоном ответил начальник штаба.

– Куда направляешься товарищ младший сержант? – обратился майор ко мне.

– В Ставрополь, товарищ майор!

– А конкретнее?

– В город Буденновск, товарищ майор!

– Бывший Святой Крест, где белогвардейцы повесили славного кубанского казака-партизана Ваню Кочубея?

– Так точно, товарищ майор! Аркадий Первенцев подробно написал об этом герое гражданской войны. Там, наверное, до сих пор сохранился

телеграфный столб, где его повесили, и здание, где его содержали бело-гвардейцы, а я – учился на учителя.

– Вот как! – удивился командир батальона. Столб остался, а памятник не соизволили поставить! Жаль! Забываем мы героев гражданской войны. Правда, сейчас таких героев миллионы. Всем памятники не поставишь. Для них лучшим памятником будет вечная народная память, как Ване Кочубею.

– Где учительствовал? – после короткой паузы спросил меня майор.

– До призыва в армию, в 40-м году, учил казачат в Ново-Александровском районе, товарищ майор.

– Что ты заладил: “товарищ майор, товарищ майор”. Считаю себя уже гражданским человеком. Садись – указал он на стул – нечего маячить столбом.

– Разрешите идти, товарищ майор, – напомнил о себе начальник штаба, видя затягивающуюся беседу.

– Не спеши, капитан. Сейчас закончим разговор – и обернувшись ко мне, продолжал. – А я, товарищ учитель, тоже кубанский казак, станицы Расшеватской, можно сказать земляк твой. Жаль, что раньше не знал этого. На досуге могли бы побеседовать, вспомнить привольные наши места. Соскучился по родной Кубани, по семье, родным. Завидую тебе, младший сержант. Но скоро, наверное и нас демобилизуют. Вот сдадим мост и поедем по домам. Может быть еще и встретимся. А сейчас, солдат, счастливого тебе пути! Учи наших детей уму-разуму, любви к своей Родине, ты теперь, наверное, понял, как она дорога человеку. Будь здоров, учитель! – встал подал мне руку на прощание, которую я с удовольствием крепко пожал. Это был один из немногих людей, благосклонного отнесшийся к моей судьбе.

– Капитан, – на выходе приказал майор, – завтра отвезите его на станцию, посадите в поезд южного направления, чтобы не мотаться ему при пересадках.

– Будет исполнено, товарищ комбат!

Вечером я тепло простился со своими плотниками – мостовиками, командиром взвода и ротным. Все открыто завидовали и радовались, что я еду домой, к своим родным.

ЭПИЛОГ

На другой день я уже сидел в спальном вагоне скорого поезда “Калининград-Киев”, идущего через Литву, Белоруссию до столицы Украины. Комендатура станции выполнила просьбу командира нашего батальона, который, видимо, пользовался у них уважением, посадила меня в нужный поезд.

Восточная Пруссия уже дефакто считалась территорией Советского Союза и именовалась Калининградской областью РСФСР, а Кёнигсберг – городом Калининградом, который и связывался прямым железнодорожным сообщением со столицами союзных республик. Такой поезд недавно сформировали до Киева. В этот раз на нем ехали из Германии демобилизованные офицеры и командировочные чиновники ведомств. К ним втиснули и меня.

Поезд шел ходко, останавливаясь только на крупных станциях. В Литве почти не были видны следы военных разрушений. Зато, в Белоруссии города стояли в руинах, в деревнях больше торчало печных труб, а возле них ютились пристанища людей. Железнодорожные станции забиты разномастным людом, который куда-то спешил. С криком и гамом толпы “мешочников” и инвалидов-солдат атаковали проходящие поезда, пытаясь устроиться в тамбурах, буферах, на крышах вагонов и уехать в поисках средств существования. Сновали и торговки, предлагая за баснословные цены продукты питания. Послевоенный, 46-й год, был тяжелым, голодным. Война до конца высосала жизненные соки в деревнях. Очередная засуха усилила горе сельчанам. Только карточная система, в какой-то мере, поддерживала жизнь в наиболее важных отраслях народного хозяйства. Но уныния и обреченности не было заметно. Люди были рады концу изнурительной войны, надеялись на скорое улучшение жизни, наступающую весну, новый урожай. Хорошо, что мне выдали сухой паек, не надо было куда-то бежать, отоваривать продовольственные аттестаты или пользоваться услугами торговков, как некоторым моим соседям по вагону.

На Украине война также оставила заметные следы. Сильно была разрушена и ее столица. В Киеве мои попутчики-офицеры, ехавшие домой на Северный Кавказ, помогли устроиться на скорый поезд “Киев-Баку”. Под

стук колес: “до-мой, до-мой!”, с каждым днем приближал меня к родным местам. Миновали Ростов, Кавказскую, прибыли в Минеральные Воды. Еще один прогон и мне предстоит последняя пересадка на Буденновский поезд.

В Георгиевске распрощался со своими попутчиками, которым предстояло еще ехать в Осетию, Чечню, Дагестан. Вокзал здесь был таким же, каким видел я его до войны, только обшарпан, захламлен, более многолюден военными и “мешочниками”, которые так же куда-то спешили уехать.

Мой поезд отправился ночью. Маленький паровозик “Кукушка” подтащил к перрону несколько вагонов, который сходу атаковали пассажиры с мешками и сумками, Мне, с моим отошавшим рюкзаком, легче было протиснуться в вагон и занять место у окна, чтобы поглядеть на родные степные просторы. “Кукушка”, чихая и фыркая, как худая кляча, медленно тащила свой груз по однокорейке. Ночная темнота не позволяла обозреть окрестности, только станции, тусклоосвещенные фонарями, кое-как проглядывались. Проползли станции Кума, Маслов Кут, Плаксейка, откуда я после свадьбы уехал со своей Надей на работу, на Кубань. В нескольких километрах отсюда живут её родители.

Поезд останавливался на каждой станции. Замедлил он ход и на остановке “Минутка”, у большого дома железнодорожного обходчика, где вскакивали в вагон и соскакивали случайные пассажиры и откуда я летом 40-го года, отправился пешком в Преображенку свататься. Как это было давно! И будто вчера я соскакивал здесь на полотно дороги, устремляясь в поисках своего счастья!

Паровозик, сипло гукнув, двинулся дальше. Скоро потянулись кварталы домов окраины города. “Кукушка”, фыркнув облаком пара, остановилась у перрона вокзала. Звякнули буфера вагонов, предупредив пассажиров: “Приехали, выходи!”.

Вокзал был таким же, как и 6 лет назад, только облезлым, почерневшим, будто перенесшим тяжелую болезнь. Пассажиры, привыкшие к его виду, двинулись своим ходом к местам назначения. Только я осматривал все вокруг, вспоминая прошлое.

Ни автобусов, ни подвод на привокзальной площади не было, хотя уже было раннее утро. Да они мне и не были нужны. Я уже был дома. Пол Европы прошагал, до родного дома – сам доберусь. Вот куда сначала идти?

В дом матери или к жене? Не хотелось обижать обеих. Мать поймет меня, а жена может затаить обиду. С ней мне жить, детей растить. Направился по адресу жены, благо, что жила она ближе матери.

Закинув вещмешок на спину, в шинели, кирзовых сапогах, двинулся я по главной улице города, где все мне было знакомо. Вот здание педучилища, окна нашего класса, где когда-то мы учились с Надей Постольник, дружили, любились. Где она сейчас? Что делает? Наверное, еще спит, не ожидая моего прихода. Перед отъездом письмом сообщил о выезде, в расчете на задержку в пути, но я обогнал его. Явлюсь неожиданно-негаданно. Прошел главную площадь города, на улице Революционной свернул влево, остановился у армянской халупы с номером, указанным в адресе. Зашел во двор. Тишина... Только шарканье моих сапог нарушали утренний покой маленького дворика. Под длинным открытым крыльцом посредине домика виднелась входная дверь, а по обе стороны – по два небольших, темных окна. Через проем невысокого деревянного заборчика крыльца подошел к двери, в раздумье: куда стучать. Какая-то сила толкнула к крайнему левому окну. На мой стук, в комнате, к окну подошла фигура в белом. На вопрос: “Здесь живет Надя Постольник?” – фигура метнулась на выход. Подошёл к двери и я. Дверь распахнулась, на пороге стояла полуодетая Надя, с удивлением и страхом смотрела на меня, а затем с криком: “Ваня!” – кинулась ко мне, обхватила шею руками, сбив шапку с головы. Бросив рюкзак я тоже обнял жену, прижал к груди. Так стояли, обнявшись, некоторое время, пока до меня не дошло, что ей холодно стоять раздетой на крыльце. Почти внес ее в прихожую. Здесь уже поцеловались.

Наконец-то дождалась! – оторвалась от меня жена, открывая дверь в теплую комнату, где уже стоял ее брат Леня, а на кровати сидела девочка. Обнялись и поцеловались с шурином. Надя подхватила девочку, поднесла ко мне с радостным криком: “Анечка, доченька моя, это – твой папа! родненький наш! Твой родной папа! Приехал, наконец!”. Девочка удивленно, с недоверием и боязнью смотрела на чужого дядю в шинели, без шапки, которого видит первый раз. Ей часто говорили, что ее папа на войне, показывали его фотографию в военной форме, в пилотке. Там он был молодой, красивый, а этот – большой, в шинели, без шапки, совсем не похожий на ее

отца. Поэтому она прижималась к маме, искоса поглядывая на пришедшего дядю, не желая идти к нему на руки и не реагируя на слова матери:

– “Доченька, – это твой папа! Иди к нему!”

– Не надо, Надя, пусть немного освоится. У ней ведь свое представление об отце. Сейчас я для неё чужой человек.

Надя положила дочь в постель, мотнулась по комнате наводить порядок. Я снял шинель, повесил, а Леня принес мою шапку и рюкзак. Немного успокоились, расселись, молча смотрели друг на друга, не находя слов для разговора.

– А мы, дядя Ваня, не ожидали тебя так скоро, – нарушил затянувшуюся паузу брат жены. – Не думали, что ты живой и безумно обрадовались, когда получили твое письмо. Когда Надя отправила тебе документы, рассчитывали встретить тебя к лету.

– Так получилось, Леня. Меня демобилизовали раньше срока. Ну, об этом – позже, а сейчас, моя женушка, дай мне умыться, привести себя в порядок и пойдём обрадуем мать и родных, пока они не разбежались по своим делам. А времени для разговора теперь у нас будет достаточно.

– Да, да, дорогой, как мама будет рада твоему приезду. Сколько нам пришлось пережить за это время!

Раздав немудреные подарки жене и дочери, одевшись, всей семьей двинулись к родным: я и Надя – по бокам, а наша маленькая малышка – посередине. Ей уже шел шестой год. Сейчас, узнав, что мы идем к бабушке, девочка уверилась, что я ее сын, а следовательно и ее папа. Маленькое сердечко захлестнула волна радости – вернулся с войны ее папа, которого так ждала бабушка и мама.

Держась за нас своими рученками, поглядывая то на меня, то на маму, как бы снова связывая нас воедино, с гордо поднятой головкой, показывала дорогу к бабушке, которую любила не меньше мамы, так как прожила у ней почти со дня рождения. Внучка хорошо знала к ней дорогу: жила она на улице Октябрьской, рядом с прокуратурой, в полуподвальной квартире двухэтажного дома.

Двигались мы не спеша. Прохожие с любопытством взирали на солдата, девочку и красивую маму, радуясь, что еще одна семья соединилась воедино, а девочка, вертя головку, глядела на них, гордясь, что это она ведет

папу и маму к бабушке. Ей наверное, очень хотелось бы, чтобы сейчас её видели подружки, но к ее огорчению, никто из них в столь ранний час не попадался.

Возле дверей квартиры моих родных остановились, решая, кому первому входить. Надя посмотрела на меня внимательно, усмехнулась, заметила:

– А тебе, Ваня, идет военная форма. Ты в ней стройный, подтянутый, красивый. Ты в моем представлении был сутулым, долговязым, в короткой солдатской шинели, в ботинках и обмотках. Когда я смотрела на таких солдат, то слезы навертывались от обиды, а ты, гляди, какой молодец!

– Да и ты Надюша, стала красавицей, а дочка – просто прелесть!

– Правда, Ваня? – с благодарностью и любовью сжала мою руку, подталкивая меня вперед к двери.

Я взял на руки дочь, открыл широкую, расхлябанную дверь прихожей, спустился на две ступеньки, без стука распахнул дверь в комнату. За столом завтракали мои родные. На звук распахнувшейся двери, они, не выпуская из рук ложек, повернули головы в её сторону и уставились на военного с девочкой на руках, закрывающего собой дверной проем. Губы военного шевельнулись, но из его горла вырывался только нечленораздельный звук. Первой опомнилась мама. С возгласом: “Ваня! Сыночек мой!” – вскочила из-за стола, кинулась мне на грудь, обхватила меня и дочь, повторяя: “Родненький мой! Сыночек!”

За ней вскочила сестра Маша, кинулась ко мне с другой стороны. Брат, Саша, вылез из-за стола более спокойно, подошел, обнял меня сзади. Так, обнявшись, стояли мы среди хаты, плача и причитая. К моему горлу подкатил комок, не давая возможности произнести ни слова. Слезы катились из глаз на голову матери. Видя такую картину, заплакала и дочка. Плакала в сторонке и Надя. Только молодая, красивая девушка сидела за столом и с любопытством наблюдала за происходящим.

Первым оторвался от меня брат, вытирая глаза, произнес: – Ну, что мы реведем? Радоваться надо, Ваня живой вернулся, а вы плачете!

– Так это слезы радости, сынок! – оторвалась от меня и мама. – Шесть лет ждали. И вот – радость! Дайте, хотя поглядеть на моего родненького.

Какой ты большой стал, сынок! Статный, красивый! Хоть целый, невредимый вернулся?

– Целый и невредимый, мама! – наконец обрел я дар речи, опуская на пол дочь. Снял шапку, шинель, расправил гимнастерку.

– Младший сержант, и без медалей, – как бы с сожалением заметил брат.

– Так уж получилось, братишка. Хорошо, что голова еще осталась.

– На кой ляд нам нужны его звания и побрякушки – возмутилась мать. – Ты-то тоже рядовой и без медалей. Вот только Васенька офицером-то стал.

Брат, поняв свою бестактность, показал в сторону красавицы: “Это моя жена, Нина Ивановна. Прошу любить и жаловать!”. Нина привстала, подала мне ладошку. От моего пожатия ойкнула, затрясла рукой. “Нежная куколка”, – мелькнула мысль.

Мать захлопотала, пригласила к столу. Брат достал бутылку вина. Выпили за приезд и встречу, посидели немного. Брат и жена заторопились на работу. Еще существовал военный закон дисциплины рабочего времени. Покинуть рабочее место без разрешения строго наказывалось. Я остался в кругу семьи. Мать все хлопотала, суежилась, желая как лучше приветить сына. Дочь, убедившись, что я на самом деле ее родной отец, не слезала с моих колен.

До вечера рассказывал своим родным о своей жизни во время войны. Пришла тетка Мария с детьми, а к вечеру вернулись брат и жена. Накрыли стол, выставив на него все, что было вкусного в доме, вино и водку. Долго сидели, еще раз слушали мой рассказ о моих похождениях, перемежая его тостами.

Уже поздно вечером я попросил внимания и закончил застолье просьбой:

– Дорогие мои, за годы войны мы прожили тяжелую жизнь. Война, без нашего желания, разъединила семьи, заставила поступать вопреки нашего желания. Хорошо, что она пощадила нашу судьбу. Поэтому к вам у меня одна просьба: не говорите мне ничего плохого о моей жене, Наде. Этим, вы обидите меня, и ее. Если будет нужно, мы сами поведаем друг другу о своих делах.

Меня поддержала мать:

– Правильно, говоришь сынок. И я предупреждаю, если кто из вас будет чернить Надю, тому оторву язык. Особенно это касается тебя, Мария, – обратилась она к своей сестре. – У тебя не язык, а помело: лопочет, что захочет. А ты Ваня, не волнуйся за свою жену. Прожила она с нами 5 лет. Вела себя, как и полагается замужней женщине: соблюдала себя для мужа, сберегла дочь для отца. А сделать этой, дорогой сынок, молодой, красивой женщине в условиях военного времени очень трудно! За это время я полюбила ее, как родную дочь, удивлялась её вере в твое возвращение. У меня к вам одна просьба: любите друг друга, живите счастливо, растите детей. Не знаю, где ваш отец, вернется или нет он домой, но я буду ждать его всегда. У меня только и остается – ждать мужа, радоваться счастьем детей моих, нянчить внуков.

Надя с благодарностью смотрела на мать, радуясь, что ей попалась такая добрая и разумная свекровь. Повезло и мне с тещей, которая всегда меня защищала, любила зятя.

Выслушав напутствие матушки, выпив на посошок, разошлись по домам. Прошел не один день, пока мы привыкли друг к другу. Прав был Иван Трофимович, заранее предупреждая, что семейная адаптация будет проходить медленно.

Но жизнь брала свое. Дни проходили в житейских заботах. Мои солдатские деньги таяли быстро: булка хлеба стоила 50 рублей, продовольственные карточки давали только работающим в госучреждениях.

С первых дней стал на учет в военкомате, получил паспорт, стал искать работу. В РАЙОНО мне сообщили, что сейчас конец учебного года, вакансий в городских школах нет, могут предложить работу в сельских школах.

С нового учебного года может быть, что-нибудь и появится в городских школах, но гарантии устроиться здесь на работу – малые. Ехать в село ни мне, ни Наде не хотелось. Правда, жена работала не по специальности – кастеляншей в ремесленном училище. Но там стабильно платили зарплату, давали продовольственные карточки. Быть у нее нахлебником, сидеть на шее и ждать осени, – было смерти подобно. Оставалось одно – искать

любую работу, вплоть до грузчика. Но и в этом случае, когда узнавали мою профессию, вежливо отказывали.

Так в поисках работы я пробегал до мая месяца. Стал уже отчаиваться и вдруг, случайно, бредя мимо церкви, увидел трафарет-указатель: "Райпишекомбинат". Хотел пройти мимо: что я понимаю в пищевом деле? Но ноги сами повернули на спуск к реке Куме, где на ее берегу было несколько строений и хозяйственный двор.

Нашел небольшой домик – контору, а в ней – кабинет директора. Сидел в нем высокий, худошавый, пожилой мужчина по фамилии Хилькевич, по национальности – еврей.

Мне почему-то раньше везло на хороших евреев, которым больше помогал я, чем они мне. Как поведет себя этот? На счастье, директор внимательно выслушал меня, что я учитель, мест в школах нет, в армии был старшиной роты, а перед демобилизацией – плотником-мостовиком, строил мост. Сейчас хожу в поисках работы, хотя бы временной.

– Чем я могу помочь вам, молодой человек? – посочувствовал директор. – Вакантных мест для вас у меня нет. Не ставить же вас подсобным рабочим? Это, не для вас! – немного подумал, предложил: – Нам нужен заготовитель, может попробуете?

– А какие его обязанности? – поинтересовался я.

– Что-то похоже на обязанности старшины роты: обеспечивать наше хозяйство необходимым сырьем, материалами, – пояснил директор.

– У меня другого выхода нет. Постараюсь быть полезным в этой роли, – согласился я.

Так я стал заготовителем Буденновского райпишекомбината. На другой день, получив у завхоза топор, подточив его, уселся перед кучей старых таркал и стал их вновь затесывать для нового использования. Вечером собрал в мешок обрубки, принес первую "шашашку" домой сварить обед на день грядущий.

Так я тюкал топором еще дня два. Владеть им научился в батальоне, сейчас он играл в моих руках: таркалины одна за другой перекачевывали из одной кучи в другую. Увлечшись, я даже не заметил, как за моей спиной остановился мужчина, с интересом наблюдая за моей работой.

– Хорошо владеешь топором – похвалил подошедший, вернув меня к действительности. – Где так научился им орудовать?

– В мостостроительном батальоне.

– Новенький?

– Недавно директор принял заготовителем. Вот и заготавливаю таркалы.

– Грамотный?

– Учитель. До войны работал в школе.

– Не гоже грамотному человеку орудовать топором. Хочешь перейти ко мне работать? – в упор спросил меня пришедший.

– А кем?

– Я заведующий городской пекарни Жерлицин Владимир Иванович. Мне нужен экспедитор: принимать хлеб у пекарей и по разрядке отпускать магазинам. Работа простая, но требует четкость и честность. Один недостаток – работа без выходных в две смены с перерывами между выпечками. В случае чего, я буду подменять, а ты мне – помогать в составлении отчетов. Не люблю я писанину.

Не долго думая, я дал согласие. Вопрос о переводе был решен сразу же. На другой день я был на новом месте работы. Жизнь пошла веселей. Иметь дело с хлебом, в те тяжелые времена, хотя и было опасно, но значительно лучше, чем махать топором.

Владимир Иванович войну прошел до самого Берлина, демобилизовался в звании старшины, член партии. Райкомом партии был назначен заведующим вновь созданной в городе пекарни, которая обеспечивала весь город хлебом. В те времена – это был ответственный объект. И вот туда-то, по воле случая устроился и я.

Располагалась пекарня на бойком месте, в центре города, возле рынка. Конечно, много было желающих достать или купить по дешевке булку хлеба, поэтому, кроме ведомственной охраны, за пекарней приглядывала милиция: обыскивала пекарей, покидавших смену и всех выходящих и выезжающих с ее территории. Хотя пекарям и разрешалось после смены брать с собой булку хлеба, милиция часто их обыскивала, отбирая лишнее. Так что мне приходилось быть особенно осторожным. Я понимал, что ярлык пленного висит на моей шее, хотя я и не распространялся об этом.

Труд пекарей в нашей пекарне был каторжным. Я удивлялся: “Как могли выдерживать такую адскую работу женщины? И только ради булки хлеба, чтобы сохранить детей своих от смерти”.

Когда-то здесь были конюшни кавалерийского эскадрона. Их переоборудовали под хлебопекарный цех, склады для муки, дрожжеварочный цех, приемно-раздаточное помещение, а потом построили печи.

Вдоль стен установили большие сосновые корыта, в которых руками женщин осуществлялись все процессы с тестообразной массой. Нужно было за каждый цикл переворачивать руками тонны теста, перебрасывать его на столы, формировать в формы.

Рядом гудели форсунки, накаляя подошвы печей до нужной кондиции. В цеху было жарко и душно. Для теста это было хорошо, а люди задыхались от духоты. Их халаты, надетые на полуголые тела всегда были мокрые.

Удивление вызывало мастерство и выносливость бригадиров пекарей, особенно маленького, худощавого армянина Нестер Ивановича Тер-Аванесова. Они, получив от заведующего муку, вместе с дрожжеваром, должны были через короткое время превратить ее в качественный хлеб. Надо было одновременно выполнять комплекс операций: следить за подготовкой теста, нагревом пода печей, сроком их загрузки подготовленным тестом в формах, когда можно будет металлической лопатой быстро загружать чрево огнедышащей печи, а затем, определив степень пропечки хлеба, так же быстро вытаскивать горячие формы, освобождая их от хлеба. Ни минуты отдыха, никакого промедления! Пот градом катился с их обнаженных тел, а Нестер Иванович только иногда глотал холодный хлебный квас.

Освобожденные из форм булки раскладывались на стеллажи, при остывании выявлялся весь брак, а затем бригадир сдавал хлеб экспедитору по весу и количеству булок. В таком же порядке хлеб отпускался в магазины, что до минимума исключало хищение муки и хлеба. Этой “волокиты”, по всей вероятности и боялся Владимир Иванович. Все это возлагалось на экспедитора, так как у заведующего много было других забот: доставить муку, горячее для форсунок, масло для смазывания форм и много, много других дел. Работали мы с ним дружно. Бригады пекарей были нашей опорой. На качество нашего хлеба в те времена не жаловались. Даже жены партийных и советских работников города частенько заходили на пекарню

посмотреть на работу пекарей, унести домой булочку горячего душистого хлеба. Их, естественно, милиция не обыскивала.

В конце 46-го года Владимира Ивановича перевели заместителем директора по хозяйственной части, а меня – на его место. Экспедитором приняли армянина Сагиева, демобилизованного майора, бывшего начальника штаба полка. Так бывший майор стал подчиненным бывшего младшего сержанта, да еще и бывшего военнопленного. К счастью, майор был без гонора, не придавал чинам внимания, но оказался не чист на руку: вскоре был уличен в махинациях с хлебом через один из магазинов. Пришлось распрощаться с ним. Прислали женщину, с которой я и проработал до ухода.

За время моей работы дважды проверяло КРУ (Краевое Ревизионное Управление). Отстраняли на сутки или двое меня от работы, сами проверяли цикл хлебопечения от выдачи муки, до раздачи хлеба, проверяли наши отчеты, Проверки были аналогичны нашим отчетам, подтверждая честность нашей работы.

В марте 48-го года меня вызвал Хилькевич и начал дипломатичный разговор.

– Уважаемый Иван Ксенофонович, вы уже почти два года честно и добросовестно работаете на нашем предприятии. Большая благодарность вам за это! Недавно меня пригласили в отдел КГБ и сообщили о новом постановлении правительства, согласно которому запрещается работать на руководящих постах в пищевой промышленности и некоторых других предприятиях бывшим военнопленным и лицам, находившимся во время войны на оккупированной территории. Мне приказали уволить вас с занимаемой должности. Я доказывал им вашу честность и добросовестность, но кроме согласия уволить вас по собственному желанию, ничего не добился. Поэтому напишите заявление.

Мне было обидно, но я еще помнил, как после освобождения, мудрый моряк Иван Трофимович, предупреждал меня: “Даже при самых благоприятных условиях нашего возвращения на Родину, ярлык пленного долго будет висеть на нашей шее”, поэтому свое освобождение перенес стойко.

Еще через некоторое время меня пригласили в отдел КГБ, где я снова увидел свою злополучную папку. Она, как тень, следовала за мной. Мне предложили подробно написать о моих действиях в плену, особенно в

концлагерях Германии. Блокнотик был при мне, времени свободного было много и я написал обширную повесть моих походов. В КГБ с удовольствием читали мое творение, сказав на прощание:

– Хорошо, товарищ Яковлев, можете спокойно работать, только не в пищевых предприятиях, – и даже подали руку на прощание. Такого цинизма я еще не видел. Больше по поводу плена меня никуда не вызывали. Только после 53-го года, после смерти Сталина, я почувствовал себя свободным от тяжести ярлыка.

Жизнь продолжалась. Надо было кормить семью. Снова занялся поиском работы. Какой? В школах снова кончался учебный год – мест не было. Да и желание работать в школе у меня отпало. После моих долгих поисков работы хорошие люди посоветовали мне поискать счастья на Прикумском участке ТКООС, в водной организации, где, невзирая на мое прошлое, приняли меня старшим техником по водопользованию. Отсюда, в 53-м году, я уехал учиться в Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт, успешно его закончил и снова вернулся на прежнее место работы, связав свою судьбу с водными делами Ставрополя.

Но об этом узнаете в книге “Водяные”.

Июль 1941 года. После первых боев в госпитале с товарищами.
Сержант Иван Яковлев в центре.

Фотография жены, находившаяся в нагрудном кармане в течение всей войны.
Пробита вместе с документами при ранении. Возможно, спасла ему жизнь.

ВОЙНА И МИР ИВАНА ЯКОВЛЕВА

Часть 1 МОЙ РОК В ВОЙНЕ

Автор-составитель Юлия Ляликова
Редактор-консультант Любовь Лысенко
Верстка Сергей Лапин

Формат 60x84/₁₆. Бумага офсетная.
Объем – 23,5 п.л. Тираж – 100 экз.
Заказ № 3 от 20.01.2020 г.
Подготовлено к печати и отпечатано
в типографии ИП Дорофеев В.Ю.
г. Ставрополь, пр-т К. Маркса, 38,
тел. (8652) 941-651, 8-918-789-44-57